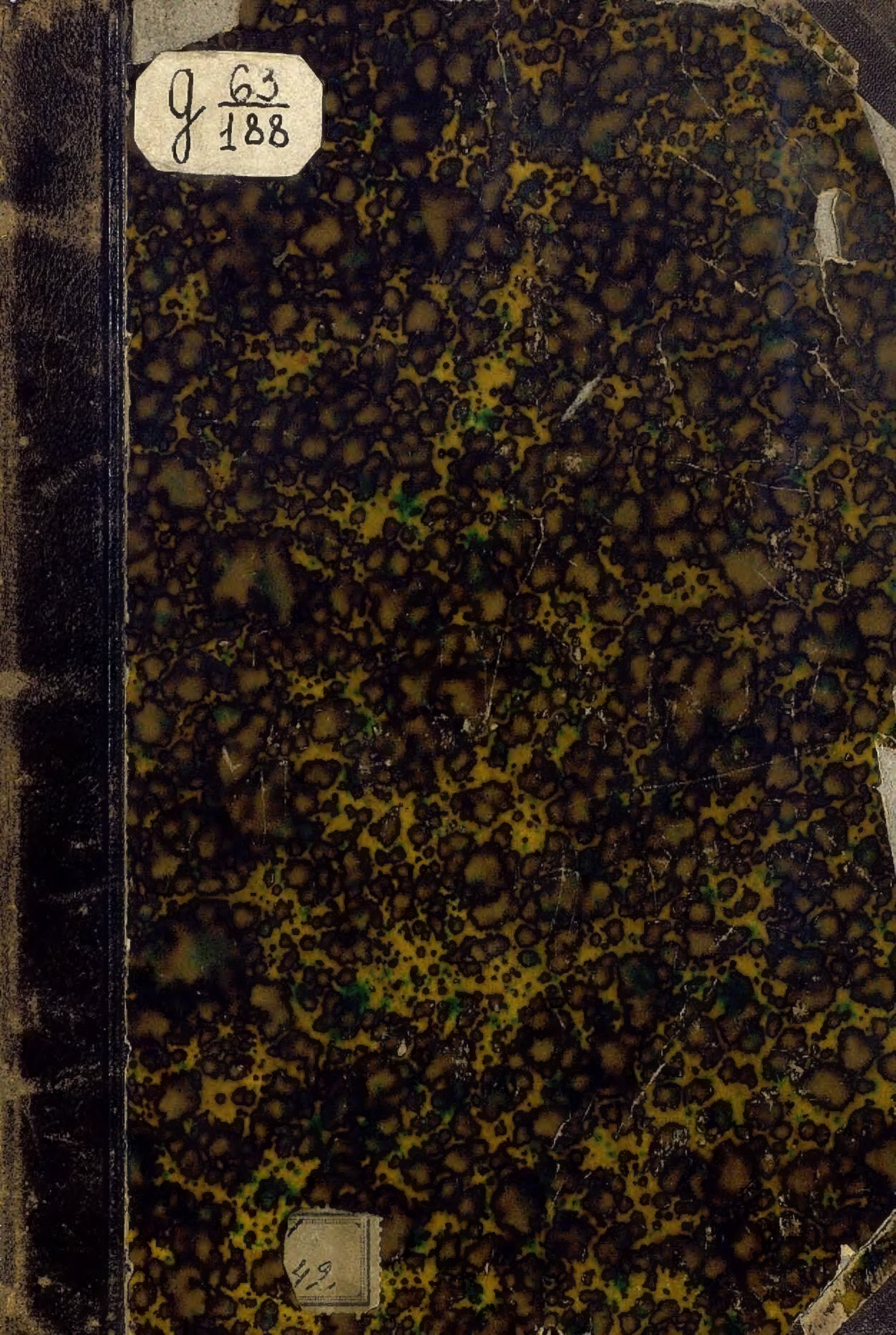

ИСТОРІЯ

РУССКАГО ЛѢСНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Николая Шелгунова.

ОДОБРЕНА СПЕЦІАЛЬНЫМЪ ПО ЛѢСНОЙ ЧАСТИ КОМИТЕТОМЪ, УЧРЕЖДЕННЫМЪ ПРИ ЛѢСНОМЪ ДЕПАРТАМЕНТѢ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.
1857.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Петръ Великій положилъ у насъ начало лѣсоводству, но наука его и его наслѣдниковъ была еще слишкомъ молода, а во многихъ случаяхъ и чужда Россіи. Только съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ созрѣло и приложилось къ дѣлу сознаніе необходимости создать русское лѣсоводство; въ этомъ смыслѣ 1838 годъ составляетъ эпоху въ нашемъ лѣсномъ хозяйствѣ и принятъ предѣломъ настоящаго труда.

Предлагаемая Исторія лѣснаго законодательства изложена хронологически, по царствованіямъ, а въ заключеніе, въ краткомъ систематическомъ обозрѣніи, сведены основныя идеи лѣсныхъ постановленій.

Такой методъ представляя удобство оцѣнки каждаго отдѣльнаго царствованія, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность, прослѣдить постепенное развитіе лѣснаго права по его вѣтвямъ.

Николай Шелгуновъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Основаніемъ каноническаго и гражданскаго права первыхъ вѣковъ Россіи служатъ греческія установленія. Константинопольскій Патріархъ Фотій прислалъ въ Россію первыхъ Святителей, при немъ же явились первые греческіе церковные уставы перешедшіе въ Россію отъ Болгаръ и составились первые списки Кормчей книги. Такъ называлось собраніе правилъ Св. Отецъ, постановленія соборовъ и разныя узаконенія по уголовному и гражданскому праву.

Только въ разныхъ спискахъ Кормчихъ сохранились и дошли до насъ памятники законовъ того времени.

По свидѣтельству русскихъ лѣтописей древній Греческій Номоканонъ или собраніе правилъ, былъ извѣстенъ у насъ уже въ X вѣкѣ, но нигдѣ не упоминается о славянскомъ его переводѣ. Это объясняется тѣмъ, что со времени крещенія Великаго Князя Владиміра до 1250 года болѣе 20 Митрополитовъ и многіе Эпископы были родомъ Греки, слѣдовательно для нихъ было удобнѣе и доступнѣе чтеніе правилъ Св. Отецъ на своемъ родномъ языкѣ.

О первыхъ славянскихъ переводахъ Номоканона ничего неизвѣстно; вѣрныя же свѣдѣнія о разныхъ переводахъ Кормчей книги начинаются съ Митрополита Кирила III, съ половины XIII вѣка. Основаніе нашей Кормчей составляютъ сочиненія и соборныя посланія помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, собранныя Патріархами Іоанномъ Схоластикомъ и Фотіемъ, греческія

государственныя постановленія съ дополненіями изданными Юстиніаномъ Великимъ и статьи приписываемыя первымъ нашимъ Князьямъ, когда въ Россіи вводилась Христіанская вѣра.

Постановленія заключающіяся въ Кормчихъ суть: извлеченія изъ книгъ Моисеевыхъ или законы данные Богомъ чрезъ Моисея Израильтянамъ о судѣ и правдѣ, земледѣльческіе законы Императора Юстиніана опредѣляющіе отношеніе между земледѣльцами примѣнительно къ гражданскому и уголовному праву, законы Императоровъ Льва и Константина или Леона Царя премудраго и Константина вѣрнаго о совѣщаніи, обрученіи и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ; законъ градской, замѣчательный потому, что на практикѣ имѣлъ у насъ юрическую силу уже въ глубокой древности; Судебникъ Царя Константина, вовсе непринадлежавшій однако Византійскому Императору Константину, а Сборникъ разныхъ византійскихъ постановленій составленный въ Греціи; главы о послусѣхъ, т. е. статьи касающіяся до свидѣтелей какъ судебнаго доказательства извлеченныя изъ разныхъ источниковъ Византійскаго права; Уставы о церковныхъ судахъ В. К. Владиміра, Ярослава и Всеволода; правило законно о церковныхъ людяхъ и о десятинахъ и о мѣрилахъ городскихъ, составленное изъ разныхъ источниковъ, преимущественно русскихъ; Русская Правда Ярослава дополненная сыновьями его Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ; Судъ Владиміра Мономаха и договоръ Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Ригой и Готландіей, относящійся къ XIII вѣку и заключающій правила относительно рѣшенія судебныхъ дѣлъ между Нѣмцами и Русскими.

Эти постановленія, различныя по источникамъ, содержанію и языку, должны были имѣть у насъ общее

практическое значеніе; самое появленіе ихъ могло вызваться только необходимостію удовлетворить религіознымъ и юрическимъ потребностямъ народа.

Немногія изъ постановленій, заключающихся въ Кормчихъ, буквальные переводы византійскихъ узаконеній, большая же часть представляютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ сравненіи съ византійскими источниками.

Изъ числа собственно русскихъ статей заключающихся въ многочисленныхъ спискахъ Кормчей книги замѣчательна такъ называемая Русская Правда. Не смотря на относительную бѣдность содержанія, потому что заключаетъ въ себѣ почти исключительно одно уголовное право, она составляетъ драгоцѣнный памятникъ отечественной письменности, служившій основаніемъ дальнѣйшему развитію нашего права.

Русская Правда приписывается Ярославу I. Отецъ Ярослава, Владиміръ I, любилъ слушать Св. Писаніе, но самъ книгъ не читалъ, Ярославъ, напротивъ, дѣлается уже представителемъ новаго поколѣнія граматныхъ Христіанъ. Онъ любитъ церковные уставы, читаетъ книги, собираетъ писцовъ, переводитъ книги съ Греческаго на Славянской языкъ. При немъ граматность начинаетъ распространяться между священниками, потому что является необходимость учить народъ окрещенный Владиміромъ. Для распространенія граматности Князь велитъ даже собрать у старостъ и священниковъ дѣтей и учить ихъ книгамъ. Эта граматность, это движеніе впередъ, при стремленіи Ярослава къ утвержденію въ государствѣ внутренняго порядка, необходимо должны были породить явленіе вытекавшее изъ новаго порядка вещей и плодомъ этого движенія было изданіе законовъ.

Ярославъ не сочинилъ Правду, онъ только издалъ то, что существовало до него—собралъ словесныя преданія и замѣтки о законахъ бывшія въ народѣ. Такой же сборникъ и вся Правда Изяслава и его братьевъ и Правда Владиміра Мономаха, служившія дополненіемъ Правды Ярослава.

Постановленія заключавшіяся въ Кормчихъ и Русская Правда имѣли у насъ практическое значеніе до утвержденія единодержавія въ Московскомъ Княженіи.

Дальнѣйшее развитіе жизни народной вызвало Судебники и Уложеніе.

Судебникъ Іоанна III есть первый письменный законъ обнародованный у насъ отъ имени верховной власти. Іоаннъ III сдѣлавшись обладателемъ Россіи, хотѣлъ единствомъ законовъ сплотить прежнія княженія и вслѣдствіе этого повелѣлъ дьяку Гусеву, включить въ одинъ уставъ существовавшія до того времени въ разныхъ областяхъ постановленія, которыя съ того времени и сдѣлались обязательными для всего Московскаго государства.

Какъ основаніемъ Судебнику Іоанна III послужили наши древнія уголовныя узаконенія, такъ онъ, въ свою очередь, былъ источникомъ уложеній или уставныхъ грамотъ,—которыя давались Великими Князьями разнымъ областямъ государства для судебной расправы,— и Судебнику Іоанна IV.

Въ царствованіе Грознаго Уложеніе Іоанна III, дополненное законами его сына Василья Іоанновича, не могло быть вполнѣ удовлетворительнымъ; большее развитіе жизни гражданской требовало и болѣе развитыхъ законовъ, а потому, 1 іюня 1550 года, Іоаннъ съ своими братьями и боярами «уложилъ судебникъ

«какъ судить бояромъ и окольничимъ, и дворецкимъ, и «казначеемъ, и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ, «и по городамъ Намѣстникомъ и по волостямъ Воло-«стелямъ и всякимъ судьямъ».

Издавая Судебникъ Іоаннъ IV думалъ, дополнить уложеніе своего дѣда согласно съ новыми опытами и требованіями государства и развитіемъ народной жизни и искоренить зло вкравшееся въ судебное управленіе. По этому, Судебникъ 1550 года есть результатъ предъидущаго развитія нашей юридической жизни и вѣрное выраженіе жизни народной того времени. Онъ есть вызванное временемъ продолженіе Русской Правды.

Но скоро и Судебникъ сдѣлался недостаточнымъ; большее разнообразіе гражданскихъ отношеній народа показало недостаточность прежняго права, встрѣтились дѣла столь сложныя и новыя по своему происхожденію, что состояніе права должно было подвергнуться важнымъ перемѣнамъ. Многочисленные обычаи присутственныхъ мѣстъ и сложную юриспруденцію того времени, жившіе между подъячими, нужно было возвести на степень положительнаго закона и вотъ въ 1649 году явилось уложеніе, поглотившее всѣ приговоры Бояръ и постановленія судовъ, основывавшіеся во многомъ на судебныхъ обычаяхъ и преданіи.

До изданія Свода Законовъ Уложеніе составляло главнѣйшій источникъ нашего законодательства.

Алексѣй Михайловичъ внесъ въ Уложеніе не болѣе 19 новыхъ статей, вызванныхъ недоумѣніями возникшими въ судебныхъ дѣлахъ. Остальныя статьи принадлежатъ прошедшему времени. Слѣдовательно, въ Уложеніи нужно видѣть развитіе уже прежде существовавшаго законодательства, началомъ которому слу-

житъ Русская Правда, а продолженіемъ Судебники 1498 и 1550 годовъ (*).

Развитіе права вызванное послѣдующими требованіями государственной и народной жизни, выразилось, послѣ изданія Уложенія, въ новоуказныхъ статьяхъ. Петръ Великій разобралъ эти статьи и приписалъ ихъ къ Уложенію; сборникъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Своднаго Уложенія.

(*) Обозрѣніе Кормчей книги, Розенкампфа, изданіе 1829 г. Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Морошкина. О судебникѣ Царя Іоанна Васильевича, Колачева, въ юридическихъ запискахъ Рѣдкина. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ Колачева.

ГЛАВА I.

Постановленія о лѣсахъ до Петра Великаго.

Постановленія о лѣсахъ Россіи почти одновременны нашимъ первымъ законамъ. Еще въ Судебникѣ Царя Константина встрѣчаемъ: «вжигай чужь лѣсъ, и сѣкый дрова отъ него, въ сугубу вину повиненъ есть» (1). Но это не былъ еще дѣйствительный законъ, въ смыслѣ разумной необходимости и дѣйствительной народной потребности, точно также какъ и статья закона Ярослава о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ, которая, повторяя тѣже слова, назначаетъ, впрочемъ, наказаніе болѣе строгое (2). Обѣ статьи прямой переводъ Византійскихъ узаконеній и въ тѣ времена не могли имѣть практическаго значенія.

Наше лѣсное законодательство принадлежитъ къ числу постановленій самаго поздняго развитія, только Петръ Великій придалъ лѣсу истинное его значеніе. Въ понятіи народа лѣсъ и до сихъ поръ не составляетъ государственной собственности и самовольная рубка его, не смотря на предписываемое закономъ наказаніе какъ за воровство, не считается предосудительной. Петръ Великій въ теченіе всего своего царствованія постоянно боролся съ этимъ народнымъ убѣжденіемъ, даже смертная казнь назначенная этимъ Государемъ не могла осилить народнаго понятія; слѣдовательно въ до-Петровскую эпоху, когда количество лѣса слишкомъ превышало народную въ немъ потребность, законъ

---

(1) Софійскій временникъ. Ч. I. стр. 134. Гл. 81.

(2) «Аще кто сжетъ лѣсъ чужіи, или сѣчетъ древіе чужіе; сугубо да осужденъ будетъ и рука его знаменена будетъ»... Указ. Рос. Зак. Т. I. стр. 8.

запрещавшій рубку лѣса ужъ ни какъ не могъ вязаться съ дѣйствительной жизнью.

Только въ Судебникѣ Царя Константина и въ законѣ Ярослава о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ, мы встрѣчаемъ законъ старающійся придать себѣ общее значеніе; во всѣхъ послѣдующихъ постановленіяхъ, до самой эпохи Петра Великаго, не встрѣчается ничего подобнаго: — отдѣльные законы касающіеся лѣсовъ имѣютъ только частное значеніе и не стараются строго преслѣдовать порубщиковъ лѣса, видно что постановленія эти вытекали изъ народной жизни и изъ пониманія дѣйствительной цѣны и важности лѣса, котораго тогда было слишкомъ много.

Не смотря, однако, на изобиліе лѣсовъ, они, уже изстари, составляли предметъ собственности и владѣнія, и правительство укрѣпляло иногда право владѣнія за тѣмъ или другимъ лицомъ.

Первая дошедшая до насъ жалованная грамота упоминающая о лѣсѣ, относится къ началу XV вѣка. Ярославскій Князь Өедоръ Өедоровичъ, сынъ Князя Өедора Васильевича, пожаловалъ Толгскому монастырю, около 1400 года, деревню Кукольцы «и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила»... ([1]).

Тоже самое встрѣчаемъ и въ другихъ подобныхъ актахъ. Князь Александръ Өедоровичъ, въ замѣнъ земли взятой отцемъ его Өедоромъ Васильевичемъ у Спасо-Каменнаго монастыря, далъ, около 1471 года, другую въ Закубенской волости и утвердилъ мѣну тремя грамотами, въ нихъ говорится о каждомъ родѣ земли особо: «съ пашлыми землями и съ лѣсы и съ пустошми и съ пожнями,» а въ послѣдней «и со всѣмъ тѣмъ, что къ той землѣ потягло изъ старины, куды топоръ и коса и плугъ ходитъ». Такого же рода отдѣльное перечисленіе земель и въ другой его же жалованной грамотѣ тому же монастырю и въ грамотѣ Князя Даніила Александровича тому же монастырю въ Закубеньи ([2]).

([1]) Ак. Арх. Экс. Т. I. № 15.

([2]) Доп. къ Ак. Ист. I. 14, 15, 21.

Но кромѣ пожалованій, въ которыхъ говорится о лѣсѣ какъ принадлежности пахатной земли, бывали и отдѣльныя раздачи собственно лѣсовъ. Въ 1498 году Царь Магмедъ – Аминь, бывшій на Казанскомъ престолѣ въ качествѣ Русскаго присяжника, а послѣ бѣгства изъ Казани въ Москву, по случаю набѣга Шибанскаго владѣтеля Мамука, получившій, въ 1497 г., въ удѣлъ Каширу, далъ Троицко-Песоцкому монастырю пустой Ктовской лѣсъ ([1]).

Наконецъ лѣсъ отдавался подъ заселеніе и въ оброкъ. При отдачѣ подъ заселеніе, когда предполагалась расчистка лѣсовъ и слѣдовало положить сначала трудъ для полученія возможности пользоваться выгодами отъ земли, поселенцы освобождались на извѣстное время отъ платежа податей. Такимъ образомъ Великій Князь Василій Ивановичъ далъ въ 1517 году старшимъ братьямъ Аники, родоначальника Строгановыхъ, «Степанку, Осифку и Володкѣ Өедоровымъ и Ромашку Фролову» (должно быть двоюродному ихъ брату), дикій, старый липовый лѣсъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Өедоровы и Фроловъ могли поставить въ этомъ лѣсу дворы, и на пятнадцать лѣтъ освобождались отъ платежа податей и пошлинъ ([2]).

Въ 1524 году, по случаю открытія въ Двинскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Юрѣ соляныхъ ключей, В. К. Василій Ивановичъ далъ крестьянину Наумкѣ Кобелю съ товарищами дикіе лѣса за р. Двиной на р. Юрѣ, съ дозволеніемъ селиться, чистить лѣсъ, пахать и расчищать пожни. Отъ платежа податей Наумка и его товарищи освобождались на десять лѣтъ, съ тѣмъ однако, что «какъ отсидятъ тѣ свои «урочные лѣта, и имъ потянути въ Великаго Князя дань и «во всѣ пошлины, чѣмъ ихъ обложитъ Великаго Князя писецъ»... ([3]).

Пермскій житель Степанко Кожевниковъ писалъ въ 1639 году Царю Михаилу Өедоровичу, что въ Чердынскомъ уѣз-

---

([1]) А. А. Э. I. 135.
([2]) Тамъ же I. 163.
([3]) — — 385.

дѣ при впаденіи р. Совы въ р. Обву находятся пустые черные лѣса и «горивало тамъ отъ молніи и лежитъ боль-«шой заломный лѣсъ» и просилъ дать ему эти лѣса отъ устья до вершины р. Совы на пятнадцать лѣтъ. Царь поручилъ воеводѣ «сыскать: какой тотъ лѣсъ и на расчистку «доведется ли дать»? и если доведется, то дать на льготу и по истеченіи этого времени положить на Кожевникова оброкъ (1).

Такимъ образомъ наши первыя постановленія по лѣсной части, не считая чуждаго намъ закона Судебника Царя Константина о порубкѣ лѣса, открываются пожалованіемъ лѣсовъ. Раздача земель въ помѣстья и вотчины началась разумѣется ранѣе XV вѣка, потому, что поземельная собственность дѣлается извѣстной у насъ еще при наслѣдникахъ Ярослава, между тѣмъ грамотъ на лѣса ранѣе XV вѣка мы не находимъ.

Поземельная собственность, какъ имущество недвижимое, представлялась въ трехъ видахъ: отчина, т. е. имущество наслѣдственное; купля — имѣніе купленное и помѣстье — имѣніе пожалованное за службу. Вотчину и куплю можно было продать, промѣнять, заложить, помѣстье же было владѣніемъ пожизненнымъ того, кто получилъ его за службу. Впослѣдствіи, однако, помѣстье, переходило къ женѣ владѣльца и ближайшихъ его родственниковъ.

Болѣе значительная раздача земель дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ произведена въ царствованіе Ивана III и Ивана IV и во время Алексѣя Михайловича. При учрежденіи постояннаго Московскаго войска Иванъ III роздалъ новикамъ помѣстья въ Московскомъ, Дмитровскомъ, Торузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ: новикамъ первой статьи по 200, второй по 150, и третей по 100 четвертей. Луговъ же по столько копенъ, сколько кому дано четвертей земли (2).

---

(1) А. А. Э. III. 288.

(2) По писцевому наказу Іоанна IV десятина въ длину и въ ширину десятая доля версты, а верста 500 саж. царскихъ, въ десятинѣ двѣ чет-

Иванъ IV въ 1550 году далъ грамоту о раздачѣ помѣстій и вотчинъ боярамъ, стольникамъ и дѣтямъ боярскимъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ были надѣлены помѣстными землями всѣ вообще придворные, военные и гражданскіе чиновники и высшее черное духовенство; земли раздавались стрѣльцамъ, казакамъ и новокрещеннымъ. Помѣстные оклады считались изъ однѣхъ пашень, т. е. подати платились и службу несли по количеству пашенной земли. Иванъ IV установилъ брать со ста четвертей 1 вооруженнаго человѣка, Годуновъ одного съ 200 четвертей. Сѣнные покосы, поверстные и десятинные лѣса полагались только въ угодья (*).

Что лѣсъ не составляетъ безусловной собственности всякаго кто вздумалъ бы его рубить, доказываютъ жалованныя грамоты, но видно, однако, что и утвержденіе Правительствомъ права собственности, не спасало лѣсовъ отъ рубокъ ихъ посторонними людьми. Явились мѣстности, гдѣ стало необходимымъ защищать лѣса отъ самовольныхъ рубщиковъ и вотъ верховная власть издаетъ охранныя грамоты. Грамоты эти утверждали прямо право рубки только за владѣльцемъ лѣса. Первая извѣстная охранная грамота относится къ 1485 году. Иванъ III запретилъ свободную рубку лѣса въ дачахъ Троицко-Сергіева монастыря, въ Переславлѣ и въ лѣсахъ Засоминскомъ, Молетвинскомъ и Колинскомъ. Для точнаго наблюденія за исполненіемъ

верти (Указ Рос. З. т. I стр. 322). Слѣдовательно десятина Іоанна IV была равна 2500 саж. Первоначальное основаніе величины десятины и ея частей служило количество хлѣба, употреблявшееся на засѣвъ того или другаго пространства, такимъ образомъ десятина засѣвалась двумя четвертями хлѣба, и потому состояла изъ двухъ четвертей; четверть равнялась двумъ осьминамъ; осьмина двумъ полуосьминамъ; полуосьмина двумъ четверикамъ. Копна сѣна составляла $^1/_{10}$ десятины, т. е. 240 квадратныхъ саженей (Историч. взглядъ на межев. въ Рос. стр. 69, 70, 71 и 73). О десятинѣ въ 2400 квадр. саж. говорится впервые въ грамотѣ Михаила Θеодоровича 7134 г. По жалобѣ Верхотурскихъ жителей на недостатокъ земли, Царь указалъ тамошнему воеводѣ Князю Пожарскому размежевать вновь Верхотурскія земли и мѣрить десятину въ длину 80, а въ ширину 30 сажень (Ак. Истор. т. III № 138).

(*) Историч. взглядъ на межеваніе въ Россіи. Стр. 40, 41.

повелѣнія, Великій Князь далъ своего пристава Палку Ворону и велѣлъ ему ловить всѣхъ рубщиковъ, которые отправятся въ лѣсъ безъ монастырскаго позволенія и взыскивать съ порубщиковъ штрафъ (1). Великій Князь Иванъ IV Васильевичъ далъ въ 1540 году Успенской Зосимской Пустынѣ грамоту, запрещающую посторонимъ самовольный въѣздъ въ лѣсъ пожалованный пустынѣ его отцемъ; въ случаѣ же, когда будутъ пойманы самовольные порубщики «да ставить ихъ передо мною передъ Великимъ Княземъ, «или передъ нашимъ дворецкимъ Тферскимъ, а кого уличивъ, ино на томъ взяти заповѣди два рубля» (2). Точно также въ 1547 году Иванъ IV запретилъ сѣчь рощи и поросняги, принадлежащіе Симонову монастырю, чтобъ ихъ «не сѣкли ни которыми дѣлы», а въ случаѣ ослушанія виновнымъ быть «въ опалѣ и въ продажѣ», т. е. подвергнуть денежному штрафу (3). Наконецъ при отдачѣ лѣсовъ въ оброкъ, напр. для бортневыхъ ухожій, арендаторъ является полнымъ владѣльцемъ лѣса, только ему одному принадлежитъ право пользоваться лѣсомъ, пожнями, звѣрями и Царь охраняетъ право своего арендатора (4).

Вообще дарственныя, жалованныя и охранныя грамоты касались болѣе монастырскихъ лѣсовъ, лѣса княжескіе были доступнѣе народу: изъ спорнаго дѣла, 1504 года, между Ѳерапонтовымъ монастыремъ и крестьянами Словенскаго Волока о расчисткѣ ими подъ свою пашню Сусельскаго лѣса видно, что крестьяне расчистили лѣсъ самовольно, считая его княжескимъ (5). Это оправданіе крестьянъ было вѣрно государственной идеѣ того времени. Великій Князь былъ владѣльцемъ земли Русской. Сановники— слуги Государя и носили соотвѣтственныя тому названія Дворецкаго, Стольника, Спальника и т. д. Народъ—рабы

(1) А. А. Э. I. 112.
(2) А. А. Э. I. 189.
(3) Тамъ же. I. 216.
(4) А. Ю. № 359.
(5) Тамъ же. № 11.

Царя. При такихъ отношеніяхъ народа къ Великому Князю и Царю, Государь долженъ былъ являться кормильцемъ своего народа, и поземельная собственность Царя или государства, не могла казаться народу вещью слишкомъ его чуждой. Подобныя отношенія встрѣчаемъ частью въ нашемъ помѣщичьемъ бытѣ, гдѣ крестьянинъ можетъ свободно пользоваться на свою потребу лѣсомъ принадлежащимъ его владѣльцу.

Государь, давая иногда охранныя грамоты на лѣса, означаетъ и штрафъ за самовольную порубку. Штрафъ этотъ, однако, весьма неопредѣлителенъ и не имѣетъ никакого отношенія къ величинѣ порубки. Онъ брался собственно за нарушеніе запрещенія, т. е. за проступокъ, но вознагражденіе убытка не было и въ идеи. Величина штрафа зависѣла отъ Государя и отъ судей, законъ не давалъ этому дѣлу значеніе общее государственное, какъ и всему, что касалось лѣсовъ. Костромитянинъ Иванъ Ларіоновъ жаловался приказчикамъ Василію Лобову и Петру Буркову на пайщиковъ, владѣющихъ пашней въ пустошѣ Пестрехинѣ, что они порубили лѣсъ, не принадлежащій ихъ землѣ. Сдѣлали третейской судъ, лѣсъ нашли у рубщиковъ и приговорили ихъ къ штрафу по «*борану* на костеръ». Величина борана или штрафа была различна и зависѣла отъ усмотрѣнія судей, такимъ образомъ изъ наказовъ, заповѣдныхъ, бережныхъ и посыльныхъ грамотъ монастырскимъ приказчикамъ видно, что кто перепашетъ межу, съ того боранъ два алтына, кто перекоситъ пожню или пустошь 8 денегъ, за потраву хлѣба и покосовъ 2 алтына 2 деньги (¹), но эта мѣра была только частной, касавшейся одного случая. Во всякомъ случаѣ величина штрафа не могла быть значительна, потому что самый предметъ вызывавшій проступокъ, былъ вездѣ въ изобиліи и почти не имѣлъ продажной цѣны. Изъ Судебника Ивана IV видно, что при выкупѣ отчинъ цѣна давалась только за землю подъ лѣсомъ и рощами, самый же лѣсъ въ цѣну не шелъ (²).

(¹) А. Ю. 66, 334 и 65.
(²) Судеб. Ц. и В. К. Іоанна IV. (У. Р. З. стр. 82. Статья 129).

Незначительность цѣны лѣсу въ то время подкрѣпляется и другими актами. Въ Двинскомъ уѣздѣ, по морскому берегу отданы были въ 1551 году пяти крестьянамъ въ оброкъ лѣса и пожни, съ тѣмъ, чтобы лѣсъ рубить на пять соляныхъ варницъ, косить пожни и пользоваться всѣмъ наноснымъ лѣсомъ отъ Онежскаго рубежа до р. Тошмапака, да по рѣкѣ вверхъ до озера и вокругъ озера пользоваться лѣсомъ и пожнями и за все это пользованіе арендаторы должны были платить вмѣстѣ съ данью 50 бѣлокъ въ годъ ([1]). Въ 1587 году крестьянинъ Унженскаго уѣзда (нынѣшней Костромской губерніи), просилъ дать ему для пчеловодства лѣсъ лежащій за р. Унжей верстъ на *двадцать или на тридцать*, и за оброчное его содержаніе обязался платить въ годъ по пуду меду, да пошлинъ съ пуда 5 денегъ ([2]).

Обиліе и дешевизна лѣсовъ не дѣлали ихъ, какъ уже было сказано выше, безусловнымъ достояніемъ всякаго и рубку лѣса можно было производить свободно не во всѣхъ лѣсахъ. Какія причины заставляли назначать лѣса заповѣдными и какія дачи были заказными, акты не разъясняютъ, но что заказники существовали и право на рубку въ нихъ давалось особыми грамотами, видно изъ слѣдующихъ грамотъ. Можайскій князь Андрей Васильевичъ далъ, въ 1487 году, Ильменскимъ крестьянамъ Троицко-Сергіева монастыря, право рубить въ его Передольскомъ лѣсу дрова, бревна и все «что имъ будетъ иное надобѣть» и приказалъ выдавать каждому рубщику *узолки* за печатью и освободилъ рубщиковъ отъ платежа пошлинъ и мыта ([3]).

([1]) А. Ю. 170.

([2]) Тамъ же. 172.

([3]) а) А. А. Э. I. 121.

б) Передольская волость находилась въ нынѣшнемъ Малоярославецкомъ уѣздѣ.

в) Узолки съ таможенными печатями были установлены для того, чтобы товары не могли быть продаваемы безъ пошлинъ между городами, по дорогамъ и селамъ, гдѣ не было таможеннаго управленія. Торговый человѣкъ, купившій гдѣ нибудь товаръ или непродавшій бывшаго у него прежде и отвозившій его въ другой городъ, обязанъ былъ являться

Вообще понятія о лѣсѣ какъ собственности частной и государственной были довольно сбивчивы, иногда давалась особая охранная грамота на какой нибудь лѣсъ и никому не дозволялось рубить въ подобномъ лѣсу; въ другихъ же случаяхъ, какъ кажется, и охранныя грамоты не охраняли лѣсовъ, потому что Государь даетъ право рубки во всѣхъ лѣсахъ «и въ митрополичихъ и въ боярскихъ и въ монастырскихъ и во всѣхъ чьи ни буди» ([1]), исключая заповѣдныхъ Великокняжескихъ. Но въ тоже время, сознавая сбивчивость и неопредѣлительность права, даваемаго подобными грамотами, часто уничтожавшими права данныя ранѣе, считаетъ необходимымъ оговорить это обстоятельство. Такимъ образомъ грамотой 1529 года В. К. Василія Ивановича, Троицко-Сергіеву монастырю, запрещается рубка лѣса въ дачахъ этого монастыря всѣмъ «чей кто нибуди» и въ заключеніе говорится «а у кого будетъ моя Великаго «Князя жалованная грамота на грамоты на старые лѣса и «рощи, а на сію мою грамоту грамоты нѣтъ». Ясно, что охранныя грамоты не всегда охраняли въ дѣйствительности лѣса, и новый указъ Государя могъ не только измѣнить, но и совершенно уничтожить прежнія права ([2]).

Дозволеніе права рубки лѣса безъ ограниченій, какъ напр. въ грамотѣ Можайскаго Князя Андрея Васильевича рубить все «что будетъ надобѣть», вело къ тому, что крестьяне рубили даже деревья имѣвшія особое назначеніе. Къ подобнымъ деревьямъ принадлежали бортныя и гранныя или межевыя, а потому, явилась необходимость оговаривать въ грамотахъ что рубить не слѣдовало. Такимъ образомъ царь Шигъ-Алей, свергнутый, въ 1521 году, съ Казанскаго престола братомъ Крымскаго Хана Магомета, Саипъ-Гиреемъ, и владѣвшій потомъ на удѣльномъ правѣ Касим-

---

въ таможню, гдѣ обвивали товаръ веревками, прикладывали печати и брали пошлину, которая называлась узолцовой (Внутрен. Тамож. пошлины въ Россіи, Осокина). Но здѣсь, какъ видно, идетъ рѣчь совсѣмъ не объ этой узолцовой пошлинѣ, и узолки съ печатью давались какъ марки, что рубщики не подлежатъ денежному взысканію.

([1]) Ак. Арх. Эксп. т. I. № 159.

([2]) А. А. Э. I. 174.

рой и Серпуховымъ, далъ, въ 1543 году, Троицкому-Сергіеву монастырю право рубить въ его Каширскихъ лѣсахъ всякій судовой и другой лѣсъ «опричь бортнаго деревья и знаменновъ» (1).

О присмотрѣ за лѣсами и за недопущеніемъ въ нихъ свободной рубки хотя и нѣтъ общихъ постановленій, тѣмъ не менѣе однако воеводы, какъ видно, наблюдали за цѣлостью лѣсовъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не допускали рубку безъ Царскаго указа. Соблюдалось ли это ранѣе Бориса Годунова неизвѣстно; но при этомъ Государѣ встрѣчается уже грамота, заставляющая заключить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно было испрашивать разрѣшенія Государя на рубку. Верхотурскій священникъ Іона хотѣлъ выстроить въ Верхотурьи монастырь во имя Николая Чудотворца и Мучениковъ Бориса и Глѣба, лѣсъ, необходимый для постройки, Іона вырубилъ съ дозволенія тамошняго воеводы Плещеева и головы Хлопова, изъ Государевыхъ дачъ. Но какъ воевода и голова не имѣли право отпустить лѣсъ безъ Царскаго указа, то Іона просилъ Царя простить ему этотъ долгъ и Царь грамотой 1604 года приказалъ воеводѣ и головѣ оставить вырубку безъ взысканія (2).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ грамота Михаила Өедоровича, о составленіи смѣты на починку острога. Въ ней въ первый разъ проявилась идея Правительства о необходимости бережливаго обращенія съ лѣсомъ. Суздальскій воевода Бабарыкинъ, послѣ пожара бывшаго въ Суздалѣ въ 1644 году, донесъ о пожарѣ Государю и просилъ указа на починку городоваго острога, котораго сгорѣло 94 сажени. Царь велѣлъ смѣтить сколько нужно на горѣлые и «на худыя на гнилыя мѣста, которымъ безъ подѣлки быть не «мочно, лѣсъ смѣтить, сколько какого лѣсу порознь надобно, а смѣтя бъ лѣсъ написать на роспись подлинно, «порознь по статьямъ, да къ той смѣтной росписи тутошнымъ людемъ руки свои проложить...» (3).

(1) А. А. Э. I. 199.
(2) А. И. II. 48.
(3) А. А. Э. III. 324.

Предметы потребленія, производимые какъ внутри государства, такъ и внѣ его, облагались внутренними таможенными пошлинами еще со временъ Владиміра I. Эти пошлины составляли доходъ Государя. До Монгольскаго ига внутренніе таможенныя пошлины распространялись весьма медленно и назначались первоначально въ городахъ производившихъ болѣе значительную торговлю (1). Лѣсъ, какъ предметъ внутренней торговли и предметъ потребленія въ разныхъ своихъ видахъ, не могъ составлять исключенія изъ общаго правила, и потому подлежалъ тоже пошлинному сбору. Въ таможенномъ уставѣ 1571 года пошлина, взимаемая съ каждаго рода лѣса привозимаго въ Новгородъ, опредѣлена положительно и подробно перечислены лѣсныя издѣлія, подлежавшія взысканію. За всякій лѣсъ привозимый въ Новгородъ на учанахъ, въ лодкахъ, на паромахъ, въ плотахъ, вообще сплавомъ, также за тесъ, доски, драпь, лубья, лыки, дрова, лучину, уголья, мохъ, назначено брать по оцѣнкѣ товара съ каждаго рубля московскаго по полторы московки тамги и по деньгѣ съ рубля замытной пошлины, сверхъ того, съ каждаго человѣка находившагося на суднѣ или на плотѣ, бралось по Московской деньгѣ. Эта пошлина бралась съ Новгородскихъ посадскихъ людей, «съ пригородскихъ же людей Новгородскія земли и съ сельскихъ «людей» и съ тѣхъ кто пріѣдетъ изъ Москвы, Твери, Торжка, Ржева, Торопца и «изъ иныхъ городовъ» брать тамги съ московскаго рубля по 4 московки, да замытной пошлины съ рубля по деньгѣ московской, и съ людей на судахъ съ каждаго человѣка по деньгѣ Новгородской. Съ лѣсныхъ издѣлій привозимыхъ зимой на возахъ, брать по оцѣнкѣ товара — съ Новгородца «городскаго человѣка» и съ остальныхъ торговцевъ тоже, что и съ товаровъ доставляемыхъ сплавомъ (2).

---

(1) Внутр. тамож. пош. Осокина. Стр. 2, 6.

(2) Уставъ таможенный (У. Р. З. I. Стр. 124 и 125) и А. А. Э. I. № 282. Стр. 326 и 327.

Таможенныя пошлины на лѣсъ, какъ и вообще на другіе предметы внутренняго потребленія и внутренней торговли, не избѣгли общаго недостатка нашей внутренней финансовой системы того времени, т. е. онѣ не имѣли ни единства дѣйствія, ни единства въ величинѣ взысканій. Въ уставной грамотѣ Василья Ивановича Шуйскаго 1606 г. о сборѣ таможенныхъ пошлинъ въ г. Суздалѣ, является основаніе ко взиманію пошлинъ менѣе вѣрное и совершенно противное таможенному уставу 1571 г. Пошлина уже не соображается съ стоимостію товара, а берется съ воза, безъ различія цѣны привезенныхъ издѣлій. Такимъ образомъ, съ каждаго воза угольевъ, лубьевъ, лучины, гробовъ, избъ, клѣтей, погребовъ, столовъ, калей, досокъ, тесу, драницъ, коробовъ, саней, колесъ, корытъ, лаптей, жерновов̂ъ, лыка, мочалъ, рогожъ и «всякаго лѣснаго товара» постановлено брать по полу-деньгѣ. Только рогожи дѣлаютъ исключеніе и подлежатъ болѣе вѣрному взысканію пошлины и только въ томъ случаѣ, когда продавецъ несетъ ихъ на себѣ — съ каждыхъ десяти штукъ слѣдовало взыскивать по деньгѣ (¹).

Не всегда однако взысканія пошлинъ производились съ потребителей — бывали исключенія. Михаилъ Ѳедоровичъ дозволилъ Богоявленскому, за Вѣтошнымъ рядомъ, монастырю, сплавлять безпошлинно по Москвѣ рѣкѣ на свои потребности лѣсъ, вырубаемый изъ монастырской вотчины Звѣнигородскаго уѣзда въ числѣ 1000 бревенъ и 30 саженъ дровъ (²).

Въ началѣ лѣсъ имѣлъ значеніе только какъ матеріалъ для удовлетворенія внутренней народной потребности. Впослѣдствіи, однако, онъ пріобрѣтаетъ уже болѣе важное значеніе, именно, какъ средство для защиты государства. Южныя границы наши, смежныя съ Волжскими, Донскими и Днѣпровскими степями, подвергались часто опустошительнымъ набѣгамъ Татаръ. Поэтому, еще въ срединѣ XIV вѣка, Правительство нашло необходимымъ завести на гра-

---

(¹) А. А. Э. II. 65.
(²) А. И. III. 186.

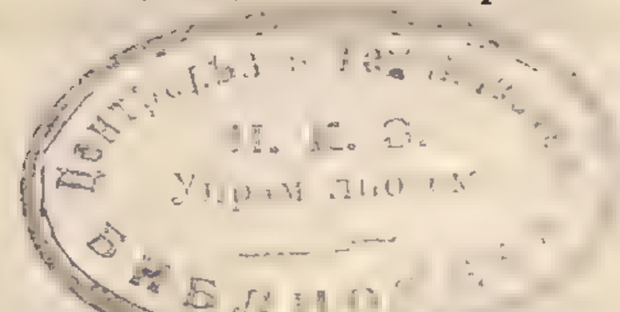
ницахъ постоянную стражу для наблюденія за движеніемъ ордынцевъ. Первое время это были только скрытые притоны для разъѣздныхъ сторожей, но потомъ они приняли видъ ряда укрѣпленій на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Этотъ рядъ укрѣпленій составляли острожки и крѣпости, соединенные рвами и лѣсами, которые въ случаѣ ожидаемаго набѣга Татаръ срубались, отъ чего и названы засѣками. По свидѣтельству Олеарія засѣки имѣли протяженія болѣе ста лье (416 верстъ) [1]. Устройство засѣкъ и крѣпостей, начиная съ XIV вѣка, продолжалось до Петра Великаго; даже въ царствованіе Петра, во время войны съ Карломъ XII, засѣкали лѣса съ цѣлію помѣшать болѣе удобному наступленію непріятеля. Значеніе свое въ стратегическомъ отношеніи засѣки потеряли только въ 1762 году, когда часть ихъ приписана къ казеннымъ заводамъ, а большая часть продана съ публичнаго торга.

Засѣки и крѣпости были расположены въ разныхъ мѣстахъ; не составляя сплошной полосы, онѣ устроивались тамъ, гдѣ оказывалось удобнѣе преградить входъ непріятелю. Послѣднія постройки произвелъ Алексѣй Михайловичъ, приказавъ стольнику князю Ивану Ромодановскому сдѣлать валъ въ степи за Тамбовомъ, между Липовскимъ и Челновскимъ лѣсами [2].

Въ царствованіе Михаила Өедоровича засѣки шли такимъ образомъ: около Тулы засѣка начиналась отъ Венева, проходила мимо Тулы на Крапивну и Одоевъ, отъ Одоева шла мимо Лихвина на Перемышль и потомъ поворачивала на юго-западъ къ Козельску. Въ этихъ мѣстахъ между рѣкой Выркой и Сосенкой былъ большой и частый лѣсъ, а отъ Сосенки до Перемышльской и Козельской засѣкъ лѣсъ рѣдкій на боровомъ мѣстѣ. Лихвинская и Бобриковская засѣки шли отъ Лихвина къ Бѣлеву. Между р. Упой и Окой находилась Уляжская засѣка и въ ней два острожка

---

[1] Voyages du Sr. Adam Olearius, Aleide. MDCCXVIII I. 1. p. 62.
[2] А. А. Э. IV, 17.

Семеновской и Боровской. Другая полоса засѣкъ была въ нынѣшнихъ Тамбовской, Курской, Пензенской и Рязанской губерніяхъ Въ этихъ мѣстахъ засѣки, т. е. рвы и острожки, шли въ такомъ порядкѣ: — отъ Козлова отъ р. Лѣснаго Воронежа до р. Челновой шелъ земляной валъ, такой же валъ находился между Ливнами и Ельцомъ до р. Сосны. На р. Цнѣ выстроенъ Тамбовъ, отъ него къ Козлову шелъ валъ, на р. Ломовѣ поставлены города Верхній и Нижній Ломовы. Для защиты нынѣшнихъ южной и восточной границъ, Курской губерніи у Оскола, Бѣлгорода и Курска, вырыты валы и построены острожки, отъ р. Холки до р. Карачи вырытъ валъ и при концахъ валовъ, въ лѣсахъ, построены острожки. Наконецъ валъ шелъ отъ р. Ворсклы къ Бѣлгороду до р. Вязеницы. Валы рылись только въ тѣхъ мѣсахъ, гдѣ или не было лѣсовъ или находились рѣдкіе лѣса не представлявшіе достаточнаго ручательства въ безопасности края. Такимъ образомъ полоса рвовъ съ острожками и лѣса соединявшіе ихъ шли отъ рѣки Ворсклы, близъ юго-западной границы Курской губерніи на Бѣлгородъ, потомъ на Карачу и къ сѣверо-востоку до Оскола, здѣсь полоса лѣсу соединяла валы съ р. Сосной, въ которой въ бродахъ былъ набитъ дубовый частоколъ, по р. Соснѣ лѣса и валы шли на Ливны, Елецъ, проходили къ Липецку, Козлову, опускались къ Тамбову и за тѣмъ шли на сѣверо-востокъ въ нынѣшнюю Пензенскую губернію къ Верхнему и Нижнему Ломову. Наконецъ засѣки находились въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи и въ Рязанскомъ уѣздѣ (*).

Присмотръ за засѣками и охраненіе засѣчныхъ лѣсовъ возлагалось на засѣчныхъ сторожей. Сторожа должны были содержать караулы днемъ и ночью и вмѣстѣ съ засѣками состояли въ главномъ вѣдѣніи Пушкарскаго Приказа. Засѣчные сторожа получали вмѣсто жалованья пахатныя земли и сѣнокосы. Ближайшій надзоръ за сторожами имѣли засѣчные головы. Въ случаѣ порубки лѣсовъ сторожа должны

(*) А. А. Э. II. 217. III 268, 270, 303 и 304.

были отвѣчать за вредъ причиненный засѣкѣ и за каждое срубленое дерево полагалось рубль штрафу. При назначеніи новыхъ засѣчныхъ сторожей прежніе ручались за нихъ, что они будутъ исполнять свое дѣло и охранять засѣки, въ противномъ же случаѣ поручители подвергали себя пени по усмотрѣнію Государя (*).

Лѣсъ какъ поземельная собственность не могъ составлять права владѣнія безъ опредѣленія его границъ, а потому и межеваніе лѣсовъ должно было явиться давно. Древнее наше межеваніе выражалось совершенно не въ той формѣ, какъ мы понимаемъ его нынче. Прежнее межеваніе состояло преимущественно въ переписи душъ и описи имѣнія. Ограниченіе дачъ происходило болѣе по сказкамъ старожиловъ, нежели по дѣйствительному измѣренію. Межеваніе имѣло цѣлію опредѣленіе земель для наложенія податей. Качества земли удостовѣряли владѣльцы имѣній, старожилы и окольные люди. Заключеніе о количествѣ земли выводилось по четвертямъ высѣваемой ржи, а площади луговъ числомъ копенъ сѣна. Лѣсовъ не измѣряли сначала вовсе, кромѣ пашенныхъ, остальные лѣса клали приблизительно верстами (лѣса поверстные). Даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича поверстные лѣса не мѣряли, — писали по сказкамъ. Съемка же началась только съ Петра Великаго. Сохраненіе въ цѣлости границъ составляло предметъ большой важности, а за порчу межевыхъ признаковъ, еще по Русской Правдѣ, назначалось строгое наказаніе. Разумѣется всякое межеваніе производилось на столько совершенно, сколько требовала того необходимость и позволяло знаніе дѣла. Недостатокъ знанія заставлялъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыя тогда еще были дѣйствительны и помогали незнанію. При межеваніи имѣніе обходили съ образами и направленіе линій замѣчалось и записывалось по разнымъ признакамъ, попадавшимся на межѣ. Въ случаѣ спора о границахъ недоумѣнія разрѣшали старики бывшіе свидѣтелями обхода границъ. Вотъ документъ, могущій объяснить характеръ межеванія того вре-

(*) А. Ю. № 325. и Ист. Обоз. Рос. законопол. стр. 64 и 65.

мени. Изъ грамоты 1534 года о завладѣніи крестьянами Есюкинской волости земель принадлежащихъ Ѳерапонтову монастырю (онъ находился въ Новгородской губерніи и упраздненъ въ 1799 году Императоромъ Павломъ) видно, что межевыми знаками принимались ямы, въ нихъ клали уголь, каменья и линіи шли обыкновенно на деревья; такимъ образомъ изъ описанія границъ земли Ѳерапонтова монастыря видно, что: «....куды Ѳерапонтова монастыря старожилы шли съ иконою, туды и межю учинилъ, грани тесалъ и рубежи клалъ и ямы копалъ: отъ р. Суслы врагомъ вверхъ, на лѣвой сторонѣ у врага три березы на одномъ корени; а отъ трехъ березъ прямо на лѣсъ на березу, а на березѣ грани и рубежи, а съ березы на двѣ ели на одномъ корени, а на нихъ рубежи, а съ ели на березу, а на березѣ рубежи и грани, а съ березы на ель да на виловатую березу». ([1]).

Впрочемъ требовать особенной точности въ межеваніи и описаніи земель въ до-Петровскую эпоху, когда и при Петрѣ Великомъ это производилось кое-какъ, будетъ слишкомъ строго. Посошковъ говоритъ, что писцы и переписчики, описывая пустоши и жилыя деревни, записываютъ урочища и величину не только не смѣрявъ ихъ въ натурѣ, но часто и не видѣвъ «пишутъ все по крестьянскимъ сказ- «камъ и въ иной пустоши пишутъ четвертей 50 въ полѣ, «а въ дву потомужъ. И егда кто станетъ сѣять, ажно во «всѣхъ трехъ поляхъ толико не высѣетъ. А въ иной «пустоши, видѣлъ я, написано 6 четвертей, а высѣвается «ржи въ одномъ полѣ по 20 четвертей, а лѣсу будетъ «больше трехъ верстъ. И въ такомъ расположеніи только «одна смута. И всякой деревнѣ и пустошамъ мѣра да про- «званіе, а при какой признакѣ та земля, или съ какою «землею смежна, ничего того не пишутъ, и раздѣленія «межамъ совершеннаго не чинятъ» ([2]).

([1]) А. Ю. № 20.

([2]) Соч. Ивана Посошкова, изд. иждж. Мос. Об. И. и Д. Р. Москва, 1842 г. стр. 192.

Слова Посошкова разумѣется не могутъ имѣть слишкомъ большаго значенія; для насъ важенъ собственно вопросъ былъ ли законъ, а не какъ онъ выполнялся. Потребность отграниченія поземельной собственности существовала и въ народѣ и въ Правительствѣ и законъ о размежеваніи былъ изданъ. Правда, что правила о размежеваніи земель, какія мы встрѣчаемъ впослѣдствіи въ межевыхъ инструкціяхъ Императрицъ Елисаветы и Екатерины II, не существовали и произволомъ дѣйствій лицъ производившихъ межеваніе, при невѣжествѣ народа, могъ вести ко многимъ злоупотребленіямъ. Но и это обстоятельство Правительство предвидѣло и старалось оградить по возможности, если не во всемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; еще Иванъ IV постановилъ, чтобъ въ спорныхъ дѣлахъ не посылать на межеваніе того, кого проситъ истецъ или отвѣтчикъ.

Между тѣмъ если недобросовѣстность и злоупотребленіе встрѣчались вообще въ дѣлахъ, особенно когда межеваніе производилось въ отсутствіи владѣльца земли, тѣмъ не менѣе, столкновеніе интересовъ разныхъ владѣльцевъ и споры о земляхъ требовали точности въ межевыхъ дѣйствіяхъ и вѣрнаго обозначенія границъ владѣній, безъ чего дѣлалось невозможнымъ рѣшеніе споровъ ([1]). Подобнаго рода точность была особенно необходима при возобновленіи уничтоженныхъ межевыхъ признаковъ. Въ этихъ случаяхъ границы возобновлялись, ставились новые межевые признаки и составлялась новая межевая опись ([2]).

При размежеваніи земель лѣсъ пользовался тоже нѣкоторымъ значеніемъ. Для ровнаго раздѣла имѣнія между нѣсколькими владѣльцами соображались съ качествомъ лѣса ([3]). При пожалованіи земель, имѣніе отводилось въ натурѣ, составлялся актъ и въ немъ обозначались границы

(1) А. Ю. № 59.

(2) А. Ю. 163.

(3) А. Ю. 152 и другіе.

земель пашенныхъ и лѣсовъ [1]. Вообще лѣсъ, не смотря на свое изобиліе, пользовался значеніемъ, такъ что въ купчихъ, при перечисленіи земель, всегда упоминалось и о лѣсѣ [2].

Описаніе земель, лѣсовъ и вообще имѣній и вотчинъ, производилось писцами и книги содержавшія эти описанія, назывались писцовыми. Первыя писцовыя книги составлены въ 1597 году, потомъ въ 1607 году. Эти книги погибли частью въ 1612 году и во время Московскаго пожара 1616 года [3]. Царь Михаилъ Өедоровичъ приказалъ послать писцовъ «во всѣ городы, которые не были въ разореньи,» а въ города, которые «отъ литовскихъ людей и отъ Черкасъ были «въ разореньи и въ тѣ городы послать дозорщиковъ добрыхъ, приведча къ крестному цѣлованью». Этими людьми составились новыя писцовыя книги [4].

Вотъ рядъ постановленій, касающихся лѣсовъ, вышедшихъ до царствованія Алексѣя Михайловича. Со времени этого Государя характеръ указовъ о лѣсахъ нѣсколько измѣнился, хотя лѣсъ и сохранилъ тоже значеніе. Основное различіе въ характерѣ постановленій этого Государя и его предшественниковъ заключается въ томъ, что указы Алексѣя Михайловича получаютъ болѣе общее государственное значеніе и соединены въ Уложеніи, тогда какъ въ Судебникахъ мы этого не замѣчаемъ.

Въ постановленіяхъ Алексѣя Михайловича о лѣсахъ нѣтъ новой идеи, они только уясняютъ и развиваютъ изданныя до него правила о лѣсахъ. Такимъ образомъ расчистки лѣсовъ, неимѣвшія прежде ограниченія и производившіяся свободно по мѣрѣ нужды въ пашняхъ, получили большую опредѣленность. Уложеніемъ постановлено, владѣльцамъ частныхъ земель, вотчинникамъ и помѣщикамъ у которыхъ по писцовымъ книгамъ значатся бортныя ухожья

(1) А. Ю. 140 и другіе.
(2) А. Ю. №№ 83, 84 и 85.
(3) Ист. взг. на меж. въ Рос. стр. 104.
(4) А. А. Э. III. 105.

или поверстные лѣса, расчищать ихъ подъ пашни и покосы и строить въ нихъ селенія ([1]). Между тѣмъ для устраненія безпорядковъ, могшихъ встрѣтиться при общемъ владѣніи, 241 п. X главы Улож. постановлено: если кто расчиститъ и распашетъ весь свой лѣсъ, но въ этомъ лѣсу будутъ находиться чужіе озера и покосы, то владѣлецъ лѣса не имѣетъ права пользоваться этими угодьями и долженъ дать къ нимъ дорогу, — владѣльцы же озеръ и покосовъ не должны ни топтать, ни другимъ образомъ портить расчищенныя пашни и покосы ([2]). Если дворяне и дѣти боярскіе, расчиствъ въ своихъ лѣсахъ пашни и угодья, будутъ просить у Государя дозволенія на расчистку лѣсовъ никому не принадлежащихъ, между тѣмъ окажется, что лѣса эти по писцовымъ книгамъ значатся въ общемъ владѣніи, въ такомъ случаѣ расчищенныя земли отобрать и находиться имъ въ общемъ владѣніи помѣщиковъ и вотчинниковъ ([3]).

Особый предметъ заботливости составляли оброчныя статьи и между ними бортныя ухожья. Такое вниманіе къ пчеловодству было слѣдствіемъ развитія торговли медомъ и воскомъ, какъ одной изъ важнѣйшихъ статей народнаго и государственнаго богатства. Неизвѣстный авторъ «книги глаголемой козмографія», говоритъ: «въ Московскомъ государствѣ меду неудобосказаемое множество не столь много въ ульяхъ, сколько въ лѣсахъ въ дупляхъ» ([4]). Свѣдѣніе это составитель космографіи извлекъ изъ разныхъ иностранныхъ писателей: Герберштейнъ, Іовій, Іорданъ, Кампензе согласно утверждаютъ, что въ Московскомъ государствѣ развито пчеловодство и медъ составлялъ предметъ обширной торговли. Этимъ развитіемъ пчеловодства и доходомъ приносимымъ имъ государству, объясняется заботливость Правительства о поддержаніи этой промышлености.

([1]) П. С. З. т. I. Улож. гл. X. п. 243.
([2]) Улож. гл. X. п. 241.
([3]) Улож. гл. XVI. п. 60.
([4]) Рук. И. П. Б. кат. Гр. Тол. №

Статьи о пчеловодствѣ составляютъ главныя статьи лѣснаго законодательства того времени. Вотчинники и помѣщики, владѣвшіе бортными ухожьями, имѣли право расчищать ихъ подъ пашни и покосы и на расчищенныхъ земляхъ селить крестьянъ, но неиначе какъ въ предѣлахъ означенныхъ владѣніямъ писцовыми книгами ([1]). Помѣщики были полными владѣльцами вотчинъ и помѣстій только въ границахъ своихъ владѣній и въ этихъ предѣлахъ могли расчищать вновь и изъ заросли сѣнные покосы. Если бортное дерево, находящееся въ лѣсу, съ пчелами или безъ пчелъ, было повалено, и владѣлецъ пчелъ захотѣлъ бы высѣчь улей изъ дерева, то владѣлецъ лѣса не долженъ былъ препятствовать въ этомъ хозяину улья, точно также какъ этотъ послѣдній могъ пользоваться только одной бортью, но не имѣлъ права вывозить ни вершины, ни пня срубленнаго дерева и не могъ рубить въ лѣсу ни дровъ, ни бревенъ, и не долженъ былъ считать лѣсъ, въ которомъ находятся его пчелы, своимъ. Владѣлецъ же дачи не имѣлъ права на пчелъ, рыбныя ловли и покосы, если они составляли собственность другаго лица ([2]). Въ случаѣ, если бы кто нибудь испортилъ чужое бортное дерево, какимъ бы то ни было образомъ, и по дознанію оказалось, что онъ нанесъ этотъ вредъ умышленно, то виновный подвергался штрафу трехъ рублей за каждое дерево съ пчелами, полтора рубля за дерево безъ пчелъ, но въ которомъ уже были пчелы; за дерево съ выдѣланной бортью двадцать пять алтынъ, и за каждый невыдѣланный кряжъ двѣнадцать алтынъ три деньги ([3]). Если кто выпетъ пчелъ изъ улья, но борть не испортитъ, то за каждый улей взыскивалось по полтора рубли. Если же кто украдетъ и пчелъ и улей или борть, то виновный подвергался штрафу въ три рубли за каждый улей и «жестокому наказанію» кнутомъ; за умышленную же срубку бортнаго дерева съ пчелами и кра-

---

([1]) Улож. гл. XVII. п. 21.

([2]) Улож. гл. X. п. 239.

([3]) Ул. гл. X. п. 218.

жу меда, брался штрафъ въ шесть рублей и отдавался истцу ([1]). Подобный же штрафъ въ 3 и $2^1/_2$ рубля взыскивался даже и въ томъ случаѣ, когда наносился и неумышленный вредъ бортнымъ деревьямъ огнемъ или топоромъ при расчисткѣ лѣса подъ пашню или сѣнокосъ ([2]).

Если кто въ своемъ лѣсу выкоситъ насильно чужіе покосы, или выловитъ изъ чужихъ озеръ рыбу, то долженъ былъ заплатить владѣльцу озеръ и покосовъ сумму равную нанесенному имъ убытку ([3]).

За насильственную рубку лѣса въ чужихъ угодьяхъ, виновный долженъ заплатить истцу за лѣсъ деньги по указной цѣнѣ, которая однако до насъ не дошла ([4]).

Когда въ лѣсу произойдетъ пожаръ отъ неосторожности пастуховъ, или будетъ сдѣланъ кѣмъ нибудь умышленно, по неудовольствію на владѣльца лѣса, и произойдетъ при этомъ вредъ бортнымъ ухожьямъ или выгонится изъ дачи звѣрь или птица, то виновный долженъ заплатить штрафъ по усмотрѣнію Государя и вознаградить убытки истца. Въ случаѣ пожара неумышленнаго, виновный штрафу не подвергался ([5]).

Всѣ эти взысканія и штрафы взыскивались не за лѣсъ собственно, а только за вредъ наносимый угодьямъ находящимся въ лѣсахъ. Рубка лѣса безъ вреда для угодій не считалась самовольствомъ и не наказывалась, напротивъ «служилымъ людямъ» дозволялось закономъ рубить во всѣхъ частныхъ лѣсахъ безъ испрашиванія на то разрѣшенія ихъ владѣльцевъ и существовало только одно ограниченіе: рубить для себя, а не на продажу. Рубка въ засѣкахъ и заповѣдныхъ лѣсахъ вообще не дозволялась ([6]).

Относительно засѣкъ въ лѣсномъ отношеніи, постановленія Алексѣя Михайловича не важны; онъ повелѣлъ: съ

([1]) Ул. гл. X. п. 219.
([2]) Ул. гл. X. п. 240.
([3]) Ул. гл. X. п. 242.
([4]) Ул. гл. X. п. 220.
([5]) Ул. гл. X. п. 223.
([6]) Ул. гл. VII. п. 23.

бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, съ кравчаго, съ стольниковъ, съ стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, занимающихъ въ городахъ должности воеводъ, а въ Москвѣ служащихъ по приказамъ, съ вдовъ «большихъ,» съ дьяковъ и т. д. взять съ каждыхъ двадцати дворовъ по одному человѣку и этимъ людямъ находиться у засѣкъ съ пищалями, топорами и рогатками и имѣть каждому по два фунта зелья, т. е. пороха и по два фунта свинцу [1]. Въ 1659 году повелѣно выбрать дворянъ Московскихъ и послать ихъ вмѣстѣ съ стрѣльцами, солдатами и посошными людьми для осмотра и починки Тульскихъ, Веневскихъ и Рязанскихъ засѣкъ [2]; а въ томъ же году, 27 Сентября, приказано въ Тулѣ и другихъ пограничныхъ городахъ находиться у засѣкъ воеводамъ и засѣчнымъ головамъ, а для засѣчныхъ построекъ «быть тѣхъ городовъ посадскимъ и уѣзднымъ сошнымъ людемъ» и мастерамъ. По осмотрѣ засѣкъ, гдѣ окажется нужнымъ — ихъ починить, а гдѣ окажется необходимымъ, построить и новыя крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главное завѣдываніе засѣками поручено во всемъ Пушкарскому приказу [3].

Относительно межеванія и распредѣленія земель Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ больше всѣхъ своихъ предшественниковъ; при немъ производилась даже нарѣзка земель, и всѣ угодья, пашни, покосы и лѣса нарѣзались въ опредѣленномъ отношеніи, т. е. на сто четвертей земли двѣсти десятинъ. О нарѣзкахъ въ Уложеніи помѣщены слѣдующія статьи: при раздачѣ вновь вотчинъ и помѣстій, въ которыхъ угодья и лѣса противъ пашни не изверстаны, сдѣлать при описаніи надлежащую нарѣзку строеваго и дровянаго лѣса въ опредѣленной пропорціи по прежнимъ дачамъ, кромѣ старыхъ вотчинныхъ земель. Тѣмъ же, которые владѣютъ по старымъ писцовымъ книгамъ, а не по дачамъ изъ дворцовыхъ земель, и между пашнями и угодья-

---

(1) П. С. З. т. I. № 96.
(2) Тамъ же № 254.
(3) Тамъ же № 258.

ми и лѣсомъ не сдѣлано нарѣзки, владѣть по старымъ писцовымъ книгамъ и ѣздить за дровами и бревнами въ свой лѣсъ по старинѣ ([1]). На счетъ пустопорожнихъ земель въ Рыльскѣ, Путивлѣ и Бѣлгородѣ, въ Уложеніи постановлено: если дѣти боярскіе будутъ просить Государя о надѣлѣ имъ въ тѣхъ мѣстахъ въ помѣстья бортныхъ ухожіи и оброчныхъ земель, то земли эти раздавать имъ только въ томъ случаѣ, когда по строгому изслѣдованію окажется, что онѣ дѣйствительно пустопорожнія и слѣдовательно споръ о владѣніи возникнуть не можетъ. Оброчныхъ же земель въ помѣстья отнюдь не давать ([2]). Если въ старинныхъ вотчинахъ, а не въ новыхъ дачахъ, владѣльцы распахали земли въ поверстныхъ лѣсахъ и въ лугахъ и поставили селенія и эти земли даны имъ въ вотчину еще Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, то имъ владѣть ими по старымъ жалованнымъ грамотамъ и писцовымъ книгамъ, точно также если въ ихъ родовыхъ вотчинахъ по новымъ описямъ окажутся примѣрныя земли расчищенныя изъ поверстныхъ лѣсовъ и луговъ, то эти земли считать въ ихъ же вотчинѣ ([3]). Кому были уже даны лѣсныя угодья изъ дикихъ поль, а потомъ въ тѣхъ же мѣстахъ будутъ даны угодья другимъ лицамъ, то старымъ и новымъ владѣльцамъ дѣлить земли по дачамъ по смежности владѣній ([4]).

Кромѣ этихъ общихъ постановленій Алексѣй Михайловичъ издалъ нѣкоторыя и частныя касающіяся лѣсовъ. Служилые люди, расположенные по южной границѣ близь Бѣлгорода доносили Государю, что лѣса находящіеся въ тѣхъ мѣстахъ сильно вырублены для гонки смолы и жженія поташа, что въ слѣдствіе этого открылся недостатокъ въ дровахъ, наконецъ сильно пострадали отъ дыма пчелы находившіяся въ тѣхъ бортныхъ ухожьяхъ и медъ вздорожалъ. Алексѣй Михайловичъ постановилъ: будныхъ ста-

---

([1]) Улож. гл. XVI п. 24.
([2]) Тамъ же п. 35.
([3]) Тамъ же гл. XVII. п. 18.
([4]) П. С. З. т. I. 522.

новъ въ тѣхъ мѣстахъ никому не давать, а для осмотра уже существующихъ становъ, послать дворянъ изъ Пушкарскаго приказа. Въ заключеніе указа Царь прибавляетъ: если объ устройствѣ въ тѣхъ мѣстахъ будныхъ становъ будутъ посланы указы изъ приказа Большой Казны, то воеводы пограничныхъ городовъ, не отводя лѣсовъ, должны донести Государю о распоряженіи приказа и ждать отъ Царя особаго повелѣнія. Если же воеводы отведутъ лѣса, не донеся Царю о распоряженіи приказа Большой Казны, то «быть имъ за то въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ и въ вѣчномъ разореньѣ» (¹).

Въ 1671 году Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Рязанскій уѣздъ дьяка помѣстнаго приказа Андреяна Яковлева для розысканія, кто испортилъ межи и рубилъ заповѣдный лѣсъ; описавъ все Яковлевъ долженъ былъ ѣхать не мѣшкавъ въ Москву, а надзоръ за цѣлостью засѣки и межевыхъ признаковъ поручить Рязанскому воеводѣ (²).

Начало нашего кораблестроенія принадлежитъ Алексѣю Михайловичу. Ордынъ-Нащокинъ завелъ впервые флотъ на р. Западной Двинѣ. Флотъ этотъ, однако, по Кардисскому миру былъ уничтоженъ. Впослѣдствіи Государь задумалъ устроить флотъ для Каспійскаго моря и въ 1667 году въ с. Дѣдиновѣ (Дѣдновѣ), Коломенскаго уѣзда, приступили къ постройкѣ судовъ. Къ веснѣ 1669 года были готовы трехмачтовый корабль «Орелъ» и одномачтовая яхта. Постройку судовъ производили Голландцы, а завѣдываніе корабельнымъ дѣломъ поручено боярину Ордынъ-Нащокину. Капитаномъ корабля назначенъ Голландецъ Давидъ Бутлеръ. Кромѣ Дѣдинова строились суда и въ Астрахани.

Въ 1668 году переводчикъ посольскаго приказа Андрей Виніусъ составилъ предположеніе замѣнить корабли гребными катаргами и въ проэктѣ своемъ, въ 13 пунктахъ,

---

(¹) П. С. З. I. 250.

(²) Тамъ же № 502.

доказываетъ преимущество, въ Каспійскомъ морѣ, гребнаго флота предъ парусньмъ. Былъ ли проэктъ Виніуса приведенъ въ исполненіе неизвѣстно. Корабль же «Орелъ» сожженъ Стенькой Разинымъ. Этимъ и кончились попытки наши въ устройствѣ флота.

Для осмотра лѣсовъ и выбора деревъ годныхъ для кораблестроенія, посланы иностранцы: полковникъ фонъ-Буковенъ и мастеровой Ламбертъ Гельтъ съ четырьмя товарищами, въ Вяземскій уѣздъ на р. Угру, въ Каломенскій уѣздъ въ Дѣдново, «и въ иныя мѣста». Годные корабельные лѣса переписать и по распросамъ мѣстныхъ жителей опредѣлить въ чьихъ дачахъ они находятся; какъ далеко лежатъ эти мѣста отъ Угры и Оки, сколько верстъ по Угрѣ и Окѣ придется сплавъ до Волги, какъ удобнѣе гнать лѣсъ сплавомъ или на судахъ, не встрѣтятся ли на Волгѣ—и гдѣ—мели, могущія помѣшать сплаву лѣса? Описаніе это касалось только одного частнаго случая, и имѣло цѣлью собственно пріискъ деревъ для кораблей предназначенныхъ къ постройкѣ. Полковникъ Буковенъ описалъ только 50 деревъ на корнѣ, остальныя же, а также и доски нашелъ готовыми у крестьянъ разныхъ селеній Вяземскаго и Коломенскаго уѣздовъ, и по указу Государя лѣсъ годный для кораблестроенія, найденный у частныхъ лицъ, купленъ (*). Такимъ образомъ кораблестроеніе задуманное Алексѣемъ Михайловичемъ и кончившееся съ уничтоженіемъ «Орла», не внесло въ наше лѣсное законодательство ни одного новаго постановленія, и нынѣшней лѣсной наукѣ принесло пользу сохранившимся извѣстіемъ о размѣрахъ разныхъ деревъ найденныхъ полковникомъ Буковеномъ.

Мѣры и распоряженія Правительства въ царствованіе Θедора Алексѣевича и Петра и Ивана Алексѣевичей, относительно лѣсовъ, не представляютъ ничего особеннаго въ развитіи нашего лѣснаго законодательства. Главный предметъ ихъ заботливости составлялъ надѣлъ земель и лѣсовъ

(*) Д. къ А. И. V. 46. 47, 80. Берха. Цар. Алек. Мих. I. стр. 250. Медовик. Ист. знач. Цар. Алек. Мих. стр. 186.

и возможно точное межеваніе земель. При составленіи писцовыхъ книгъ дворы описывались вообще безъ обозначенія пространства усадьбы; та же неточность была и при описаніи лѣсовъ, въ которыхъ не показывалось въ частности пространство подъ пашенной землей, и лѣсомъ и неудобной площадью; а потому въ наказѣ писцамъ о межеваніи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель постановлено: всѣ земли находящіяся въ частномъ владѣніи, не по дачамъ, а по самовольному завладѣнію, описывать подробно на какихъ они урочищахъ, на рѣкахъ ли, ручьяхъ, по суходолу, на оврагахъ, и обозначить точно по одну или по обѣ стороны рѣки или овраговъ лежатъ земли, показать смежности, пашню, перелогъ и что поросло лѣсомъ Измѣреніе производить десятинами, принимая десятину въ 2,400 саженъ. Покосы и лѣса мѣрить тоже десятинами, если же лѣса такъ велики, что мѣрить ихъ десятинами нельзя, то описывать ихъ по показаніямъ окольныхъ жителей, и показать пространство лѣсовъ и качество земли. Точно также обмѣрять и описывать вотчинныя и помѣстныя земли ([1]).

О нарѣзкѣ лѣсовъ Өедоръ Алексѣевичъ издалъ слѣдующіе указы. По челобитію Московскихъ выборныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, что нарѣзка земли подъ усадьбу и выгоны по прежнему расчету недостаточна, Государь повелѣлъ нарѣзывать всѣмъ подъ усадьбы на каждыя сто четвертей по 5 десятинъ, на сѣнные покосы по 25, да вмѣсто лѣсныхъ угодій, гдѣ лѣсовъ нѣтъ, по 20 десятинъ, всего по 50 десятинъ, вмѣсто прежнихъ 30 ([2]). Въ дополненіе и разъясненіе этого повелѣнія, въ томъ же году, 7 апрѣля Өедоръ Алексѣевичъ указалъ: когда помѣщики владѣютъ дачами близъ большихъ нежеванныхъ лѣсовъ, назначенныхъ по писцовымъ книгамъ въ общемъ владѣніи, то 20 десятинную пропорцію на 100 четвертей имъ не давать потому, что они имѣютъ право въѣзда въ лѣсъ. При описаніи земель писцы обязаны включить это

([1]) П. С. З. II. 890.

([2]) Тамъ же 903.

въ писцовыя книги и подъ той же статьей замѣтить: когда изъ этихъ поверстныхъ лѣсовъ земля очистится и указныя 20 десятинъ будутъ нарѣзаны, то остающееся за нарѣзкой пространство лѣсовъ отдать тѣмъ же помѣщикамъ по дачамъ въ четверти, кому сколько придется по расчету; если же кто расчистилъ лѣсъ подлѣ своей дачи, или хотя бы и не подлѣ ея, то отдать ему расчищенное пространство въ зачетъ лѣсныхъ угодій, а остальной лѣсъ раздѣлить между всѣми владѣльцами по ихъ дачамъ. Точно также землю расчищенную въ общемъ лѣсу, повелѣвалось отдать въ зачетъ лѣсныхъ угодій тому, кто расчистилъ это пространство (1).

Относительно бортныхъ угодій и вообще оброчныхъ статей находящихся въ лѣсахъ постановлено, чтобы писцы описывали ихъ съ возможной точностью и подробностью, обозначая подробно не только мѣста гдѣ находятся угодья, но даже и знаки каждаго владѣльца бортей дѣлаемые ими на бортяхъ. На обязанности писцовъ лежала хозяйственная раздача угодій и даже возвышеніе доходовъ съ оброчныхъ статей: на писцовъ возлагалось отдавать бортныя ухожья тѣмъ изъ крестьянъ, которые дадутъ большій оброкъ и брать отъ нихъ въ исправномъ платежѣ денегъ поруки съ ручательствомъ другихъ бортниковъ. Дѣтямъ же боярскимъ не давать въ оброкъ бортныхъ лѣсовъ, бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій, чтобы угодья эти не запустѣли, а имѣть въ виду только крестьянъ бортниковъ (2).

За порчу бортныхъ деревъ Ѳедоръ Алексѣевичъ ослабилъ наказаніе. Онъ постановилъ за порчу борти огнемъ или топоромъ взыскивать въ казну за каждую борть дѣльную съ пчелами по рублю за дерево, за борть дѣльную безъ пчелъ по полтинѣ, а за дерево бортное безъ пчелъ и не дѣльное по полуполтинѣ (3).

---

(1) П. С. З. II. 912.
(2) Тамъ же 835.
(3) П. С. З. т. II. № 890.

Осмотръ засѣкъ былъ произведенъ по повелѣнію Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича, тоже сдѣлалъ и Θеодоръ Алексѣевичъ. Въ 1678 году онъ повелѣлъ послать воеводъ для осмотра засѣкъ и провѣрки ихъ границъ съ писцовыми и дозорными книгами. Если при этомъ окажется, что помѣщики уничтожили и запахали прежнія границы, то возобновить межевые признаки по писцовымъ книгамъ. Если на засѣчныхъ земляхъ поселены крестьяне, то описать ихъ на Государя. Обвалившіеся и погнившіе городки, острожки, надолбы, ворота, башни, лѣсные завалы поправить и возобновить. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ засѣчный лѣсъ вырубленъ сплошь, и лѣснымъ заваломъ укрѣпить ихъ нельзя, сдѣлать валы, рвы, надолбы и другія укрѣпленія, смотря по мѣсту и удобству. Работы эти произвести тѣми людьми, противъ чьихъ помѣстій сдѣланы такія истребленія засѣкъ. Переписать всѣхъ засѣчныхъ сторожей, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ, а также описать и ихъ земли. При этомъ обозначить, владѣютъ ли они своими землями въ предѣлахъ ихъ нарѣзки или смежные помѣщики завладѣли ихъ угодьями, въ послѣднемъ случаѣ земли воротить въ пользованіе засѣчныхъ сторожей. Всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и ихъ крестьянамъ подтвердить, чтобы не смѣли ходить въ лѣсъ, прокладывать туда дорогъ и производить рубку лѣса, въ противномъ случаѣ съ нихъ взыщется штрафъ денежный. Если же кто проложитъ въ засѣку дорогу или тропинку, срубитъ дерево съ межевымъ знакомъ или безъ него, вырубитъ избу или овинъ, то за дорогу и вырубку дерева съ знакомъ 10 рублей штрафу, а за тропинку и дерево безъ знака 5 рублей. Сверхъ того виновныхъ въ порубкѣ, кто бы онъ ни былъ—помѣщикъ, вотчинникъ или крестьянинъ, наказывать тѣлесно: «бить кнутомъ въ городѣхъ въ торговые дни при многихъ людехъ, чтобъ на то смотря, инымъ также не повадно было въ засѣки ходить и дороги и стежки прокладывать и засѣчной лѣсъ сѣчь». Но если кто послѣ первой вины будетъ поймалъ въ томъ же въ другой разъ, то виновнаго «казнить смертью». Въ случаѣ потворства порубщикамъ со стороны

засѣчныхъ сторожей и головъ, взыскивать съ нихъ штрафныя деньги вдвое и имѣнія описывать на Государя (1).

Писцовые наказы Ивана и Петра повторяютъ, большею частію, прежде изданныя постановленія. Такимъ образомъ, писцовый наказъ 20 мая 1683 года повелѣваетъ: описать свободныя порозжія земли, именно при какихъ онп урочищахъ, подлѣ рѣкъ или на ручьяхъ или на суходолѣ, по одну или по обѣ стороны рѣки, съ чьими землями смежны, сколько заключаютъ пашни, перелогу. Пространства эти мѣрить десятинами въ длину 80, а поперегъ по 30 саженъ, сѣнные покосы и лѣса мѣрить тоже десятинами, гдѣ же лѣса слишкомъ велики и мѣрить ихъ въ десятины нельзя, то описывать по показанію мѣстныхъ жителей. При этомъ, однако, «и самимъ смѣчать накрѣпко», сколько верстъ имѣетъ лѣсъ и какая въ немъ земля. Наказъ этотъ есть чистое повтореніе наказа Θедора Алексѣевича 26 августа 1681 (2), съ той разницей, что въ концѣ добавлено: если къ писцамъ будутъ привозить жалованныя грамоты Государей изъ помѣстнаго приказа на свободныя земли, то отводить эти земли лицамъ пожалованнымъ ими (3). 27 п. наказа 1683 года говоритъ. Подъ усадьбы нарѣзать по 5 десятинъ на 100 четвертей земли, а въ покосы 25 десятинъ, всего 50 десятинъ. Гдѣ же дачи больше или меньше 100 четвертей, то нарѣзать по расчету. Безъ грамотъ Государей никому не нарѣзывать земель изъ дикихъ поль, а у кого по размежеванію окажется излишекъ противъ дачи, то земли отписывать на Государей, впредь до отдачи ихъ въ помѣстья. Рѣчныя и лѣсныя угодья писать въ указныхъ четвертяхъ и дозволять въѣзжать въ нихъ всѣмъ ихъ владѣльцамъ. При описаніи земель, если встрѣтятся неудовольствія со стороны владѣльцевъ, то распрашивать ихъ подробно нѣтъ ли имъ дачь изъ дикихъ поль въ другихъ мѣстахъ, и если окажется, что владѣльцы сдѣлаютъ при этомъ лож-

(1) П. С. З. II. 728.
(2) П. С. З. II. 890.
(3) П. С. З. II. 1013.

ное показаніе, то отъ нихъ отбирать прежнія ихъ жилыя въ замосковскихъ городахъ помѣстья и вотчины и новыя дачи (¹). Если въ отказныхъ книгахъ написаны кому нибуть поверстные лѣса и сѣнные покосы и смежные владѣльцы будутъ спорить противъ этого и покажутъ, что земли написаны изъ дачь, то описывать лѣса и покосы и межевать ихъ по дачамъ (²).

По писцовому наказу 1684 года установлено: если помѣщики или вотчинники приписали къ своимъ дачамъ лѣса, послѣ писцовыхъ книгъ или владѣютъ лѣсами безъ дачъ, то всѣ эти лѣса дѣлить между смежными владѣльцами въ угодья.

Если кто въ угодьяхъ, расчищенныхъ изъ поверстныхъ лѣсовъ, поселилъ крестьянъ, или въ лѣсахъ назначенныхъ въ угодья расчистилъ пашни и покосы, то эти расчищенныя земли писать въ четверти и давать владѣльцамъ вотчинныя въ вотчину, а помѣстныя въ окладъ, что же окажется лишнимъ противъ оклада, то продавать имъ же въ вотчину, а если владѣльцы не захотятъ купить этихъ земель и будутъ просить дать имъ ихъ въ число дикихъ поль, то земли нарѣзать согласно просьбѣ владѣльцевъ по указному числу дикихъ поль, а излишекъ продать имъ же въ вотчину.

Когда въ писцовыхъ книгахъ показаны поверстные или десятинные лѣса вообще, то раздѣлить ихъ между помѣщиками и вотчинниками по дачамъ и приписать къ тѣмъ селеніямъ, которымъ слѣдовало въѣзжать въ эти лѣса по писцовымъ книгамъ. Если же кто завладѣлъ лѣсами изъ обводныхъ земель, или взялъ ихъ вмѣсто дикихъ поль, то владѣніе это уничтожить, потому что владѣльцы пользуются ими не по писцовымъ книгамъ Когда лѣса написаны за кѣмъ верстами, или десятинами, тѣмъ владѣть ими какъ показано въ писцовыхъ книгахъ.

Если по грамотамъ Помѣстнаго приказа назначенъ лѣсъ для въѣзда разнымъ владѣльцамъ, а на сколько верстъ или

(¹) П. С. З. II. 1013, п. 27.

(²) П. С. З. II. 1013, п. 13.

десятинъ опредѣленъ въѣздъ, въ писцовыхъ книгахъ необъяснено, и этими землями завладѣли помѣщики или вотчинники въ число дачь, то владѣльцамъ, пользующимся правомъ въѣзда, въѣзжать въ лѣсъ по прежнему. По мѣрѣ расчистки лѣсовъ расчищенныя земли описывать особо, безъ указа Государей никому ихъ не давать и отнимать обводныя земли отъ тѣхъ, кто ими завладѣетъ.

Когда лѣса приписаны не къ однимъ селеніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дано право въѣзда въ эти лѣса и другимъ владѣльцамъ, то въѣзды дѣлать, какъ обозначено въ писцовыхъ книгахъ, а дороги ведущія въ лѣсъ, какъ старыя, такъ и новыя, описывать подробно чрезъ чьи земли должны онѣ идти.

Когда помѣщики, у которыхъ по писцовымъ книгамъ нѣтъ никакихъ лѣсныхъ угодій, будутъ просить право въѣзда въ лѣса и угодья написанныя другимъ, то отказывать имъ въ просьбѣ и лѣсами владѣть тѣмъ, кому они принадлежатъ по писцовымъ книгамъ.

Вообще новыхъ въѣздовъ не давать никому ([1]).

Если большіе не межеванные лѣса написаны въ общемъ владѣніи, и нѣкоторые помѣщики живутъ и имѣютъ дачи близъ этихъ лѣсовъ, то дозволить имъ въѣзды въ лѣса и 20 десятинную пропорцію лѣсныхъ угодій не давать, и такъ далѣе, какъ сказано въ указѣ 1682 года ([2]).

У кого за раздачей окажутся, по межеванію, лишнія земли, то ихъ отписывать на Государей, до роздачи въ помѣстья; а рѣчныя и лѣсныя угодья писать за владѣльцами и дозволить право въѣзда всѣмъ настоящимъ владѣльцамъ. Порожнія дикія поля, оставшіяся за роздачей въ пограничныхъ городахъ, мѣрить и межевать всѣ и въ книгахъ показывать какія и гдѣ находятся въ тѣхъ дикихъ поляхъ воды, рыбныя ловли, сѣнокосы, лѣса пашенные и непашенные и мѣста удобныя для селитьбы ([3]).

([1]) П. С. З. II. 1074. Пис. Нак. п. 26.

([2]) П. С. З. II. 1074. п. 27.

([3]) Тамъ же п. 64.

Относительно нарѣзки земли подъ усадьбы и сѣнокосы въ 48 п. писцоваго наказа 1684 года сказано тоже, что и въ наказѣ 1683 года (1), съ той разницей, что если за нарѣзкой сѣнокосовъ останутся излишки противъ опредѣленой пропорціи и оклада, то продавать эти излишки тѣмъ, у кого они находились во владѣніи (2).

Указомъ 9 марта 1685 года повелѣно межевать земли, лѣса и бортныя ухожья Мордвы, Черемисъ и Чувашей, состоящихъ въ вѣдѣніи приказа Казанскаго Дворца. При этомъ указано писцамъ привести въ точную извѣстность всѣ оброчныя статьи, приносившія доходъ Государю и въ исправномъ платежѣ оброчной суммы взять поруки съ стороннихъ бортниковъ. Если на какую нибудь статью явится нѣсколько желающихъ, то отдать ее тому, кто дастъ на торгу болѣе и за это лицо должны поручиться вѣрные люди. Дѣтямъ боярскимъ и вообще служилымъ людямъ оброчныхъ статей не отдавать. Если въ лѣсу окажутся сожженыя или срубленныя бортныя деревья, то писцы обязаны взыскивать съ виновныхъ за каждое бортное дерево съ пчелами по три рубли, а безъ пчелъ полтора рубли; за дерево, въ которомъ борть сдѣлана, но пчелъ еще не было, двадцать пять алтынъ, за кряжъ невыдѣланный двѣнадцать алтынъ три деньги. Когда при межеваніи окажутся бортныя ухожья ни кѣмъ несодержимыя, то отдавать ихъ въ оброкъ съ льготой на одинъ или два года; по окончаніи же этого времени бортники обязаны платить въ казну что по оцѣнкѣ писцы назначатъ. При размежеваніи земель Мордовскихъ, Чувашскихъ и Черемисскихъ съ землями русскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, все излишнія земли, забранныя русскими, отмежевывать къ землямъ ясашнымъ Мордвы, Чувашъ и Черемисовъ, и по смежности этихъ земель проводить межники, рыть ямы, дѣлать затески, и всѣ сдѣланные межевые признаки заносить въ межевыя книги (2).

(1) П. С. З. II. п. 48.

(2) Тамъ же 1111.

Этотъ указъ есть извлеченіе изъ другихъ вышедшихъ до того времени постановленій о межеваніи и описаніи бортныхъ ухожій и новаго въ себѣ ничего не заключаетъ.

Относительно порчи въ лѣсахъ бортныхъ деревъ, постановлено наказаніе, назначенное еще Алексѣемъ Михайловичемъ 218 п. X гл. Уложенія [1]. Оно и не могло быть иначе: Уложеніе служило основнымъ началомъ для всѣхъ послѣдующихъ постановленій, и заключало полныя постановленія по межеванію и лѣсному хозяйству; послѣдующія узаконенія только развивали основныя идеи Уложенія и высказывали имъ недосказанное.

Къ числу совершенно новыхъ статей, вышедшихъ въ царствованіе Ивана и Петра, принадлежатъ постановленія о сборѣ пошлинъ съ лѣса идущаго на продажу.

Въ 1686 году повелѣно: со всякаго лѣсу и дровъ проплавляемыхъ на продажу брать пошлину. Если же сплавщики лѣса принесутъ челобитную, что лѣсъ сплавляется ими для себя и вырубленъ въ собственныхъ дачахъ и по тщательному изслѣдованію и спросу рабочихъ подтвердится показаніе хозяевъ, то лѣсъ пропустить безъ пошлины. Когда по свидѣтельству лѣса окажутся излишки противъ количества показаннаго въ челобитной, то излишки конфисковать въ пользу казны. Если же по розыску откроется, что лѣсъ купленъ и идетъ на продажу, то описать его на Государя. Вообще безъ изслѣдованія, кому идетъ лѣсъ—на продажу или для собственнаго употребленія, лѣсовъ не пропускать, чтобъ не могъ страдать интересъ казны [2].

Въ первую эпоху своего развитія наше лѣсное законодательство не имѣло ничего точнаго и опредѣлительнаго. Такой характеръ законодательства былъ необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ того времени.

Не останавливаясь на законѣ о рубкѣ лѣса въ судебникѣ Царя Константина и законѣ Ярослава о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ, какъ на статьяхъ не могшихъ

(1) П. С. З. II. 1074. Пис. Нак. п. 40.
(2) П. С. З. II. 1176.

имѣть у насъ практическаго значенія и составляющихъ переводъ статей извлеченныхъ изъ права византійскаго,— разсмотримъ собственно русскія статьи относящіяся къ лѣсамъ.

Россія въ древности была очень богата лѣсомъ. Іосафатъ Барбаро, посѣтившій Россію въ началѣ XV вѣка, говоритъ, что лѣтомъ въ Россіи никто не отваживается въ дальній путь по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми. Павелъ же Іовій, бывшій въ Россіи въ XVI столѣтіи, замѣчаетъ, что Герцинскіе лѣса, будучи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заселены и расчищены трудолюбіемъ жителей, не представляютъ тѣхъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде (*). Изъ этого можно заключить, что хлѣбопашество распространялось довольно сильно.

Потребность въ пашенной землѣ вызвала необходимость расчистокъ и дала лѣсу значеніе, потому что только въ расчисткахъ лѣсныхъ пространствъ заключалась возможность удовлетворенія увеличивающейся потребности въ пашнѣ. Отсюда рядъ грамотъ утверждающихъ право владѣнія лѣсными пространствами, какъ залогомъ вѣрнаго обезпеченія будущей и настоящей потребности въ пахатяхъ.

Между тѣмъ количество лѣсовъ еще такъ значительно, и потребность въ расчисткахъ такъ велика, что даже при отдачѣ лѣсовъ для промысла, лѣсъ ставится ни во что, напр. при отдачѣ дикихъ лѣсовъ за р. Сѣверной Двиной на выварку соли, о лѣсѣ нѣтъ рѣчи, а говорится только о расчисткахъ. Здѣсь лѣсъ не можетъ еще получить большаго значенія: его много и покупать его никто не станетъ, тогда

(*) Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи т. I. Іосафатъ Барбаро стр. 59. Павелъ Іовій стр. 22 «Герцинскій лѣсъ (отъ Нѣмец. Harz или Hartwald, простирался въ древности по свидѣтельству Юлія Цезаря, отъ границъ земли Гельветовъ, Неметовъ и Раураковъ по теченію Дуная, до предѣловъ Дакіи, откуда поворачивалъ влѣво въ страны отдаленныя отъ сей рѣки, и по своей обширности касался предѣловъ разныхъ народовъ. Плиній, Стробонъ Пампоній Мела, Тацитъ и другія Римскіе писатели также упоминаютъ объ немъ». Тамъ же примѣч. 47 къ Алберту Камнензѣ.

какъ увеличеніе пашень приноситъ очевидную пользу; наконецъ и самыя расчистки Правительство хотя и признаетъ дѣломъ труднымъ, однако необходимымъ для увеличенія пашенныхъ земель—одного изъ главнѣйшихъ источниковъ народнаго обезпеченія. Поэтому для распространенія и увеличенія расчистокъ Правительство даетъ народу льготы—крестьянъ устроивающихъ новыя поселенія освобождаетъ на большее или меньшее число лѣтъ отъ платежа податей и повинностей.

Правительство было постоянно вѣрно своей идеи—оно издавало указъ, когда требовала того необходимость. Отъ этого до Уложенія Алексѣя Михайловича, получившаго значеніе общаго государственнаго права, ни одинъ законъ предшествовавшихъ ему Государей не имѣетъ подобнаго значенія и сохраняетъ постоянно характеръ частнаго распоряженія, относящагося только къ одному вызвавшему его обстоятельству.

Подобное правильное, органическое развитіе, было необходимымъ слѣдствіемъ вѣрнаго развитія закона изъ дѣйствительной жизни:—лѣса Троицко-Сергіева монастыря въ Переславлѣ уменьшились, братія боится, что при свободной рубкѣ всѣми лѣсовъ ей принадлежащихъ, можетъ явиться большая трудность и большій расходъ на заготовку лѣса, а можетъ быть даже и недостатокъ въ немъ и вотъ Иванъ III даетъ охранную грамоту на лѣса этого монастыря и даже назначаетъ своего пристава для наблюденія за исполненіемъ его повелѣнія. Тоже дѣлаетъ и Иванъ IV, издавая охранныя грамоты на лѣса, принадлежащія Зосимской пустынѣ и рощи и молодняки Симонова монастыря. Эти охранныя грамоты имѣютъ частное значеніе, они охраняютъ дѣйствительно то, что необходимо охранять, а не говорятъ о лѣсахъ какой нибудь Двинской провинціи, гдѣ даже необходимо рубить и чистить насажденія.

Явился законъ, явилось и наказаніе за нарушеніе его: Иванъ IV запрещаетъ рубить лѣса Зосимской пустыни, и за неповиновеніе приказу велитъ брать съ виновныхъ «заповѣди два рубля»; но эти два рубля только штрафъ за

нарушеніе заповѣди, а не за лѣсъ, который не имѣетъ еще цѣны.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей, лѣсъ самъ по себѣ не значитъ ничего: онъ или служитъ для образованія пашень, или приноситъ доходъ отъ посторонних пользованій, т. е. рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ и бортныхъ ухожій.

Разъ только Правительство выразило идею о необходимости бережливаго обращенія съ лѣсами, издавъ повелѣніе о смѣтѣ на сгорѣвшій въ Суздалѣ острогъ, но эта идея не получила дальнѣйшаго развитія. Оно и не могло быть иначе: если смѣта имѣла въ виду сберечь лѣсъ, то она была невѣрна обстоятельствамъ того времени, потому что и нынче Суздальскій уѣздъ богатъ лѣсомъ; если же было намѣреніе недопустить произволъ рубки и ограничить ее мѣрой необходимости, то объ этомъ обстоятельствѣ, при отсутствіи лицъ охранявшихъ лѣса и наблюдавшихъ за рубкой, не могло быть тогда и рѣчи. Наблюденіе за лѣсами поручалось только иногда въ тѣхъ случаяхъ, когда давалась на лѣсъ охранная грамота,—общихъ же постановленій объ охраненіи лѣсовъ не было; вообще рубка въ лѣсахъ была свободна, за исключеніемъ лѣсовъ заповѣдныхъ, т. е. или имѣвшихъ особое назначеніе, или получившихъ охранную грамоту.

Значеніе лѣса какъ собственности государственной или частной было вообще не опредѣлено, иногда давалась охранная грамота на лѣсъ и никто не имѣлъ права рубить его, кромѣ владѣльца; въ другой разъ дается право на рубку во всѣхъ лѣсахъ чьибъ они ни были;—наконецъ Уложеніемъ Алексѣя Михайловича дозволено служилымъ людямъ рубить во всѣхъ частныхъ лѣсахъ безъ исключенія. Эта неточность и неразграниченность права вытекали тоже изъ того же источника: обилія лѣсовъ.

Для завѣдыванія лѣсами не существовало особаго приказа. Когда въ лѣсѣ увидѣли возможность укрѣпить государство отъ нападенія непріятелей, то завѣдываніе засѣками поручили Пушкарскому приказу; мѣра эта была при-

ната не для лѣса собственно, а только для наблюденія за сохранностью засѣкъ, какъ укрѣпленій. Алексѣй Михайловичъ первый повелѣлъ Пушкарскому приказу завѣдывать всѣми засѣками, хотя еще и до него нѣкоторыя дѣла относящіяся до лѣсовъ, поступали въ этотъ приказъ. Когда Михаилъ Ѳедоровичъ поручилъ Бабарыкину составить смѣту на починку и постройку въ Суздалѣ острога, то приказалъ отправить ее въ Пушкарскій приказъ на разсмотрѣніе окольничему князу Андрею Ѳедоровичу Литвинову-Мосальскому (*).

Во всякомъ случаѣ въ порученіи засѣкъ надзору стрѣлецкихъ головъ, а мѣстами воеводъ, въ назначеніи засѣчныхъ сторожей и въ назначеніи главнаго завѣдыванія засѣками Пушкарскому приказу выразилась полная администрація того времени. Разумѣется мѣры эти предпринимались не для лѣсовъ собственно, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ нынѣшней системой управленія и охраненія лѣсныхъ дачъ, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ полное выраженіе того порядка, который былъ не только необходимъ для того времени, но и возложенъ по существовавшему порядку вещей.

Требовать отъ лѣсныхъ постановленій до-Петровской Руси той стройности и цѣльности, какую мы можемъ ожидать и требовать отъ послѣдующаго развитія лѣснаго законодательства, невозможно. Первый, до-Петровскій, періодъ нашего лѣснаго управленія выразилъ все, что онъ могъ и долженъ былъ выразить. Самъ по себѣ онъ полонъ и законченъ и не имѣетъ ничего общаго съ лѣснымъ управленіемъ начавшимся съ единодержавіемъ Петра Великаго. Петръ внесъ въ лѣсное управленіе новое начало, новую идею и придалъ лѣсу значеніе до него не бывалое. Не одинъ изъ предшествовавшихъ ему законовъ не послужилъ началомъ для послѣдующаго развитія постановленій о лѣсахъ; такъ что законы о лѣсахъ до единодержавія Петра и съ этого времени, составляютъ два отдѣльныхъ и совершенно

(*) А. А. Э. III. 324.

независимыхъ цѣлыхъ: каждое изъ нихъ могло существовать отдѣльно и не было нисколько необходимо одно для другаго.

Отъ этого новаго порядка вещей и новаго начала, внесеннаго Петромъ въ жизнь государственную, многое имѣвшее большое значенiе до Петра Великаго, при этомъ Государѣ начало терять свою важность и наконецъ совершенно утратило государственное значенiе, напр. пчеловодство. При неразвитiи нашей торговли и ограниченныхъ средствахъ государства, отдача въ оброкъ бортныхъ и другихъ угодiй составляла важную поддержку Правительству. Какъ развитiе пчеловодства было важно для государства, въ той же степени упадокъ этой промышлености вредилъ государственнымъ доходамъ, отъ этого-то Правительство такъ и хлопотало о бортныхъ ухожьяхъ, поручало писцамъ при описанiяхъ земель увеличивать оброчную сумму, отдавать бортныя ухожья только бортникамъ, а отнюдь не дѣтямъ боярскимъ, боясь, что отъ незнанья ихъ борти запустѣютъ,—наконецъ самый штрафъ за порчу бортей и кражу пчелъ брало себѣ, а не отдавало бортникамъ.

Только межеванiе и нарѣзка земель не утратили своего значенiя и отъ Петра перешли къ его наслѣдникамъ почти въ томъ видѣ, въ какомъ достались ему самому отъ предковъ. Но и это произошло отъ того, что Петръ не успѣлъ или не могъ осилить этого слишкомъ сложнаго и огромнаго дѣла. Отъ этого къ Петру перешли, да и намъ достались частью всѣ виды поземельныхъ владѣнiй, явившiеся вслѣдствiе тогдашняго несовершенства межеванiя и недостатка разграниченiя поземельной собственности, т. е. лѣса поверстные, — измѣренные примѣрно верстами; лѣса десятинные, — измѣренные десятинами, общiе, въѣзжiе, спорные, наконецъ вотчинные, помѣстные и немежеванные.

Вотъ краткiй обзоръ дѣятельности нашего Правительства до Петра Великаго по лѣсному управленiю и въ какой степени развитiя досталось Петру государственное лѣсное хозяйство Россiи.

Теперь остается разсмотрѣть, какое богатство получилъ Петръ въ самыхъ лѣсахъ, доставшихся ему отъ его предшественниковъ.

Россія, какъ было уже сказано, отличалась издревле богатствомъ лѣсовъ. Огромная площадь лѣсовъ занимала нынѣшнюю среднюю и сѣверную полосу Россіи и была извѣстна въ древности подъ названіемъ Герцинскихъ лѣсовъ.

Вотъ подробности, могущія разъяснить болѣе степень лѣсистости и населенности Россіи того времени.

Іосафатъ Барбаро, предпринявшій путешествіе въ Тану (нынѣшній Азовъ, посадъ въ Екатеринославской губерніи) въ 1436 году и бывшій въ Россіи только проѣздомъ изъ Татарской степи въ свое отечество, ѣхалъ изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, потомъ повернулъ на Рязань, Коломну и Москву. Онъ говоритъ, что на Волгѣ находится множество острововъ и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 30 миль въ окружности. Въ лѣсахъ, ростущихъ на этихъ островахъ, попадаются такія огромныя липы, что изъ одного кряжа можно выдолбить лодку, которая вмѣститъ 8 или 10 лошадей и столько же людей. Рязанская область по его замѣчанію была вообще лѣсиста и довольно населена. Московія же вообще покрыта огромными лѣсами, почти вовсе необитаемыми (¹).

Отъ Москвы на Польшу первый городъ встрѣтившійся Барбаро, была крѣпость Троки; дорога на него тянулась чрезъ лѣса и горы и представляла видъ совершенной пустоты. Лишь только по временамъ встрѣчались слѣды огня разведеннаго путниками для ночлега, да изрѣдка мелькали деревеньки (²).

Амвросій Канторини, посѣтившій Россію послѣ Барбаро, именно въ концѣ 15 столѣтія, говоритъ, что городъ Москва окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россіи. На счетъ невозможности ѣздить по Россіи лѣтомъ замѣчаетъ тоже, что и Барбаро, т. е. что

(¹) Б. И. И. Іос. Барбаро стр. 57, 58, 59.
(²) Тамъ же стр. 62.

перевозка тяжестей и ѣзда возможны только зимой, лѣтомъ же, по причинѣ большихъ лѣсовъ, дороги отъ грязи почти вовсе непроходимы (1). О дорогѣ отъ Москвы до Трокъ у Конторини находимъ большія подробности. Вотъ его слова: «Нужно замѣтить, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту, и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха, чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда, и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега. Подложивъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно садились вокругъ костра и подкрѣпляли себя пищей; когда же одинъ бокъ начиналъ сильно зябнуть отъ стужи, то переворачивались на другой (2).

Характеръ этой мѣстности мало измѣнился въ лѣсномъ отношеніи и къ концу 17 столѣтія. Лизекъ, бывшій въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, отзывается о дорогѣ отъ Москвы на Смоленскъ не лучше. По его замѣчанію путь отъ Смоленска до Москвы опасенъ отъ множества медвѣдей и скученъ, по причинѣ непрерывныхъ лѣсовъ. Единственная между этими городами дорога шла по полосѣ вырубленаго лѣса, шириной около 30 футовъ, съ бревенчатою по болотамъ настилкой. Населенность края тоже не слишкомъ увеличилась; отъ недостатка городовъ и селеній, посольству, при которомъ находился Лизекъ, приходилось часто ночевать въ лѣсу при кострахъ, т. е. также какъ за 100 лѣтъ до него дѣлали Конторини и Барбаро (3).

(1) Тамъ же Амвросій Конторини, стр. 109 и 110.

(2) Тамъ же, стр. 118 и 119.

(3) Посольство Лизека, стр. 13 и 66.

Вообще характеръ мѣстностей отъ 16 до конца 17 столѣтія измѣнился мало; разумѣется расчистки уменьшили количество лѣсовъ, но незначительность расчистокъ сравнительно съ общей площадью лѣсовъ, не могла измѣнить общаго характера Россіи въ лѣсномъ отношеніи, и какъ въ 16, такъ и въ концѣ 17 столѣтія, Россія была еще очень лѣсистое государство. Къ такому заключенію приводитъ сходство свидѣтельствъ разныхъ иностранныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію съ половины 16 до конца 17 столѣтія. Поэтому, не дѣлая большой ошибки, можно извѣстія ими приводимыя принять за основаніе для указанія въ какой степени разныя мѣстности Россіи были богаты лѣсами въ концѣ 17 столѣтія. Разумѣется свѣдѣнія эти не будутъ такъ полны, чтобы можно было обозначить точныя границы лѣсовъ, но онѣ познакомятъ съ относительнымъ характеромъ каждаго края и дадутъ возможность очертить приблизительно вѣрно даже нѣкоторые отдѣльные лѣса.

Начнемъ опять съ общихъ отзывовъ. При описаніи же частностей будемъ основываться на отзывахъ путешественниковъ ближайшихъ къ 18 столѣтію и только въ случаѣ совершеннаго недостатка свидѣтельствъ ихъ для нѣкоторыхъ мѣстностей, укажемъ на писателей болѣе отдаленныхъ. Мы прослѣдимъ извѣстія о Россіи не только въ границахъ ея въ концѣ 17 стотѣтія, но и тѣхъ смежныхъ владѣній, которыя вошли впослѣдствіи въ составъ нашего отечества и составляютъ Россію въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ.

Баронъ Герберштейнъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и болѣе достовѣрныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, бывшій въ ней два раза—въ 1517 году 9 мѣсяцевъ и въ 1526 году 11 мѣсяцевъ, говоритъ: вся Московская область не такъ давно была очень лѣсиста, что можно заключить по пнямъ отъ большихъ деревъ, существующихъ до нынѣ (*). Не смотря на замѣчаніе, что Россія недавно

(*) Rerum Moscoviticarum commentarii. Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neuperg, et Gaetenhag, auture, Francfurti MDC, стр. 45.

была очень лѣсиста, заставляющее предполагать, будто бы наше отечество во время Герберштейна имѣло мало лѣсовъ, Россія была еще очень богата лѣсами; современникъ Герберштейна Павелъ Іовій объясняетъ слова его тѣмъ, что Герцинскіе лѣса, расчищенные мѣстами трудолюбіемъ жителей, не представляютъ уже тѣхъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей какъ прежде. Тоже самое находимъ и у Олеарія, бывшаго у насъ въ царствованія Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича. По словамъ Олеарія, Московія, за исключеніемъ мѣстъ расчищенныхъ изъ лѣсовъ палежами для образованія пашень, представляетъ одинъ непрерывный лѣсъ, въ высшей степени изобильный дичью пернатой и четвероногой; по этому-то глухари, фазаны (?), рябчики и куропатки продаются весьма дешево, точно такъ какъ дикіе утки и гуси. Нѣтъ дичи, которой бы не было въ Московіи, исключая оленей; лосей же и кабановъ находится множество (1).

Всѣ другіе обстоятельства, приводимыя Олеаріемъ, подкрѣпляютъ его замѣчаніе о лѣсистости Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ вѣроятно немного преувеличены, напримѣръ онъ говоритъ, что нѣтъ мѣха, который бы могъ защитить носъ, уши, руки и ноги отъ мороза. Въ первое свое путешествіе въ 1634 году, Олеарій былъ свидѣтелемъ такого сильнаго мороза, что въ Москвѣ на главномъ рынкѣ, находившемся передъ дворцемъ, земля дала трещину болѣе двадцати брасъ длины (17 сажень) и въ футъ ширины; слюна замерзала не достигая земли.

Какъ несносенъ зимой морозъ, такъ лѣтомъ жаръ, и не столько самъ по себѣ, сколько отъ множества мухъ, комаровъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ, которые зарождаются въ водахъ и болотахъ занимающихъ порядочную часть страны. Количество насѣкомыхъ такъ велико, что какъ днемъ, такъ и ночью защититься отъ ихъ нападенія составляетъ порядочный трудъ (2).

---

(1) V. du. A. Olearius l. III. p. 169.
(2) Тамъ же l. III. p. 163, 164, 165 и 169.

Въ «Relations» Графа Карлиля, посланнаго къ царю Алексѣю Михайловичу, тоже что и у Олеарія: Россія тотъ же непрерывный лѣсъ и отъ насѣкомыхъ нѣтъ спасенья. Особенно не нравилось Карлилю, что въ теченіе его путешествія, всякій день при вставаніи утромъ, кто нибудь изъ свиты оказывался такъ искусаннымъ насѣкомыми, точно будто бы онъ страдалъ оспой (¹). Въ концѣ описанія Карлиль замѣчаетъ, что Россія такъ богата лѣсами, что на протяженіи 500 лье, сдѣланныхъ ими по болѣе населенной части государства, именно изъ Астрахани, чрезъ Устюгъ, Вологду, Ярославль въ Москву и потомъ чрезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, — онъ видѣлъ лѣса постоянно. Лѣса эти, говоритъ онъ, остатки огромнаго Герцинскаго лѣса, простиравшагося нѣкогда по всему сѣверу, и который въ настоящее время ни въ одномъ изъ сосѣднихъ государствъ такъ не замѣтенъ какъ въ Россіи (²).

О распредѣленіи лѣсовъ въ частности по отдѣльнымъ мѣстностямъ иностранцы, посѣщавшіе Россію, оставили слѣдующія свѣдѣнія.

На югѣ въ нынѣшнихъ Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Астраханской, Самарской, Кіевской, Черниговской, Курской, частью Орловской, Тамбовской и Пензенской губерніяхъ и въ Землѣ Войска Донскаго, лѣсовъ не было. По замѣчанію Мурчисона, вся черноземная полоса Россіи на памяти человѣческой не была покрыта лѣсомъ (³). И дѣйствительно, свидѣтельства оставленныя намъ самыми древнѣйшими писателями подтверждаютъ это мнѣніе. По извѣстію Геродота югъ Россіи была гладкая, необозримая и безлѣсная равнина. Только между Тавридой и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса (⁴).

(¹) La Relations Trois Ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle de la part du Prinse Charles II vers Czar et grand-Duc de Moscovie Alexey Michailovitz. La seconde edition. pag. 21 и 192.

(²) Тамъ же стр. 315.

(³) Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго Мурчисона, Вернейля и Гр. Кейзерлинга, пер. Озерскаго ч. II стр. 546.

(⁴) Карамзинъ. И. Г. Р. изд. 6 т. I. стр. 9.

Іосафатъ Барбаро, прожившій въ Танѣ 16 лѣтъ, говоритъ, что по берегамъ Танаиса (Донъ) лѣсъ росъ во множествѣ. Изъ словъ его можно заключить, что лѣсъ не былъ мелкой, потому что Татары, переправу которыхъ чрезъ рѣку онъ описываетъ, дѣлали плоты Барбаро, плывшій впослѣдствіи по Дону, встрѣчалъ такое множество плотовъ и фашинъ, что во многихъ мѣстахъ рѣка была совершенно запружена ими ([1]).

Конторини, проѣхавшій всю южную степь сначала изъ Кіева югомъ, на Астрахань, а потомъ изъ Астрахани на Рязань въ Москву, говоритъ, что степь очень велика и не имѣетъ ни малѣйшаго слѣда дорогъ. Нерѣдко онъ и его спутники оставались цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить коней, но мѣстами на ней находились отдѣльные лѣсочки, напр. на Днѣпрѣ близъ Черкасъ ([2]).

Между Царицинымъ и Астраханью до самаго Каспійскаго моря, Олеарій нашелъ совершенную пустыню. По его словамъ земля тамъ такъ безплодна, что совершенно неспособна производить хлѣбъ и Астрахань получала его преимущественно изъ Казани. Отъ Чернаго Яра до Астрахани по берегу рѣки совсѣмъ нѣтъ деревъ и вся мѣстность безплодная пустыня. На востокъ отъ Астрахани до р. Яика (нынче Уралъ) шли очень хорошія пастбища. На западъ болѣе чѣмъ на 70 нѣмецкихъ миль, до Чернаго моря, и на югъ вдоль Каспійскаго болѣе чѣмъ на 80 миль, тянулась пустая степь ([3]). Въ эти то степи Калмыки, по словамъ Авриля, отправлялись каждый годъ на кочевку, потому, что онѣ не бываютъ покрыты снѣгомъ и представляютъ постоянно возможность прокормить скотъ, составляющій единственное богатство Калмыковъ ([4]). Слѣдовательно степь эта совсѣмъ не такъ безплодна, какъ говоритъ Олеарій. Авриль проѣзжалъ по югу Россіи въ 1691 году.

([1]) Іос. Барбаро. Б. И. П. т. I. стр. 39.

([2]) Конторини. Тамъ же, стр. 25 и 102.

([3]) A. Olearius. Liv. IV p. 442, 447 и 454.

([4]) Avril. Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir in nouveau chemin à la Chine. Liv. II p. 82.

Мѣстность, лежащая по ту сторону Волги до Яика, была степная, выше же къ р. Камѣ находились лѣса. Герберштейнъ говоритъ, что Нагайскіе Татары, обитавшіе за Волгой, управлялись тремя Князьями-братьями. Первому Шидаку принадлежалъ городъ Сарайчикъ, лежащій за Волгой и все пространство до р. Яика; другому Кассуму все находящееся между рѣками Камой, Волгой и Яикомъ, а третьему — Шихмамаю часть области Сибирской. Изъ этихъ областей только одна принадлежавшая Шидаку была безлѣсна, остальныя же покрыты лѣсами (1).

Около Саратова и отъ него по дорогѣ въ Москву, лежала тоже степь. Авриль, при поѣздкѣ своей изъ Саратова въ Москву, первые три дня ѣхалъ по степи, не встрѣчая ни деревъ, ни жилищъ, и путешествіе это было для него тѣмъ болѣе трудно, что нужно было взять съ собою дрова, воду и фуражъ (Авриль ѣхалъ зимой) (2).

Около и ниже Симбирска тянулась прекрасная большая долина, совершенно безлѣсная, покрытая высокой травой. Мѣстность была совершенно необитаема и необработана и покрыта развалинами городовъ и селеній разрушенныхъ нѣкогда Тамерланомъ (3).

Близъ Козьмодемьянска Олеарій видѣлъ цѣлые лѣса изъ вяза, кору котораго продаютъ во всемъ государствѣ на сани и коробки. Деревья эти бывали иногда такъ толсты, что изъ бревенъ распиленныхъ на цилиндры, выдалбливали кадки, боченки, бочки, гробы и даже челноки и другія небольшія суда; въ 35 верстахъ ниже Казани, Олеарій видѣлъ тоже большое число вязовъ очень высокихъ и пріятнаго вида, которыми былъ украшенъ весь берегъ Волги (4).

Около Нижняго тоже лѣса. При впаденіи Оки въ Волгу, съ обѣихъ сторонъ Оки — лѣса, въ которыхъ множество меда, бѣлокъ, горностаевъ и куницъ.

(1) Rerum Mos. p. 73.

(2) Avril. Liv. II. p. 126.

(3) Olearius. L. IV. p. 423.

(4) Тамъ же стр. 406, 407, 418.

О лѣсистости нынѣшней Нижегородской и смежныхъ съ ней Костромской и Ярославской губерній можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Герберштейна. Говоря о Переславлѣ и о близъ лежащемъ полѣ, на которомъ, по снятіи хлѣба, Государь обыкновенно охотился, Герберштейнъ прибавляетъ, что чрезъ Переславль идетъ дорога въ Нижній, Кострому, Ярославль и Угличъ, но по причинѣ частыхъ озеръ и лѣсовъ точнаго свѣдѣнія о разстояніяхъ имѣть невозможно (1).

О Вологдѣ и Вяткѣ свѣдѣнія болѣе подробны. Весь Вологодскій край покрытъ болотами и лѣсами. По изобилію болотъ и рѣкъ, путешественники не могутъ опредѣлить точной мѣры путей, потому что приходится слѣдить за всѣми извилинами рѣкъ и по мѣрѣ углубленія въ страну, встрѣчать все болѣе непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ. Рѣка Вага, впадающая въ Двину, выходитъ между Бѣлымъ озеромъ и Вологдой изъ болотъ и дремучихъ лѣсовъ. Народъ, живущій на этой рѣкѣ, почти никогда не употребляетъ хлѣба и питается звѣрями. Жители Устюжской области тоже почти никогда не употребляютъ хлѣба, а питаются рыбой и звѣрями, а соль получаютъ съ Двины. Вятская область болотная и безплодная. Дорога туда изъ Москвы чрезъ Кострому и Галичь хотя нѣсколько и короче, но очень трудна, потому что кромѣ болотъ и лѣсовъ, находящихся между Вяткой и Галичемъ, мѣшаетъ ѣздить Черемисса (2). На счетъ Вятки баронъ Мейерберъ, бывшій у насъ въ концѣ 17 столѣтія, говоритъ, что тамъ много болотъ и лѣсу; въ лѣсахъ этихъ огромное количество меда, четвероногой дичи и рыбы, которыми питаются мѣстные жители не заботясь о хлѣбѣ (3).

Выше было приведено извѣстіе Герберштейна объ Окѣ. Олеарій говоритъ объ ней не совсѣмъ тоже; впрочемъ эта

---

(1) Rerum Moscoviti. p. 49, 57, 58.

(2) Rerum Moscoviti. p. 58, 59, 62.

(3) Baron de Mayrberg. Voyage en Mascovie d'un Ambassadeur envoyé par l'empereur Leopold au czar Alexis Michailowics grand Duc de Moscovie p. 263.

разность отзывовъ можетъ происходить отъ того, что оба путешественника посѣщали Россію въ разныя времена. Олеарій говоритъ, что Ока течетъ къ Нижнему съ юга и орошаетъ съ обѣихъ сторонъ прекрасную страну, хорошо населенную и весьма плодородную; тамъ находится множество дубовъ, вообще довольно рѣдкихъ въ Московіи (¹).

Владиміръ съ одной стороны обтекаетъ р. Клязьма, съ прочихъ окружаютъ огромные и пространные лѣса (²).

Къ сѣверу отъ Москвы на Бѣлоозеро шли двѣ дороги: одна ближайшая чрезъ Угличъ, а другая лѣтняя — чрезъ Ярославль. По обѣимъ дорогамъ, по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ наполненныхъ рѣками, ѣздить неудобно, если не строютъ на нихъ мостовъ и не замерзнутъ воды. По трудности дорогъ, изобилію болотъ, лѣсовъ и рѣкъ, мѣста не воздѣланы и города весьма рѣдки (³). Олеарій о Бѣлозерскомъ краѣ говоритъ тоже, но рѣзче. Край этотъ, по его словамъ, такъ болотистъ, лѣсистъ и наполненъ рѣками, что проѣздъ въ него возможенъ только зимой, когда холодъ стянетъ болота и рѣки. Вообще вся Новгородская и Псковская области были очень лѣсисты и болотисты.

По дорогѣ отъ Москвы въ Ревель, чрезъ Тверь и Новгородъ, было не лучше. Тамъ не встрѣчалось ничего кромѣ лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и насѣкомыхъ, отъ которыхъ путешественники защищались съ трудомъ (⁴).

Такой же лѣсистостью отличался западъ Россіи и Литва. Выѣхавъ изъ Москвы, Мейерберъ сдѣлалъ до Вязьмы 130 верстъ однимъ безпрерывнымъ лѣсомъ, въ которомъ была одна только деревня Царево-Займище. Близъ Москвы мѣстность была не лучше: путешественники сдѣлали лѣсомъ 70 миль. Совершенно подобной же дорогой проѣхали они до г. Вильно. Лѣса между Вильно и Полоцкомъ нѣсколько

(¹) Olearius. Liv. IV. p. 387.

(²) Rer. Moscovi. p. 47.

(³) Тамъ же, стр. 57.

(⁴) Olearius. Liv. III. p. 161. Liv. I. p. 26.

не уступали нашимъ сѣвернымъ и восточнымъ лѣсамъ, такъ, что простирались сплошь на 350 верстъ и были очень богаты болотами. Таже лѣсистость была не только въ нынѣшней Гродненской губерніи, но даже у самаго Гродно и въ нынѣшней Волынской губерніи. Вообще Литва отличалась огромными лѣсами богатыми пчелами и разными животными. Мейерберъ называетъ эти лѣса страшными. Тамошніе жители получали прекрасныя жатвы хлѣба: они дѣлали палежи, и такимъ образомъ, безъ другаго удобренія кромѣ золы, въ первые 3 или 4 года получали хлѣбъ въ огромномъ количествѣ. По замѣчанію Авриля лѣса Литвы были такъ богаты дичью, что если бы Литовцы захотѣли сдѣлать изъ своей охоты промыселъ, то могли бы сильно повредить торговлѣ Москвитянъ (1).

Рязанское княженіе въ сѣверной части своей отличалось богатствомъ лѣсовъ и водъ, изобильныхъ всякаго рода дичью, рыбами и пчелами. На югѣ лѣсовъ было менѣе, а отъ южной части нынѣшней Тамбовской губерніи шла ниже степь безлѣсная и ненаселенная (2).

Около Брянска лежалъ громадный лѣсъ шириной въ 24 мили; на крайнихъ предѣлахъ его были расположены Брянскъ, Путивль и Черниговъ; ниже Путивля шла степь вплоть до Тавриды. Западную границу степи составлялъ Кіевъ (3).

Въ нынѣшней Херсонской губерніи лѣсъ находился у устья Днѣпра и проходилъ въ нынѣшнюю Таврическую губернію до Перекопа. Въ Крыму же лѣсъ занималъ южную часть его и росъ на горахъ.

---

(1) Rerum Moscoviticarum p. 102, 103.
Mayerberg pag. 67, 340, 360, 361.
Avril. Liv. IV. p. 239.
Olearius. Liv. II. p. 104.
Б. И. И. Конторини. стр. 20.

(2) Meyerberg. p. 268 и 269.

(3) Rerum Mocsoviti. p 50 и 51. Конторини (Б. И. П.) стр. 21.

Даже Абхазія, Мингрелія и Грузія, не говоря уже про Кавказъ собственно, были страны покрытыя обширными лѣсами (¹).

Извѣстія, которыя можно почерпнуть изъ русскихъ источниковъ, не прибавляютъ почти ничего къ этимъ свѣдѣніямъ. Наши источники слишкомъ недостаточны, и ограничиваются почти исключительно перепиской Петра съ разными лицами во время войны его съ Карломъ XII. Не смотря однако на свою ограниченность, они служатъ однако еще къ большему убѣжденію, что Россія была страна очень лѣсистая (²).

Относительно качествъ лѣсовъ произраставшихъ въ Россіи, свѣдѣнія тоже весьма недостаточны. Полковникъ Буковенъ нашелъ въ Вяземскомъ уѣздѣ на берегу Угры, въ сѣнныхъ лугахъ, 50 сосновыхъ деревъ длиной 5, 6, 7 саженъ и больше, толщиной въ верхнемъ отрубѣ по аршину и больше. Въ томъ же уѣздѣ, на Угрѣ, найдены два дуба 4 саж. 7 верш. Въ Коломнѣ на берегу р. Москвы 25 дубовъ 7 саженъ 12 вершковъ. Кромѣ этого лѣса, лежали въ Москвѣ оставшіеся отъ постройки плавучаго моста 100 брусьевъ сосновыхъ, 9 саженъ длины, въ отрубѣ 8 и 9 вершковъ, да 20 брусьевъ длиной 10 саженъ, толщиной 8 и 9 вершковъ. Въ Муромскомъ лѣсу были сосновыя деревья въ 9 и 10 саженъ длины и въ отрубѣ 9 и 10 вершковъ (³). Корабельный лѣсъ въ Московской губерніи былъ еще и въ царствованіе Петра, и какъ видно изъ донесенія мачтовыхъ дѣлъ подмастерья Чепчикова «мачтовыхъ деревъ длинныхъ и толстыхъ было не мало» (⁴). Корабельные лѣса росли по рѣкѣ Лугѣ и въ нынѣшней Эстляндской губерніи (⁵).

(¹) Барбарини, стр. 65. Конторини, стр. 24, 38, 40. Rerum Moscovit. p. 74.

(²) Дѣянія Петра В. т. II. стр. 380. IX, 418 и 500. XI, 199. XIV 362.

(³) Д. къ А. И. V. 46, 47, 80. Берха. Цар. Алек. Мих. I. стр. 250. Медовик. Ист. знач. Цар. Алек. Мих. стр. 186.

(⁴) П. С. З. V. 3194 п. 5.

(⁵) Д. П. В. т. IV. 557, VIII. 338.

Какъ ни слабы эти данныя, но они позволяютъ заключить, что въ мѣстностяхъ ближайшихъ къ Москвѣ и Петербургу росли корабельные лѣса. Въ какомъ количествѣ росли они, въ точности узнать нельзя; по крайней мѣрѣ изъ послѣдующихъ распоряженій Петра слѣдуетъ заключить, что въ мѣстахъ, представлявшихъ удобства сплава къ верфямъ, особеннаго избытка корабельныхъ лѣсовъ не было.

ГЛАВА II.

Постановленія Петра Великаго.

Постановленія Петра I составляютъ эпоху въ лѣсномъ законодательствѣ Россіи. До XVIII столѣтія лѣсъ имѣлъ государственное значеніе только какъ засѣки. Попытка Алексѣя Михайловича завести флотъ не внесла въ наше лѣсное законодательство новой идеи и кончилась ничѣмъ. Петръ же, построивъ флотъ, далъ лѣсу значеніе какъ матеріала для кораблестроенія и положилъ начало государственному хозяйству лѣсами. Со времени этого Государя постановленія о лѣсахъ теряютъ свой частный характеръ, лѣсъ дѣлается собственностью государства и законы о лѣсахъ получаютъ общее значеніе.

Хотя лѣсовъ было еще много, однако Петръ придалъ лѣсному управленію самый строгій запретительный характеръ. Такое направленіе лѣснаго законодательства было прямымъ слѣдствіемъ созданной Петромъ Великимъ идеи о значеніи флота и важности лѣсовъ для кораблестроенія. Петръ зналъ, что мачтовая сосна и корабельный дубъ поспѣваютъ только столѣтіями, и при свободной рубкѣ лѣсовъ могутъ быть очень скоро истреблены.

Первый указъ Петра о лѣсахъ не предвѣщалъ еще того ряда грозныхъ постановленій, которыя онъ издалъ впослѣдствіи: указомъ 30 марта 1701 года повелѣно, въ Московскомъ уѣздѣ чистить лѣсъ свободно по берегамъ не сплавныхъ рѣкъ, по сплавнымъ же рѣкамъ дозволено чистить только за 30 верстъ отъ береговъ (*).

(*) П. С. З. IV. 1845.

Этотъ скромный указъ изданъ въ то время, когда новая идея Петра еще не вполнѣ созрѣла, и принадлежитъ болѣе къ первому періоду развитія лѣснаго законодательства. Началомъ же кореннаго преобразованія лѣснаго управленія служитъ указъ 1703 года. Въ этомъ году Петръ повелѣлъ, во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса отъ большихъ рѣкъ, въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ эти рѣки, на 20 верстъ. Дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карагачъ. лиственницу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ исключенія, и за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей, за дубъ же, даже за одно дерево, и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, смертная казнь. Для потребностей народа дозволено рубить липу, ясень, березу, осину, ольху, ель, орѣшникъ, иву, осокорь и сосну тонѣе 12 вершковъ [1].

Подобное строгое ограниченіе было тяжело для народа, привыкшаго къ свободной рубкѣ, тѣмъ болѣе еще, что во многихъ случаяхъ невозможно было обходиться безъ дуба и другихъ заповѣдныхъ деревъ. Издавая указъ 1703 года, Петръ не имѣлъ въ виду этого обстоятельства и потому слѣдующимъ указомъ, который однако явился не ранѣе 1705 года, сдѣлана народу уступка. 19 Января дозволено рубить свободно во всѣхъ лѣсахъ кромѣ засѣкъ на сани, телеги, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ, дубъ, кленъ, вязъ, карагачъ, лиственницу, а для мельницъ на пальцы и шестерни—кленъ. На остальныя же потребности, постройки домовъ и мельницъ, запрещено рубить заповѣдныя деревья, а за нарушеніе указа и рубку круппаго корабельнаго лѣса назначена смертная казнь, «безъ всякія пощады, ктобъ ни былъ,» за рубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ денежное взысканіе, согласное съ указомъ 1703 года, а за дубовый валежникъ ссылка въ каторжную работу [2].

---

(1) П. С. З. IV. 1950.

(2) Тамъ же, IV. 2017.

Эти два указа служили основаніемъ для послѣдующихъ запретительныхъ постановленій Петра Великаго.

Все время царствованія этого Государя представляетъ почти постоянную борьбу его съ народнымъ убѣжденіемъ и привычками. Народъ слишкомъ привыкъ къ свободѣ рубки, чтобы могъ вдругъ подчиниться новому порядку вещей, котораго онъ не могъ еще и понимать. Между тѣмъ и Петръ Великій убѣждался, что строгость наказаній не одолѣетъ народъ, и что одинъ общій законъ не можетъ существовать для всей Россіи, а потому послѣдующими постановленіями ослабилъ наказанія и измѣнилъ основной законъ въ примѣненіи къ нѣкоторымъ мѣстностямъ.

Въ 1712 году повелѣно, въ уѣздахъ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Лужскомъ и Торопецкомъ по рѣкамъ Метѣ Свири, Пашѣ, Оскупшельжѣ, Тигодѣ, Керестѣ, Полистѣ, Волхову, Ловати, Локотѣ, Хиловѣ, Увѣрѣ, Мцѣ, Полѣ, Шелонѣ, Мшагѣ, Порусьѣ и по двумъ Тудрамъ Купѣѣ и по всѣмъ впадающимъ въ нихъ сплавнымъ рѣкамъ, не рубить сосновыя деревья толще 6 вершковъ на 10 верстъ отъ береговъ, въ случаѣ же порубки назначена ссылка въ каторжную работу (1). Въ 1714 году запрещена Петербургскимъ жителямъ и подрядчикамъ рубка лѣсовъ по р. Охтѣ, и дозволена противъ Санктпетербурга, по Выборгской сторонѣ выше р. Славянки (2) и въ слѣдующемъ году постановлено, чтобы лѣсъ годный для кораблей и на постройки домовъ не рубить на дрова, а заготовлять ихъ изъ ели, осины, ольхи и изъ валежника (3).

Общее запрещеніе рубки деревъ годныхъ для кораблестроенія не могло быть справедливо для всей Россіи, являясь мѣстности слишкомъ отдаленныя отъ верфей и не представлявшія возможности къ заготовкѣ корабельныхъ деревъ, какъ напр. провинціи Уфимская, Сибирская и Астра-

(1) П. С. З. IV. 2607.
(2) Тамъ же, V. 2757.
(3) Тамъ же, V. 2890.

ханская губернія, а потому въ этихъ мѣстностяхъ и дозволена рубка заповѣдныхъ дубовыхъ деревъ. Подобное же позволеніе дано Калмыкамъ хана Аюкина, кочевавшимъ отъ Астрахани вверхъ по луговой сторонѣ Волги до Саратова и внутрь до Яика и р. Эмбы ([1] и [2]).

Изъ постановленій относившихся собственно до рубки лѣсовъ, особенное вниманіе заслуживаетъ рядъ указовъ о свободной рубкѣ по р. Невѣ. Лѣса по Невѣ были розданы во владѣніе частныхъ лицъ; пока окрестности Петербурга были еще довольно лѣсисты, Петербургъ пользовался дровами изъ ближайшихъ дачъ, но съ увеличеніемъ народонаселенія лѣса около столицы повывелись и пришлось ѣхать за дровами и бревнами далѣе. Между тѣмъ, владѣльцы лѣсовъ не позволяли рубить у себя лѣсъ безплатно и цѣна на дрова поднялась значительно. Петръ, указомъ 11 декабря 1719 года, повелѣлъ отъ р. Славянки по обѣ стороны Невы и по прочимъ рѣкамъ до Шлиссельбурга, кромѣ Тосны, рубить дрова и бревна всѣмъ безъ исключенія во всѣхъ дачахъ, чьибъ онѣ ни были. Лѣса же между Петербургомъ и Славянкой на 1000 саженъ отъ береговъ, по прежнему считать заповѣдными ([3]). Въ слѣдъ за этимъ указомъ чрезъ два дня вышло дополнительное постановленіе. Петръ увѣренный, что помѣщики неохотно пустятъ въ свои лѣса порубщиковъ, а можетъ быть и по прежнему не дозволятъ рубку, повелѣлъ «для лучшаго рубщикамъ способа во охраненіи ихъ» ѣздить въ лѣса компаніями не меньше 20 человѣкъ, если же они будутъ въѣзжать въ меньшемъ числѣ и вслѣдствіе ихъ малолюдства «будутъ чинится имъ какія обиды и грабежи», то они не имѣютъ права жаловаться. Дрова же повелѣно продавать въ Петербургѣ настоящей цѣной ([4]).

([1]) П. С. З. VI. 3552.

([2]) Тамъ же, VII. 4216.

([3]) Тамъ же, V. 3467.

([4]) Тамъ же, V. 3469.

Но видно однако, что и этотъ указъ помогъ мало, и владѣльцы лѣсовъ по прежнему не допускали рубщиковъ, тогда Петръ объявилъ: «А ежели кто въ дачи свои для «рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будетъ, и о томъ будетъ «на нихъ челобитье, и у тѣхъ данныя имъ земли взяты «будутъ на Его Царское Величество безповоротно» (1). 8 марта 1720 года вышло повтореніе указа 1719 года и повелѣно, отъ С. Петербурга вверхъ по обѣ стороны Невы до р. Славянки, отступя отъ береговъ на семь верстъ, а выше Славянки на 1000 саженъ, не рубить лѣсъ, а за указными разстояніями рубить во всѣхъ дачахъ и всемъ безъ исключенія (2).

Всѣ эти указы Петра выполнялись слабо, и цѣна на дрова не понизилась въ Петербургѣ. Царю сдѣлалось извѣстно, что повелѣніе его ѣздить «компаніями» не выполняется, а помѣщики, видя что рубщики ѣздятъ въ лѣсъ по одиночкѣ, выгоняли ихъ изъ своихъ лѣсовъ и не позволяли рубить. Въ народѣ ходили толки о притѣсненіяхъ владѣльцевъ, между тѣмъ жалобъ на нихъ въ Канцелярію Полицеймейстерскихъ дѣлъ не поступало. А какъ весьма вѣроятно, что лѣсные торговцы нарочно распускали эти слухи, чтобы имѣть возможность продавать лѣсъ дорогой цѣной, то Петръ повелѣлъ вновь: ѣздить въ лѣсъ не менѣе 15 человѣкъ и въ случаѣ помѣхи въ рубкѣ со стороны помѣщиковъ, приносить на нихъ жалобу въ Канцелярію Полицеймейстера. Если же окажется, что продавцы нарочно распускаютъ слухи на владѣльцевъ лѣсовъ, то виновныхъ въ этомъ ссылать на вѣчно въ каторжную работу (3).

Въ тѣхъ же видахъ, т. е. чтобы доставить жителямъ Петербурга возможность покупать дешево дрова, изданъ слѣдующій указъ. Артиллерійское начальство просило Адмиралтейскую Коллегію, отвести къ Охтенскому пороховому заводу лѣса на 20 верстъ въ его исключительное пользова-

(1) П. С. З. VI. 3491.
(2) Тамъ же, VI. 3537.
(3) Тамъ же, VI. 3570.

ніе. Коллегія нашла, что эта мѣра будетъ неудобна и если отвести лѣса «то С. Петербургскимъ жителямъ, а паче судовымъ мастерамъ, которые поселены на устьѣ Охты и довольствуются лѣсами изъ оныхъ мѣстъ, будетъ раззореніе». Наконецъ въ подобномъ отводѣ не было выгоды и потому, что покупка лѣса отъ подрядчиковъ, должна была обходиться дешевле хозяйственной заготовки его самимъ заводомъ. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Коллегіи и на основаніи этого мнѣнія издалъ указъ (*).

Заботясь о сохраненіи лѣсовъ, Петръ обращалъ особенное вниманіе на Петербургъ и его окрестности. При постройкѣ въ городѣ домовъ, Петръ велѣлъ рубить деревья только тамъ, гдѣ предполагалось ставить домъ, на улицахъ же передъ домами оставлять маленькія рощицы. Чтобы показать народу примѣръ уваженія къ дубовому лѣсу, Государь обнесъ перилами два старые дуба, найденные имъ въ Кронштадтѣ, поставилъ подъ ними круглый столъ и сдѣлалъ мѣста для сидѣнья; лѣтомъ, пріѣзжая въ Кронштадтъ, Петръ часто сиживалъ подъ этими деревьями съ командирами кораблей и корабельными мастерами. Напротивъ Петергофа, при Финскомъ заливѣ, найдя небольшую дубовую рощицу, Государь приказалъ построить подлѣ нея увеселительный дворецъ и назвалъ его Дубки. По Петерговской дорогѣ выбралъ мѣсто въ 200 шаговъ длины и 50 ширины и засадилъ его дубами.

При такой заботливости не только о сохраненіи, но и разведеніи лѣса, Петръ не могъ смотрѣть равнодушно на рубку лѣсовъ, часто совершенно безполезную и строго наказывалъ порубщиковъ. На Адмиралтейской сторонѣ, гдѣ нынче Гостиный дворъ, была большая березовая роща, нѣкоторые изъ жителей столицы, не смотря на запрещеніе Царя, начали рубить ее. Петръ узналъ объ этомъ, велѣлъ поймать рубщиковъ и сдѣлать обыскъ въ домахъ. При распросахъ, виновные не только изъ мѣщанъ, но и офицеры, показали, что они рубили глядя на другихъ. Петръ разсерженный

(*) П. С. З. VII. 4306.

неповиновеніемъ народа, приказалъ десятаго изъ виновныхъ повѣсить, а остальныхъ наказать кнутомъ. Только по усиленной просьбѣ Императрицы Екатерины, Петръ смягчилъ наказаніе ([1]) и указомъ 9 февраля 1720 года повелѣлъ, рубщиковъ и воеводу Ивана Ѳеофилатьева за потворство рубщикамъ и слабое охраненіе лѣсовъ, приговоренныхъ къ смертной казни, наказать кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и сослать—рубщиковъ изъ мѣщанъ на вѣчно, капитана Дурнова и корабельнаго секретаря Сомова на пять лѣтъ на галеры, а воеводу Ѳеофилатьева на 10 лѣтъ. Остальные рубщики, смотря по винѣ, наказаны кнутомъ, шпицрутеномъ, морскими кошками и леньками. Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено запрещеніе рубить лѣсъ и за нарушеніе повелѣнія опредѣлена смертная казнь не только рубщикамъ, но даже и тѣмъ, кто зная о порубкѣ не донесетъ объ ней ([2]).

Мѣра Петра была дѣйствительно строга, но она вызвалась необходимостью, потому что народъ плохо подчинялся новому порядку вещей, смотрѣлъ непріязненно на нововведенія, и не понимая цѣли повелѣній, часто ихъ не выполнялъ, примѣръ и строгій, былъ необходимъ Бережливость Петра имѣла вѣрное основаніе: не смотря на обиліе лѣсовъ въ Россіи, корабельныя деревья въ мѣстахъ лежащихъ близъ верфей, или въ мѣстностяхъ представлявшихъ удобство сплава, были рѣдки; такъ что въ 1719 году Петръ запретивъ рубку большемѣрныхъ сосенъ въ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Пусторжевскомъ, Лужскомъ, Псковскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ и приказавъ для общаго свѣдѣнія о запрещенныхъ размѣрахъ сдѣлать мѣрку и опечатать ее Адмиралтейскою печатью, повелѣлъ объявить, что кто найдетъ крупныя деревья, тому выдастся награда за каждое дерево большое 5, среднее 3, а малое одинъ рубль ([3]). Въ 1721

([1]) Анек. Штелина, стр. 152 и 153 Ист. Топ. и Геог. описаніе С. Петербурга Богданова. Стр. 202, 203 и 204.

([2]) П. С. З. VI. 3,509.

([3]) Тамъ же. V. 3,440.

году объявлено: «кто сыщетъ большія деревья на мачты по приложенной мѣрѣ (мѣра эта неизвѣстна) тому дано будетъ по два рубля за дерево» (1). Въ томъ же году въ замѣчаніяхъ своихъ на проэктѣ трактата со Швеціей Петръ, между прочимъ, написалъ: «по о покупкѣ хлѣба (въ Лифляндіи) можете имъ (Шведамъ) позволить на число отъ васъ (наши уполномоченные) предложенное, и буде довольны тѣмъ не будутъ, то хотя и съ прибавкою даже до ста тысячъ (рублей безпошлинно); но при томъ надлежитъ вамъ трудиться выговорить, дабы взаимно и намъ позволено было на толикое же число въ годъ купить безпошлинно потребнаго лѣсу въ Финляндіи» (2).

Не смотря на всю заботливость Петра о сбереженіи лѣсовъ, были случаи, когда онъ и не жалѣлъ ихъ. Въ войнѣ съ Карломъ XII Петръ много расчитывалъ на засѣки лѣсовъ: въ 1708, въ январѣ, Петръ писалъ Меншикову три раза о засѣчкахъ лѣсовъ, въ послѣднемъ письмѣ, 29 января, Петръ пишетъ: «ежели жъ опасаться будешь, что «непріятель симъ обманувъ, пойдетъ чрезъ Луки и Торопецъ «или Смоленскъ, внутрь государства, на то способъ такой, «что отъ самаго Пскова, даже до Смоленска, всѣ дороги «внутрь ведущія засѣчь крѣпко зарань (кромѣ той, которая «лежитъ отъ Пскова до Смоленска и Кіева); а оставить «только Смоленскую и Псковскую, а когда непріятель при- «близится къ рубежу, то и Смоленскую засѣчь, а Псков- «скую всѣмъ войскомъ заслонить и на сей мой совѣтъ «желаю вашего въ помощь» (3). Подобныя же распоряженія были даны указомъ 6 февраля 1808 года Гвардіи Маіору Князю Долгорукову и 24 февраля 1706 года Дерптскому Коменданту Нарышкину (4).

---

(1) П. С. З. VII. 4361.

(2) Д. Петра В. VIII. 216.

(3) Тамъ же III. 282, 283.

(4) Тамъ же стр. 285 и т. XIV, стр. 226.

Относительно сбереженія лѣсовъ, Петръ издалъ еще слѣдующія дополнительные указы, имѣвшіе цѣлію или разъяснить прежде изданныя постановленія, или относившіеся только къ нѣкоторымъ мѣстностямъ. Строгое запрещеніе, лѣсъ годный для флота рубить для другихъ потребностей, повело къ тому, что на уголь, заготовляемый въ Адмиралтейство, брали деревья толстыхъ размѣровъ, а жители за-Онежья, зная строгость Петра, перестали строить суда. По этому, указомъ 7 февраля 1722 года Петръ повелѣлъ: для приготовленія въ Адмиралтейство угольевъ, рубить сосну только до 5 вершковъ и то не въ заповѣдныхъ мѣстахъ [1], а относительно за-Онежья, Петръ далъ Адмиралтейской коллегіи указъ такого содержанія: такъ какъ тамошніе жители не поняли повелѣній царя, имѣвшаго въ виду беречь лѣса для судостроенія, а не стѣснять жителей въ этомъ дѣлѣ, то и дозволено за-Онежцамъ рубить лѣсъ на суда по прежнему и подтверждено не рубить на уголь, дрова и другія мелочныя потребности лѣсовъ годныхъ на суда [2]. Ранѣе этого, еще въ 1719 году, повелѣно, на сженіе угля въ Шлиссельбургскомъ и Ладожскомъ уѣздахъ рубить сосновый и еловый сухой и кривой лѣсъ и валежникъ и отнюдь не брать деревъ годныхъ на корабельное или домовое строеніе [3]. Наконецъ, 20 марта 1722 года постановлено, не рубить на дрова сосновый лѣсъ толще пяди [4].

Охраненіе лѣсовъ одними строгими постановленіями и указами было еще недостаточно; надзоръ воеводъ былъ слабъ, даже наказанія не всегда спасали лѣса отъ истребленій, поэтому необходимо было пріискать мѣры болѣе дѣйствительныя. Мѣры же эти могли заключаться только въ назначеніи людей для охраненія лѣсовъ, приведеніи лѣсовъ въ извѣстность и въ учрежденіи лѣснаго управленія. Всему этому, хоть и поздно, но все-таки Петръ

---

(1) П. С. З. VI. 3902.

(2) Тамъ же. VII. 4188.

(3) — — V. 3433.

(4) — — VI. 3922.

положилъ начало. Одно изъ главныхъ неудобствъ запретительныхъ указовъ Петра Великаго состояло въ томъ, что они могли вести къ злоупотребленіямъ. Могъ ли порубщикъ быть увѣренъ, что онъ срубилъ на полозья дубъ негодный на кораблестроеніе и отъ кого онъ могъ узнать какое дерево годно и какое негодно для кораблестроенія? Наконецъ, зная, что срублено дерево некорабельное, онъ все-таки не могъ быть увѣренъ, что избавился отъ наказанія какъ самовольный порубщикъ: на деревѣ не было знака, что дерево срублено съ дозволенія и порубщикъ могъ быть обвиненъ безъ возможности оправданія. Всѣ эти недостатки управленія были очевидны; а значительныя порубки корабельныхъ дубовъ въ Нижегородской губерніи, открытыя Казанскимъ Вице-Губернаторомъ Кудрявцевымъ [1], побудили наконецъ Петра, принять къ сохраненію и сбереженію лѣсовъ мѣры болѣе дѣйствительныя. Пославъ въ Нижній для произведенія слѣдствія о порубкѣ Маіора Ушакова, Петръ [2] въ январѣ 1718 года приказалъ Кудрявцеву, неисполнителей указовъ, которые рубили и впредь станутъ рубить дубовый лѣсъ, а также тѣхъ, кто прикажетъ рубить, будетъ ли то прикащикъ или помѣщикъ, наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ каторжную работу. Для полозьевъ, осей, колесъ, обручей и другихъ потребностей, брать дубъ негодный къ кораблестроенію, а для надзора за лѣсами выбрать надзирателей «добрыхъ людей», каждому изъ нихъ дать въ надзоръ 500 дворовъ и клейма съ Казанскимъ гербомъ. Затѣмъ рубка неклейменаго лѣса запрещена, и надзирателей, въ случаѣ неисполненія ими своихъ обязанностей, повелѣно наказывать также какъ и порубщиковъ [3].

Въ слѣдующемъ году, подтвердивъ указъ о свободной рубкѣ лѣсовъ отъ р. Славянки до Шлиссельбурга, отступя отъ береговъ на 1000 саженъ, Петръ повелѣлъ, для охраненія заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить двухъ отставныхъ солдатъ

---

(1) П. С. З. V. 3057 и 3149. п. 3.
(2) П. С. З. V. п. 3057.
(3) П. С. З. V. 3149. п. 3.

Преображенскаго полка и пойманныхъ самовольныхъ порубщиковъ представлять въ Адмиралтейство ([1]).

Въ томъ же 1719 году, Iюня 17, Петръ издалъ новый указъ. Повторивъ въ немъ ранѣе изданныя постановленія о заповѣдныхъ лѣсахъ и породахъ дозволенныхъ къ рубкѣ, Петръ повелѣлъ: если понадобится дубъ въ незаповѣдныхъ мѣстахъ «къ его Государевымъ дѣламъ» или частнымъ лицамъ, то испросить на рубку позволеніе изъ Адмиралтейской коллегіи или у опредѣленныхъ отъ коллегіи командировъ, и рубить только то количество лѣса, которое будетъ обозначено въ дозволеніи. Главное завѣдываніе лѣсами имѣть Адмиралтейству. Для охраненія лѣсовъ выбрать надзирателей, каждому изъ нихъ поручить надзоръ не менѣе какъ за 500 дворами. Снабдить надзирателей клеймами съ гербами ихъ провинцій. Наблюдать, чтобы неклейменый заповѣдный лѣсъ отнюдь не рубили. Въ случаѣ неисполненія указа, виновныхъ подвергать штрафу: за дубъ, даже валежный, по 15 руб. съ дерева, а за прочія породы по 10 рублей съ дерева. За большую же порубку заповѣдныхъ деревъ наказывать кнутомъ, вырѣзывать ноздри и ссылать въ каторжную работу ([2]).

Этотъ указъ имѣлъ уже общее значеніе и былъ послѣдующимъ развитіемъ постановленія о лѣсахъ Казанской провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ этотъ замѣчателенъ уничтоженіемъ смертной казни за порубку дуба.

Кромѣ Адмиралтейской коллегіи завѣдываніе лѣсами принадлежало и Государственной Камеръ-коллегіи, которой, 13 пунктомъ Учрежденія и Регламента, поручалось заботиться о сохраненіи лѣсовъ «и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно, добрыя и при томъ другія потребныя вещи насаждать и возращать» ([3]).

Относительно лѣсовъ расположенныхъ между Петергофомъ и Лиговой постановлено, чтобы въ нихъ совсѣмъ

([1]) П. С. З. V. 3329.
([2]) Тамъ же V. 3391.
([3]) — — V. 3466.

непроизводили рубки ни на строеніе, ни на дрова и дозволялась только уборка валежника. Но если бы кто захотѣлъ расчищать рощи «для своего плезира», то вырубать при этомъ только сухія и больныя деревья, какъ это дѣлается въ Петергофѣ и Стрѣльнѣ. Для надзора же за лѣсами повелѣно опредѣлить драгунъ и солдатъ ([1]).

Въ 1720 году вышелъ указъ объ охраненіи и описаніи лѣсовъ расположенныхъ по Невѣ и Финскому заливу. Лѣса эти, находившіеся прежде въ вѣдѣніи Князя Хилкова и Ивана Татищева, были описаны по указу 1715 года. Указомъ этимъ, запрещавшимъ рубку въ Ингерманландіи заповѣдныхъ деревъ, повелѣвалось мызникамъ, описать заповѣдные лѣса. Въ описаніи слѣдовало показать число деревъ по породамъ, которое окажется въ каждой дачѣ, потомъ изъ частныхъ вѣдомостей составить валовыя книги и перечневыя вѣдомости ([2]). Новымъ распоряженіемъ лѣса по Невѣ и по Финскому заливу поручались коммиссару Кафтыреву и въ помощь ему даны дворяне, солдаты и драгуны.

По инструкціи данной Кафтыреву онъ обязывался принять изъ Адмиралтейской коллегіи указы о лѣсахъ, состоявшіеся съ 1710 по 1720 годъ, и описныя книги всѣмъ заповѣднымъ лѣсамъ, составленныя Хилковымъ и Татищевымъ. По этимъ книгамъ осмотрѣть лѣса по обѣ стороны Невы и на островахъ по обѣ стороны моря, Копорскую сторону до Красной Горки и Каравалдая и Выборскую сторону до Лахты. При осмотрѣ лѣсовъ замѣтить цѣлы ли лѣса и не происходили ли послѣ описанія ихъ самовольныя порубки. Въ случаѣ открытія порубокъ, сдѣлать розыскъ и что окажется, донести Адмиралтейской Коллегіи.

Если послѣ перваго описанія лѣсовъ явились въ дачахъ какія нибудь строенія, то объяснить, въ какихъ урочищахъ онѣ находятся, кому принадлежатъ, сколько лѣсу около строенія, породу, площади и цѣлы ли лѣса по описнымъ книгамъ.

([1]) П. С. З. VI. 3499.

([2]) Тамъ же V. 2895.

Описавъ лѣса, объявить владѣльцамъ ихъ, чтобы отъ строеній въ гору на 1000 саженъ, а къ морю на сколько его окажется, а также на островахъ, не рубить и не давать никому ни крупнаго, ни мелкаго лѣсу «подъ лишеніемъ живота» и убирать валежникъ и подчищать насажденія. Точно также, осмотрѣть лѣса отъ С. Петербурга вверхъ по Невѣ до Славянки отъ береговъ на 7 верстъ, а отъ Славянки до Шлиссельбурга отъ береговъ на 1000 саженъ и по р. Тоснѣ. Описныя книги представить въ Адмиралтействъ-Коллегію, а владѣльцамъ лѣсовъ объявить, чтобы въ указныхъ разстояніяхъ они лѣсовъ не рубили.

Обязать владѣльцевъ подчищать лѣса, убирать валежникъ и не рубить заповѣдныхъ деревъ: клена, липы, вяза, ильма, ясеня, дуба, орѣшника и сосны, годной на мачты райны и бугшприты. Въ Ингерманландіи же не рубить сосны длиной отъ 50 до 90 футовъ и толщиной на трехсаженной высотѣ отъ 20 до 25 дюймовъ и въ отрубѣ до 7 вершковъ и болѣе. Чтобы народъ зналъ о размѣрахъ запрещенныхъ къ рубкѣ, сдѣлать мѣрки и по концамъ запечатать ихъ адмиралтейской печатью. Березу годную на помпы, толщиной отъ 12 до 15 дюймовъ, не рубить по Невѣ, по морю и въ Ингерманландіи на 7 верстъ отъ береговъ. На дрова и другія потребности, рубить за заповѣдными предѣлами ель, осину, мелкую и сухую сосну негодную на мачты и райны, ольху негодную на помпы, бредовой хольникъ, крушину и березовый валежникъ.

Для точнаго опредѣленія границъ заповѣдныхъ пространствъ, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, сдѣлать межу, поставить признаки, выкопать ямы *и прочиствъ дорогу въ 3 сажени шириной, построить для страха, чрезъ пять верстъ, по висилицѣ.*

Раздѣлить лѣса на пять долей. Въ первую назначить дачи по Выборгской сторонѣ отъ С. Петербурга до Лахты и до Шлиссельбурга; во вторую Копорскій берегъ отъ Петербурга до Шлиссельбурга; въ третью отъ Петербурга до Круглой Горки и Каравалдая; въ четвертую острова въ Петербургѣ, въ пятую — Ямбургскій уѣздъ.

Для смотрѣнія за лѣсами опредѣлить 10 дворянъ и въ помощь имъ дать солдатъ. Въ исполненіи своей обязанности дворяне должны чередоваться, такъ чтобы при лѣсахъ находилось постоянно 5 человѣкъ. Въ случаѣ плохаго исполненія своихъ обязанностей и допущенія порубокъ, виновные подвергались тому же наказанію какъ и порубщики.

Поймапныхъ самовольныхъ порубщиковъ наказывать на мѣстѣ преступленія, согласно указу 25 марта 1715 года; а для общаго свѣдѣнія, списавъ съ указа копіи, прибить ихъ на столбахъ въ большихъ селахъ и деревняхъ, и читать по воскресеньямъ въ церквахъ, чтобы народъ не могъ отговариваться невѣдѣніемъ (1).

Въ дополненіе указа 16 Апрѣля постановлено, чтобы дворяне ѣздили на своихъ подводахъ «понеже оное дѣло имъ вмѣнится вмѣсто службы». Если же нужно посылать нарочныхъ въ Петербургъ, то давать имъ ямскія подводы и прогоны платить Адмиралтейской коллегіи (2).

Въ томъ же году поручено Кафтыреву осмотрѣть и описать вновь розданныя земли. Если при этомъ будутъ найдены мѣста годныя для хлѣбопашества или подъ сѣнокосы, то позволить расчищать ихъ только въ томъ случаѣ, когда эти пространства покрыты мелкими никуда негодными кустарниками. Относительно же лѣсовъ лежащихъ по р. Тоснѣ и назначенныхъ для удовлетворенія потребностей Адмиралтейства, наблюдать, чтобы подрядчики въ лѣсахъ незаповѣдныхъ не рубили ближе 1,000 саженъ отъ береговъ, а въ заповѣдныхъ ближе 10 верстъ. Помѣщикамъ же и крестьянамъ въ заповѣдныхъ предѣлахъ рубить только на свои нужды (3).

Въ Сентябрѣ 1720 года повелѣно: въ Ингерманландіи, въ Старорусскомъ уѣздѣ и въ провинціяхъ Великолуцкой и Псковской, описать весь дубовый лѣсъ, къ какимъ бы

---

(1) П. С. З. VI. 3,548.
(2) П. С. З. VI. 3564.
(3) П. С. З. VI. 3622.

дѣламъ онъ ни былъ готовленъ, и убрать его, а впредь не рубить подъ смертной казнью (*).

Законодательство о лѣсахъ выработывалось медленно: идея являлась въ Петербугѣ и воля Петра дѣлала изъ нея законъ обязательный для всей Россіи. Такой порядокъ развитія законодательства порождалъ много вопросовъ являвшихся при приложеніи закона къ дѣлу и за тѣмъ необходимо должны были являться дополнительные указы.

По разсылкѣ указа 17 іюня 1719 года, воевода Уфимской провинціи Иванъ Бахметевъ донесъ, что по объявленіи башкирамъ и другимъ иновѣрцамъ повелѣнія Государя, они объяснили, что безъ дуба, сосны и ильма имъ невозможно обойтись. Дубъ и сосна идутъ на борти, а ильмъ въ кормъ скоту, и что ясакъ платятъ они только изъ доходовъ отъ пчеловодства. Вслѣдствіе этого, указомъ 28 марта, дозволено жителямъ провинцій Уфимской и Сибирской и губерніи Астраханской, рубить свободно лѣса, по неиначе какъ въ мѣстахъ удаленныхъ отъ корабельныхъ заготовокъ.

Это разрѣшеніе свободной рубки оказалось не совсѣмъ удобнымъ, потому что по смежности съ уѣздами Астраханской и Уфимской провинцій находились корабельные лѣса Казанской губерніи, которые могли пострадать, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне состоящіе въ вѣдѣніи Уфимскаго управленія, жили на казанской сторонѣ, наконецъ и въ самой Астраханской губерніи, въ уѣздахъ ближайшихъ къ Волгѣ, по рѣкамъ Свіягѣ, Булѣ, Кубнѣ, Сурѣ, Арѣ, Кармѣ и Барышу, находились корабельные лѣса заготовлявшіеся для Адмиралтейства. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ, боясь чтобы ему не пришлось отвѣтчать за порубки, сдѣланныя крестьянами смежныхъ губерній, донесъ объ изложенныхъ выше обстоятельствахъ Сенату и Петръ повелѣлъ, по рѣкамъ упомянутымъ въ донесеніи Кудрявцева и по другимъ представляющимъ возможность сплава корабельныхъ деревъ, рубку не дозволять, а

(*) П. С. З. VI. 3646.

за указными разстояніями, дозволить мѣстнымъ жителямъ пользоваться свободно лѣсомъ [1].

2) Другой недостатокъ въ развитіи законодательства заключался въ недостаточномъ разъединеніи разныхъ предметовъ лѣснаго управленія. Отъ этого, въ одномъ указѣ смѣшаны и правила охраненія лѣсовъ, описанія ихъ, наконецъ и самыя мѣры администраціи, какъ напримѣръ въ указѣ 14 марта 1720 года.

Такая неопредѣлительность и запутанность постановленій была необходимымъ слѣдствіемъ новости самаго дѣла, недостатка знаній мѣстныхъ особенностей Россіи и недостатка спеціалистовъ.

Штелинъ говоритъ, что какъ скоро Петръ завелъ на Невѣ первое селеніе, то принялъ въ службу нѣмецкихъ форстмейстеровъ, которые должны были осматривать лѣса во всей Ингерманландіи и Новгородской губерніи и замѣчать въ нихъ дубовыя деревья [2]. А въ 1721 году, при отправленіи въ Швецію Михаила Бестужева, наказалъ ему, присылать въ Россію разныхъ искусныхъ мастеровыхъ, а именно: «по причинѣ лежащихъ подъ однимъ параллельнымъ кругомъ городовъ Стокгольма и Петербурга, садовниковъ, земледѣльцевъ, людей искусныхъ въ знаніи и хожденіи за лѣсомъ...» [3]. Были ли эти искусные люди присланы въ Россію, неизвѣстно, точно также не изъ чего не видно, чтобы и нѣмецкіе форстмейстеры были у насъ при Петрѣ Великомъ: въ указахъ ни одно постановленіе не напоминаетъ научныхъ знаній, во всемъ стремленіе къ устройству административнаго порядка. Одинъ только указъ какъ будто говоритъ, что онъ не русскаго происхожденія: въ Октябрѣ 1720 года, Государь дозволивъ пасти скотъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, не велѣлъ пускать *козъ* и *свиней* [4]. Но развѣ Петръ во время путешествій своихъ за границу, не могъ вывезти оттуда это знаніе и неужели германскіе

(1) П. С. З. VI. 3593.

(2) Анек. Штелина, стр. 152

(3) Д. П. В. VIII. 276.

(4) П. С. З. VI. 3649.

форстмейстеры, если бы они были у насъ, оставили такой слабый слѣдъ своего пребыванія? Всего вѣроятнѣе, если Петръ и выписывалъ изъ за границы людей знающихъ какъ ходить за лѣсами, то люди эти были садовники, а не лѣсничіе. Такое заключеніе должно быть безошибочно тѣмъ болѣе еще, что Петръ такъ заботившійся объ украшеніи окрестностей Петербурга и устройствѣ садовъ при загородныхъ дворцахъ, имѣлъ бо́льшую нужду въ садовникахъ, чѣмъ въ лѣсоводахъ, безъ которыхъ, при учрежденіи собственно управленія лѣсной частью, онъ могъ и обойтись.

Частыя повторенія однихъ и тѣхъ же распоряженій, наконецъ дополненія и объясненія къ прежде изданнымъ указамъ, лучше всего показываютъ какъ медленно и шатко развивалось при Петрѣ лѣсное управленіе. Наконецъ и самыя лица, приставленныя къ лѣсамъ, не всегда понимали хорошо свои обязанности. По указу 19 Ноября 1703 года липа не считалась заповѣднымъ деревомъ, между тѣмъ, надзиратели не позволяли ни рубить это дерево, ни драть лыки, и крестьянъ пойманныхъ въ рубкѣ липы приводили къ воеводамъ, такъ что наконецъ, въ 1721 году, Петръ указалъ: «во всемъ государствѣ липовые лѣса рубить всякихъ чиновъ людямъ невозбранно» (¹). По указу 1719 года, дозволявшему рубку заповѣдныхъ деревъ съ разрѣшенія Адмиралтейской коллегіи, не поступило въ коллегію ни одной просьбы. По указу повелѣвавшему выбрать къ лѣсамъ надзирателей, составить описи заповѣднымъ лѣсамъ и прислать списки надзирателей, не поступило не только изъ провинцій, но даже изъ многихъ губерній, донесеній объ исполненіи указа и вообще многія предписанія оставались совершенно безъ отвѣтовъ, такъ что наконецъ Адмиралтейская коллегія донесла обо всемъ этомъ Сенату. 11 Сентября 1721 года, Сенатъ прописывая всѣ эти обстоятельства, поручилъ Архангельскому вице-губернатору Лодыженскому, донести, почему не прислано исполнительныхъ донесеній.

(¹) П. С. З. VI. 3719.

Указъ этотъ вѣроятно былъ циркуляромъ, потому что въ немъ идетъ рѣчь объ общей неисполнительности начальниковъ губерній и провинцій и въ заключеніе сказано: «А «ежели изъ губерній и провинцій они Губернаторы и Вице-«Губернаторы и воеводы по сему посланному указу въ «Адмиралтейскую Коллегію оныхъ описныхъ книгъ и надзи-«рателямъ именныхъ списковъ въ скорыхъ числахъ не «пришлютъ: то взятъ будетъ съ нихъ штрафъ не малой, «какъ о томъ указы повелѣваютъ» ([1]).

17 Января 1722 Его Величество будучи въ Преображенскомъ, указалъ: «гдѣ находятся корабельные лѣса, въ «тѣхъ мѣстахъ опредѣлить надзирателей, и о поступкѣ ихъ «(обязанности) и о храненіи лѣсовъ изъ прежнихъ указовъ, «и что къ тому вновь принадлежатъ, дать имъ инструкцію «изъ Адмиралтейской Коллегіи» ([2]). Вслѣдствіе чего, 14 Апрѣля 1722 года, объявлена инструкція составленная коллегіей. Въ ней повторенъ указъ данный Кафтыреву и указы вышедшіе ранѣе и встрѣчаются только двѣ новыя статьи: завести книги отпускамъ лѣсовъ и прислать изъ нихъ третныя и годовыя выписки въ Адмиралтейскую коллегію и заповѣдныхъ лѣсовъ даже «къ Государевымъ дѣламъ» не рубить безъ именнаго указа ([3]).

Въ Іюнѣ 1722 года поручено Кудрявцеву завѣдывать лѣсами отъ Нижняго, т. е. отъ устья Оки внизъ по Волгѣ и по всѣмъ впадающимъ въ нее рѣкамъ. Видно было, что постоянное неисполненіе указовъ и рубки заповѣдныхъ деревъ, слишкомъ уже надоѣли Петру, и онъ еще разъ хотѣлъ испытать строгость: въ указѣ постановлено, за первую порубку 30 рублей штрафу, съ каждаго дерева, за вторую вину описать треть движимаго и недвижимаго имѣнія, «а за третью все взять и бить кнутомъ и послать въ галерную работу на 20 лѣтъ». Крестьянъ за рубку, безъ позволенія своихъ господъ, наказавъ какъ за первую вину, ссылать

---

(1) П. С. З. VI. 3826.
(2) П. С. З. VI. 3905.
(3) П. С. З. VI. 3967.

въ каторгу на 10 лѣтъ. Если же допуститъ порубку надзиратель, то за первую вину наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ каторжную работу навѣчно. Наконецъ поручалось Кудрявцеву описать лѣса выше Нижняго, и когда будутъ найдены деревья годныя для кораблестроенія, то донести Государю (1).

Послѣдней мѣрой, вѣнцомъ созданнаго Петромъ лѣснаго управленія, было назначеніе вальдмейстеровъ и данная имъ инструкція. Объ этой инструкціи, какъ постановленіи поглотившемъ всѣ разбросанные указы Петра и давшей лѣснымъ постановленіямъ стройность цѣлаго, мы скажемъ въ заключеніе царствованія.

Указъ о назначеніи вальдмейстеровъ состоялся 6 Апрѣля 1722 года. Указомъ этимъ повелѣно, быть одному главному вальдмейстеру и вальдмейстерамъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Воронежѣ, Рязани, Брянскѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Муромѣ «и гдѣ еще надобно будетъ». Въ помощь вальдмейстерамъ даны унтер-вальдмейстеры, и главное завѣдываніе вновь учрежденными чинами поручено Адмиралтейству (2).

Назначеніе вальдмейстеровъ, былъ, разумѣется, шагъ впередъ; однако какъ новая мѣра, она не могла установиться вдругъ и должна была выработаться изъ столкновеній новой власти съ разными мѣстными особенностями и обстоятельствами. Вальдмейстеры, какъ видно, строго принялись за преслѣдованіе порубщиковъ и открытіе порубокъ, даже старыхъ лѣтъ, и мѣра эта при прежней формѣ изслѣдованій, сопровождаемыхъ пытками, не могла показаться народу легкой (3).

Если изданіе вальдмейстерской инструкціи дало лѣснымъ постановленіямъ характеръ единства, то этого же нельзя сказать объ учрежденномъ вновь лѣсномъ управленіи: лѣса отъ Нижняго внизъ по Волгѣ, кромѣ зависимости ихъ отъ вальдмейстеровъ, состояли въ тоже время въ завѣдываніи

(1) П. С. З. VI. 4028.
(2) П. С. З. VI. 3941.
(3) П. С. З. VII. 4374.

вице-губернатора Кудрявцева, а наблюденіе за вальдмейстерами при отпускѣ лѣсовъ башкирцамъ, поручено Уфимскому воеводѣ (1).

Для доставленія вальдмейстерамъ большихъ удобствъ въ исполненіи своихъ обязанностей, въ 19 пунктѣ указа «о должности Полковника» постановлено: если вальдмейстеры или надсмотрщики при взысканіи съ порубщиковъ штрафа встрѣтятъ сопротивленіе и будутъ требовать помощи, «въ такомъ случаѣ имъ помогать» (2).

Такимъ образомъ, главное вниманіе Петра было обращено на возможное сбереженіе лѣсовъ, и наибольшее число указовъ его подтверждаютъ запрещеніе рубить заповѣдныя деревья. Петръ имѣлъ постоянно въ виду кораблестроеніе. Какую важность придавалъ онъ всему, что касалось корабельнаго дѣла, видно изъ того, что даже заготовку корабельнаго лѣса онъ поручалъ иногда царевичу Алексѣю Петровичу. Подлинныхъ приказаній царя по этому предмету не сохранилось, но дошло до насъ письмо его къ гвардіи поручику Мурзину; Петръ писалъ: «Господинъ Поручикъ! «когда прибудутъ къ Ладогѣ отъ сына моего лѣса, и тутъ «застанутъ послѣднія тялки, тогда тѣ лѣса прими и положа «на тѣ тялки, отправь сюда» (3).

Кромѣ заботливости о сбереженіи лѣсовъ, доходившей иногда до мелочности; напр. приказанія изъ сучьевъ и щепы, остающихся отъ заготовки деревъ на кораблестроеніе, дѣлать поташъ (4), или приготовлять пушечныя колеса, косяки, спицы, станки изъ отрубковъ и сучьевъ корабельныхъ деревъ (5), Петръ думалъ уже и о хозяйствѣ. Впрочемъ распоряженія Петра по этому предмету составляютъ самую слабую сторону учрежденнаго имъ управленія.

---

(1) П. С. З. VII. 4510.
(2) П. С. З. VII. 4535.
(3) Д. П. В. V. 521.
(4) Тамъ же стр. 456.
(5) П. С. З. V. 2913.

Довольный управленіемъ Демидова Сибирскими заводами, Петръ подарилъ ему ихъ и далъ правила для хозяйничанія лѣсами. Лѣса заводскіе велѣно было раздѣлить на участки; по вырубкѣ лѣсосѣкъ оставлять ихъ подъ поросль, при этомъ наблюдать за молодняками и особенно предохранять ихъ отъ огня. Для лучшаго наблюденія за мѣстами рубокъ, выбрать объѣздныхъ смотрителей и виновныхъ въ порчѣ молодняковъ, наказавъ при собраніи окружнаго народа, отсылать къ суду какъ преступниковъ (1).

Это распоряженіе, имѣвшее сначала только частное значеніе, получило впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе и въ инструкціи обер-вальдмейстеру встрѣчается довольно подробная статья о раздѣленіи заводскихъ лѣсовъ на годичныя лѣсосѣки.

Относительно заготовки корабельныхъ деревъ, Петръ приказалъ Кудрявцеву, у котораго происходили главныя заготовки: рубить лѣса, по возможности, на глинистыхъ мѣстахъ, а не на болотахъ и очень сухихъ песчаныхъ мѣстахъ. Рубить деревья свѣжія, у которыхъ лѣтомъ листъ зеленъ, потому что желтизна листа признакъ болѣзненности дерева. Въ этомъ же указѣ говорится о заготовкѣ нагелей. Ихъ велѣно дѣлать изъ молодаго лѣса, вялить, варить въ соленой водѣ и опять вялить (2).

Въ наставленіи Демидову, объ управленіи заводскими лѣсами, велѣно, при рубкѣ лѣсовъ оставлять и беречь кудреватыя березы, потому что сибирская береза для ружейныхъ ложей лучше клена (3).

Разведеніе лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ тоже не ускользнуло отъ вниманія Петра. Въ мѣрахъ лѣсоразведенія около Петербурга не слѣдуетъ видѣть ничего лѣсоводственнаго, и липы и ивовыя колья, выписанные изъ за границы и разсаженные въ окрестностяхъ Петербурга, были чистое садоводство; тоже самое можно сказать и о дубахъ, насажен-

(1) Д. П. В. II. 519.
(2) П. С. З. VI. 4030.
(3) Д. П. В. II. 519.

ныхъ Петромъ по Петергофской дорогѣ [1]. Совсѣмъ другое распоряженіе его относительно Таганрога и Астраханской губерніи. Въ 1707 году Петръ писалъ Азовскому губернатору Толстому: «...Такожъ предлагаю, по управленіи нуж-«ныхъ дѣлъ, изволь постараться, чтобъ на Таганрогѣ въ «удобнымъ мѣстахъ (а лучше за городомъ) насаждать рощи «дубоваго, или хотя инаго какого дерева, привезши съ «Дону не малое число маленькихъ деревцевъ въ осень по «листопадѣ, такожъ подалѣ отъ города въ удобныхъ же «мѣстахъ нѣсколько десятинъ посѣять желудковъ (дубо-«выхъ) *для лѣсу-жъ...*» [2]. Здѣсь и самъ Петръ говоритъ, чтобы сѣять для лѣсу.

Въ указѣ Астраханскому губернатору Волынскому о заведеніи въ Астрахани аптекарскаго огорода, виноградныхъ садовъ и конскаго завода персидской породы, сказано, чтобы около Астрахани и въ другихъ мѣстахъ, *гдѣ степи*, сѣять дубовые желуди для лѣсовъ такимъ образомъ, какъ заводятъ лѣса въ Европѣ [3].

Неизвѣстно, были ли приведены въ исполненіе эти распоряженія Петра, между тѣмъ царь старался пріискать суррогатъ дровамъ и въ 1710 году писалъ губернатору Толстому, «чтобы на топку всемѣрно искать торфу, дабы было «подспорье дровамъ»; а въ указѣ 1724 года о должности полковника ст. 8, сказано, чтобы въ степныхъ и безлѣсныхъ мѣстахъ солдаты дѣлали для себя торфъ: гдѣ сыщутся болота, тамъ на голландской манеръ, а въ высокихъ мѣстахъ драть и сушить дернъ, какъ это дѣлается въ Голштиніи «и въ иныхъ такихъ мѣстахъ»; въ мѣстахъ же хлѣбородныхъ, гдѣ навозъ нейдетъ на удобреніе полей, дѣлать кизякъ [4].

Обращая вниманіе на все и предлагая довольно подробныя правила обращенія съ лѣсами, Петръ не говоритъ нигдѣ

---

(1) Д. П. В. VI. 53, 208.
(2) Д. П. в. III. 234, 235.
(3) П. С. З. VI. 3668.
(4) П. С. З. VII. 4535.

о времени рубки. Изъ донесенія Колычева Петру Великому видно, что «лѣса приготовляютъ только въ трехъ мѣсяцахъ, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ» [1]. Но почему они приготовляются именно въ это время, былъ ли то обычай явившійся вслѣдствіе большихъ удобствъ зимней рубки и вывозки предъ лѣтней, или другія причины побуждали рубить зимой—неизвѣстно, и законъ не даетъ этому обстоятельству обязательной формы и не разъясняетъ вопроса.

Вотъ всѣ постановленія прямо относившіяся до лѣсовъ. Кромѣ нихъ есть еще много указовъ, имѣющихъ косвенную связь съ лѣсами.

Смола, поташъ, деготь, мачты, составляли еще до Петра I предметъ государственнаго дохода, отдавались на откупъ частнымъ лицамъ и отпускались за границу. Въ 1707 году, 11 февраля, Петръ запретилъ отдавать ихъ на откупъ, а повелѣлъ продавать отъ казны цѣловальникамъ, подъ надзоромъ мытенныхъ бурмистровъ. Между тѣмъ оказалось, что этими товарами все-таки торгуютъ разныя лица; поэтому, 21 іюля 1707 года, Петръ подтвердивъ запрещеніе свободной торговли, приказалъ, чтобы торговцы имѣющіе запасы смолы, поташа и т. д., объявили о томъ въ ратушѣ; ратуша обязана была выплатить за эти товары деньги по покупной цѣнѣ и поручить продажу ихъ цѣловальникамъ [2].

Впослѣдствіи, поташъ отдавался на откупъ и на коммисcію, и составляя монополію казны, служилъ предметомъ заграничной торговли. Срокъ отдачи опредѣлялся на три года и коммиссіонерами казны были поочередно иностранцы Стельсы, надворный совѣтникъ Рагузинскій, Карлъ Гутфель и Иванъ Любсъ.

При отдачѣ поташа въ 1712 году Рагузинскому, онъ обязался брать ежегодно изъ казны по 1,000 бочекъ [3] и это количество повелѣно заготовлять на поташныхъ заво-

(1) Д. П. В. XV. 46. от. 2.
(2) П. С. З. IV. 2153.
(3) П. С. З. IV. 2310.

лахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываніе будными станами (поташными заводами) поручено Адмиралтейской коллегіи [1]. Въ слѣдующемъ году, подтверждено жечь поташъ изъ остатковъ лѣса при корабельныхъ заготовкахъ, «а именно изъ сучья» [2]. Монополія казны на поташъ и смольчугъ не распространялась на Рижскій портъ. По распоряженію приказа Большой Казны хотя и былъ посланъ въ Ригу указъ о запрещеніи свободной торговли поташемъ, смолой и мачтовыми деревьями, но Петръ Великій имѣя въ виду, что «отъ того нетокмо купечеству не безъ поврежденія будетъ, но пошлинный сборъ можетъ умалиться», велѣлъ отмѣнить распоряженіе приказа Большой Казны и дозволилъ торговать свободно «противъ того, какъ при Шведскомъ владѣніи было» [3].

На вопросъ Сената, 10 декабря 1718 года, въ вѣдѣніи какой коллегіи находиться поташу, смольчугу, смолѣ, ревеню и другимъ казеннымъ товарамъ, Петръ написалъ резолюцію: «государственнымъ товарамъ не быть, кромѣ поташу и смоль-«чугу (для береженія лѣсовъ), которому надлежитъ быть «въ Адмиралтействѣ, а прочіе позволить въ народъ, раз-«смотря о пошлинѣ и сколько возможно прибавить» [4]. Вслѣдъ за этимъ, по двумъ указамъ, 8 апрѣля и 1 октября 1719 года, казенными товарами оставлены только поташъ и смольчугъ, а прочіе предоставлены народу съ прибавкой пошлины. Эта возвышенная пошлина установлена только съ поташа и смольчуга отпускаемыхъ изъ русскихъ портовъ за границу [5].

До 1721 года заготовлялось ежегодно поташа до 1,000 бочекъ и смольчуга 5,000 бочекъ. Поташъ приготовлялся въ Починковскихъ волостяхъ на счетъ казны, а смольчугъ частными промышлениками и представлялись въ Ком-

---

(1) П. С. З. IV. 2527.
(2) П. С. З. V. 2672 п. 5.
(3) П. С. З. V. 3072.
(4) П. С. З. V. 3252.
(5) П. С. З. V. 3428.

мерцъ-коллегію, которая и продавала ихъ за границу чрезъ коммиссіонеровъ. Въ 1721 году постановлено, приготовлять поташъ по прежнему въ количествѣ 1,000 бочекъ, а смольчугу 3,000 бочекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ строго повелѣно, чтобы въ подрывъ казны частныя лица отнюдь не дѣлали тайно и не продавали ни поташъ, ни смольчугъ, и если найдутся ослушники указа, то лишать ихъ всего движимаго и недвижимаго имущества, наказывать тѣлесно и ссылать на вѣчно въ каторжную работу ([1]). Впослѣдствіи, смольчужный промыселъ отъ слишкомъ строгаго запрещенія рубки лѣсовъ, началъ упадать, такъ что въ царствованіе Екатерины I, правительство боялось, что на 1726 годъ не будетъ смольчуга къ заграничному отпуску.

Лѣсная торговля не получила при Петрѣ Великомъ особаго развитія,— постановленія его по этому предмету были большею частію послѣдующимъ развитіемъ прежде бывшихъ узаконеній. Сборы съ внутренней торговли составляли доходъ государства, и въ этомъ-то и заключалась часто причина обнародованія указовъ не всегда выгодныхъ для развитія внутренней торговли.

Въ 1690 году Петръ далъ указъ, чтобы мытныя головы записывали въ мытныя книги по статьямъ, въ какомъ мѣсяцѣ, какого числа, кѣмъ сплавленъ лѣсъ, въ какомъ количествѣ по сортиментамъ, на какую сумму и сколько взято пошлинъ Сплавщикамъ давать выписку изъ книгъ о сплавленномъ лѣсѣ. По доставкѣ лѣсовъ на мѣсто, хозяева обязаны выгружать ихъ немедленно, чтобы не произошло вреда ни мостамъ, находящимся въ Москвѣ, ни судамъ съ хлѣбомъ ([2]).

Въ дополненіе указа 1686 года, который разрѣшалъ безпошлинный сплавъ лѣса для своихъ потребностей, но не опредѣлялъ въ какомъ количествѣ сплавъ этотъ возможенъ, и слѣдовательно могъ повлечь къ злоупотребленіямъ,

---

([1]) П. С. З. VI. 3772.

([2]) П. С. З. III. 1379.

постановлено: чтобы владѣльцы лѣсовъ, у которыхъ за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей явились излишки, предъявляли ихъ въ мытной избѣ и вносили пошлину по указу; въ случаѣ же продажи лѣса безъ предъявленія въ мытнѣ, лѣсъ конфисковать ([1]).

Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ въ сборѣ внутреннихъ торговыхъ пошлинъ преобразованіе, замѣнивъ большую часть прежнихъ проѣзжихъ пошлинъ торговой рублевой пошлиной. Петръ же установилъ въ 1704 году новыя пошлины, напоминающія прежніе мыты. По повелѣнію Петра были описаны всѣ торговыя площади и перекрестки и приведены въ извѣстность судовыя пристани. За право торговли на площадяхъ, платили поземельный оброкъ съ возовъ въ различномъ количествѣ по товарамъ: съ воза дровъ, лучины и кольевъ бралось по полуденьгѣ, съ лѣсныхъ издѣлій по двѣ деньги съ воза и сборъ пошлинъ отдавался на откупъ. Съ судовъ пристававшихъ къ берегамъ, бралась пошлина за пристань, тоже дѣлалось и съ плотами и величина пошлинъ зависѣла отъ размѣровъ лѣса: съ 100 трехъ-саженныхъ бревенъ 6 денегъ, съ сотни 4-хъ саженныхъ 8 денегъ, съ 5-ти саженныхъ 10 денегъ, съ 6-ти саженныхъ 2 алтына, съ семисаженныхъ 2 алтына 2 деньги, съ осьмисаженныхъ 2 алтына 4 деньги ([2]).

Кромѣ таможенныхъ пошлинъ съ мѣстъ, сохранился сборъ въ Москвѣ, въ Плесѣ со всѣхъ лѣсныхъ товаровъ, установленный еще до Петра. При этомъ сборѣ было много злоупотребленій. Продавцы часто не являлись въ мытню и не предъявляли своихъ товаровъ, или же, купивъ за 10 и 20 верстъ до Плеса лѣсъ и дрова и не предъявивъ ихъ и не заплативъ пошлины, продавали лѣсъ въ Москвѣ, а покупщики приносили часто жалобы, что лѣса эти рублены въ ихъ вотчинахъ. По этому состоялся указъ, чтобъ торговцы покупали лѣса въ Плесѣ, а вверхъ по Москвѣ рѣкѣ не ѣздить и не продавать лѣсовъ безъ предъявленія

([1]) П. С. З. III. 1492.

([2]) Внут. там. пош. Осокина. Стр. 123 до 125. П. С. З. IV. 1972.

въ мытнѣ. При этомъ хозяинъ товара долженъ былъ класть на него мѣту (1).

Торговля мачтовымъ лѣсомъ, развившаяся въ Архангельскомъ портѣ еще до Петра, отдавалась на откупъ. Въ 1692 году право торговли отдано иностранцу Артману на 5 лѣтъ, со взысканіемъ съ него за каждое дерево отпускаемое за границу по 10 ефимковъ (2); а въ 1698 году 1 іюня контрактъ съ нимъ продолженъ еще на 10 лѣтъ, но съ платой за каждое дерево по 7 ефимковъ. Контрактъ этотъ былъ продолженіемъ контракта 1792 года и составленъ почти на прежнихъ условіяхъ (3). Въ 1708 году право торговли отдано Стельсу, а съ 1713 года надворному совѣтнику Рагузинскому на три года. По контракту заключенному съ Рагузинскимъ, онъ обязывался платить: за большое дерево толщиной въ двадцать два дюйма по 16 ефимковъ, за деревья тоньшей мѣры платить за два какъ за одно большое, а деревья короче пяти саженъ принимать три за одно. За право торговли сверхъ 2,080 ефимковъ платимыхъ Стельсомъ, Рагузинскій надбавилъ 100 ефимковъ, всего 2,180 ефимковъ (4).

Въ 1712 году послѣ происшедшаго въ Москвѣ пожара постановлено, чтобы въ Плесѣ и на всѣхъ Московскихъ лѣсныхъ рынкахъ, лѣсные припасы, бревна и дрова не продавать выше цѣнъ бывшихъ до пожара. Надзоръ за правильностію продажи порученъ двумъ выборнымъ изъ Ратуши (5).

Съ завоеваніемъ Лифляндіи, Эстляндіи, Ингріи, Кареліи и части Финляндіи, вниманіе Правительства обратилось на порты Балтійскаго моря, а объ Архангельскѣ почти не говорится.

---

(1) П. С. З. III. 1583.

(2) Ефимокъ равнялся 50 копѣйкамъ. — П. С. З. III. 1410.

(3) П. С. З. III. 1633.

(4) П. С. З. IV. 2558.

(5) П. С. З. IV. 2529.

Первое время по завоеванiи этого края, Нарвскiе жители, за переписку ихъ со Шведами противъ Россiи, были лишены права торговли; вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ Рижскаго порта, по распоряженiю приказа Большой Казны, прекращенъ отпускъ смольчуга, поташа и мачтовыхъ деревъ. По 16 марта 1717 года, какъ было уже сказано, повелѣно Рижскому губернатору, допустить свободную торговлю лѣсомъ, смольчугомъ и поташемъ, привозимыми изъ Польши.

Въ 1721 году предписаны правила для отпусковъ лѣсовъ изъ портовъ Балтiйскаго моря. Указомъ этимъ дозволено рубить въ Новгородской провинцiи и въ другихъ, въ указныхъ отъ рѣкъ разстоянiяхъ, мачтовыя деревья длиной до 65 футовъ, толщиной на трехъ саженяхъ до 20 дюймовъ, а въ отрубѣ до 12 дюймовъ и отпускать ихъ за границу. Вмѣсто пошлины бралось въ Адмиралтейство десятое дерево изъ лучшихъ стволовъ. Такая же пошлина бралась и съ деревъ отпускавшихся изъ Риги. Деревья большихъ размѣровъ противъ показанныхъ, рубить и продавать запрещалось, и если бы они были отысканы въ лѣсахъ, то слѣдовало дать знать о томъ Адмиралтейской коллегiи (¹).

Между тѣмъ торговля въ Нарвѣ не имѣла еще полной свободы: ввозъ товаровъ изъ всѣхъ городовъ кромѣ Пскова былъ запрещенъ, такъ что наконецъ по представленiю Нарвскаго коменданта и заключенiю Коммерцъ-коллегiи, что жители «безъ торговыхъ промысловъ могутъ придти «во всякое разоренiе и въ сборѣ пошлинъ учинится недоборъ», по резолюцiи Государя на докладъ Сената вышло разрѣшенiе, рубить въ Новгородскомъ, Старорусскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ деревья отъ 18 до 30 футовъ, толщиной отъ 8 до 10 вершковъ, т. е. такiя, въ которыхъ Адмиралтейство не имѣло необходимости. А надзирателямъ поручено смотрѣть, чтобы не рубили деревъ длиной отъ 65 до 96 футовъ и толщиной на 3 саженяхъ отъ 20 до 25 дюймовъ, а въ отрубѣ отъ 12 до 14 дюймовъ (²).

(¹) П. С. З. VI. 3744.
(²) П. С. З. VI. 3918.

Послѣ этого указа Новгородцы и Псковичи вошли съ прошеніемъ, что по опредѣленію Вальдмейстерской канцеляріи имъ запрещаютъ не только торговать мачтовыми деревьями, но даже рубить строевой лѣсъ на 5 до 7 верстъ отъ береговъ. По этому Сенатъ, имѣя въ виду упомянутыя выше постановленія, повелѣніе Государя не рубить лѣса отъ Петербурга по морскому берегу на 7 верстъ, а не по рѣкамъ текущимъ къ Нарвѣ, и указъ 1722 года, имѣющій цѣлью только сберегать лѣса, а не запрещать рубку ихъ на суда, — дозволилъ заготовлять лѣса согласно указамъ 23 февраля 1721 г. и 13 марта 1722 года ([1]).

Наконецъ, 30 сентября 1723 года постановлено, для развитія торговли и возвышенія доходовъ казны въ пошлинномъ сборѣ, позволить Нарвскимъ жителямъ и дворянамъ рубить по р. Лугѣ и Плюсѣ мачтовыя деревья и свыше 65 футовъ, но не толще на 3 саженяхъ 20, а въ отрубѣ на 65 футахъ 12 дюймовъ. Разрѣшеніе это вышло потому, что Адмиралтейство не имѣло особенной нужды въ деревьяхъ этихъ размѣровъ и могло получать ихъ и съ другихъ рѣкъ ([2]).

Пчеловодство хотя и не обращало на себя особеннаго вниманія Петра, тѣмъ не менѣе онъ не обошелъ этой отрасли народнаго хозяйства, приносившей доходъ государству. Въ 1704 году повелѣно, осмотрѣть и описать «пчелиные заводы,» собрать съ нихъ пошлины, на безоброчныя наложить оброкъ и вообще переоброчить. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ учреждена канцелярія, названная Семеновской, и ей поручено составить всѣмъ оброчнымъ статьямъ окладныя книги ([3]). Въ 1709 году велѣно вновь переоброчить статьи и отдавать ихъ въ содержаніе на два или на три года. Съ лѣсныхъ бортныхъ ухожьевъ, съ которыхъ брали медомъ, повелѣно брать деньгами, цѣня пудъ меда въ одинъ рубль три алтына двѣ деньги. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ

([1]) П. С. З. VII. 4242.

([2]) П. С. З. VII. 4315.

([3]) П. С. З. IV. 1961.

на прежнихъ бортныхъ ухожьяхъ, показанныхъ по описнымъ книгамъ, поселились крестьяне и борти уничтожены, брать оброкъ съ новыхъ поселенцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, до котораго вѣроятно не всегда доходили пошлинныя деньги съ бортей, постановило, чтобы отъ всѣхъ пчеловодовъ отобрать показаніе, сколько и кому изъ сборщиковъ платили они съ 1705 по 1708 годъ оброчныхъ денегъ. Если при этомъ пчеловоды не представятъ росписокъ въ уплатѣ податей или будутъ говорить, что деньги представили, но только не взяли росписокъ, то въ первомъ случаѣ взять оброкъ, по 8 денегъ съ улья, съ пчеловодовъ, а во второмъ съ сборщиковъ (1). Доходъ съ пчеловодства долго еще получался мѣстами натурой, и только въ 1724 году постановлено, распродавъ медъ накопившійся съ Малороссійскихъ городовъ, не брать впредь съ тамошнихъ жителей десятый улей, а деньгами шестьдесятъ копѣекъ, съ пчеловодовъ же, имѣющихъ менѣе десяти ульевъ, брать съ каждаго улья по шести копѣекъ (2).

Стремясь къ развитію торговли и судостроенія, Петръ, 2 февраля 1700 года, далъ Архангельскимъ купцамъ Осипу и Өедору Баженинымъ дозволеніе строить въ ихъ вотчинѣ д. Вавчюгѣ, той же губерніи, корабли и яхты. Но какъ число лѣсу, дозволенное къ рубкѣ въ грамотѣ объяснено не было, то послѣ мѣръ обнародованныхъ Петромъ въ 1703 году къ охраненію лѣсовъ, Баженину позволено рубить ежегодно 4 тысячи деревъ.

Заготовка корабельныхъ лѣсовъ дѣлалась въ Азовской и Казанской губерніяхъ. Вырубка, вывозка и доставка ихъ въ Адмиралтейство, производились на счетъ денежной повинности «съ уѣздныхъ людей Казанской губерніи.» Гонка лѣсовъ поручалась надзору особо назначаемыхъ для того чиновниковъ. Сначала при проходѣ лѣсовъ платились привальныя, отвальныя и ерлычныя деньги; но въ послѣдствіи,

---

(1) П. С. З. IV. 2222.
(2) П. С. З. VII. 4513.

всякія внутреннія пошлины съ казенныхъ лѣсовъ уничтожены, и въ Боровицкихъ порогахъ велѣно давать безденежно спущиковъ (1).

Денежная повинность на заготовку корабельныхъ лѣсовъ существовала до 1718 года, въ этомъ году, 31 января, повелѣно: въ губерніяхъ Казанской, Воронежской, Нижегородской и въ Симбирскомъ уѣздѣ, брать для рубки и доставки корабельныхъ лѣсовъ служилыхъ мурзъ, Татаръ, Мордву и Чувашъ; эту новую повинность положить на нихъ въ замѣнъ высылки ихъ на работы въ Петергофъ. Съ селеній лежащихъ слишкомъ далеко отъ лѣсныхъ дачъ, вмѣсто поставки рабочихъ повелѣно сбирать деньгами. Этимъ же указомъ постановлено набрать 300 человѣкъ плотниковъ, кузнецовъ, пильщиковъ и бочаровъ изъ русскихъ селъ и волостей тѣхъ же губерніи (кромѣ Воронежской), зачислить ихъ въ рекруты и поселить особыми селеніями. Обязанностью поселенцовъ было обработывать, за хлѣбъ и особую плату, срубленныя корабельныя деревья (2).

Стараясь замѣнить рѣчныя суда старой конструкціи судами новаго манера, Петръ неоднократными указами повелѣвалъ, не строить суда по прежнимъ образцамъ и не возить на нихъ ничего въ Петербургъ; мѣра эта однако слишкомъ стѣсняла торговлю, потому что было трудно замѣнить вдругъ старыя суда новыми; по этому въ 1724 году Петръ указалъ: объявить въ Ладогѣ, что на староманерныхъ судахъ «какого бы званія ни были» можно возить въ Петербургъ бревна и доски, но съ тѣмъ однако, чтобы вырубать въ срединѣ судна боковыя доски и оставлять для связи только верхній брусъ и нижнюю доску (3).

Относительно межеванія лѣсовъ въ нашемъ законодательствѣ встрѣчается большой пробѣлъ отъ Петра до Императрицы Елисаветы. Если нѣкоторыя постановленія Петра, напримѣръ указъ коммиссару Кафтыреву и заключаютъ въ

(1) П. С. З. IV. 2522. V. 2647, 2970. VI. 3593. VII. 4497.
(2) П. С. З. V. 3149, п. 1.
(3) П. С. З. VII. 4586.

себѣ правила для опредѣленія лѣсовъ, то въ нихъ нельзя никакъ видѣть основаній для межеванія, какъ мы понимаемъ его нынче. Только Елисавета положила начало межеванія.

Петромъ начался новый рядъ постановленій, не имѣвшихъ ничего общаго съ законами его предшественниковъ. Дальнѣйшее развитіе законовъ Петра, создало нынѣшнее лѣсное управленіе; законодательство Петра было слѣдствіемъ одной его идеи создать флотъ. Отъ этого все вниманіе обращено на корабельный лѣсъ и строгая запретительная система составляетъ основу всѣхъ остальныхъ постановленій. При Петрѣ, лѣсъ необходимый для потребностей государства составлялъ исключительную собственность государства. Частныя лица, даже въ своихъ дачахъ, могли рубить только то, что не требовалось для «Государевыхъ дѣлъ». Кромѣ законовъ о свободной рубкѣ по Невѣ во всѣхъ дачахъ безъ исключенія, характеризующихъ царствованіе Петра, сохранились и другіе указы въ томъ же родѣ. Для починки и постройки «преспективной» дороги отъ Петербурга до р. Волхова, поручено было подполковнику Зезевитову заготовлять лѣса во всѣхъ дачахъ, чьибъ ни были (1). На строеніе кирпичныхъ заводовъ на Волховѣ, между Новгородомъ и Холмовымъ монастыремъ, и на обжиганіе кирпича, повелѣно брать лѣсъ «гдѣ заспособнѣе» во всѣхъ дачахъ безъ исключенія (2).

Не смотря на всю строгость запрещеній Петра и объявленныя имъ наказанія, законъ выполнялся слабо, народъ трудно отвыкалъ отъ своихъ привычекъ, а исполнители закона плохо выполняли свои обязанности. Наконецъ и самъ Государь, создавшій новое управленіе, учился опытомъ; отъ этого-то, безпрестанно появляются постановленія, подтверждающія ранѣе изданныя правила или разъясняющія ихъ, и вообще вся законодательная система, при высказанной ука-

---

(1) П. С. З VI. 3484.

(2) П. С. З. VI. 3652.

зомъ 1703 года цѣли, развивается слабо, неопредѣленно и медленно идетъ къ заданной цѣли. Административное начало, безъ котораго полное устройство новой части было невозможно, появилось только въ концѣ царствованія.

Но если постановленія о лѣсахъ развивались медленно и вся система лѣснаго управленія была слаба до послѣднихъ годовъ царствованія Петра, за то это время замѣчательно учрежденіемъ Вальдмейстерской канцеляріи, назначеніемъ вальдмейстеровъ и изданіемъ инструкціи для управленія лѣсами. Этими распоряженіями положено твердое начало лѣсной части и узаконенія о лѣсахъ, разбросанныя въ разныхъ указахъ, соединены въ одинъ сводъ, названный Петромъ «инструкціей оберъ-вальдмейстеру». Она есть первая основа нынѣ дѣйствующихъ постановленій о лѣсахъ.

Прежде изданія обер-вальдмейстерской инструкціи, имѣвшей общее значеніе, вскорѣ по назначеніи вальдмейстеровъ была дана частная, именная инструкція, обер-вальдмейстеру Глѣбовскому. Ему повелѣвалось, имѣть въ своемъ вѣдѣніи лѣса всего государства, а за лѣсами расположенными по Волгѣ наблюдать вмѣстѣ съ Казанскимъ вице-губернаторомъ Кудрявцевымъ.

Строго охранять лѣса и не допускать рубки въ заповѣдныхъ предѣлахъ.

Въ случаѣ необходимости въ лѣсѣ, отпускъ его производить только съ дозволенія обер-вальдмейстера или вальдмейстеровъ.

Лѣсъ назначаемый въ рубку слѣдовало клеймить.

Для надзора за лѣсами назначить вальдмейстеровъ въ Петербургъ, Новгородъ, Воронежъ, Рязань, Брянскъ, Смоленскъ, Муромъ «и гдѣ еще пристойно». Въ помощь вальдмейстерамъ дать унтер-вальдмейстеровъ, у которыхъ было бы подъ надзоромъ отъ двухъ до трехъ тысячъ дворовъ. Для непосредственнаго же охраненія лѣсовъ поручено выбрать «добрыхъ людей» изъ приказчиковъ или крестьянъ.

Относительно наказаній за порубки и отпусковъ лѣса за границу, включены состоявшіяся по этимъ предметамъ послѣднія постановленія.

Въ губерніяхъ не богатыхъ лѣсомъ, помѣщикамъ сѣять на своихъ земляхъ дубовые, липовые, кленовые и другіе лѣса.

Всякій валежный лѣсъ, кромѣ заповѣдныхъ деревъ, убирать.

При заготовкѣ подрядчиками лѣсовъ для Адмиралтейства, наблюдать, чтобы они рубили лѣса въ томъ количествѣ и тѣхъ размѣровъ, какіе взялись поставить въ казну.

Тамъ, гдѣ нѣтъ описаній лѣсовъ, вальдмейстеры обязаны составить описи вновь.

Лѣсамъ въ Петербургѣ и Ингерманландіи находиться по прежнему въ вѣдѣніи коммисара Кафтырева, а ему съ своими подчиненными состоять подъ начальствомъ обер-вальдмейстера.

Главное завѣдываніе лѣсными чинами поручено Адмиралтейской коллегіи.

Въ заключеніе инструкціи сказано: «понеже въ сей ин-«струкціи о смотрѣніи и береженіи лѣсовъ *всего описать* «*невозможно*, того ради ему Оберъ-Вальдмейстеру поступать «и чинить по прежнимъ Его Императорскаго Величества «состоявшимся о томъ указамъ во всемъ неотмѣнно» (*).

Въ декабрѣ того же 1722 года постановлено: въ проѣздъ вальдмейстеровъ давать имъ въ городахъ квартиры, а также помѣщенія для арестованныхъ рубщиковъ. Губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ передать вальдмейстерамъ описныя книги «всякія вѣдомости» и клейма. Гдѣ нѣтъ описаній составить вновь, а у кого нѣтъ клеймъ, для тѣхъ сдѣлать обер-вальдмейстеру и разослать по принадлежности. Вальдмейстерамъ и унтер-вальдмейстерамъ, при разъѣздахъ ихъ для осмотра лѣсовъ, подводъ не давать, а ѣздить имъ на своихъ лошадяхъ. Ямскихъ лошадей за прогоны давать только въ тѣхъ случаяхъ, когда посылаются нарочные въ Москву къ обер-вальдмейстеру. Для письмоводства дать вальдмейстерамъ и унтер-вальдмейсте-

(*) П. С. З. VI. 4060.

рамъ по одному человѣку изъ копіистовъ, а для караула и посылокъ разсыльныхъ (*).

Инструкція данная Глѣбовскому, носитъ на себѣ характеръ прежнихъ постановленій; въ ней еще не были опредѣлены точно обязанности новыхъ чиновъ и многое упущено, потому что *всего описать невозможно*. Этого недостатка нѣтъ въ новой, общей вальдмейстерской инструкціи. Здѣсь сказано обо всемъ, чему научилъ опытъ и чего требовали обстоятельства того времени. Инструкція эта дана 3 декабря 1723 года.

Послѣ присяги, составляющей первый пунктъ, излагаются мѣры хозяйства. Заповѣдными лѣсами признаны растущіе по системамъ рѣкъ Волги, Оки, Дона, Днѣпра, Западной Двины и по рѣкамъ впадающимъ въ Ладожское озеро и Ильмень. Заповѣдными разстояніями назначены 50 верстъ отъ большихъ и 20 отъ малыхъ рѣкъ. Въ этихъ предѣлахъ запрещены, во всѣхъ дачахъ безъ исключенія, дубъ, ильмъ, вязъ, ясень и толстая сосна.

Вальдмейстеры размѣщены по системамъ показанныхъ выше рѣкъ и вальдмейстеры на малыхъ рѣкахъ находились подъ начальствомъ вальдмейстеровъ большихъ рѣкъ.

Въ заповѣдныхъ предѣлахъ слѣдовало описать заповѣдныя породы, а дубъ и за указными разстояніями. Описаннымъ мѣстамъ составить ландкарты и обозначить на нихъ уѣзды, урочища, рѣки, дачи и къ какимъ пристанямъ удобнѣе доставка лѣсовъ. . . . .

Для охраненія лѣсовъ раздѣлить ихъ на звѣнья и въ лѣсные сторожа выбрать однодворцевъ и отставныхъ драгунъ и солдатъ, если же ихъ нѣтъ, то выборъ сдѣлать изъ приказчиковъ, старостъ и крестьянъ. . . . .

Вальдмейстерамъ осматривать лѣса зимой и по вскрытіи рѣкъ, сторожамъ же каждый мѣсяцъ. Въ случаѣ открытія порубокъ вальдмейстеры обязаны осмотрѣть и описать ихъ и взыскать штрафъ.

(*) П. С. З. VI. 4135.

Осмотрѣть и описать засѣки, не измѣнилось ли въ нихъ что послѣ составленія писцовыхъ книгъ. Въ мѣстахъ, гдѣ разведенный лѣсъ былъ истребленъ, вспахать и посѣять дубъ. Для надзора за засѣками опредѣлить надсмотрщиковъ изъ прежнихъ засѣчныхъ сторожей, и вообще строго охранять засѣки.

При назначеніи отпусковъ обер-вальдмейстерамъ посылаются вѣдомости съ обозначеніемъ количества и качества лѣса предполагаемаго къ отпуску, а они даютъ предписанія вальдмейстерамъ.

При рубкѣ наблюдать, чтобы рубилось то что предписано и лѣсъ заклейменный. Дубъ, ильмъ, вязъ и толстую сосну рубить для кораблестроенія и артиллеріи, къ мануфактурнымъ и фабричнымъ заводамъ, также на домовыя необходимыя нужды, кромѣ построекъ. Для кораблестроенія опредѣлено отпускать лучшій лѣсъ, а для другихъ потребностей, деревья негодныя для корабельнаго дѣла.

Постройка торговыхъ кораблей и другихъ мореходныхъ судовъ дозволена свободно, но съ тѣмъ, чтобы не рубить сосны выше означенной мѣры, и при постройкѣ дубовыхъ кораблей дѣлать доски не топорныя, а пильныя.

При заграничной торговлѣ лѣсомъ испрашивать на отпускъ разрѣшеніе Адмиралтейской коллегіи.

За отысканіе деревъ, на 65 футахъ 12 дюймовъ, назначено награды 2 руб. за дерево.

Въ заказныхъ мѣстахъ дозволено дѣлать расчистки незаповѣдныхъ деревъ, но только подъ сѣнокосы и рубить незаповѣдныя деревья, а за указными всѣ породы, кромѣ дуба, всѣмъ безъ исключенія и безъ предъявленія о томъ вальдмейстерамъ. Сосну на дрова рубить запрещено; тамъ же, гдѣ кромѣ сосны нѣтъ другихъ породъ, выбирать деревья худыя, негодныя для построекъ. На уголь брать деревья имѣющія у корня не свыше пяти вершковъ.

По системѣ сѣверной Двины запрещена рубка только дуба и толстой сосны. Вальдмейстерамъ и сторожамъ въ тѣхъ мѣстахъ не быть, а смотрѣть за лѣсомъ тамошнимъ управителямъ.

Дубовую кору снимать съ валежника, если жъ его нѣтъ, то съ деревъ сырыхъ негодныхъ для кораблестроенія.

Огня ни подъ какими деревьями ближе двухъ саженъ не раскладывать. А проѣзжающимъ не уѣзжать, не потушивъ его. При дѣланіи въ лѣсахъ палежей, призывать народъ съ огнегасительными снарядами, такъ, чтобы въ случаѣ пожара его можно бы потушить. Въ случаѣ пожара въ лѣсу или въ степи, сзывать окрестныхъ жителей за десять верстъ.

Долбленые гробы дѣлать изъ ели, березы и ольхи, изъ сосны только изъ досокъ, а изъ заповѣдныхъ породъ гробовъ совсѣмъ не дѣлать.

Заводскіе лѣса дѣлить на лѣсосѣки. Опредѣливъ какую площадь лѣса нужно для потребностей завода, отдѣлить такихъ мѣстъ въ натурѣ 25 или 30 и рубить, погодно, рядомъ. Гдѣ же при заводахъ лѣсъ вырубленъ, тамъ запускать вырубки подъ заросль.

Если при заводахъ нѣтъ другихъ породъ, кромѣ заповѣдныхъ, въ такомъ случаѣ не рубить ихъ на дрова безъ дозволенія Адмиралтейской коллегіи.

Въ мѣстахъ заготовки корабельныхъ дубовъ, по вырубкѣ лѣсовъ оставлять пространства подъ заросль.

Калмыкамъ владѣнія хана Аюкина рубить свободно лѣсъ, кромѣ дуба; дубъ же съ дозволенія Астраханскаго губернатора.

За самовольную рубку заповѣдныхъ породъ, подсушку, снманіе коры, рубку неклейменаго лѣса, брать съ каждаго пня штрафу 5 рублей: 2 въ казну, а 3 сторожу, открывшему порубку. За умышленный же поджегъ лѣса или степи смертная казнь.

Если у проѣзжающихъ сломится ось, оглобля «или другое что нужное,» то не ставить имъ въ вину, если они срубятъ заповѣдное дерево.

Деревья срубленныя самовольно и найденныя въ лѣсу вывозить виновными къ рѣкамъ для сплава, куда окажется нужнымъ.

Обер-вальдмейстеру въ содержаніи канцелярскихъ дѣлъ и служителей, поступать по генеральному регламенту.

Обер-вальдмейстерамъ и вальдмейстерамъ имѣть скрѣпленныя книги. Съ одной стороны вписывать кому, на какое количество и на какой предметъ даны разрѣшенія рубки, а съ другой, что сдѣлано по билетамъ. Каждую треть вальдмейстеры посылаютъ въ канцелярію извлеченія изъ книгъ, чтобы вальдмейстерская канцелярія могла знать сколько и для чего вырублено въ годъ заповѣдныхъ деревъ.

Деньги поступающія въ штрафъ заносить на приходъ въ особыя книги. О денежныхъ приходахъ вальдмейстерамъ доносить канцеляріи, а обер-вальдмейстерамъ рапортовать, по третямъ, въ ревизіонъ и штатсъ-конторы, а по прошествіи года присылать счеты въ ревизіонъ-контору (1).

Въ ноябрѣ 1724 года вышли два дополнительные къ инструкціи указа. Первымъ, 11 числа, велѣно содержаніе вальдмейстерской канцеляріи производить изъ штрафныхъ денегъ, а чтобы вальдмейстеры и надзиратели, получавшіе процентъ изъ штрафныхъ денегъ, не могли для личныхъ выгодъ штрафовать кого нибудь напрасно, то постановлено, чтобы по открытіи порубки они производили ей свидѣтельство въ присутствіи полковника, а въ небытность его земскаго коммисара и штрафъ брали при нихъ же. 13 же ноября, въ отмѣну 6 пункта инструкціи, опредѣлявшаго вальдмейстерамъ и надсмотрщикамъ за противузаконное дозволеніе рубки такое же наказаніе какъ и порубщикамъ, повелѣно: вальдмейстеровъ и надсмотрщиковъ виноватыхъ въ порубкѣ, за первую вину наказавъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри ссылать на вѣчно въ каторжную работу (2).

Наконецъ къ числу совершенно новыхъ мѣръ принадлежитъ, введеніе пилы при заготовкѣ дровъ и клейменіе лѣсовъ, заготовляемыхъ частными промышленниками, собственными клеймами (3).

---

(1) П. С. З. VII. 4379.
(2) П. С. З. VII. 4590, 4594.
(3) П. С. З. IV. 1883, VI 3862.

ГЛАВА III.

Узаконенія Екатерины I.

Инструкція данная обер-вальдмейстерамъ заключала въ себѣ все, чему научилъ Петра опытъ и что, по его мнѣнію, было необходимо для устройства лѣснаго управленія. Разумѣется она не могла не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ недостатковъ, тѣмъ болѣе еще, что земли не были приведены въ точную извѣстность.

Верховный тайный совѣтъ, сообразивъ правила изложенныя въ вальдмейстерской инструкціи съ мѣстными условіями государства, нашелъ, что если заповѣдныя пространства опредѣлить въ натурѣ, то по близкому разстоянію рѣкъ между собою едва ли найдется мѣсто, гдѣ не было бы заповѣдныхъ лѣсовъ; многіе заказные лѣса лежатъ въ такихъ мѣстахъ, откуда невозможна доставка корабельныхъ деревъ ни къ одному адмиралтейству; вальдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ денегъ, притѣсняютъ народъ и назначаютъ иногда большіе штрафы за такія порубки, за которыя, по инструкціи взыскивать не слѣдуетъ. Самое запрещеніе рубки лѣса безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, ведетъ къ притѣсненію народа, потому что крестьяне въ случаѣ необходимости въ лѣсѣ, должны бросать свои работы и ѣздить къ вальдмейстерамъ, а тѣ своими проволочками вводятъ крестьянъ только въ убытки.

По этому Императрица, «милосердуя къ своимъ подданнымъ Всемилостивѣйше повелѣла»: лѣса годные для кораблестроенія запретить рубить только въ тѣхъ мѣстахъ, откуда удобна доставка ихъ водой къ адмиралтействамъ, именно: по рѣкамъ Волгѣ, Сурѣ, Свіягѣ, Воронежу, Осереду, Бузулуку, Битягу, Хопру, Дону до казачьихъ городковъ,

по Днѣпру въ однихъ Великороссійскихъ городахъ, по Деснѣ, около озера Ильменя и по рѣкамъ Ловати, Полѣ, Шелони, Волхову и Свири. По всѣмъ означеннымъ рѣкамъ заказать лѣса на 15 верстъ отъ береговъ, а внѣ заповѣдныхъ предѣловъ допустить свободную рубку. Въ заказникахъ на необходимыя домашнія нужды рубить по прежнему съ разрѣшенія лицъ завѣдывающихъ лѣсами, а безъ дозволенія ихъ, или на другія потребности, не рубить подъ страхомъ наказанія положеннаго инструкціей. За лѣсами смотрѣть воеводамъ, каждому въ своемъ уѣздѣ, строго охранять заказные лѣса отъ порубокъ и при отводѣ крестьянамъ лѣсовъ на домашнія нужды не дѣлать крестьянамъ проволочекъ.

Вальдмейстеровъ и вальдмейстерскія конторы упразднить и всѣ штрафы исчисленные за порубки по 1727 годъ сложить и ни съ кого не взыскивать.

Главное завѣдываніе лѣсами оставить Адмиралтейской коллегіи и ей же заняться описаніемъ заповѣдныхъ лѣсовъ и составленіемъ плановъ дачамъ (*).

Новое распоряженіе Екатерины принесло очевидную пользу ограниченіемъ заповѣдныхъ пространствъ, — и только; — остальныя неудобства указанныя тайнымъ совѣтомъ: исчисленіе штрафовъ за порубки, запрещеніе рубки безъ дозволенія лицъ завѣдывающихъ лѣсами, не могли быть уничтожены новымъ указомъ. Основныя постановленія остались тѣже, перемѣнилось только названіе лицъ завѣдывавшихъ лѣсами, что для народа не могло составлять большой важности, и если онъ терпѣлъ прежде отъ вальдмейстеровъ, то при новомъ порядкѣ вещей могъ терпѣть столько же отъ воеводъ.

Поводомъ къ упраздненію вальдмейстеровъ были разумѣется дѣланныя ими злоупотребленія; неудовольствіе народа на этихъ чиновниковъ должно было появиться еще при Петрѣ Великомъ, въ этомъ, между прочимъ, убѣждаетъ указъ изданный Сенатомъ вскорѣ послѣ смерти Императора. Предписывая вальдмейстерамъ не завѣдывать лѣсами Мало-

---

(*) П. С. З. VIII. 4995.

россіи, Сенатъ постановилъ вопросъ о назначеніи ихъ въ этотъ край представить Императрицѣ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ ([1]). Видно, что въ правительствѣ зрѣло неудовольствіе на вальдмейстеровъ, и идея объ устраненіи ихъ уже появилась.

Указомъ 24 февраля 1725 года повелѣно лѣса Лифляндіи, Эстляндіи и острова Эзеля оставить по прежнему въ вѣдѣніи ихъ владѣльцевъ, на основаніи учрежденій существовавшихъ въ томъ краѣ до его завоеванія и вальдмейстеровъ отъ правительства не назначать ([2]), а указомъ 2 іюня того же года постановлено, не назначать вальдмейстеровъ въ Сибирь, потому, что хотя въ Соликамскомъ, Верхотурскомъ и Кунгурскомъ уѣздахъ и есть заповѣдные лѣса, однако тамошнимъ жителямъ указомъ 30 марта 1720 года дозволено ихъ рубить, наконецъ и корабельныя деревья къ Петербургскому адмиралтейству въ Сибири не заготовляются ([3]).

Петръ Великій, желая ввести рѣчныя суда новой конструкціи, запретилъ возить въ Петербургъ товары на такъ названныхъ имъ староманерныхъ судахъ, — это запрещеніе было невыгодно и для судовщиковъ и для жителей Петербурга. По этому, Правительствующій Сенатъ указомъ 3 іюля 1725 года, на основаніи указа Петра 1724 года, позволилъ пропускать изъ Ладоги на староманерныхъ судахъ доски, бревна и другіе лѣсные припасы, но неиначе какъ на судахъ съ прорубленными боками, и точное наблюденіе за исполненіемъ этого указа возложилъ на Шлиссельбургскаго комендапта ([4]).

Однако и это распоряженіе оказалось не совсѣмъ удобнымъ, доски и бруски подмокали и не годились для заграничнаго отпуска, — по этому въ 1726 году повелѣно доски и брусья, назначаемые для заграничной торговли пропускать изъ Шлиссельбурга до Петербурга и Кронштадта въ судахъ

([1]) П. С. З. VII. 4863.

([2]) Тамъ же, 4667.

([3]) Тамъ же, 4725.

([4]) Тамъ же, 4744.

съ непрорубленными боками и по выгрузкѣ лѣса барки разламывать [1].

Строгое запрещеніе рубки заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣленное Петромъ оказалось невыгоднымъ наконецъ и для самаго Правительства. Послѣ многихъ вызововъ на поставку къ 1726 году смолы въ количествѣ отъ 1,500 до 1,800 бочекъ, явился только одинъ желающій и тотъ брался поставить 300 бочекъ; Коммерцъ-Коллегія полагала, что это происходитъ отъ строгаго запрещенія рубки лѣса, и была увѣрена, что при дозволеніи рубить свободно лѣсъ для гонки смолы, явились бы желающіе; по этому боясь, что въ 1726 году смолы въ продажѣ совсѣмъ не будетъ, вошла съ представленіемъ въ Сенатъ. Сенатъ рѣшилъ такимъ образомъ: такъ какъ отъ отпуска за границу смольчуга «входитъ въ Россію серебро съ немалою прибылью», а въ случаѣ прекращенія этой продажи убытокъ казны очевиденъ, то дозволить въ Бѣлгородской провинціи, кромѣ Брянска, рубить свободно лѣсъ въ количествѣ потребномъ на пропорцію смольчуга, опредѣленную Коммерцъ-Коллегіей [2].

Другое зло слишкомъ строгой запретительной системы было въ излишнемъ стѣсненіи народа, особенно тамъ, гдѣ увеличивающееся населеніе требовало увеличенія угодій, напримѣръ близъ С. Петербурга. Береза и ольха заповѣданныя по берегамъ Невы и Финскаго залива не были необходимы для адмиралтейства, между тѣмъ запрещеніе рубки этихъ породъ стѣсняло жителей и лишало ихъ возможности расчищать лѣса подъ пашни и сѣнокосы. Запрещеніе это было тѣмъ болѣе тягостно, что въ рощахъ и лѣсахъ было много деревъ кривыхъ, дупловатыхъ и гнилыхъ, совершенно негодныхъ для кораблестроенія. По этому Адмиралтействъ-Коллегія просила дозволить жителямъ окрестностей Петербурга расчищать подъ пашни и покосы мелкіе негодные ольховые и березовые лѣса, съ тѣмъ, чтобы деревья большихъ размѣровъ, болѣзненныя, вырубать, а здоровыя —

---

(1) П. С. З. VII. 4819.

(2) Тамъ же, 4748.

толщиной у корня въ 12 дюймовъ и болѣе, оставлять на корнѣ, а на пашняхъ срубать и вывозить къ морю или на берегъ Невы къ пристанямъ. Сенатъ согласился съ представленіемъ коллегіи и дозволилъ расчистки по Невѣ вверхъ до Шлиссельбурга, по Копорской сторонѣ отъ Шлиссельбурга до Нарвы и по всей Ингерманландіи и Выборгской сторонѣ въ заказныхъ разстояніяхъ. Противъ представленія коллегіи Сенатъ однако сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Такъ какъ коллегія не видѣла особенной нужды для адмиралтейства въ ольхѣ и березѣ, то породы эти дозволено владѣльцамъ земель рубить на свои потребности, а не вывозить къ пристанямъ. При расчисткѣ мѣстъ дубъ, вязъ, илимъ, ясень, орѣшникъ и сосну годную на мачты, райны и на бугсприты въ 12 и болѣе вершковъ, рубить запрещено. Тонкія заповѣдныя деревья велѣно пересаживать, если же пересадка ихъ будетъ невозможна, между тѣмъ вмѣстѣ съ заповѣдными растутъ деревья и незаповѣдныя, то незаповѣдныя чистить подъ сѣнокосы, а заповѣдный лѣсъ оставлять на корнѣ и въ подобныхъ мѣстахъ пашень отнюдь не дѣлать. Рубка лѣса дозволена только для расчистокъ, а съ другими цѣлями запрещена (*).

Лѣсные сторожа находившіеся при засѣкахъ, по указу Петра, 11 февраля 1724 года, избавлены были отъ четырехгривеннаго сбора, а несли только осьмигривенный, но потомъ оказалось, что сверхъ подушныхъ денегъ они платятъ вмѣсто помѣщичья дохода по четыре гривны съ души и поставляютъ лѣсъ и пластины на постройки штабныхъ домовъ «отчего и пришли во всеконечную скудость и разореніе», такъ, что нѣкоторые роздали свои земли въ наймы и поступили въ ямщики, разсыльщики и въ кузнецы на Тульскіе заводы. Вслѣдствіе этого 30 марта 1726 года постановлено, избавить засѣчныхъ сторожей отъ четырехгривеннаго сбора, и выбывшихъ въ разсыльщики возвратить къ засѣкамъ, кузнецовъ же и ямщиковъ оставить на своихъ

(*) П. С. З. VII. 4783.

мѣстахъ ([1]). Въ 1723 году Петръ Великій отдалъ смолу на откупъ купцу Мейеру, по окончаніи контракта въ 1726 г. Екатерина повелѣла, 16 мая того же года, торгъ смолой сдѣлать вольнымъ ([2]).

Лѣсное законодательство Екатерины I имѣетъ характеръ совершенно отличный отъ законовъ Петра Великаго. Излишняя строгость постановленій смягчается, правительство дѣлаетъ нѣкоторыя уступки народу и не придаетъ уже лѣсу такой важности какую давалъ ему Петръ.

Царствованіе Екатерины I характеризуется вполнѣ указомъ 30 декабря 1726 года, единственнымъ важнымъ постановленіемъ касающемся лѣсовъ: вальдмейстеры и вальдмейстерскія конторы упразднены, лѣса переданы въ вѣдѣніе воеводъ, заповѣдными предѣлами приняты 15 верстъ отъ береговъ рѣкъ Волги, Суры, Свіяги, Воронежа, Оседа, Бузулука, Битяга, Хопра, Дона, Днѣпра въ однихъ Великороссійскихъ городахъ, Десны, около озера Ильменя, и по рѣкамъ Ловати, Полѣ, Шелони, Волхову и Свири. Въ остальныхъ лѣсахъ допущена свободная рубка.

([1]) П. С. З. VII. 4863.
([2]) П. С. З. VII. 4883.

ГЛАВА IV.

Узаконенія Петра II.

Послѣ указа 30 декабря 1726 года открылись въ Тульскихъ засѣкахъ значительныя порубки. Мѣстные жители ссылаясь на то, что о засѣкахъ не говорится въ указѣ ни слова, стали ѣздить въ лѣса по сто и болѣе человѣкъ и рубили заповѣдныя деревья. Адмиралтействъ-Коллегія вошла объ этомъ съ представленіемъ въ Сенатъ и 14 августа 1727 года постановлено, засѣки заказать наравнѣ съ другими заповѣдными лѣсами (1).

Указъ Екатерины I объ упраздненіи вальдмейстеровъ не имѣлъ вѣроятно общаго приложенія, потому что Петръ II издавалъ по этому предмету нѣкоторыя частныя постановленія. Въ 1727 году повелѣно, не быть вальдмейстерамъ и ихъ подчиненнымъ въ Ингерманландіи. Смотрѣніе за лѣсами имѣть самимъ владѣльцамъ лѣсовъ. Если въ дачахъ есть заповѣдныя породы, то помѣщикамъ, старостамъ и приказчикамъ запрещается рубить ихъ безъ позволенія, остальной же лѣсъ отдается на волю, *«чтобъ всякъ берегъ для себя»*. Въ предѣлахъ заказныхъ лѣсовъ по Невѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, подтверждено запрещеніе рубить заповѣдныя деревья, и дозволено помѣщикамъ только расчищать лѣса, согласно указу 1725 года (2).

Въ томъ же году вышло постановленіе о лѣсахъ въ С. Петербургѣ и во всей Ингерманландіи, гдѣ говорится вновь о вальдмейстерахъ и вальдмейстерской конторѣ. Указомъ этимъ постановлено, лѣса находящіеся на мѣстахъ

(1) П. С. З. VII. 5139.
(2) П. С. З. VII. 5096.

отведенныхъ въ Петербургѣ и на островахъ подъ постройки, отдать въ полное распоряженіе ихъ владѣльцевъ и предоставить имъ право рубки безъ испрашиванія разрѣшенія вальдмейстеровъ. Рощамъ же и лѣсамъ, находящимся на островахъ и не отданнымъ никому изъ частныхъ лицъ, находиться въ вѣдѣніи вальдмейстерской конторы. Въ предѣлахъ заповѣдныхъ разстояній повелѣно только наблюдать за цѣлостью мачтовыхъ сосенъ, также дубовъ, кленовъ, ясеней и *«другихъ тому подобныхъ деревъ»*, т. е. вязовъ, илимовъ, орѣшника; прочіе лѣса дозволено расчищать подъ строеніе, пашни и сѣнные покосы и рубить на домашнія потребности. Для устраненія всякаго притѣсненія жителямъ и задержки въ дозволеніи рубки, или какъ сказано въ указѣ, «чтобъ ѣздя для того изъ дальнихъ мѣстъ, а паче въ работныя времена, жителямъ тягостей напрасныхъ не происходило», дано имъ право рубить безъ испрашиванія разрѣшенія вальдмейстеровъ, и только строго запрещена рубка заповѣдныхъ деревъ подъ страхомъ наказанія опредѣленнаго прежними указами. Въ этомъ же указѣ повторено запрещеніе рубки заповѣдныхъ лѣсовъ по Невѣ до Шлиссельбурга, по Копорской сторонѣ и по всей Ингерманландіи, обнародованное указомъ 27 сентября 1725 г. (¹).

Изъ приведенныхъ указовъ видно, что постановленіе Екатерины объ уничтоженіи вальдмейстеровъ, не могло быть полезно для интересовъ государства и необходимость заставляла поручать надзоръ за лѣсами особо назначеннымъ для того лицамъ. Не смотря на сознаніе подобной необходимости проглядывающее въ указахъ, правительство не издаетъ однако рѣшительныхъ постановленій, и даетъ своимъ указамъ какое то частное мѣстное значеніе. Отсутствіе единства въ мѣрахъ правительства и недостаточное исполненіе издаваемыхъ повелѣній, можетъ быть даже вслѣдствіе самой строгости законовъ заставляютъ правительства издавать безпрестанно подтвердительные указы; подобный характеръ наше законодательство по лѣсной части приняло со временъ

(¹) П. С. З. VII. 5193.

Петра Великаго. Излишняя строгость запрещенія рубки такихъ породъ, которыя крестьяне привыкли рубить свободно, должна была казаться народу довольно странной; не сочувствуя интересамъ государства и чуждый имъ, народъ не понималъ для чего запрещаютъ ему рубить такія деревья, которыхъ въ лѣсахъ не только еще слишкомъ много, но которыя даже и само правительство не рубитъ для своихъ потребностей. Вслѣдствіе этого явилось неисполненіе повелѣній и необходимость частаго напоминанія запрещеній.

Отсутствіе рѣшительныхъ мѣръ и постановленій по администраціи, а съ уничтоженіемъ вальдмейстеровъ и надзора за лѣсами, повлекло за собой излишнюю свободу рубки; слѣдовало необходимо принять мѣры противъ зла начавшаго распространяться съ прекращеніемъ строгихъ наказаній. Правительство чувствовало эту необходимость, а между тѣмъ не рѣшалось ни возстановить вполнѣ администрацію учрежденную Петромъ Великимъ и уничтоженную Екатериной I, ни строго преслѣдовать неисполнителей повелѣній. Оно ограничилось только изданіемъ новаго постановленія, носившаго чисто подтвердительный характеръ и имѣвшаго частное значеніе.

Въ 1729 году, 11 марта, повелѣно, до изданія новаго постановленія въ губерніяхъ Казанской, Астраханской и Нижегородской по рѣкамъ Волгѣ, Сурѣ, Свіягѣ, Камѣ, Вяткѣ, Алатырю и другимъ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, запретить рубку сыраго лѣса, въ указныхъ и за указными отъ рѣкъ разстояніяхъ, а довольствоваться валежникомъ; надзоръ же за лѣсами имѣть воеводамъ и губернаторамъ (*).

Но если правительство показывало какую то нерѣшительность въ установленіи административнаго порядка, за то лѣсное законодательство обязано ему новой идеей, хотя и существовавшей при Петрѣ I, однако необлеченной имъ въ законодательную форму. Издавъ указъ о дѣланіи новыхъ судовъ съ назначеніемъ въ какихъ водахъ какія суда могутъ быть допускаемы, Петръ II постановилъ, чтобы лѣсъ

(*) П. С. З. VIII. 5378.

на постройку судовъ рубить всегда съ ноября мѣсяца, и чтобы ранѣе года лѣсъ, особенно доски, не шли въ дѣло ([1]).

Другая идея, совершенно новая, развитая впослѣдствіи Екатериной II, высказана въ указѣ 11 марта 1729 года. Указомъ этимъ постановлено: «впредь къ адмиралтейскимъ «дѣламъ годные у помѣщиковъ и у всякихъ чиновъ людей «дубовые лѣса, покупать каждое дерево повольною цѣною, «которое они выростятъ и уберегутъ, того ради объявить «тамошнимъ помѣщикамъ и прочихъ всякихъ чиновъ лю- «дямъ, чтобъ они дубъ сѣяли и всячески размножали и «берегли» ([2]). Эта идея совершенно противорѣчитъ основной идеи Петра Великаго, что лѣсъ необходимый для потребностей государства есть государственная собственность.

Вотъ главныя постановленія характеризующія царствованіе Петра II. Остальныя узаконенія не много прибавили къ прежде сдѣланному и относятся или до постороннихъ лѣсныхъ произведеній, или до торговли.

Имѣя въ поташѣ источникъ постояннаго государственнаго дохода отъ заграничной торговли, правительство, желавшее сохранить ежегодно одинакую прибыль, постановило, чтобы въ случаѣ потребности въ поташѣ на внутреннія потребности государства для казенныхъ или частныхъ нуждъ, поташные заводы доносили о поступающихъ къ нимъ требованіяхъ Коммерцъ-коллегіи, чтобы она могла распорядиться заранѣе о заготовкѣ поташа сверхъ опредѣленнаго отпуска для заграничной торговли ([3]).

Наконецъ послѣдній рядъ постановленій имѣлъ цѣлью ограничить произволъ купцовъ въ назначеніи цѣнъ на лѣса, облегчить по возможности покупщиковъ лѣса, и прекратить злоупотребленія по сбору мытенныхъ пошлинъ.

Для этого постановлено, полиціи строго наблюдать, чтобы мытенный откупщикъ не накладывалъ ни на какой лѣсной матеріалъ лишнихъ пошлинъ, и чтобы купцы не брали

([1]) П. С. З. VIII. 5327.
([2]) П. С. З. VIII. 5378.
([3]) П. С. З. VIII. 5249, 5395.

много прибыли. Во время гонки плотовъ не дѣлать хозяевамъ никакихъ притѣсненій, и если лѣсъ не будетъ выгружаться, то не брать за причалъ денегъ. Выше мытенной таможни лѣса и дровъ перекупщикамъ не скупать, — только лица покупающіе лѣсъ для своихъ потребностей могутъ покупать его гдѣ хотятъ (1).

Для надзора за откупщиками мытенной таможни, чтобы они не накладывали на лѣсъ излишней цѣны, велѣно опредѣлить особаго надсмотрщика. Для воспрепятствованія купцамъ назначать лѣснымъ матеріаламъ произвольныя цѣны и продавать ихъ слишкомъ дорого, какъ это было въ 1728 и 29 годахъ, указано, въ Москвѣ по берегамъ Москвы рѣки до мытенной таможни и до Ходынки оцѣнить весь лѣсъ, какъ лежащій на берегахъ, такъ и не выгруженный и купцамъ не продавать его до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначена правительствомъ такса (2).

Послѣдняя мѣра была встрѣчена купцами съ неудовольствіемъ, и нѣкоторые изъ нихъ, въ противность указамъ не явились ни сами къ оцѣнкѣ лѣсовъ, ни прислали своихъ довѣренныхъ, такъ что чиновники встрѣтивши остановку въ въ исполненіи Высочайшей воли, донесли о томъ Сенату и 14 мая 1729 года повелѣно, что если хозяева или ихъ повѣренные не будутъ находиться при лѣсахъ, а въ случаѣ неявки не дадутъ знать о причинѣ ея въ продолженіе недѣли, то лѣса ихъ конфисковать (3).

Мѣра эта оказалась дѣйствительной, лѣса оцѣнили и указомъ Сената дозволено лѣсопромышленникамъ продавать ихъ, но съ тѣмъ, чтобы не брать болѣе 10% на капиталъ, въ исполненіи этого повелѣнія отобраны отъ купцовъ подписки и объявлено имъ, что въ случаѣ неисполненія указа они будутъ «подъ жестокимъ страхомъ и разореньемъ» (4),

---

(1) П. С. З. VIII. 5398.
(2) П. С. З. VIII. 5404.
(3) П. С. З. VIII. 5409.
(4) П. С. З. VIII. 5479.

Въ царствованіе Петра II лѣсное законодательство шло отчасти путемъ указаннымъ ему Екатериной, но въ нѣкорыхъ случаяхъ развивались идеи посѣянныя Петромъ Великимъ.

При всей неопредѣлительности постановленій Петра II, нѣкоторыя изъ нихъ напоминаютъ даже царствованіе Екатерины II, когда строгія мѣры Петра I замѣнились вполнѣ болѣе кроткими узаконеніями.

Упраздненіе вальдмейстеровъ осталось въ той же силѣ, какъ это сдѣлала Екатерина I, бережливое употребленіе лѣсовъ и запрещеніе рубки въ губерніяхъ Казанской, Астраханской и Нижегородской сыраго лѣса и допущеніе уборки только валежника, развились изъ основаній положенныхъ Петромъ I. Къ числу постановленій напоминающихъ Екатерину II принадлежитъ указъ 17 іюня 1727 года, которымъ, лѣса Ингерманландіи предоставлены надзору ихъ владѣльцевъ, и незаповѣдный лѣсъ отданъ на волю, «*чтобъ всякъ берегъ для себя*»; наконецъ совершенно новыя идеи обнародованы указами 31 августа 1728 и 11 марта 1729 года. Первымъ постановлено, лѣсъ для судовъ рубить съ ноября, а вторымъ, дубовыя деревья годныя къ адмиралтейскимъ дѣламъ найденныя у частныхъ лицъ, покупать по вольной цѣнѣ.

ГЛАВА V.

Узаконенія Анны Ивановны.

Еще при Петрѣ II правительство начинало сознавать необходимость возстановить въ прежней силѣ администрацію Петра Великаго. Упраздненіе вальдмейстеровъ повело ко многимъ злоупотребленіямъ, такъ, что, наконецъ, капитанъ-командоръ Козловъ донесъ сенату, что въ корабельные лѣса Казанской губерніи обыватели пускаютъ скотъ, между молодыми дубовыми насажденіями разчищаютъ пашни, раскладываютъ въ лѣсахъ огни и не пользуются валежникомъ. По этому указомъ 28 августа 1730 года постановлено, опредѣлить въ Казанскую губернію вальдмейстеровъ «давъ имъ инструкціи въ прежней силѣ той должности» и надзоръ за ними порученъ Казанскому губернатору и воеводамъ (*).

Подобная мѣра правительства, обратившагося къ началамъ Петра Великаго, не могла ограничиться однимъ только этимъ распоряженіемъ: дальнѣйшее развитіе основаній положенныхъ Петромъ I было неизбѣжно. Въ 1732 году вышла «инструкція или уставъ о заводѣ и о сѣвѣ для удовольствія Ея Императорскаго Величества флота, вновь лѣсовъ». Инструкція предлагаетъ подробныя правила для обращенія съ корабельными лѣсами.

Адмиралтейской коллегіи вмѣнялось дубовыя и другія годныя для флота деревья подчищать, охранять и производить въ удобныхъ мѣстахъ посѣвы лѣсовъ. Подчистки деревъ и посѣвы лѣсовъ дѣлать на мѣстахъ высокихъ и глинистыхъ, а не на болотныхъ, поемныхъ и песчаныхъ. Кромѣ

(*) П. С. З. VIII. 5612.

того мѣста посѣвовъ избирать не далеко отъ сплавныхъ рѣкъ и близко къ селеніямъ. Подчищенные и засѣянные участки обрывать канавами въ четыре фута ширины и глубины и землю насыпать валомъ внутри окопа. Въ мѣстностяхъ же низкихъ дѣлать внутри небольшія борозды для стока воды.

Въ этомъ указѣ впервые говорится о вызванныхъ изъ Германіи форстмейстерахъ. Ихъ надзору ввѣрялись всѣ подчищенныя и засѣянныя пространства. Вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалось засѣвать избранные участки породами свойственными мѣстности по климату, сѣмена выбирать хорошія, зимой хранить ихъ въ удобныхъ мѣстахъ, гдѣ бы излишній холодъ, теплота, сырость или сухость воздуха, не могли помѣшать ихъ всхожести.

Лѣса сѣять ни слишкомъ рѣдко, ни слишкомъ густо, а «какъ къ наилучшей пользѣ благопотребно быть можетъ».

Подчищенныя молодыя дубовыя насажденія и посѣвы охранять отъ всѣхъ вредныхъ вліяній и стараться возращать стволы годные для корабельнаго дѣла.

Участки строго охранять отъ скота и дикихъ звѣрей.

Каждому форстмейстеру давалось шесть учениковъ съ тѣмъ, чтобы не скрывая ничего, выучить ихъ ходить за лѣсами. За приготовленнаго вполнѣ ученика назначено форстмейстеру 50 рублей награды.

Для лучшаго сохраненія рощей располагать ихъ не ближе пяти верстъ отъ селеній, и въ этихъ предѣлахъ не позволять ни селиться, ни обработывать землю, ни косить траву.

Но какъ форстмейстеры и ихъ ученики не могли исполнять сами всѣхъ работъ, то предположено дать имъ въ помощь работниковъ, полагая на каждыя 2,500 десятинъ по два человѣка. Работниковъ содержать на жалованьи и по времени помѣщать ихъ въ ученики, а учениковъ назначать мастерами. Учениковъ за успѣхи награждать.

Участки корабельныхъ деревъ до возраста годности ихъ къ дѣлу отнюдь не рубить, когда же деревья достигнутъ хозяйственной спѣлости, то рубить ихъ по указамъ адмиралтейской коллегіи и по отводу форстмейстеровъ. При этомъ строго сортировать деревья и для мелкихъ штукъ не

назначать крупныхъ деревъ. Рубку производить когда у дерева сокъ въ корнѣ, т. е. отъ октября до марта «или какъ по климату того мѣста, гдѣ оныя деревья стоять будутъ и по искуству форстмейстеровъ, за потребнѣйшее разсудится.» Вырубленныя мѣста засѣвать или засаживать деревцами взятыми изъ густыхъ всходовъ.

Деревья срубленныя или поваленныя вѣтромъ вывозить изъ рощей заблаговременно, не позволять постороннимъ лицамъ собирать сѣмена, и предохранять поваленныя деревья отъ вѣтра и солнца, чтобы стволы не щелились. Нарушителей указа отсылать къ суду.

Не пускать ни кого въ рощи для рубки лѣсовъ и охоты; не позволять дѣлать борти, косить траву и не раскладывать огней ни въ самыхъ рощахъ, ни вблизи ихъ.

За порчу деревъ и пастьбу скота наказывать виновныхъ кнутомъ, и ссылать на-вѣчно въ каторжную работу съ вырѣзаніемъ ноздрей, скотъ конфисковать въ пользу казны; за пожаръ, даже неумышленный, «казнить смертію.»

Для болѣе точнаго и дѣйствительнаго выполненія изданнаго постановленія повелѣно, чтобы губернаторы и воеводы не только оказывали форстмейстерамъ всякое вспоможеніе, но и сами наблюдали за сохраненіемъ и размноженіемъ лѣсовъ (¹).

Въ 1731 году постановлено сѣять дубъ на свободныхъ Чувашскихъ и Черемисскихъ земляхъ Казанской губерніи (²).

Мѣры эти относились только до заказныхъ рощей, состоявшихъ исключительно изъ породъ назначаемыхъ для кораблестроенія; но кромѣ рощей порученныхъ надзору форстмейстеровъ, были еще большія пространства лѣсовъ смѣшанныхъ изъ заповѣдныхъ и не заповѣдныхъ деревъ, состоявшія при Петрѣ Великомъ въ вѣдѣніи вальдмейстеровъ. Лѣса эти, съ уничтоженіемъ вальдмейстеровъ, съ 1727 года, подверглись сильнымъ вырубкамъ или какъ нашла Морская коммисія: «многимъ годнымъ лѣсамъ непорядочная трата

(¹) П. С. З. VIII. 6027.

(²) П. С. З. VIII. 5831. п. 2.

и безъ разсмотрѣнія непристойное сдѣлано изведеніе,» такъ, что въ деревьяхъ для флота сталъ оказываться недостатокъ. Единственнымъ средствомъ помочь горю осталось опредѣлить вальдмейстеровъ, что уже и было сдѣлано въ 1730 году въ Казанской провинціи, и возстановить въ прежней силѣ данную имъ Петромъ Великимъ инструкцію.

По этому въ 1732 году повелѣно, по рѣкамъ доставляющимъ лѣса къ Петербургскому и Брянскому адмиралтействамъ, къ Астраханскому и Архангельскому портамъ, т. е. по Волгѣ и ея притокамъ, системѣ озеръ Ладожскаго, Ильменя, Онеги, по рѣкамъ Дону, Днѣпру, Деснѣ, Воронежу, Битюгу, Корцу, Хопру, Сѣверной Двинѣ и по другимъ въ нихъ впадающимъ рѣкамъ, кромѣ «Башкирскаго владѣнія и отдаленныхъ въ Сибири городовъ» по большимъ рѣкамъ на 100, а по малымъ сплавнымъ на 25 верстъ, не рубить и не употреблять ни на какое дѣло безъ дозволенія Адмиралтействъ-Коллегіи, губернаторовъ, воеводъ и вальдмейстеровъ, дуба, клена, илима, ясеня, вяза, лиственницы и сосны въ 12 и болѣе вершковъ. Калмыкамъ рубить по инструкціи 3 декабря 1723 года всякій лѣсъ, а дубовый съ дозволенія Астраханскаго губернатора.

Вальдмейстерамъ быть по рѣкамъ, именно по Волгѣ отъ верховья до Нижняго одному, другому отъ Нижняго «до тѣхъ мѣстъ, пока лѣса обрѣтаются». По Окѣ, Сурѣ, Камѣ и другимъ впадающимъ въ нихъ большимъ рѣкамъ, по одному вальдмейстеру. Надъ рѣками впадающими въ Ладожское озеро, Ильмень и Онегу одного.—Вальдмейстеровъ выбирать на 2 или на 3 года изъ дворянъ или отставныхъ офицеровъ ближайшихъ помѣщиковъ «которые бъ могли пропитаніе имѣть отъ деревень своихъ». Вальдмейстерамъ малыхъ рѣкъ быть подъ командой вальдмейстеровъ большихъ рѣкъ. По рѣкамъ Двинѣ, Дону, Днѣпру и въ нихъ впадающимъ рѣкамъ надзоръ за лѣсами имѣть губернаторамъ и воеводамъ и выбрать изъ дворянъ надзирателей.

Вальдмейстерамъ описать заповѣдный лѣсъ, а дубъ и за указными верстами и составить карты.—Описи и ландкарты сдѣлать въ трехъ экземплярахъ.

Заповѣдный лѣсъ распредѣлить на части между селами и деревнями и для охраненія лѣсовъ выбрать надсмотрщиковъ изъ мѣстныхъ жителей. Обывателямъ объявить беречь лѣса, и ни самимъ не рубить, ни позволять постороннимъ людямъ безъ отвода надсмотрщиковъ и безъ клейма.

Вальдмейстерамъ и лѣснымъ надзирателямъ осматривать свои лѣса какъ зимой, такъ и по вскрытіи рѣкъ. Когда при осмотрѣ лѣсовъ откроются порубки, то доносить о томъ губернаторамъ и воеводамъ, а имъ производить слѣдствія. Если порубка будетъ сдѣлана силой, или порубщикъ не захочетъ явиться къ слѣдствію, то объявлять о томъ полковникамъ, а въ небытность ихъ, офицерамъ на штабныхъ дворахъ. Если же вальдмейстеры или надзиратели сами допустятъ порубку, или открытую порубку оставятъ безъ взысканія, то виновнаго штрафовать «чему будетъ достоинъ».

Когда послѣдуетъ распоряженіе объ отпускѣ лѣсовъ на казенныя потребности, то послать въ тѣ губерніи, гдѣ назначенъ отпускъ, вѣдомости, обозначивъ подробно количество и качество требуемыхъ лѣсовъ. По этимъ вѣдомостямъ губернаторы и воеводы даютъ вальдмейстерамъ указы, а они отводятъ участки, клеймятъ деревья и наблюдаютъ, чтобы было вырублено то самое количество, которое назначено. Число вырубленныхъ деревъ записывается въ книги и объ отпускѣ доносится губернаторамъ и воеводамъ, а они, въ свою очередь, представляютъ, по третямъ, отчеты въ Адмиралтействъ-Коллегію. На домовыя нужды вальдмейстерамъ и надзирателямъ дѣлать отпуски безъ задержанія, но предостерегать, чтобъ въ заповѣдныхъ рощахъ, чьибъ онѣ ни были, не рубили и не назначать участковъ въ чужихъ дачахъ. На казенныя потребности рубить во всѣхъ лѣсахъ, въ частныхъ и казенныхъ, исключая рощей.

Изъ заповѣдныхъ лѣсовъ позволялось рубить дубъ, илимъ, вязъ и толстую сосну, на кораблестроеніе, артиллерійскія потребности, шлюзныя работы, для казенныхъ построекъ, мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ и на домовыя необходимыя нужды, именно: дубъ для украшеній домовъ, на столы, шкафы, стулья, оси, колеса, обручи, сани и мель-

ничныя потребности. Вязъ на оглобли, дуги и санныя вязья. Владѣльцамъ лѣсовъ дозволялось рубить въ своихъ дачахъ дубъ на показанныя потребности и на продажу, а за указными разстояніями на бочки, но съ тѣмъ, чтобы лады распиливались въ лѣсу и цѣльными кряжами дубъ не вывозить.

Для кораблестроенія отпускать лучшія деревья, а на другія казенныя дѣла и домовыя нужды, давать позволенье на деревья негодныя къ корабельному дѣлу и изъ валежника,—и только для потребностей артиллеріи, въ случаѣ неимѣнія худыхъ деревъ, отпускать хорошія. Для частныхъ торговыхъ судовъ, рѣчныхъ и мореходныхъ, дозволить рубить всѣ породы, кромѣ дуба, и не отпускать на доски толстомѣрныхъ сосенъ.

На заграничный отпускъ мачтоваго лѣса испрашивать разрѣшеніе Адмиралтействъ-Коллегіи и рубить то, что будетъ дозволено. Вообще не препятствовать рубкѣ брусьевъ, бревенъ, шестовъ для внутренней и внѣшней торговли, но чтобы рубка была не въ заповѣдныхъ предѣлахъ и не тамъ, гдѣ заготовляются лѣса для адмиралтейства. Въ частныхъ лѣсахъ дозволена рубка по договору съ владѣльцами дачъ.

Въ указныхъ отъ рѣкъ разстояніяхъ незаповѣдный, а за указными всякій лѣсъ кромѣ дуба, рубить свободно безъ объявленія вальдмейстерамъ; но не рубить лишняго и на незначительныя потребности не валить крупныхъ деревъ.

Въ заказныхъ мѣстахъ расчищать не заповѣдныя деревья подъ сѣнокосъ, но не подъ пашню, чтобы не подсушить заповѣдныхъ деревъ.

Сосны на дрова не рубить; гдѣ же другаго лѣса нѣтъ, то выбирать сначала валежникъ, а потомъ деревья худыя и вершины остающіяся отъ заготовки бревенъ и то не толще пяти вершковъ, на уголь деревья не больше пяти вершковъ въ комлѣ, а на смольнякъ — пни и комли негодные для построекъ.

Гдѣ нѣтъ никакихъ лѣсовъ кромѣ заповѣдныхъ, тамъ кромѣ казенныхъ заводовъ другихъ не заводить. Да и ка-

зенные устроивать только въ томъ случаѣ, когда это дѣйствительно необходимо и нельзя перевести заводы въ другое мѣсто. Дрова изъ заповѣдныхъ деревъ не рубить безъ особаго разрѣшенія губернаторовъ, воеводъ и вальдмейстеровъ.

Лѣса при заводахъ и пильныхъ мельницахъ раздѣлить на 25 или 30 лѣсосѣкъ, рубить ихъ по очереди и запускать подъ поросль. Гдѣ же лѣса вырублены, тамъ оставить ихъ подъ заросль и беречь молоднякъ.

Гдѣ лѣсовъ нѣтъ или очень мало, сѣять помѣщикамъ, каждому въ своихъ дачахъ, дубъ, липу, кленъ и другія породы. Если помѣщики будутъ заниматься охотно и успѣшно этимъ дѣломъ, то «будутъ взысканы Ея Императорскаго Величества милостью» и деревья годныя для кораблестроенія купятся у нихъ «за достойную заплату».

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подготовляется дубъ для кораблестроенія, по вырубкѣ старыхъ деревъ запускать вырубленные участки подъ заросль, и охранять молодняки до возраста годности ихъ для корабельнаго дѣла.

Въ рощахъ, при домахъ, позволено подчищать заповѣдныя деревья и прорубать аллеи, также для посадокъ въ рощахъ и въ садахъ, брать заповѣдныя породы.

Дубовую кору драть съ валежника, если же его нѣтъ, то и съ стоячихъ деревъ, но негодныхъ для кораблестроенія.

За самовольную порубку заповѣдныхъ деревъ или вырубку не клейменаго лѣса, также сдираніе коры, подсушку, брать съ виновныхъ за первую вину по 10 рублей штрафу за пень, за вторую вину штрафъ вчетверо, а за третью порубку наказывать кнутомъ и ссылать въ каторжную работу на 10 лѣтъ. Надсмотрщиковъ, открающихъ порубки, награждать по усмотрѣнію Адмиралтействъ-Коллегіи.

Вальдмейстерамъ и лѣснымъ надзирателямъ повелѣно «поступать безъ всякихъ напрасныхъ приметокъ и взятковъ. «А ежели въ томъ отъ кого изобличины будутъ, такихъ «штрафовать по указамъ».

Огня ни подъ какими деревьями стоячими и лежачими ближе двухъ саженъ не раскладывать. Если проѣзжимъ случится разложить огонь въ боровыхъ мѣстахъ, то не уѣзжать не потушивъ его. Въ степныхъ мѣстахъ, на мѣстахъ раскладки огня скашивать траву и потомъ не оставлять огонь. При палежахъ и выжиганіи нивъ призывать товарищей, и брать съ собой предметы, которыми можно тушить огонь. Если же случится пожаръ, то сзывать сосѣднихъ жителей во округѣ 10 верстъ для тушенія пожара. За умышленый пожаръ лѣса или степи казнить смертью.

Гдѣ откроются самовольно срубленые заповѣдные лѣса въ брусьяхъ, бревнахъ или доскахъ, то вывозить ихъ виновными къ рѣкамъ и доносить о томъ адмиралтейству.

Если у проѣзжающихъ сломится оглобля, ось или «другое что нужное» и нѣтъ близко деревни, то позволяется вырубить и заповѣдное дерево, но брать какое дѣйствительно необходимо, и о вырубкѣ этой дать знать надсмотрщику, а въ небытность его старостѣ или приказчику (1).

Того же 11 мая, изданъ Анной Ивановной манифестъ; въ немъ помѣщены всѣ пункты инструкціи, относившіеся собственно къ народу. Цѣль манифеста познакомить народъ съ изданными правилами, «дабы отъ невѣденія по той «инструкціи не могли придти въ тяжкіе штрафы и экзе«куціи» (2).

Инструкція 1732 года есть нѣсколько измѣненная вальдмейстерская инструкція Петра Великаго. Основанія остались тѣже, мѣстами даже цѣлые пункты списаны слово въ слово; измѣненія же, за исключеніемъ назначенія новыхъ предѣловъ заповѣднымъ лѣсамъ, сдѣланы весьма незначительныя.

Инструкціями фортмейстерамъ и вальдмейстерамъ обрисовывается характеръ лѣснаго законодательства Анны Ивановны, въ нихъ заключается основной законъ и разрѣшены по возможности всѣ современные вопросы науки и админи-

---

(1) П. С. З. VIII. 6048.
(2) П. С. З. VIII. 6049.

страціи; послѣдующія постановленія служатъ только дополненіемъ главному основанію. Аннѣ Ивановнѣ принадлежитъ честь возстановленія лѣснаго управленія созданнаго Петромъ I и уничтоженнаго 30 декабря 1726 года.

Приведеніе лѣсовъ въ извѣстность получило при Аннѣ Ивановнѣ большее развитіе. Въ 1731 году повелѣно описать всѣ годные корабельные лѣса, заповѣданые въ 1723 году, и составить этимъ лѣсамъ ландкарты. Въ описаніяхъ показать, гдѣ находятся корабельные лѣса, какъ далеко лежатъ они отъ рѣкъ и можно ли сплавлять ихъ по этимъ рѣкамъ. По составленнымъ картамъ сообразить, гдѣ можно назначить заготовки лѣсовъ и гдѣ не слѣдуетъ ихъ допускать. До составленія же этого соображенія, изъ заповѣдныхъ лѣсовъ рубить только «на однѣ указныя потребы, а годные «на корабельное строеніе лѣса по вальдмейстерской инструк- «ціи не рубить». Вслѣдствіе этого постановленія были посланы отъ Адмиралтействъ-Коллегіи «знающіе люди» и по описанію оказалось: въ Новгородской губерніи дубовые и сосновые лѣса; по Волгѣ отъ ея верховья до Нижегородскаго уѣзда дубовыхъ лѣсовъ нѣтъ, мѣстами есть сосновые и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно найти мачты. Отъ Нижегородскаго уѣзда до Саратова и нѣсколько далѣе, по обѣ стороны Волги и по впадающимъ въ нее рѣкамъ Сурѣ, Окѣ, Камѣ и по ихъ притокамъ, есть рощи и гряды дубовыхъ и сосновыхъ лѣсовъ бѣдныхъ карабельными деревьями. По рѣкамъ Дону, Воронежу, Хопру, Битюгу и другимъ въ нихъ впадающимъ рѣкамъ, дубовыхъ и сосновыхъ лѣсовъ найдено «довольно».

Описанія эти оказались недостаточными: въ описаніи Новгородской губерніи не было показано, есть ли и въ какомъ количествѣ корабельныя деревья, а при описаніи рѣкъ Дона, Воронежа, Хопра, Битюга и проч. не объяснено, въ какой степени найденныя деревья годны къ дѣлу. По этому, повелѣно составить новыя описанія, а до приведенія въ исполненіе сдѣланнаго распоряженія, въ Новгородской губерніи не рубить дуба, клена, ясеня, вязя, ильма и толстой сосны. Сосну меньшихъ размѣровъ рубить по указамъ Адми-

ралтействъ-Коллегіи, губернаторовъ и воеводъ, «по разсмотрѣнію нуждъ».

По указу Петра Великаго нагели дѣлались изъ молодаго дуба и потомъ варились въ соленой водѣ, но какъ на это дѣло выходило ежегодно «нѣсколько сотъ пудовъ соли», да и самая доставка нагелей въ Петербургъ была довольно затруднительна, то постановлено, дѣлать нагели изъ дуба оказавшагося въ Новгородской губерніи и вываривать ихъ въ соленой водѣ изъ озеръ Старорусскаго уѣзда. Лѣса Казанской и Нижегородской губерній, по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ, не рубить ни на что, кромѣ кораблестроенія. Заготовку для адмиралтейства дѣлать «съ разсмотрѣніемъ», т. е. не рубить лишняго, выбирать впередъ деревья растущія въ дачахъ рѣдко, гряды же и рощи беречь и молодыя насажденія подчищать. Лѣса принадлежащіе Воронежскому и Брянскому адмиралтействамъ и Архангельскому порту заказать, также какъ и лѣса Новгородской губерніи и лежащіе по Волгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подтверждено исполнять въ точности инструкцію 1732 года, доведенную манифестомъ до всеобщаго свѣдѣнія (1).

Ранѣе этого, въ 1730 году, по описаніямъ сдѣланнымъ въ Казанской губерніи въ длину на двѣ тысячи, а въ ширину на тысячу верстъ, найдено 218,548 дубовъ, въ Вятской же и Соликамской провинціяхъ дубовыхъ лѣсовъ не оказалось, а отысканы сосны, годныя на мачты (2).

Въ 1733 году постановлено, для охраненія корабельныхъ лѣсовъ избирать преимущественно отставныхъ моряковъ, и только въ случаѣ недостатка ихъ, опредѣлять офицеровъ другой службы и дворянъ (3). А въ слѣдующемъ году, 23 марта, лѣса Ингерманландіи поручены временно С. Петербургскому оберъ-коменданту (4).

---

(1) П. С. З. VIII. 6111.
(2) П. С. З. VIII. 5612.
(3) П. С. З. IX. 6461.
(4) П. С. З. IX. 6560.

Аннѣ Ивановнѣ, продолжавшей дѣло Петра Великаго, досталась также борьба съ народомъ, трудно подчинявшимся новому порядку вещей. Причиной всего этого было разумѣется слабое развитіе административнаго управленія. Постановленія Правительства исполнялись слабо, и оно вмѣсто принятія рѣшительныхъ мѣръ, возможныхъ при полной администраціи должно было, по необходимости, ограничиваться только подтвержденіями прежде изданныхъ постановленій.

По донесенію вице-адмирала Змаевича, что по рѣкамъ Дону, Воронежу, Битюгу, Хопру «лѣсъ рубятъ кто сколько «ни захотѣлъ, отъ чего лѣса во умаленіе пришли», послѣдовало подтвержденіе указа 11 мая 1732 года (1). Тоже самое было и въ Ингерманландіи, гдѣ лѣса вырубали и выжигали подъ пашню и кромѣ того управители и старосты, не только не выдавали виновныхъ и не представляли ихъ въ вальдмейстерскую канцелярію, но даже коммисарамъ и драгунамъ, приставленнымъ къ лѣсамъ, не давали квартиръ и запрещали въѣзжать въ заповѣдные лѣса (2).

Въ 1737 году оказалось, что по Выборгской сторонѣ до Шведской границы, рубили лѣсъ свободно и для внутреннихъ потребностей и даже для заграничной торговли, между тѣмъ въ Кронштадтъ доставляли лѣсъ изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ и дороже, чѣмъ могла обойтись заготовка въ Выборгской губерніи. По этому Правительство постановило, лѣса Финляндіи поручить Адмиралтействъ-Коллегіи и опредѣлить особыхъ коммисаровъ; на счетъ рубокъ сдѣлать дознаніе, сообразить въ какихъ мѣстахъ и въ какомъ количествѣ можно допустить рубку лѣса, наконецъ послать для съемки лѣсовъ геодезистовъ, и поручить имъ показать на планахъ рѣки и пристани (3). По дознанію оказалось, что лѣса рубились свободно потому, что Петромъ I и Екатериной, вальдмейстеровъ въ Выборгскую провинцію, какъ

(1) П. С. З. IX. 6798.
(2) П. С. З. IX. 6817.
(3) П. С. З. X. 7266.

вновь завоеванную, опредѣлять не велѣно; сообразить количество лѣсовъ, возможное къ заграничному отпуску, невозможно, лѣса же растущіе по берегамъ рѣкъ и по морю на мачты не годны. На докладъ объ этомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, кабинетъ министровъ постановилъ: безъ дозволенія Адмиралтействъ-Коллегіи для заграничной торговли лѣсовъ не рубить, въ противномъ же случаѣ брать штрафъ за малое дерево по рублю, а за мачтовое пять рублей (1).

Въ 1738 году постановлено, чтобы Донскіе казаки не рубили лѣсовъ Трехизбинскаго юрта, для потребностей же станицъ и на необходимыя полковыя нужды, могутъ заготовлять свободно по Дону и Донцу, но съ тѣмъ однако, чтобы не истощить вовсе лѣсовъ и не лишать край возможности засѣкать дачи въ случаѣ нападенія Крымскихъ татаръ (2).

Другую статью заботливости Правительства составляло предохраненіе лѣсовъ отъ пожаровъ. Не смотря на запрещеніе раскладывать огонь въ лѣсахъ, постановленія исполнялись дурно, и въ 1735 году вышло подтвержденіе, чтобы въ лѣсахъ отнюдь не раскладывать огня (3). Но эта мѣра, какъ водится, не помогла, пожары продолжались и были иногда до того сильны, что заражали воздухъ дымомъ доходившимъ до Петербурга. Вслѣдствіе этого повелѣно, смотрѣть строго за лѣсами, принимать всѣ мѣры къ предупрежденію и потушенію пожаровъ и быть особенно осмотрительными при выжиганіи нивъ. Для надзора за лѣсами въ Ингерманландіи и «въ прочихъ мѣстахъ», повелѣно командировать въ лѣтнее время «пристойное число солдатъ», которымъ, вмѣстѣ съ служителями вальдмейстерской конторы, наблюдать за лѣсами (4). Но какъ и эта мѣра оказалась не вполнѣ дѣйствительной, то въ 1738 году повелѣно: во всей Ингерманландіи по всѣмъ дорогамъ публиковать,

---

(1) П. С. З. X. 7281.

(2) Тамъ же 7501, 7719.

(3) Тамъ же IX. 6732.

(4) Тамъ же IX. 6988.

чтобы прохожіе, пастухи, лица отправляющіяся за грибами, не раскладывали огня ни дорогой, ни въ лѣсу. За раскладку огня назначено наказаніе кнутомъ, а за пожаръ смертная казнь. Сверхъ того, объявлено старостамъ и крестьянамъ, чтобы въ случаѣ пожара сбирали народъ съ лопатами и другими гасительными инструментами и отправляли ихъ для тушенія огня. Для наблюденія за нераскладкой огня по дорогамъ, устроить между деревнями заставы и опредѣлить къ нимъ крестьянъ; ослушниковъ повелѣнія представлять въ С. Петербургскую гарнизонную канцелярію. Въ мѣстахъ, гдѣ предполагается выжигать лѣса подъ пашни, сдирать кругомъ верхній покровъ почвы шириной въ два аршина и потомъ жечь, при этомъ людямъ выжигающимъ пашню не уходить пока огонь не погаснетъ (1).

По инструкціи 1722 года, помѣщики обязывались сѣять въ своихъ дачахъ дубъ, липу, кленъ и другія породы. Посланный Адмиралтействъ-Коллегіей въ Ингерманландію, для осмотра мѣстъ удобныхъ для посѣвовъ, «лѣсной знатель Фокель», по осмотрѣ мѣстъ нашелъ въ разныхъ мызахъ удобныхъ пространствъ на 20 квадратныхъ верстъ. Вслѣдствіе этого Сенатъ постановилъ, чтобы владѣльцы этихъ мѣстъ засѣвали ихъ дубовыми сѣменами, какъ это постановлено вальдмейстерской инструкціей, въ противномъ же случаѣ участки отбирать и отдавать для посѣвовъ Адмиралтействъ-Коллегіи (2).

Возможно-бережливое употребленіе корабельныхъ лѣсовъ составляло особенную заботливость Петра Великаго, въ томъ же характерѣ дѣйствовала и Анна Ивановна. По совѣщанію Адмиралтействъ-Коллегіи съ корабельными и галерными мастерами постановлено, по случаю уменьшенія дубовыхъ лѣсовъ употреблять при постройкѣ кораблей отъ низшаго до пятидесятаго ранга еловыя кницы, и обшивать подводныя части кораблей и галеръ сосновыми досками. Импера-

---

(1) П. С. З. X. 7619.

(2) Тамъ же IX. 6826.

трица утвердила мнѣніе коллегіи [1]. За тѣмъ, въ 1732 году, трудность доставки дубовыхъ лѣсовъ изъ Казанской губерніи, заставила, при постройкѣ кораблей нѣкоторыя части и члены ихъ дѣлать вмѣсто дуба изъ сосны, именно: лянь кярленсы, кварторъ декъ книсы, форкясель книсы, ронгусъ книсы и крюстамъ книсы [2].

Въ 1735 году сильныя истребленія лѣсовъ Казанской губерніи, причиной чего были частью сами вальдмейстеры, побудили, для изслѣдованія злоупотребленій и безпорядковъ, назначить особую коммисію подъ предсѣдательствомъ Казанскаго губернатора и издать слѣдующія постановленія. Дубовый лѣсъ Казанской и Нижегородской губерніи не рубить безъ дозволенія Адмиралтействъ-Коллегіи. Такъ какъ доставка артиллерійскихъ лѣсовъ изъ Казани въ Москву и Петербургъ обходится слишкомъ дорого, между тѣмъ потребныя деревья можно заготовлять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не рубятъ лѣсовъ для флота, именно для Москвы по Цнѣ, Мокшѣ и Окѣ, а для Петербурга въ Новгородскомъ уѣздѣ и по Волхову, то въ Казанской губерніи отнюдь не рубить лѣсовъ для артиллеріи и дѣлать отпуски, неиначе какъ съ разрѣшенія Адмиралтействъ-Коллегіи, только въ случаѣ неимѣнія лѣсовъ въ другихъ мѣстахъ. Жителямъ Казанской и Нижегородской губерніи, неумѣвшимъ пользоваться дарованнымъ имъ правомъ, запретить совершенно рубку дуба даже на необходимыя домашнія потребности, и на оси, колеса, полозья, обручи, брать ясень, илимъ, вязъ, кленъ, и дубовый валежникъ. Но чтобы содержатели заводовъ и фабрикъ, не могущіе обходиться безъ дуба, не страдали отъ этого запрещенія, то доски, обрубки и всякіе остатки отъ корабельныхъ заготовокъ, собирать и продавать заводчикамъ по умѣренной цѣнѣ. Дубовыя рощи, вновь посѣянныя или выдѣланныя изъ молодыхъ насажденій, не только не рубить, но даже и не въѣзжать въ нихъ безъ ука-

(1) П. С. З. VIII. 5581.

(2) Тамъ же, 6034.

зовъ Адмиралтействъ-Коллегіи и Казанской лѣсной конторы (1).

Заготовка лѣсовъ для артиллеріи по Деснѣ, Окѣ, Жиздрѣ, Цнѣ, Мокшѣ, Донцу и Дону встрѣтила, однако, препятствіе со стороны лѣсныхъ надсмотрщиковъ и вальдмейстеровъ. По этому повелѣно, при командированіи для заготовокъ оберъ и унтер-офицеровъ, давать имъ открытые листы и назначать для указанія какія деревья можно рубить, корабельныхъ учениковъ. Вальдмейстерамъ и надсмотрщикамъ предписано оказывать командируемымъ лицамъ всевозможное содѣйствіе (2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ косвенныя мѣры къ сбереженію корабельныхъ лѣсовъ, постановлено, для большей прочности въ замкахъ мачтъ, раинъ и стеньгъ, держать назначаемыя для нихъ деревья подъ сараями (3). Корабельные лѣса, доставляемые въ Петербургъ, складывать по сортамъ подъ крышами, открывая съ боковъ и употреблять въ дѣло по очереди, начиная съ лѣсовъ заготовленныхъ ранѣе (4). Сараи для этой цѣли назначено построить,—и построены, — близъ Петербургскаго адмиралтейства въ Новой Голландіи (5).

Относительно заготовки корабельныхъ лѣсовъ изданы слѣдующія постановленія: для облаживанія стоячихъ дубовыхъ деревъ, обрубки сучьевъ и годныхъ вѣтвей, повелѣно на 1731 годъ брать рабочихъ въ Казанской губерніи изъ служилыхъ иновѣрцевъ и матросовъ, а впредь опредѣлять однихъ матросовъ и за каждый дубъ давать сверхъ жалованья по гривнѣ (6).

Противъ напрасной заготовки и доставки въ Петербургъ деревъ съ заросшими полостями отъ бортей, гнилыми сучья-

---

(1) П. С. З. IX. 6838.

(2) Тамъ же, X. 7675.

(3) Тамъ же, VIII. 5698.

(4) Тамъ же, 6047.

(5) Тамъ же, 6128.

(6) Тамъ же, 5867.

ми, горбылями, проростами, которые оказываются уже по обдѣлкѣ деревъ по лекаламъ, постановлено: форстмейстерамъ находящимся при заготовкахъ корабельныхъ лѣсовъ подтвердить, чтобы они, «въ тонкость своего искуства», разсматривали деревья, когда онѣ еще на корнѣ. По срубкѣ, по видимому, здороваго дерева, когда окажутся въ немъ гнилые сучья, горбы, ненатуральныя гнили, просверливать стволы напарьемъ на столько какъ идетъ гниль. Если на какомъ деревѣ не окажется поврежденій, но можно будетъ предполагать, что оно съ полостью, то бить его обухомъ и по звуку судить о качествѣ древесины, сверхъ того пробовать его напарьемъ, и если дерево окажется здоровымъ, то сдѣланныя отверстія забивать нагелями. Чтобы не перевозить напрасно больныхъ деревъ, то въ первую зиму вывозить ихъ на поляны и весной свидѣтельствовать и окладывать по лекаламъ и за тѣмъ уже годныя деревья отправлять по назначенію (¹).

По соображеніи стоимостей сплавовъ корабельныхъ лѣсовъ наймомъ, съ подряда, и по наряду, оказался сплавъ подрядомъ выгоднѣе, и потому въ 1740 году постановлено, производить сплавъ наймомъ (²).

Совѣтникъ Оружейной Канцеляріи Бэеръ донесъ, что для заготовки ружейныхъ ложъ онъ посылалъ нарочныхъ къ воеводамъ въ Алексинъ и Лихвинъ, но ни по какой цѣнѣ не могъ достать годныхъ деревъ, крестьяне же отказывались возить командированныхъ лицъ въ дачи для ихъ осмотра, отговариваясь недосугомъ и неимѣніемъ въ тѣхъ мѣстахъ нужныхъ деревъ. Между тѣмъ по осмотру Лихвинской, Перемышльской, Козельской и Одоевской засѣкъ, оказалось въ нихъ много годныхъ деревъ, такъ что по словамъ Бэера, если «употреблять ихъ порядочно, то на неисчислимые годы довольно будетъ». Воеводы и надзиратели не допускали Бэера къ рубкѣ безъ указу, а между тѣмъ въ тоже время не удерживали крестьянъ отъ само-

---

(¹) П. С. З. VIII. 6114.
(²) Тамъ же XI. 8097.

вольныхъ порубокъ. По этимъ причинамъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, приписать засѣки къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ и подчинить Тульской Конторѣ засѣчныхъ надзирателей и сторожей. Мѣстнымъ же жителямъ подтверждено не рубить на свои нужды засѣчныхъ лѣсовъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія (¹).

Въ слѣдующемъ году по представленію того же совѣтника постановлено: опредѣлить вальдмейстеромъ къ Тульскимъ засѣкамъ князя Якова Барятинскаго, находиться ему въ вѣдѣніи Тульской Оружейной Конторы и заготовлять для завода уголья и ложи.

Положенныя съ засѣчныхъ сторожей подушныя деньги, сбирать въ Оружейную Контору безъ недоимокъ, а въ замѣнъ поставки рекрутъ, лошадей и работниковъ, обязать сторожей находиться при лѣсахъ неотлучно, готовить уголья и ложевыя деревья и привозить ихъ на заводъ. Чтобы перевозка лѣса въ необдѣланномъ видѣ не была слишкомъ тяжела, то выбравъ изъ сторожей нѣсколько человѣкъ, обучить ихъ дѣлать ружейныя, карабинныя и пистолетныя ложи (²).

Для приготовленія поташа были устроены казенные заводы въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Сарапскомъ, Кадомскомъ, Шатскомъ, Верхне, и Нижне-Ломовскихъ и Свіяжскомъ. Рабочіе въ числѣ 1,700 душъ, приписаны изъ волостей Починковской, Вадской и Сергадской, Съ 1722 по 1732 сдѣлано всего на заводахъ 10,701 бочка, т. е. противъ ежегодно назначеннаго количества 1,000 бочекъ болѣе. Не смотря на это Коммерцъ-Коллегія продала купцамъ Шифнеру и Вульфу по 2,000 бочекъ въ годъ, и кромѣ того предписала коллегіи заготовлять поташа какъ можно больше, т. е. такое количество, которое на заводахъ, по недостатку рабочихъ рукъ, ни въ какомъ случаѣ приготовлено быть не могло. По этому, по докладу Сената, 30 октября 1732 года повелѣно, приписать къ заводамъ

(¹) П. С. З. X. 7655.

(²) Тамъ же, X. 7753.

изъ крестьянъ ближайшихъ волостей еще 10,000 человѣкъ (1).

Коммерцъ-Коллегія обязывалась продавать смолу и поташъ съ публичнаго торга, стараясь увеличивать по возможности доходъ, и пріискивать благонадежныхъ купцовъ, не должниковъ и не банкротовъ (2).

До запродажи поташа купцамъ Вульфу и Шифнеру, казенные товары отправлены были въ 1730 году въ Англію чрезъ консула Варда (3). Варду за коммиссію назначено 8% съ вырученной суммы. Всего товаровъ, — поташа, рогожъ, — отправлено на 13,748 р. 54¼ к. Ожидаемыя выгоды не оправдались на самомъ дѣлѣ—цѣна на поташъ упала въ Англіи, вслѣдствіе чего Коммерцъ-Коллегіи поручено сообразить, какимъ образомъ возвысить на него цѣны (4). Хотя мнѣніе Коммерцъ-Коллегіи неизвѣстно, однако вызовъ Вульфомъ и Шифнеромъ, въ 1734 году, браковщика изъ Англіи и распоряженіе Правительства назначить къ заводамъ браковщика изъ иностранцевъ и дать ему въ помощь двухъ учениковъ браковщика Иттона, находившагося у Вульфа и Шифнера, достаточно уясняютъ причину упадка цѣнъ (5).

Вскорѣ по выпискѣ браковщика изъ за границы, открылись въ браковкѣ злоупотребленія. Первое время Иттонъ браковалъ довольно снисходительно, такимъ образомъ бракуя поташъ вмѣстѣ съ русскимъ браковщикомъ Астафьевымъ, изъ 1,008 бочекъ они забраковали въ 1734 году 15; но потомъ Иттонъ браковалъ одинъ, и въ 1735 году изъ 2,017 бочекъ нашелъ негодными 329, въ 1736 изъ 2,049 — 683, наконецъ въ 1737 году изъ 2,050 — 821 бочку. По донесеніямъ Астафьева на Иттона о пристрастной браковкѣ имъ поташа, посланъ для изслѣдованія дѣла особый чиновникъ, и по розыску оказалось, что Иттонъ браковщикомъ въ

---

(1) П. С. З. VIII. 6244, 6137.

(2) Тамъ же, VIII. 5524.

(3) Тамъ же, VIII. 5572.

(4) Тамъ же, VIII. 5729.

(5) Тамъ же, X. 7362.

Англіи не былъ, что онъ браковалъ «безбожно и безсовѣстно» не понимая дѣла, часто при браковкѣ портилъ хорошій товаръ, и наконецъ самъ показалъ, что онъ сортируетъ товаръ такъ, какъ ему приказали въ Англіи. По этимъ причинамъ постановлено Иттона уволить, а на мѣсто его опредѣлить обучавшихся у него двухъ русскихъ браковщиковъ (1).

Постоянные безпорядки на заводахъ и неправильная браковка, вынудили наконецъ правительство обратить на поташные заводы особое вниманіе. Новыми начальниками заводовъ или какъ ихъ называли «поташными командирами,» назначены бригадиръ Жилинъ и ассесоръ Чикинъ. Имъ дана подробная инструкція относительно пріема и осмотра заводовъ, приготовленія поташа, набивки его въ бочки, отправленія къ мѣстамъ назначенія, наконецъ относительно лѣсовъ и рабочихъ. За приведеніе заводовъ въ порядокъ обѣщана прибавка жалованья, а за недобросовѣстность дѣйствій «жестокое наказаніе». Инструкція эта принадлежитъ къ числу послѣднихъ мѣръ Анны Ивановны (2).

Относительно селитры на приготовленіе которой лѣсные надзиратели не позволяли рубить лѣсъ и отъ того цѣна на селитру поднялась вдвое, повелѣно—необходимый въ дѣло вязовый, ильмовый, кленовый, дубовый и сосновый лѣсъ, отпускать промышленикамъ изъ остатковъ корабельныхъ заготовокъ, негодныхъ для флота срубленыхъ деревъ и изъ лѣсовъ приписанныхъ къ поташнымъ заводамъ, если въ лѣсахъ этихъ, по отдаленности ихъ, заготовокъ для заводовъ не дѣлается (3).

Богатство лѣсовъ около Нарвы и удобство сплава по рѣкамъ Лугѣ, Плюсѣ и Наровѣ, способствовали развитію въ Нарвѣ заграничной торговли лѣсомъ. Торговля эта получила особенное развитіе въ послѣдніе годы царствованія Петра, когда указомъ 1723 года дозволено Нарвскимъ

(1) П. С. З. X. 7500.
(2) Тамъ же. XI. 8228.
(3) Тамъ же. X. 7811.

жителямъ свободная рубка мачтовыхъ деревъ по Лугѣ и Плюсѣ, ограниченная только въ размѣрахъ, но не въ количествѣ. Указъ 1731 года тоже не опредѣлилъ количества рубки (1). Между тѣмъ большія заготовки обратили наконецъ на себя вниманіе Правительства, и 14 мая 1736 года дозволено содержательницѣ пильной мельницы дѣвицѣ Аннѣ Крамеръ, рубить на пилку по рѣкамъ Наровѣ и Плюсѣ 27,000 деревъ въ годъ и Нарвскимъ купцамъ для заграничной торговли вырубать по Лугѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ сосновыхъ 72,000, а еловыхъ 50,000 деревъ ежегодно. Указомъ 21 мая повелѣно рубить лѣса по отводу надзирателей и тѣхъ размѣровъ, которые опредѣлены вальдмейстерской инструкціей. Наблюденіе за исполненіемъ указа возложено на губернатора, комендантa и воеводъ и на Нарвскую таможню (2). Дѣвица Крамеръ, боясь что свободная рубка лѣсовъ Эстляндіи, по Наровѣ и свободный пропускъ чрезъ Нарвскіе пороги, согласно Эстляндскому уложенію 1664 года, можетъ повести къ оскуденію лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, и сдѣлать подрывъ ея мельницѣ, вошла съ прошеніемъ въ Сенатъ, который и опредѣлилъ, лѣса уже заготовленные и запроданные чрезъ Нарвскіе пороги пропустить, а впредь Нарвскимъ купцамъ въ Эстляндіи лѣсовъ не заготовлять (3).

Дозволеніе данное Нарвскимъ купцамъ, вырубать ежегодно 72,000 сосновыхъ и 50,000 еловыхъ деревъ, привлекло многихъ желающихъ воспользоваться этимъ правомъ: Нарвскіе лѣсные торговцы, у которыхъ было составлено общество изъ опредѣленнаго числа членовъ, утвержденное въ 1735 году мѣстнымъ магистратомъ, нашли это вмѣшательство постороннихъ слишкомъ невыгоднымъ и просили охранить ихъ права. Сенатъ опредѣлилъ оставить право валоваго торга за просителями, а постороннимъ и мелочнымъ

(1) П. С. З. VIII. 5802.
(2) Тамъ же, IX. 6967.
(3) Тамъ же, X. 7247.

торговцамъ, согласно договору состоявшемуся въ магистратѣ, въ это дѣло не вмѣшиваться ([1]).

Нарвская торговля, по мѣрѣ своего развитія, вызывала случаи, требовавшіе разъясненій и изданія новыхъ постановленій. Содержательницѣ пильной мельницы дѣвицѣ Крамеръ дозволено было вырубать ежегодно 27,000 деревъ, съ тѣмъ, чтобы отпускать ихъ за границу только въ видѣ досокъ. Впослѣдствіи, (по указу 4 ноября 1737 года), содержателямъ мельницъ Крамеру и Брумберху позволено вырубать ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, по рѣкамъ Наровѣ и Плюсѣ по 10,000 *деревъ*, на томъ же условіи, какъ и дѣвицѣ Крамеръ. Между тѣмъ оказалось, что товарищъ Брумберха купецъ Вульфертъ, отправилъ чрезъ пороги 2,050 *брусьевъ*, и на сдѣланный ему запросъ отвѣтилъ, что въ послѣднее время требованіе на доски значительно уменьшилось, и что у нихъ на мельницѣ оставалось много досокъ, которыя шли содержателямъ въ убытокъ. По разсмотрѣніи дѣла постановлено, на этотъ разъ пропустить брусья, потому, что они уже были запроданы и ихъ ждали корабли пришедшіе изъ за границы, но впредь, съ Нарвскихъ пильныхъ мельницъ брусьевъ за границу не отпускать ([2]). Въ другой разъ, при нагрузкѣ кораблей лѣсомъ остались на судахъ мѣста, Брумберхъ, запродавшій лѣсъ, хотѣлъ пополнить ихъ березовыми, сосновыми и ольховыми дровами и сосновыми и еловыми шестами. Но какъ закона на этотъ предметъ никакого еще не существовало, то мѣстныя власти вошли съ представленіемъ и постановлено: березовые и ольховые дрова и еловые шесты пропустить и взять съ нихъ пошлину, а сосновыхъ дровъ и шестовъ до указа не пропускать. Впредь же, повелѣно, на заготовку лѣсовъ для пилки испрашивать заранѣе позволеніе отъ Адмиралтействъ-Коллегіи, и за тѣмъ, предъявлять купцамъ это позволеніе въ Таможню. Наблюденіе надъ пилкой лѣса

(1) П. С. З. X. 7613.
(2) Тамъ же X. 7652.

отпущеннаго для мельницъ, возложено на Адмиралтействъ-Коллегію (1).

Торговля лѣсомъ въ Нарвѣ долго еще не могла придти въ порядокъ, желающіе вступить въ общество лѣсныхъ торговцевъ являлись безпрестанно, и входили со своими прошеніями, мимо мѣстнаго магистрата, прямо въ Сенатъ. Въ 1740 году, Сенатъ отказавъ въ просьбѣ Нарвскому мѣщанину Антону Горсту съ 8 товарищами, повелѣлъ, въ товариществѣ лѣснаго торга быть 29 человѣкамъ. Дѣло же по этому предмету, вмѣстѣ съ жалобой Нарвскаго магистрата на нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей, дѣлавшихъ безпокойства и нарушавшихъ порядокъ мѣстнаго управленія подачей просьбъ прямо въ Сенатъ, передалъ на рѣшеніе Юстицъ-Коллегіи (2).

Заграничная торговля лѣсомъ въ С. Петербургскомъ портѣ встрѣчала тоже препятствія со стороны мѣстныхъ властей. Въ 1739 году пришли изъ за границы два корабля за пильнымъ лѣсомъ, запроданнымъ содержателемъ мельницы купцомъ Снетлеромъ. Петербургская таможня остановила безъ всякаго основанія нагрузку кораблей, такъ что Снетлеръ долженъ былъ войти съ прошеніемъ въ Коммерцъ-Коллегію. Сенатъ разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ, лѣсъ Снетлера пропустить, а впредь составить предположеніе, сколько лѣса можно отпускать изъ Петербургскаго порта. Кабинетъ Ея Величества положилъ на докладъ Сената слѣдующую резолюцію: лѣсъ Снетлера пропустить, и впредь пильные лѣса пропускать потому, что запрещенія на отпускъ пильныхъ лѣсовъ ни когда не было (3).

По таможенному тарифу 1731 года постановлено съ жидкой смолы, остающейся за удовлетвореніемъ потребностей Адмиралтейства, брать при отпускѣ ея въ портахъ Бѣлаго и Балтійскаго морей по 10 копѣекъ съ бочки, о пошлинахъ же при отпускахъ изъ портовъ для внутренняго

(1) П. С. З. X. 7833.

(2) П. С. З. XI. 8120.

(3) П. С. З. X. 7801.

употребленія ничего не сказано. Между тѣмъ 53 пунктъ тарифа говорилъ, что русскія произведенія, если они были уже очищены разъ внутренней пошлиной, можно свободно перевозить отъ одного порта до другаго. Вслѣдствіе этой неточности, Выборгскій житель Генрихъ Шмитъ, поставлявшій смолу въ Адмиралтейство, долженъ былъ при нагрузкѣ ея на суда въ Выборгѣ, заплатить 10 копѣекъ съ бочки. По принесенной имъ жалобѣ на несправедливость подобнаго взысканія, высочайше постановлено, при отпускахъ смолы для внутренняго употребленія, брать въ Выборгѣ по 5 копѣекъ съ бочки, и за тѣмъ, другой пошлинѣ товаръ не подвергать (1).

Заграничный отпускъ лѣса изъ Выборскаго порта былъ тоже подвергнутъ разсмотрѣнію. По приговору Правительствующаго Сената, въ 1723 году, о свободной рубкѣ лѣсовъ для заграничной торговли, позволено рубить лѣса на восемь или на десять кораблей. Въ 1734 и 1735 годахъ отъ имени Выборгскихъ жителей поступило прошеніе, что при Шведскомъ владѣніи изъ Выборгскаго порта отпускалось смолы до тридцати тысячъ бочекъ, много хлѣба, масла и другихъ товаровъ, но къ 1734 году торгъ этими товарами упалъ и отпускалось смолы только около трехъ тысячъ бочекъ, такъ что для Выборгскихъ жителей единственнымъ источникомъ дохода осталась торговля досками и бревнами. Опасеніе въ истребленіи лѣсовъ было при этомъ невозможно, потому, что Выборгская провинція богата лѣсами, да и кромѣ того много покупается лѣсовъ на Шведской сторонѣ. Между тѣмъ, бывшая Лифляндская и Эстляндская Камеръ-Контора донесла, въ 1737 году, что если не прекратить торгъ брусьями, то упадутъ пильныя мельницы, и чтобы для заграничнаго отпуска позволять грузить не болѣе 10 кораблей. По разсмотрѣніи вѣдомостей Коммерцъ-Коллегіи и Выборгской портовой таможни оказалось, что съ 1724 по 1738 годъ, грузились лѣсомъ отъ 18 до 88 кораблей ежегодно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Сенатъ

(1) П. С. З. IX. 6575.

предписалъ Коммерцъ-Коллегіи донести, знала ли она объ этихъ отпускахъ и по какимъ причинамъ не остановила ихъ, между тѣмъ представить вѣдомость, сколько при Шведскомъ владычествѣ отпускалось ежегодно лѣса на пильныя мельницы для заграничнаго отпуска, а для осмотра лѣсовъ командировать Ямбургскаго полка капитана Порошина. Коммерцъ-Коллегія объяснила, что ей было повелѣно сбирать вѣрно пошлины, а о числѣ кораблей въ указахъ ничего не сказано. О количествѣ лѣсовъ, отпускавшихся при Шведскомъ владычествѣ положительно нельзя сказать тоже ничего вѣрнаго, потому что большая часть прежнихъ владѣльцевъ мельницъ померли. По свидѣтельству Порошина открылось, что по морскому берегу вырублено лѣсовъ на 56 верстъ, а содержатели мельницъ объяснили, что они покупали лѣса въ Выборгскомъ уѣздѣ у разныхъ кирокъ и крестьянъ, а большую часть доставали со Шведской стороны. Послѣ указа 1737 года, запрещавшаго рубку лѣсовъ въ Выборгскомъ уѣздѣ, Выборгскіе мѣщане вошли съ прошеніемъ и объясняя, что Выборгскій уѣздъ не великъ и охраненіе лѣсовъ необходимо для поддержанія тамошнихъ мельницъ, просили позволить имъ отпускать ежегодно 30,000 брусьевъ. Выборгскій же Комендантъ генералъ-маіоръ Кулонъ донесъ, что лѣса вырублено очень много послѣ пожара 1738 года, а также для пильныхъ мельницъ и заграничной торговли, сверхъ того на казенныя зданія предположено заготовить 23,000 бревенъ, слѣдовательно при разрѣшеніи рубить ежегодно 30,000 брусьевъ, впредь для казенныхъ строеній лѣсовъ будетъ взять негдѣ. Сенатъ сообразивъ всѣ эти обстоятельства постановилъ: съ пильныхъ досокъ и брусьевъ отпускаемыхъ изъ Выборга брать пошлину съ убавкой на одну треть. Эта убавка сдѣлана потому, что Выборгскіе жители сильно пострадали отъ пожара. На 1740 годъ разрѣшить грузку лѣсомъ десяти кораблей, впредь же, Адмиралтействъ-Коллегіи составить предположеніе, сколько и какихъ лѣсовъ отпускать за море и на пильныя мельницы и гдѣ производить заготовку лѣса. Рубку лѣса на Шведской сторонѣ не запрещать, но наблю-

дать, чтобы подъ видомъ Шведской стороны не рубили лѣсовъ въ Выборгской провинціи (1).

Въ 1734 году дана привиллегія Архангельскому купцу Никитѣ Крылову, на право постройки въ Архангельской губерніи мореходныхъ торговыхъ судовъ, «къ славѣ Россійской Имперіи и въ пользу подданнымъ народамъ» (2).

Къ числу постановленій имѣвшихъ временное значеніе или косвенно относившихся до лѣснаго управленія, принадлежатъ слѣдующіе указы: — 30 Іюня 1737 года повелѣно, чтобы по случаю пожара бывшаго въ Москвѣ, перекупщики лѣсовъ (барышники) не смѣли перекупать ихъ ближе тридцати верстъ отъ Москвы (3). По случаю увеличенія грабежей и разбоевъ по большимъ дорогамъ, 15 Іюля и 14 Октября 1735 года указано, разрубить лѣса въ стороны на 30 саженъ, по дорогѣ отъ Петербурга до Сосницской пристани, (4) по Новгородской дорогѣ (5) и по всѣмъ дорогамъ отъ Петербурга до Нарвы (6). Наконецъ указомъ 1735 года, по представленію фельдмаршала Миниха, велѣно, лѣса сплавляемые по Ладожскому каналу въ плотахъ, очищать отъ коры, чтобы каналъ не засорялся (7).

Лѣсное законодательство Императрицы Анны имѣетъ тотъ же характеръ какъ и законодательство Петра Великаго — она не отступила отъ началъ своего дяди и въ его духѣ продолжала начатое имъ дѣло. Идея въ управленіи таже: — лѣсъ есть государственная собственность, прямаго дохода онъ не даетъ, а подлежитъ только косвенному таможенному сбору; въ мѣстахъ, гдѣ не предстоитъ надобности въ лѣсѣ

(1) П. С. З. XI. 8119.
(2) П. С. З. XVI. 12,066, 12,223.
(3) П. С. З. X. 7337.
(4) П. С. З. IX. 6772.
(5) П. С. З. IX. 6822.
(6) П. С. З. IX. 7010.
(7) П. С. З. IX. 6688.

для государственныхъ потребностей, рубка его на казенныхъ земляхъ свободна.

Анна Ивановна возстановила вальдмейстеровъ и дала имъ, 11 Мая 1732 года, инструкцію, которая есть почти копія вальдмейстерской инструкціи Петра Великаго. Совершенно новое постановленіе составляетъ инструкція форстмейстерамъ о посѣвѣ лѣса.

Царствованіе Императрицы Анны можно принять началомъ сознанія необходимости построить лѣсное управленіе на основаніяхъ науки. Для посѣвовъ лѣса составлено довольно подробное наставленіе и предписаны правила сохраненія корабельныхъ рощей, которыми Правительство хотѣло обезпечить потребность въ корабельномъ лѣсѣ. Форстмейстеры вызванные изъ за границы, должны были приготовлять учениковъ всему, что сами знали; наконецъ лѣсъ назначено рубить когда у деревъ сокъ въ корнѣ, т. е. отъ Октября до Марта. Мѣры принятыя для развитія науки не принесли ни какой пользы и лѣсная наука не водворилась у насъ и не слилась съ жизнью; тѣмъ не менѣе намѣреніе Правительства, вполнѣ понимавшаго важность и необходимость науки и значительно опередившаго въ этомъ случаѣ свой народъ, составляетъ не малую заслугу царствованія Анны Ивановны.

Административное управленіе получаетъ при ней уже болѣе твердое развитіе, народъ начинаетъ привыкать не много къ новому порядку вещей, и необходимость давать подтвердительныя постановленія становится слабѣе. Меньшей развитостью отличаются постановленія о заграничной торговлѣ, и въ послѣднее время царствованія Анны Ивановны, вниманіе Правительства особенно занято разборами разныхъ обстоятельствъ, возникшихъ изъ столкновенія интересовъ торговли съ административными началами и государственнымъ интересомъ.

ГЛАВА VI.

Узаконенія Ивана III.

Восьмымъ пунктомъ манифеста, которымъ Иванъ III началъ свое царствованіе, объявлено прощеніе всѣмъ самовольнымъ порубщикамъ. (*)

За тѣмъ, въ правленіе Анны Леопольдовны изданъ указъ о торговлѣ смолой; этимъ и ограничилась вся дѣятельность Правительства въ царствованіе Ивана III.

Петръ Великій, указомъ 8 апрѣля 1719 года, уничтожилъ монополіи казны на ревень, икру, клей и т. д. и оставилъ казенными товарами только смолу и поташъ. Екатерина I, ссылаясь на указъ Петра, предоставила смолу въ пользу частныхъ лицъ. Убытки казны отъ предоставленія права торговли народу, предполагалось покрыть увеличенной пошлиной. Между тѣмъ, на дѣлѣ вышло иначе; торгъ смолой упалъ, и казна вмѣсто прежнихъ 40,000 руб. ежегоднаго дохода, выручала на пошлинѣ только 8,000 руб. и въ теченіи 14 лѣтъ понесла убытка 448,000 руб. Имѣя въ виду эти обстоятельства, президентъ Коммерцъ-Коллегіи баронъ Менгденъ, составилъ предположеніе, устроить казенные смоляные заводы и торговлю смолой сдѣлать монополіей казны.

Для успѣха дѣла и уничтоженія соперничества другихъ государствъ, баронъ Менгденъ полагалъ, поступить такимъ образомъ. Съ русской смолой соперничествовали смолы польская, англійская и шведская. Польская смола не слишкомъ опасная по качеству, послѣ наложенія на нее, по тарифу 1724 года, высокой пошлины, въ Ригу не доставлялась, а шла чрезъ Данцигъ и Кенигсбергъ. Развитіе торговли въ

(*) П. С. З. XI. 8263.

этихъ мѣстахъ не могло не вредить нашему смоляному промыслу, по этому положено, для привлеченія польской смолы въ Ригу, сравнять рижскую пошлину съ архангельской, дозволить отпускать изъ рижскаго порта отъ 6 до 10 тысячъ бочекъ польской смолы, и смотрѣть, чтобы доставляемая въ Ригу польская смола не была хуже шведской. При этихъ условіяхъ, выгодныхъ для рижскаго купечества и для польскихъ смолокуровъ, которымъ гораздо ближе и дешевле везти смолу въ Ригу, чѣмъ въ Кенигсбергъ, смоляной торгъ долженъ былъ развиться.

Борьба съ англійской смолой была бы труднѣе, если бы не Испанская война, по случаю которой производство смолы въ колоніяхъ и торгъ ею остановился. Чтобы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сбытомъ русской смолы на разныхъ рынкахъ Европы убить англійскую торговлю, Коммерцъ-Коллегія предположила: объявить, что изъ портовъ Петербургскаго, Нарвскаго, Выборгскаго и Рижскаго, дозволяется слѣдующей весной вольный отпускъ смолы съ пониженіемъ пошлины, а въ Архангельскомъ портѣ на тѣхъ же условіяхъ отъ 50 до 60 тысячъ бочекъ. Если можно, то съ Англійскими, Голландскими и Гамбургскими купцами заключить заранѣе, на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, контракты. Когда это не удастся, то отпустить часть смолы на казенный счетъ на казенныхъ корабляхъ въ Англію, Голландію и Гамбургъ и продать ее по такой цѣнѣ, какую получить можно. Если бы казна въ первый годъ и понесла убытокъ, то убытокъ этотъ ужъ никакъ не могъ быть большой, между тѣмъ выгоды заключались бы на первый разъ въ томъ, что образовались бы искусные офицеры и матросы, а впослѣдствіи, съ обезсиленіемъ англійской смоляной торговли, Россіи досталось «генерально снабдѣваніе прочей Европы смолою».

Противъ шведской смолы предположено принять слѣдующія мѣры: — приготовлять русскую смолу достоинствомъ выше шведской; уменьшеніемъ пошлинъ и расходовъ добывать смолу какъ можно дешевле; собрать въ Швеціи секретно свѣдѣніе, какое самое большое количество можетъ

быть получено въ Швеціи смолы безъ истощенія лѣсовъ, сколько изъ этого числа идетъ за границу и остается въ самой Швеціи, узнать цѣну заготовки и главные Европейскіе рынки, на которыхъ Шведы сбываютъ свою смолу и привести русскую смолу на рынки ранѣе. Коммерцъ-Коллегія полагала, что выполнивъ все это можно не только осилить Шведовъ, но и совершенно убить ихъ торговлю.

Для управленія смолянымъ производствомъ въ Россіи выбрать въ интенданты «человѣка умнаго и добраго раченія», снабдить его инструкціей, дать жалованья *600* руб. въ годъ, и если онъ доставитъ въ казну прибыли болѣе 40,000, то съ суммы вырученной сверхъ оклада, дать ему полтора процента. Для улучшенія производства выписать изъ Лифляндіи искусныхъ смоловаровъ, пріискать бондырей, которые бы дѣлали бочки по шведскому образцу и опредѣлить браковщиковъ. Слѣдить постоянно за заграничнымъ запросомъ на смолу и предупреждать всѣ обстоятельства могущія клониться къ невыгодѣ русской торговли.

Эти пункты составляли главную сущность проэкта Коллегіи, которая доносила Сенату, что при соблюденіи изложенныхъ выше обстоятельствъ, выгоды казны не подлежатъ никакому сомнѣнію. Сенатъ представилъ проэктъ на утвержденіе Анны Леопольдовны и предположеніе велѣно привести въ исполненіе (*).

Послѣ вызова желающихъ на покупку казенной смолы, на торгахъ состоялась цѣна очень низкая, назначены были другіе торги и явился только одинъ покупщикъ иностранецъ Яганъ Стегелинъ. Онъ бралъ 1,000 бочекъ и давалъ за смолу на выборгскій бракъ по рублю за бочку, а на архангельскій по 60 копѣекъ. Обстоятельство это показалось Коллегіи тѣмъ болѣе страннымъ, что на первыхъ торгахъ, давали въ Архангельскѣ по 90 копѣекъ, но какъ причинъ неуспѣха дѣла, Коммерцъ-Коллегія «вывѣдать не могла», то и предположила партію смолы (отъ 50 до 60,000

(*) П. С. З. IX. 8302.

бочекъ) заготовленную въ Архангельскѣ, отдать на коммиссію какой нибудь торговой конторѣ для продажи въ Англіи и Голландіи. Между тѣмъ, спѣшить по возможности выпиской изъ за границы кораблей, чтобы въ случаѣ поздняго ихъ прибытія, не пришлось бы смолѣ зазимовать въ Архангельскѣ. Вслѣдствіе этого, повелѣно отдать смолу на коммиссію или здѣшнимъ купцамъ, или списаться съ купцами Англійскими и Голландскими, «чтобы сію коммиссію съ умѣренною провизіею на себя приняли» (*).

Въ короткое царствованіе Ивана III, ни Биронъ, ни Принцесса Анна не внесли въ лѣсное законодательство ничего новаго.

(*) П. С. З. XI. 8388.

ГЛАВА VII.

Узаконения Елисаветы Петровны.

Административное управленіе основанное Петромъ Великимъ, не смотря на свою неполноту, вѣроятно удовлетворяло достаточно требованіямъ Правительства, потому что ни Анна Ивановна, ни Елисавета Петровна не прибавили ничего къ началу положенному Петромъ I.

Главное вниманіе Елисаветы было обращено на сбереженіе лѣсовъ и для достиженія своей цѣли, она ограничилась изданіемъ нѣсколькихъ подтвердительныхъ указовъ.

Въ указѣ 24 октября 1748 года, ссылаясь на повелѣнія Петра, 1719 и 1722 годовъ и на вальдмейстерскія инструкціи 1723 и 1732 годовъ, предписывавшія мѣры къ сбереженію лѣсовъ, Елисавета говоритъ—«Сенату небезъизвѣстно учинилось, что крестьяне рубятъ лѣсъ небрежно, засоряютъ дачи вершинами, щепой и корой, и на строеніе барокъ употребляютъ топорныя доски.» По этому повелѣвается, сучья, кору и щепу накопившіяся въ дачахъ, вывезти вонъ и впредь не оставлять на мѣстахъ рубокъ, а для приготовленія досокъ завести ручныя пилы и топорныхъ досокъ не дѣлать (*).

Послѣ этого указа Великоустюжскіе купцы вошли въ Сенатъ съ прошеніемъ, что имъ нельзя не дѣлать топорныхъ досокъ, потому что въ ихъ уѣздѣ нѣтъ ни одной пильной мельницы. Если выполнять указъ въ точности, то они успѣютъ построить суда не ранѣе какъ черезъ два года и доставка хлѣба въ Архангельскъ должна на это

(*) П. С. З. XII. 9544.

время пріостановиться. Къ тому же, пильный лѣсъ для барокъ не годится, потому что онъ прямой, а доски необходимы косыя. Сенатъ разсмотрѣвъ прошеніе Устюжскихъ купцовъ, повелѣлъ—всѣмъ промышленникамъ, крестьянамъ, купцамъ и помѣщикамъ стараться приготовлять заблаговременно ручныя пилы и гдѣ удобно устроивать пильныя мельницы, такъ чтобы для судовъ, за исключеніемъ кокоръ и другихъ косыхъ штукъ, а также на постройки домовъ, употреблять доски пильныя. Для успѣха дѣла дозволено всѣмъ свободно строить пильныя мельницы, а чтобы пріучить народъ къ пилкѣ лѣса, повелѣно, помѣщикамъ, управителямъ, прикащикамъ и старостамъ, «принуждать крестьянъ и въ обычай къ тому пилованію приводить.» Между тѣмъ, пока пилка лѣса не войдетъ въ обычай, дозволялось топорныя доски дѣлать и продавать въ теченіи пяти лѣтъ. Губернаторамъ и воеводамъ предписано принимать всѣ мѣры къ распространенію пильнаго дѣла, и объ успѣхѣ его и устройствѣ пильныхъ мельницъ доносить Адмиралтействъ-коллегіи, а ей рапортовать ежегодно Сенату (*).

Въ какой степени повелѣнія исполнялись народомъ слабо, видно изъ безпрестанныхъ подтвердительныхъ указовъ Правительства; въ указѣ 4 Декабря 1752 года Сенатъ упомянувъ коротко всѣ указы и постановленія о сохраненіи лѣсовъ въ Ингерманландіи, около С. Петербурга и въ Новгородской губерніи, изданныя съ 1715 по 1750 годъ, говоритъ, что какъ для удовлетворенія Петербурга пильными досками есть уже довольно мельницъ близъ Петербурга и въ Новгородской губерніи и слѣдовательно въ топорныхъ доскахъ не можетъ быть никакой необходимости, то въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ, по всѣмъ рѣкамъ представляющимъ возможность сплава, заготовку и доставку топорныхъ досокъ въ Петербургъ запретить. Коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, на казенныя строенія топорныхъ досокъ не подряжать. Топорныя доски имѣющіяся въ Петербургѣ продать и заподряженныя для казенныхъ построекъ

(*) П. С. З. XIII. 9688.

пропустить чрезъ Ладожскій каналъ, а впредь не пропускать. Если же въ отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи, производящихъ постройку судовъ, нельзя достать пильныхъ досокъ, то дозволить употреблять и топорныя, но неиначе, какъ въ теченіи объявленнаго, указомъ 1749 года, пятилѣтняго срока ([1]). По истеченіи этого срока оказалось, что въ большей части губерній не только не устроено пильныхъ мельницъ, даже не заведены ручныя пилы. Но какъ строгое запрещеніе строить суда изъ топорнаго лѣса могло повести къ остановкѣ торговли и доставки въ Петербургъ и въ другія мѣста товаровъ и хлѣба, то пятилѣтній срокъ продолженъ еще на два года, т. е. до 1758, съ тѣмъ, однако, чтобы по возможности принимались мѣры къ устройству пильныхъ мельницъ и заведенію ручныхъ пилъ. Если же и по истеченіи этого срока не будутъ устроены мельницы, то топорныя доски совершенно запретить и промышленниковъ и крестьянъ принуждать къ пилкѣ лѣса ([2]). Черезъ годъ послѣ этого указа, изъ донесеній нѣкоторыхъ губернаторовъ оказалось, что пильныя мельницы устроены только въ Новоторжскомъ уѣздѣ купцомъ Тавлѣевымъ, а въ другихъ губерніяхъ нигдѣ еще не приступали къ ихъ постройкѣ, ручными же пилами работаютъ только въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Можетъ быть и еще въ нѣкоторыхъ губерніяхъ началась уже пилка, но это точно неизвѣстно, потому что не всѣ губернаторы представили Сенату донесенія. Сенатъ видя неуспѣхъ дѣла, приказалъ публиковать еще разъ, чтобы промышленники и крестьяне заводили мельницы и пилы къ положенному сроку. Если къ этому времени пилка не войдетъ въ общее употребленіе, то топорный лѣсъ будетъ совершенно запрещенъ. Сверхъ того, если у помѣщиковъ, имѣющихъ мѣста удобныя для построекъ, не будутъ устроены мельницы, то мѣста эти опишутся въ казну. Губернскимъ властямъ предписано принимать всѣ мѣры къ устройству мельницъ и заведенію пилъ и напоминать объ этомъ какъ можно чаще владѣльцамъ и крестьянамъ. Когда и за этимъ

([1]) П. С. З XIII. 10,054.
([2]) П. С. З. XIV. 10,667.

не окажется успѣхъ въ дѣлѣ, то о владѣльцахъ не устроивающихъ мельницъ доносить Сенату. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно, чтобы въ Петербургъ, снабжаемый пильными досками съ мельницъ построенныхъ при городѣ и въ верховьѣ Невы, топорныхъ досокъ изъ другихъ мѣстъ не пригонять и сплавъ ихъ по Ладожскому каналу прекратить съ 1758 года (¹).

Для сохраненія лѣсовъ около Москвы, Императрица, присутствуя 11 мая 1744 года въ Сенатѣ, замѣтила, — что надобно бы строить въ Москвѣ каменные дома. — Сенатъ постановилъ о постройкахъ въ Москвѣ сдѣлать выписки изъ указовъ и затребовать справки отъ Камеръ-Коллегіи: — въ разстояніи 200 верстъ отъ Москвы чьи выстроены винокуренные заводы, по какимъ указамъ и всѣ ли дѣйствуютъ? Отъ Бергъ-Коллегіи — какіе въ тѣхъ же предѣлахъ находятся мѣдные, желѣзные и другіе заводы, когда и по какимъ указамъ они выстроены и что приносятъ казнѣ дохода. Отъ Мануфактуръ-Коллегіи — какія въ тѣхъ же предѣлахъ находятся фабрики, мануфактуры и стеклянные заводы, когда и по какимъ указамъ выстроены и какъ далеко лежатъ одинъ отъ другаго? Коллегіи донесли, что въ 200 верстахъ находится 39 винокуренныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 14 казенныхъ; сверхъ того 10 недѣйствующихъ. Разныхъ фабрикъ 75, въ томъ числѣ 6 стеклянныхъ заводовъ, наконецъ желѣзныхъ и минеральныхъ заводовъ 17. Сенатъ опредѣлилъ: винокуренные заводы, получающіе дрова сплавомъ изъ дальнихъ мѣстъ, оставить и хозяевамъ ихъ подтвердить, чтобы они пользовались только сплавляемымъ къ нимъ лѣсомъ, и отнюдь не рубили и не покупали лѣсовъ близъ заводовъ лежащихъ. Заводы находящіеся въ Московскомъ уѣздѣ и запрещенные тарифомъ 1688 года, уничтожить, точно также снесть и тѣ, которые стоятъ не на сплавныхъ рѣкахъ и получаютъ лѣсъ изъ ближнихъ мѣстъ. Казенные заводы въ предѣлахъ 200 верстъ уничтожить, а строенія и посуду продать съ торговъ. Точно также поступить и съ стеклянными заводами (²).

(¹) П. С. З. XIV. 10768.

(²) П. С. З. XII. 9438.

Между тѣмъ Гжатскіе купцы донесли Сенату, что желѣзные, винные и другіе заводы, находящіеся близъ пристани, сильно истребляютъ лѣса, особенно вырубкой деревъ годныхъ для барокъ, и что отъ дороговизны лѣсовъ должна поднятся цѣна на казенный провіантъ доставляемый въ Петербургъ. Сенатъ повелѣлъ, чтобъ заводы находящіеся въ Можайскомъ, Боровскомъ, Вяземскомъ и Зубцовскомъ уѣздахъ, не рубили на уголь и на дрова деревъ годныхъ для барокъ, а выбирали сухоподстой, валежникъ и пользовались сплавнымъ лѣсомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено Камеръ, Мануфактуръ и Бергъ-Коллегіямъ, снестись между собою, послать чиновника для осмотра и описанія всѣхъ находящихся тамъ заводовъ, въ томъ числѣ и Мосаловыхъ. Въ описаніи показать: какъ далеко лежатъ заводы, отъ Гжатской пристани, отъ Москвы и отъ мѣстъ откуда гонится лѣсъ въ Москву. При какихъ рѣкахъ находятся заводы, изъ чьихъ дачъ получаютъ лѣсъ на уголь, дрова и строенія, какого качества лѣсъ — годный ли на суда или нѣтъ; есть ли близъ заводовъ и въ ихъ дачахъ лѣсъ годный на барки, можно ли изъ тѣхъ мѣстъ, откуда Мосаловы получаютъ дрова, лѣсъ годный для судовъ возить сухимъ путемъ на Гжатскую пристань, на чьихъ земляхъ стоятъ заводы, сколько у нихъ каменнаго, деревяннаго и прочаго строенія. Откуда возится судовый лѣсъ на Гжатскую пристань, въ какомъ разстояніи отъ пристани и на сколько лѣтъ можетъ достать его. Крестьянамъ живущимъ по Ворѣ и Истрѣ, впредь до окончанія описи заводовъ, запрещено возить и сплавлять уголь и дрова въ Калугу, Алексинъ, Серпуховъ, Каширу, Коломну, а дозволено только въ Москву. Калугѣ же и остальнымъ городамъ, велѣно довольствоваться лѣсомъ изъ мѣстъ не лежащихъ близъ Гжатской пристани и не заповѣданныхъ вальдмейстерской инструкціей (*). Сенатъ разсмотрѣвъ представленія Бергъ, Мануфактуръ и Камеръ-Коллегіи и сообразивъ ихъ съ планами и картами рѣшилъ: часть заводовъ уничтожить; относительно желѣз-

(*) П. С. З. XII. 9497.

ныхъ заводовъ лежащихъ близъ Тулы, сообразить нужны ли они для казенныхъ Тульскихъ заводовъ, если нужны, то всѣ ли или нѣкоторые, до рѣшенія этого вопроса оставить заводы на прежнемъ основаніи. Въ заводахъ назначенныхъ къ уничтоженію осмотрѣть, описать и оцѣнить каменные дома, а у владѣльцевъ узнать, желаютъ ли они продать ихъ въ казну; заводское же строеніе, покупныхъ людей и крестьянъ съ землей должны продать сами заводчики кому захотятъ, кромѣ купцовъ. Если же пожелаютъ перевести заводы и крестьянъ въ другія мѣста, то стеклянные могутъ перенести далѣе 200 верстъ отъ Москвы, а желѣзные въ Сибирскую и Оренбургскую губерніи. Инженеръ-капитанъ Малыгинъ, посланный для описанія заводовъ донесъ, что многіе купцы Гжатской пристани строятъ суда совсѣмъ неисключительно для одного Петербурга, но отправляютъ всякій годъ товары въ полую воду въ разные города внизъ по Волгѣ. Вслѣдствіе этого Сенатъ постановилъ, отпускать лѣсъ только для постройки судовъ назначаемыхъ въ Петербургъ. По описанію Малыгина лѣса годные для барокъ оказались въ уѣздахъ Можайскомъ, Зубцовскомъ и Вяземскомъ, и по близости р. Гжатской въ Волоколамскомъ, Старицкомъ, Бѣльскомъ и Ржевскомъ. Лѣса эти, какъ годные для барокъ, повелѣно беречь и охранять согласно вальдмейстерской инструкціи ([1]).

Въ слѣдствіе значительной порубки дубовыхъ лѣсовъ, открывшейся въ Бахмутской провинціи, повелѣно отправить туда офицера, для описанія и заклеймѣнія всѣхъ деревъ годныхъ для флота. Описанный лѣсъ отдать подъ надзоръ и смотрѣть, чтобы на потребности мѣстныхъ жителей рубился только незаповѣдный лѣсъ ([2]).

Для сохраненія лѣсовъ около С. Петербурга и въ Новгородской губерніи, кромѣ запрещенія отпуска лѣса за границу изъ Петербургскаго, Нарвскаго и Перновскаго

([1]) П. С. З. XIV. 10,285.

([2]) П. С. З. XIV. 10,471.

портовъ, уничтожены Старорусскіе соляные заводы, употреблявшіе ежегодно по 120,000 саженъ дровъ. Сверхъ того, Сестрорѣцкій оружейный заводъ думали сначала перевесть къ Олонецкимъ или Петровскимъ желѣзнымъ заводамъ, но какъ на Сестрорѣцкихъ заводахъ приготовлялась мѣдная монета, то въ октябрѣ 1758 года повелѣно, выбрать удобное для заводовъ мѣсто близъ Ямбурга или въ немъ самомъ и перевести ихъ туда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гамбургскій купецъ Поппе, построившій въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ заводъ для приготовленія зеленой мѣди, обязанъ былъ подпиской не увеличивать своего завода до особаго распоряженія правительства — заводъ его находили тоже вреднымъ для лѣсовъ. Но какъ Поппе объяснилъ, что лѣсу на его заводъ идетъ немного — до 400 саженъ дровъ и до 6,000 угля, по описи заводъ оцѣненъ въ 54,735 рублей и найденъ нужнымъ «для народной пользы», потому что на немъ приготовлялись разныя вещи для арміи, то, чтобы не ввести Поппе въ убытки, предположено оставить его заводъ, но съ тѣмъ, чтобы лѣсу и угля не шло болѣе показаннаго Поппе количества. Въ случаѣ недостатка 6 тысячъ четвертей угля, Поппе былъ обязанъ выписывать уголь изъ за границы и вообще для потребностей своего завода не рубить лѣса представлявшаго удобство доставки въ Петербургъ. По Невѣ и въ другихъ мѣстахъ удобныхъ для сплава лѣса въ Петербургъ, не дозволено строить фабрикъ и заводовъ, а назначенъ для этого Ямбургскій уѣздъ (¹).

Въ 1761 году повелѣно Камеръ-Конторѣ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ и Выборгской губернской канцеляріи, заботиться о сохраненіи лѣсовъ Выборгской и Кексгольмской провинцій, пострадавшихъ отъ чрезмѣрной недозволенной рубки; а полкамъ тамъ находившимся, повелѣно рубить лѣсъ на полковыя потребности безъ излишества съ дозволенія Губернской и Статгалтерской Канцеляріи (²).

(¹) П. С. З. XV. 10,914.

(²) П. С. З. XV. 11,310.

Графу Петру Ивановичу Шувалову были пожалованы у Архангельска и въ Колѣ казенные сальные промыслы. Между тѣмъ вальдмейстеры не допускали промышленниковъ рубить лѣса на суда, такъ что наконецъ Шуваловъ вошелъ въ Сенатъ съ прошеніемъ, и объяснилъ, что при пошлинахъ, которыя сбираются съ промышленниковъ и недозволеніи рубить сосновые лѣса, промыслы могутъ совершенно упасть. По справкѣ сдѣланной въ Сенатѣ оказалось, что ни одинъ указъ не запрещаетъ рубить сосну для частнаго судостроенія, и вальдмейстеры обязаны только наблюдать, чтобы не рубились деревья толще 12 вершковъ. По этому повелѣно, отобрать отъ вальдмейстеровъ и лѣсныхъ надзирателей показанія, на какомъ основаніи они не допускали рубку сосны и Адмиралтействъ-Коллегіи разсмотрѣвъ ихъ отвѣты, — если окажется, что они поступали противъ постановленій, — виновныхъ наказать (*).

Отправленіе корабельныхъ лѣсовъ изъ Казани въ Петербургъ не рѣдко затруднялось пріисканіемъ необходимаго числа рабочихъ. Такимъ образомъ изъ 104 судовъ, приготовленныхъ въ 1745 году къ нагрузкѣ, отправилось съ лѣсомъ только 25, а на остальныя не достало рабочихъ. Завѣдывавшій отправленіемъ лѣсовъ лейтенантъ Калударовъ донесъ, что причина этого заключалась въ томъ, что рабочіе должны быть съ печатными билетами (повелѣніе, изданное въ 1743 году для пресѣченія разбоевъ и грабежей)—и что частные промышленники пугаютъ рабочихъ тѣмъ, что ихъ продержатъ до октября, а управители нѣкоторыхъ волостей Нижегородской губерніи не только запрещаютъ крестьянамъ наниматься въ казенную работу, но даже бьютъ охотниковъ батогами и скорѣе позволяютъ имъ идти за меньшую плату къ купцамъ, чѣмъ въ казенную работу. Адмиралтействъ-Коллегія полагала изслѣдовать дѣло, виновныхъ, смущавшихъ народъ, наказать, а рабочихъ, въ случаѣ недостатка, брать и съ письменными видами, а гдѣ будетъ необходимо, то и солдатъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ мнѣніе Адмиралтействъ-

(*) П. С. З. XIII. 9634.

Коллегіи, постановилъ ей въ обязанность, употреблять всевозможное стараніе для найма рабочихъ съ печатными паспортами, и только на 1746 годъ, въ случаѣ недостатка паспортныхъ, дозволилъ брать крестьянъ съ письменными видами. Розыскать кто смущалъ народъ и виновныхъ наказать. Впредь же отправлять лѣса тѣмъ порядкомъ, какъ это дѣлалось при Петрѣ Великомъ, и чтобы подобныхъ затрудненій и представленій какъ нынѣшнія, отъ Адмиралтействъ-Коллегіи не было (¹).

Это дѣло было еще не такъ важно сравнительно съ тѣмъ, какое предстояло рѣшить Сенату. Въ 1751 году поступило прошеніе отъ Мурзъ и Татаръ Казанскаго, Симбирскаго и Пензенскаго уѣздовъ, приписанныхъ къ заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ. Повѣренный отъ лашмановъ сотникъ Ибрай Абдреевъ въ просьбѣ объяснилъ, что по указу 1718 года къ заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ опредѣлены вмѣстѣ съ ними Воронежскіе Мурзы и Татары, между тѣмъ они никогда на работѣ не были. Въ 1724 году велѣно служилыхъ Мурзъ и Татаръ, опредѣленныхъ къ корабельной работѣ, въ полки и въ подушный окладъ не писать, а въ 1729 году повелѣно работу служилыхъ иновѣрцевъ защитывать имъ въ плакатъ. Въ 7-мъ же пунктѣ плаката сказано: нарядъ въ работу не для однихъ служилыхъ Мурзъ и Татаръ, но для всѣхъ крестьянъ положенныхъ въ подушный окладъ. Находясь постоянно въ теченіи 30 лѣтъ въ работѣ, просители совершенно раззорились—въ работѣ находились они отъ 15 до 60 лѣтняго возраста, не по очереди, платили подушные, становили рекрутъ не только за себя, но за малолѣтковъ и умершихъ стариковъ. По случаю отдаленія лѣсовъ работникъ съ двумя лошадьми не могъ кончать своей работы, такъ что часъ отъ часу народъ бѣднѣлъ и многіе даже неизвѣстно куда дѣлись. На работниковъ не кончившихъ своего урока на мѣстѣ въ лѣсу, налагали по возвращеніи домой двойную работу—за день два, за мѣсяцъ два мѣсяца. Въ 1749 году лашманы

(¹) П. С. З. XII. 9209.

просили вмѣсто Воронежскихъ Мурзъ опредѣлить ближайшихъ Казанскихъ ясачныхъ крестьянъ, но по этой просьбѣ ничего не сдѣлано. По этому лашмана просили вновь назначить для заготовленія корабельныхъ лѣсовъ ясачныхъ Татаръ, Мордву, Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ и прочихъ крестьянъ, живущихъ близь лѣсовъ, а не ихъ просителей, потому что имъ приходится отправляться на работу за триста и четыреста верстъ. Если же по указамъ 1718 и 1724 годовъ придется отправлять имъ работу по прежнему, то просятъ, согласно этимъ указамъ, освободить ихъ отъ платежа подушныхъ и другихъ сборовъ и рекрутской повинности, а вмѣсто Воронежскихъ Мурзъ опредѣлить ближайшихъ къ корабельнымъ лѣсамъ ясачныхъ Татаръ. Въ тоже время Казанскіе ясачные Татары подали прошеніе, чтобы по челобитной лашмановъ не дѣлать никакого распоряженія до полученія объясненій отъ Адмиралтействъ-Коллегіи и Главнаго Коммиссаріата, потому, что изъ этихъ объясненій Сенатъ увидитъ въ какой степени трудно положеніе какъ служилыхъ Татаръ, такъ и ясачныхъ. Сенатъ разсмотрѣвъ и сообразивъ всѣ постановленія изданныя о лашманахъ, опредѣлилъ: Казанскимъ служилымъ Мурзамъ и Татарамъ въ просьбѣ отказать, и находиться имъ при работѣ по прежнему, потому что они назначены въ работу указомъ Петра Великаго, по которому, къ корабельному дѣлу кромѣ ихъ иновѣрцевъ, никого опредѣлять не слѣдуетъ. Что же касается до просьбы объ освобожденіи ихъ, согласно указу 1724 года, отъ платежа подушныхъ и поставки рекрутъ, то и въ этомъ отказать, потому, что хотя по указу 1724 года они и освобождены отъ сборовъ, однако по плакату того же года Петръ назначилъ собирать съ черносошныхъ, Татаръ, Ясачныхъ и прочихъ подушныя семи и четыре-гривенныя деньги и въ 1725 году по опредѣленію Сената, Мурзы и Татары обложены сорока-алтыннымъ окладомъ въ Адмиралтейскую сумму. Слѣдовательно, на основаніи этихъ постановленій, лашманамъ не слѣдовало просить объ освобожденіи отъ подушныхъ сборовъ и рекрутства. Что же касается до Воронежскихъ Мурзъ и

Татаръ, въ замѣнъ которыхъ велѣно въ 1730 году приписать изъ ясачныхъ Казанскихъ крестьянъ, то распоряженіе это привести въ исполненіе. Наконецъ новокрещенныхъ выключать изъ оклада и въ замѣнъ ихъ назначать ближайшихъ ясачныхъ иновѣрцевъ и также поступать впередъ, потому, что по указу Петра при работахъ должны находиться только иновѣрцы, а русскимъ и новокрещеннымъ при работахъ быть не слѣдуетъ ([1]).

Заботясь о сбереженіи лѣсовъ, правительство не могло не обратить вниманія на пожары, которые и до сихъ поръ составляютъ главнѣйшую причину уничтоженія лѣсовъ. Въ 1744 году, указомъ 28 февраля, повелѣно, отнюдь не жечь въ Сибирской губерніи лѣсовъ, въ которыхъ производится ловля соболей ([2]). Въ 1745 году для отвращенія лѣсныхъ пожаровъ постановлено: объявить полкамъ находящимся при Петербургѣ, чтобы солдаты и жены ихъ, собирая въ лѣсахъ ягоды, грибы и т. д., отнюдь не раскладывали огня. Объявить по всей Имперіи, съ подпиской, чтобы жители при расчисткѣ земель и вообще при раскладкѣ въ лѣсахъ огня, были осторожны, смотрѣли, чтобы не произошелъ пожаръ и не уходили изъ лѣса не потушивъ разложеннаго огня. Если же случится въ лѣсу пожаръ, то тушить его немедленно и повиноваться при этомъ вальдмейстерамъ и лѣснымъ надзирателямъ; вальдмейстерамъ же и ихъ подчиненнымъ смотрѣть, чтобъ пожаровъ не было и чтобы проѣзжающіе раскладывали огни для варенія пищи не близъ лѣсовъ и мостовъ и уѣзжая тушили огонь. За исполненіемъ указа наблюдать тоже губернаторамъ и воеводамъ ([3]). Того же числа изданъ особый указъ для лѣсовъ и мостовъ расположенныхъ по Московской дорогѣ. Генералъ-маіоръ Ферморъ донесъ, что по дорогѣ для наблюденія за пожарами учреждены частые разъѣзды, но не смотря на это, нельзя быть увѣреннымъ въ полной безо-

---

([1]) П. С. З. XIII. 9861.
([2]) П. С. З. XII. 8881.
([3]) П. С. З. XII. 9182.

пасности мостовъ и лѣсовъ, потому, что харчевники, въ противность запрещенія, топятъ свои квартиры и харчевни. Сенатъ повелѣлъ послать указы и объявить жителямъ и харчевникамъ быть осторожными съ огнемъ и варить пищу за огородами. А для наблюденія за мѣстными жителями и проѣзжающими устроить частые разъѣзды. Когда проѣзжающіе уѣдутъ не потушивъ огня, и будутъ обличены въ этомъ, то сѣчь ихъ батожьемъ (¹). По случаю сильныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1752 году въ Ингерманландіи, изданъ подтвердительный указъ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ. Указъ этотъ есть повтореніе указа 1745 года, но съ такимъ дополненіемъ, что военныя команды обязаны помогать мѣстнымъ жителямъ тушить пожары (²). Въ 1754 году подтверждено, чтобы въ Сибири отнюдь не жгли лѣсовъ, въ которыхъ производится ловля соболей. Если же, отъ слабаго смотрѣнія мѣстныхъ властей, будутъ хотя малые пожары, то съ виновными въ слабомъ надзорѣ «наижесточайше поступлено будетъ» (³).

Императрица Елисавета вступивъ на престолъ, указомъ 12 декабря 1741 года, повелѣла — исполнять строго всѣ указы и повелѣнія Петра Великаго. Поэтому относительно торга смолой, бывшаго сначала монополіей казны, а въ 1719 году предоставленнаго въ пользу народа, Сенатъ вошелъ съ особымъ докладомъ. Прописывая распоряженія Петра и Екатерины по этому предмету и намѣреніе ихъ предоставить выгоды отъ торговли смолой народу, Сенатъ говоритъ, что по представленію президента Коммерцъ-Коллегіи Менгдена, торгъ смолой сдѣланъ въ правленіе принцессы Анны опять монополіей казны, и отъ смолы заготовленной въ то время и отданной частью на коммисію Голландцамъ за 8 проц. и проданной въ 1742 и 1743 годахъ въ количествѣ 60,000 бочекъ, съ вырученными уже около 36,000 рублей, ожидается получить до 50 проц., такъ что торгъ смолой въ 1712, 1713, 1714, 1723, 1724, 1742 и 1743

(¹) П. С. З. XII. 9,183.
(²) П. С. З. XIII. 10,014.
(³) П. С. З. XIV. 10,313.

годахъ, принесъ чистой прибыли 187,000 рублей; пошлинъ же въ теченіе свободной торговли выручено отъ 568,268 бочекъ 8,230 руб. 16 коп. Поэтому неугодно ли будетъ Императрицѣ оставить смолу казеннымъ товаромъ. Елисавета согласилась на представленіе Сената (¹).

Въ 1744 году для лучшаго наблюденія за заготовленіемъ смолы и за сальными промыслами, повелѣно учредить въ Архангельскѣ особую контору, переведя ее изъ Москвы, и согласно указу 11 сентября 1742 года, быть въ конторѣ одному Совѣтнику и Ассесору. Для исполненія же въ Москвѣ порученій по торговлѣ смолой, назначить Коммисара «съ приличнымъ числомъ служителей» (²).

По представленію Коммерцъ-Коллегіи о дозволеніи отпуска казенныхъ товаровъ изъ Русскихъ портовъ, Сенатъ, 18 ноября 1754 года, повелѣлъ — пеньку, сало, поташъ, смолу и прочіе фабричные товары «отъ всѣхъ Россійскихъ портовъ и пограничныхъ таможенъ, за государственную границу со взятіемъ надлежащихъ пошлинъ отпускать безпрепятственно» (³). Но въ слѣдъ за этимъ, 11 декабря вышелъ указъ, что какъ о нѣкоторыхъ товарахъ есть въ таможнѣ запретительные указы, «о которыхъ еще въ народѣ по нѣкоторымъ резонамъ понынѣ знать было не дано» и чтобы купцы на основаніи указа 18 ноября, не вздумали бы привозить къ таможнямъ напрасно этихъ запрещенныхъ товаровъ, то до изданія въ скоромъ времени новаго росписанія о товарахъ дозволенныхъ къ вывозу, исполненіе указа 18 ноября оставить (⁴).

Малороссійскій Бунчуковый товарищъ Антонъ Гарновскій представилъ проэктъ объ учрежденіи около Чернигова, Стародуба и въ Брянскомъ уѣздѣ казенныхъ смологонныхъ заводовъ. По предположенію Гарновскаго бочка смолы со всѣми расходами и доставкой въ Петербургъ должна была обходится въ 8 руб. 78½ коп. — на 3 руб. 21½ коп. де-

(¹) П. С. З. XI. 8790.
(²) П. С. З. XII. 8900.
(³) П. С. З. XIV. 10,323.
(⁴) П. С. З. XIV. 10,335.

шевле противъ смолы доставлявшейся ранѣе. По разсмотрѣніи этого проэкта, повелѣно дозволить Гарновскому устроить заводы на казенный счетъ. Существующіе въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ частные смологонные заводы, на основаніи указа 1721 года не позволявшаго гнать смолу частнымъ лицамъ, взять въ казну и отдать въ управленіе Гарновскому. Приготовлять каждый годъ по тысячѣ бочекъ смолы, перваго сорта двѣ трети, а втораго треть или какъ придется, смотря по запросу. Гонку смолы дѣлать вольными рабочими по найму, изъ *ильма*, *вяза* и *карагача*, дубъ же употреблять только на бочки. Все дѣло вести Гарновскому на коммерческомъ правѣ, но чтобы никакихъ недочетовъ не было. Для прихода и расхода суммъ опредѣлить Коммисара. Дать Гарновскому въ помощь одного казацкаго сотника и къ каждому заводу по писарю, и въ жалованье «ему Гарновскому для такого новозаводимаго знатнаго дѣла давать по тысячѣ по пятисотъ рублей на годъ» ([1]).

Въ 1757 году постановлено, въ отмѣну ошибки вкравшейся въ тарифъ 1754 года, взыскивать портовыхъ пошлинъ по $1\frac{1}{4}$ копѣйки не съ бочки, а съ пуда смолы ([2]).

Въ 1760 году Обер-Егермейстеръ Нарышкинъ просилъ отдать ему на откупъ, на 20 лѣтъ, право торга смолой у Архангельскаго порта, и за это обязывался платить ежегодно въ казну 5,850 р. $54\frac{1}{2}$ к.—сумму, равную средней сложности чистаго дохода казны за послѣднія девять лѣтъ. Въ Сенатѣ по этому случаю составился докладъ такого содержанія: — съ назначеніемъ на смолу внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, доходъ отъ нее не великъ, доходъ въ послѣднія 9 лѣтъ, какъ наивысшій, по средней сложности котораго Нарышкинъ обязывается платить оброкъ въ казну, не есть постоянный и можетъ уменьшиться; отдавая смолу на откупъ, казна устранитъ отъ себя всякій рискъ и хлопоты и будетъ получать постоянно одинакія выгоды; расходъ на содержаніе при Архангельскѣ Коммисара сдѣлает-

---

([1]) П. С. З. XIV. 10,709.
([2]) П. С. З. XIV. 10,770.

ся не нужнымъ; такъ какъ Архангельскіе сальные промыслы отданы графу Шувалову, таможенные сборы сданы на откупъ Обер-Инспектору Шемякину, и у Архангельской Коммерцъ-Конторы остался только смоляной торгъ, то отдачей его Нарышкину устранится необходимость имѣть эту контору и у казны останутся въ экономіи 2,244 рубля въ годъ, расходовавшіеся на чиновниковъ и служителей. Императрица утвердила представленіе (1).

Ранѣе этого, въ 1752 году, по просьбѣ генералъ-фельдмаршала графа Шувалова дозволено ему въ Архангельской губерніи, по рѣкамъ текущимъ въ Лапландіи, кромѣ впадающихъ въ Двину и Бѣлое море, заготовлять всякій годъ и отпускать за границу бревенъ и брусьевъ сосновыхъ и еловыхъ до 250 тысячъ, мачтовыхъ деревъ 1,000, раинъ 1,000, досокъ пильныхъ 200 тыс., для пилки лѣса Шуваловъ обязывался построить пильныя мельницы. Въ 1760 году 10 марта, Шуваловъ уступилъ свое право англійскому купцу Гому, по контракту на 30 лѣтъ, за 120 тысячъ рублей (2).

По представленію Адмиралтействъ-Коллегіи о прекращеніи въ Архангельской губерніи частнаго судостроенія, купцамъ, Баженинымъ вмѣсто 4,000 деревъ дозволено рубить половину и только по рр. Вычегдѣ, Выши и Югу, но какъ Баженины объяснили, что на этихъ рѣкахъ слишкомъ отдаленныхъ отъ ихъ верфи, строить суда имъ рѣшительно невозможно, то 19 іюля 1753 года, согласно просьбѣ этихъ купцовъ, позволено имъ рубить по 4,000 деревъ по рр. Двинѣ и Емцѣ (3).

Однимъ изъ труднѣйшихъ нашихъ государственныхъ вопросовъ было межеваніе. Столкновенія интересовъ разныхъ владѣльцевъ порождали не только неудовольствія, но даже своевольство и буйство. Такимъ образомъ, при межеваніи

(1) П. С. З. XV. 11,098.
(2) П. С. З. XVI. 12,066.
(3) П. С. З. XVI. 12,066.

въ 1745 году казенныхъ земель въ Новгородской губерніи, много людей было «безчеловѣчно перебито и переранено, въ которыхъ непотребныхъ поступкахъ, не токмо мірскіе, но и монахи замѣшались». Такъ, что правительство должно было нарядить слѣдствіе (¹).

Въ 1746 году постановлено: во всѣ губерніи и провинціи, послать по одному нарочному изъ отставныхъ штаб-офицеровъ, а въ случаѣ недостатка ихъ — обер-офицеровъ «людей добрыхъ и достойныхъ» и каждому изъ нихъ дать по одному геодезисту и кондуктору. Командированнымъ лицамъ поручено описать и измѣрить пустоши, покосы и лѣсныя угодья принадлежавшіе находившимся прежде въ службѣ дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, воротникамъ, затинщикамъ, рейтарамъ и нарѣзанныя впослѣдствіи поселеннымъ при городахъ солдатамъ, бѣлопашцамъ и данныя городамъ на выгоны и выпуски. Въ этихъ земляхъ описать только излишки противъ опредѣленной пропорціи. При описаніи измѣрять земли въ десятины, показать пашни, покосы, лѣса, также засѣки, въ которыхъ есть заповѣдныя деревья. Засѣки описать особо, какъ лежащія при сплавныхъ рѣкахъ, такъ и далеко отъ нихъ лежащія. Показать сколько при засѣкахъ сторожей и сколько у нихъ земель. По окончаніи дѣла, лицамъ командированнымъ «ничего не медля ѣхать въ Москву и тѣ описи подать въ Вотчинную Коллегію» (²).

Въ 1747 году постановлено, со всѣхъ помѣщиковъ, государственныхъ крестьянъ, иновѣрцевъ и со всѣхъ завладѣвшихъ самовольно дикими полями, порожними землями, засѣками и прочими угодьями, положивъ эти пространства въ четверти, сбирать по гривнѣ съ четверти въ видѣ оброчной суммы (³). На разосланные объ этомъ распоряженіи указы, нѣкоторые губернаторы донесли, что у нихъ въ губерніяхъ нѣтъ земель въ самовольномъ завладѣніи, а изъ

(¹) П. С. З. XII. 9218.
(²) П. С. З XII. 9361.
(³) П. С. З. XII. 9436.

другихъ провинцій рапортовали, что собрано за земли 287 р. 10 к. Сумма эта показалась Сенату слишкомъ незначительной, и полагая, что причиной недостаточнаго сбора неточность въ описаніи земель, Сенатъ повелѣлъ: если не всѣ земли описаны и положены въ четверти, то ихъ описать безъ «замедленія и упущенія» и о гривенномъ сборѣ присылать въ Сенатъ, помѣсячно, вѣрныя вѣдомости (*).

Всѣ эти частныя мѣры были недостаточны; общее размежеваніе земель было необходимо и въ 1754 году 13 мая издана инструкція межевщикамъ и повелѣно произвести межеваніе земель и лѣсовъ. Это распоряженіе Елисаветы служило основаніемъ генеральному межеванію Екатерины II. По инструкціи постановлено: межевщикамъ и геодезистамъ мѣрить всѣ земли въ десятины, полагая въ длину 80, а въ ширину 30 саженъ трех-аршинныхъ. Мѣру дѣлать цѣпями въ 10 саженъ длины съ полу-аршинными звѣньями, Размежеваніе дѣлать такимъ образомъ: — если въ крѣпостяхъ сказано одна четверть въ полѣ, а въ дву потому-жъ, или этого и не сказано, но земля обозначена въ писцовыхъ книгахъ, то на каждую четверть въ одномъ полѣ нарѣзать полдесятины, а въ другомъ и третьемъ полѣ по этому же расчету, такъ чтобы въ трехъ поляхъ выходило полторы десятины. Гдѣ же въ писцовыхъ книгахъ пашня, кромѣ лѣса и сѣнныхъ покосовъ, обозначена десятинами, то нарѣзать написанное число въ одномъ полѣ, а въ дву потомужъ числу.

Если лѣса написаны за помѣщиками десятинами, то и нарѣзать ихъ въ томъ числѣ десятинъ какъ сказано, если же верстами, то мѣрить въ десятины и версту принимать въ тысячу трех-аршинныхъ саженъ. При межеваніи нарѣзать мѣру, показанную въ книгахъ «въ одинъ рядъ въ полѣ», а въ дву потомужъ не нарѣзать.

Если у смежныхъ владѣльцевъ произойдутъ споры, то межевать ихъ по дачамъ, и въ такомъ случаѣ нарѣзать

(*) П. С. З. XIII. 9790.

сначала четвертую пашню и покосы, а остальныя земли нарѣзать въ поверстные лѣса въ количествѣ показанномъ писцовыми книгами.

Когда лѣса написаны въ отказныя книги къ новымъ дачамъ безъ крѣпостей, а смежные владѣльцы пользуются другими лѣсами безъ дачъ и въ писцовыхъ книгахъ лѣсовъ этихъ нѣтъ, то дѣлить лѣса всѣмъ владѣльцамъ по числу душъ.

Когда въ поверстные лѣса поселены крестьяне и лѣса расчищены, то нарѣзать ихъ по числу душъ новой ревизіи и брать за десятину по 10 копѣекъ. Лѣса написанные въ общемъ владѣніи дѣлить между владѣльцами по числу душъ новой ревизіи, а не по четвертямъ; если помѣщикъ завладѣлъ писцовыми лѣсами подъ видомъ обводныхъ земель или вмѣсто дикихъ поль, то дачи эти не считать за владѣльцами. Когда въ лѣса приписанные къ какимъ нибудь селамъ, дозволенъ въѣздъ нѣкоторымъ помѣщикамъ для строеваго лѣса, то дозволить въѣздъ по прежнимъ писцовымъ книгамъ. Если лѣса написанные въ четвертныя дачи, лежатъ между землями разныхъ селеній и дано право въѣзда смежнымъ помѣщикамъ, между тѣмъ другіе владѣльцы завладѣли этими лѣсами назвавъ ихъ обводными землями, а отъ этого у смежныхъ съ лѣсами владѣльцевъ окажется земли менѣе пропорціи опредѣленной писцовыми книгами, то нарѣзать сначала пахатныя земли смежнымъ владѣльцамъ вполнѣ по писцовымъ книгамъ и что останется назначать въ обводную дачу. Если же писцовыми и обводными дачами останется еще излишекъ, то нарѣзать его по числу душъ со взысканіемъ за каждую десятину по 10 копѣекъ.

Когда помѣщики будутъ просить дать имъ право въѣзда въ лѣса и угодья другихъ владѣльцевъ, то отказывать имъ въ этой просьбѣ, точно также если по нарѣзкѣ кому нибудь земли, въ предѣлахъ ея окажутся лѣса, въ которые писцовыми книгами не дано никому право въѣзда, то и впередъ не дѣлать ихъ въѣзжими. При межеваніи въѣзжихъ дачъ обозначать, чрезъ чьи земли и какими дорогами ѣздить въ

нихъ владѣльцамъ. Если старыхъ дорогъ нѣтъ, то дѣлать новыя и описывать ихъ въ книгахъ.

Если чрезъ дачи проходятъ большія дороги, или нужно устроить проселочныя, полевыя, къ угодьямъ или къ водопою, то большія проѣзжія дороги по Петербургскому тракту дѣлать шириной въ 30 саженъ, проселочныя въ 15, а полевыя въ 3 сажени. Дороги эти описывать подробно въ книгахъ, обозначать на планахъ и въ четверти и угодья не класть. Если окажется, что помѣщики затопили старыя дороги прудами или запахали ихъ, то вмѣсто старыхъ велѣть помѣщикамъ сдѣлать на своихъ земляхъ близъ старыхъ новыя дороги.

Въ межеванныхъ и немежеванныхъ дачахъ изъ дикихъ поль межевать по старшинству дачъ и давать на 100 четвертей по 50 десятинъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ, такъ чтобы въ трехъ поляхъ было по 150 десятинъ. Сверхъ того, на 150 десятинъ класть подъ усадьбу по 5 десятинъ и на покосы по 25 десятинъ, гдѣ же есть лѣса, тамъ изъ нихъ нарѣзать 20 десятинъ, а гдѣ лѣсовъ нѣтъ, тамъ изъ порожнихъ земель нарѣзать подъ лѣсъ 20 же десятинъ, такъ чтобы на сто четвертей приходилось 200 десятинъ. Неудобныхъ земель въ мѣру не класть.

Когда въ одномъ урочищѣ даны дачи многимъ владѣльцамъ, между тѣмъ при нарѣзкѣ окажется недостатокъ земли противъ данныхъ четвертей, то недостатокъ разложить на всѣхъ владѣльцевъ. Если же подлѣ дачъ имѣются свободныя дикія поля, то недостатокъ пополнить изъ нихъ.

Если кто нибудь завладѣлъ чужой землей и поселилъ на ней своихъ крестьянъ, то земли эти съ крестьянами и всѣмъ, что на нихъ имѣется, постройками, хлѣбомъ, скотомъ, отдавать дѣйствительнымъ владѣльцамъ. Но когда за нарѣзкой земли окажется излишекъ противъ дачъ, то отдавать его самовольнымъ поселенцамъ и брать съ нихъ по 10 копѣекъ съ десятины.

Когда на дикихъ поляхъ явятся большіе и малые лѣса и написаны эти лѣса ближайшимъ помѣщикамъ для въѣзда за строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, безъ ихъ просьбы, то

въѣзды прекратить, а за расчищенную землю брать деньги и нарѣзать ее по числу ревизскихъ душъ.

При межеванiи спорныхъ земель, межевать ихъ по дачамъ по старшинству, а также по писцовымъ и по новымъ дачамъ.

Владѣльцамъ получившимъ земли съ 1714 до 1736 года, изъ дикихъ поль отмежевывать согласно дачъ, а если въ дачахъ не означено число четвертей, то намѣривать по числу наличныхъ душъ и взыскивать деньги.

Владѣльцамъ заселившимъ дикiя поля безъ всякихъ дачъ, нарѣзать земли по числу душъ, полагая по 5 четвертей въ полѣ и въ дву потому-жъ и на каждую четверть по копнѣ сѣна. За каждую нарѣзанную десятину взыскивать по 10 копѣекъ. Точно также поступать съ крестьянами дворцовыми, архiерейскими и монастырскими, самовольно завладѣвшими чужими землями.

При раздачѣ за деньги излишнихъ дикихъ поль, болѣе 10 четвертей въ каждомъ полѣ на душу не продавать, чтобы не роздать всѣхъ дикихъ поль.

Засѣки обмежеванныя до и послѣ уложенiя и съ 1723 года вальдмейстерами, когда на эти межеванiя не было претензiй, межевать по старымъ писцовымъ книгамъ.

Когда засѣки приписаны къ какимъ нибудь заводамъ и на засѣчныхъ земляхъ построены по указамъ заводы или взято нѣсколько десятинъ подъ населенiе, то межевать эти земли при повѣренныхъ отъ заводовъ особо отъ засѣкъ.

Если при межеванiи засѣкъ, частные владѣльцы представятъ данныя за скрѣпой присутственныхъ мѣстъ на право владѣнiя засѣчными землями, то межевать согласно даннымъ. Если же помѣщики завладѣли засѣчной землей самовольно, то нарѣзать имъ по 10 четвертей въ полѣ на дворъ, да въ дву потому-жъ, да на выгонъ, сѣнокосъ и лѣсъ по 15 десятинъ и взыскивать за десятину по 10 копѣекъ.

Земли написанныя засѣчнымъ сторожамъ писцовыми и дозорными книгами и пожалованныя грамотами Пушкар-

скаго и другихъ приказовъ, межевать, при сторожахъ и смежныхъ владѣльцахъ по прежнимъ межамъ. Но если на земли засѣчныхъ сторожей владѣльцы представятъ крѣпости, между тѣмъ безъ этихъ земель сторожамъ обойтись невозможно, то земли отъ владѣльцевъ отбирать и нарѣзать сторожамъ.

Если крестьяне поселились на земляхъ засѣчныхъ сторожей по крѣпостямъ самихъ сторожей, то переселять крестьянъ на другія имъ принадлежащія земли.

Когда въ засѣкахъ есть оброчныя земли, то оставить ихъ за арендаторами, но Губернскимъ, Провинціяльнымъ и Воеводскимъ канцеляріямъ, вальдмейстерамъ и надзирателямъ смотрѣть, чтобы засѣки были цѣлы, не дѣлались порубки и чтобы содержатели статей не застраивали ихъ безъ указовъ.

При межеваніи засѣкъ дѣлать три плана, одинъ отдать ближайшему вѣдомству, завѣдывающему засѣкой, другой въ городскую канцелярію, а третій представить съ межевыми книгами въ вотчинную коллегію (*).

По распоряженію Сената, въ 1740 и 1741 годахъ, велѣно Адмиралтейской и Коммерцъ коллегіямъ сообразить какое количество лѣсовъ и какихъ сортовъ можно дозволить жителямъ Выборгской провинціи отпускать за море и употреблять на пилку. По этому распоряженію, коллегіи послали для соображенія дѣла знающихъ людей и форстмейстера Фокеля. По описаніямъ лѣсовъ сдѣланнымъ Фокелемъ оказалось, что большихъ деревъ, отъ 12 до 18 футовъ длиной и толщиной отъ 6 до 25 дюймовъ, находится: въ Выборгскомъ уѣздѣ 2.433,650, въ Кюменегорскомъ 1.010,000, всего 3.443,650 деревъ, да мелкаго лѣса толщиной у корня отъ 6 до 12 дюймовъ 11.503,200. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фокель показалъ, въ какихъ мѣстахъ слѣдуетъ оставить лѣса для Кронштадта и гдѣ можно заготовлять для мельницъ.

(*) П. С. З. XIV. 10,237.

Адмиралтейская и Коммерцъ коллегія, сообразивъ донесенія Фокеля, представили Сенату такое мнѣніе. Для Выборгскихъ мельницъ отпускать ежегодно по 54,500 деревъ, а для Кюменегорскихъ, которыми потребленіе лѣсовъ еще въ точности неизвѣстно, отпускать по прежнему. Для отпуска же за море, какъ единственнаго источника дохода Выборгскихъ жителей, дозволить рубить отъ 30 до 16,000 деревъ въ годъ. Къ рубкѣ дозволить только деревья тоньше 11 вершковъ у корня, а деревья болѣе толстыя и мачтовыя, а также большемѣрныя, суковатыя, горбистыя негодныя для флота, оставить для казенныхъ потребностей. Для обезпеченія потребности въ корабельномъ лѣсѣ, послать Фокеля и велѣть ему заклеймить до 3,000 деревъ, сколько найдется въ указную мѣру, а достальныя выбрать изъ лучшихъ молодыхъ деревъ и поручить ихъ надзору тамошнихъ жителей и надзирателей. Въ случаѣ потребности, заготовлять деревья для казенныхъ потребностей въ Кронштадтъ, Ревель и Рогервикъ. Жердей и шестовъ отпускать на иностранныя суда по 50 штукъ на судно. Дрова для заграничной торговли дозволить рубить изъ ольхи, осины, березы и негоднаго валежника по 1,000 саженъ въ годъ. Для наблюденія за правильностію отпусковъ, свидѣтельства мельницъ и грузки кораблей, опредѣлить особаго офицера. Въ случаѣ, если явятся желающіе строить новыя мельницы, то Мануфактуръ-коллегія должна снестись съ коллегіей Адмиралтейской. Пильнымъ мельницамъ дозволить отпускать только доски, но брусьевъ не приготовлять, потому что отеска брусьевъ составляетъ занятіе и доходъ мѣщанъ не имѣющихъ мельницъ. Сенатъ разсмотрѣвъ это представленіе опредѣлилъ:—содержателямъ пильныхъ мельницъ покупать свободно лѣсъ отъ крестьянъ занимающихся лѣснымъ промысломъ, потому, что правомъ даннымъ жителямъ, они могутъ пользоваться свободно своимъ лѣсомъ. Жителямъ не имѣющимъ мельницъ, позволить отпускать ежегодно лѣсу на 10 кораблей. Предположеніе о размѣрахъ деревъ допускаемыхъ къ рубкѣ, о заказѣ и клейменіи корабельныхъ деревъ Сенатъ не утвердилъ. Мельницамъ велѣлъ состоять

въ вѣдѣніи Коммерцъ-коллегіи, а не Адмиралтейской. Съ прочими же пунктами Сенатъ согласился (*).

Для сбереженія лѣсовъ по Лугѣ, слишкомъ истощенныхъ вырубками, въ 1745 году повелѣно Нарвскому купечеству рубить для мельницъ по Наровѣ и Плюсѣ, въ мѣстахъ вновь отведенныхъ, а для торговли — въ Самарской волости и у озеръ Чудскаго и Псковскаго. Число стволовъ, возможныхъ къ вырубкѣ на мѣстахъ вновь отведенныхъ, велѣно опредѣлить раскладкой настоящихъ запасовъ на 30 лѣтъ. По расчету оказалось возможнымъ вырубать ежегодно по 69,000 деревъ, на 53 тысячи менѣе противъ позволенія даннаго Анной Ивановной. Нарвскіе купцы, недовольные этимъ ограниченіемъ и вновь отведенными участками, просили дозволить имъ рубить по Лугѣ по 50,000 деревъ, но Сенатъ отказалъ просителямъ, и поручилъ Коммерцъ-коллегіи составить предположеніе, нельзя ли вмѣсто лѣснаго торга, сильно истощившаго лѣса, развить торговлю другими предметами. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообразить, можно ли дозволить Эстляндскимъ жителямъ рубить для Нарвской торговли лѣса, лежащіе по Наровѣ; не будетъ ли отъ свободной рубки недостатокъ въ лѣсахъ для мельницъ и донести, по какимъ указамъ Перновскіе мѣщане рубятъ для заморскаго отпуска Эстляндскіе лѣса. При грузкѣ кораблей дозволено отпускать на каждый корабль до 5 саженъ березовыхъ дровъ и еловыхъ жердей или шестовъ 50 штукъ. На мельницахъ брусьевъ не пилить, а только доски, какъ это постановлено для Выборгской провинціи, теску же брусьевъ предоставить мѣщанамъ не имѣющимъ мельницъ. Это распоряженіе особенно не понравилось содержателямъ мельницъ; они представляли, что отъ такого запрещенія казна теряетъ нѣсколько тысячъ ефимковъ въ пошлинномъ сборѣ, потому что съ каждаго бруса снимается четыре доски и четыре горбыля; доски идутъ за границу, а горбыли остаются внутри государства; — такимъ образомъ при заготовкѣ

(*) П. С. З. XII. 9458.

100,000 брусьевъ получается 400,000 досокъ, которыя при тескѣ деревъ пропадаютъ не только безъ всякой пользы, но въ видѣ щепы засоряютъ дачи. Не смотря на такое сильное доказательство, Сенатъ не отступилъ отъ своего рѣшенія, находя несправедливымъ дать Нарвскимъ купцамъ одни права, а Выборгскимъ другія, и постановилъ приготовленные брусья распилить въ доски или продать мѣщанамъ ([1]). По дознанію сдѣланному Адмиралтействъ-коллегіей оказалось, что Перновскіе купцы рубили лѣсъ частью съ дозволенія самой Адмиралтействъ-коллегіи и съ дозволенія Рижской губернской канцеляріи. Слишкомъ сильное истощеніе лѣсовъ Эстляндіи побудило Сенатъ, приказать составить карты и описанія лѣсовъ лежащихъ у Пернова и до составленія описаній запретить отпускъ лѣса за границу ([2]).

Послѣ изданнаго ограниченія въ рубкѣ лѣсовъ для Нарвскаго порта, оказалось, что не только купцы, но даже мѣстныя власти не исполняли распоряженія Сената. Подъ видомъ подгорѣлаго и сухаго лѣса вырублено по Плюсѣ, въ запрещенныхъ мѣстахъ 73,633 дерева, а въ 1745 году изъ числа запаса расчитаннаго на 30 лѣтъ, вырубили такъ много, что Сенатъ уменьшилъ дозволенное къ вырубкѣ число на одну треть. Жерди и дрова рубились точно также, на 177 кораблей, прибывшихъ въ 1751 году, слѣдовало отпустить 8,850 жердей и 885 саженъ дровъ, между тѣмъ отпущено 75,756 жердей и 1,828 саженъ дровъ, — да еще осталось заготовленныхъ «болѣе чѣмъ на 25 лѣтъ» именно 224,021 жердь и 4,952 сажени дровъ. Сенатъ распорядился послать нарочнаго «накрѣпко изслѣдовать, а по изслѣдованіи, такую сверхъ опредѣленнаго указами числа трату и опустошеніе лѣсовъ пресѣчь и съ винными учинить по указамъ безъ упущенія» ([3]).

Въ 1751 году повелѣно Сенату принять мѣры къ сохраненію лѣсовъ для Петербурга и въ губерніяхъ Петербург-

---

([1]) П. С. З. XIII. 9584.
([2]) П. С. З. XIII. 9776.
([3]) П. С. З. XIII 9935.

ской и Новгородской, снабжающихъ Петербургъ лѣсомъ, предупредить истребленіе лѣсовъ. По этому указами 4 и 22 іюня 1754 года запрещенъ отпускъ лѣса изъ Петербургскаго порта. Основываясь на этомъ запрещеніи Петербургская портовая таможня прекратила отпускъ дровъ и досокъ, необходимыхъ для грузки товаровъ и для экипажа, такъ что въ дополненіе этихъ указовъ постановлено отпускать на суда дрова и доски въ количествѣ безъ котораго обойтись невозможно (1).

Въ сентябрѣ того же года запрещена вывозка за границу лѣса изъ Нарвскаго порта и изъ Пернова, а допущена только внутренняя торговля и поставка въ Ревель, Рогервикъ, Кронштадтъ и Петербургъ. Но какъ нѣкоторые купцы запродали уже лѣса и противъ данныхъ прежде позволеній не отпустили 113,462 дерева и 38,046 для мельницъ, то и дозволено это число отпустить, а впредь строго смотрѣть, чтобы заграничной торговли лѣсомъ не было. Лѣсъ пригоняемый изъ Польши къ Рижскому порту и въ Нарву дозволено отпускать безпрепятственно (2).

Нарвская заграничная торговля этимъ не кончилась, сверхъ показанныхъ выше остаточныхъ деревъ оказались еще бревна, которыя будто бы не были считаны. По этому Сенатъ подтвердилъ еще разъ запрещеніе, и изъ найденнаго лѣса оставя на внутреннія потребности и для казенныхъ строеній запроданное число стволовъ, остальной лѣсъ приказалъ взять въ казну за деньги для отправленія въ Рогервикъ къ казеннымъ строеніямъ, имѣвшимъ въ немъ большую нужду (3). По описи лѣса назначавшагося къ заграничному отпуску оказалось: брусьевъ 175,139, досокъ 446,323, бревенъ 58,619 и мачтовыхъ деревъ 178. Купцы просили за этотъ лѣсъ такія высокія цѣны, что казна нашла невозможнымъ купить его и потому правительство дозволило отпустить его за границу (4).

---

(1) П. С. З. XIV. 10,248, 10,251.
(2) П. С. З. XIV. 10,292, 10,417.
(3) П. С. З. XIV. 10.517.
(4) П. С. З. XV. 10,805.

Всѣ эти мѣры правительства, имѣвшія цѣлью сбереженіе лѣсовъ, не могли не обнаружить вреднаго вліянія на Нарвскую торговлю и въ 1761 году поступило въ Сенатъ прошеніе Нарвскаго купца Якова Сейдлера съ торговцами. Объясняя, что они раззорены совершенно прекращеніемъ лѣснаго торга, купцы просили дозволить имъ торговать иностранной солью. Вмѣстѣ съ тѣмъ просители коснулись и самыхъ распоряженій правительства. Въ просьбѣ своей они говорятъ, что для поддержанія жителей Нарвы необходимо дозволить: «какого иного достаточнаго торга,» что по р. Лугѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ въ Новгородскомъ, Копорскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ 15 лѣтъ не производится уже рубокъ; по р. Плюсѣ въ Новгородскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ лѣсовъ «довольное же число»; по Чудскому озеру по ту и другую его сторону «лѣсовъ безъ числа довольно». Что же касается до доставки лѣсовъ изъ Нарвы въ Петербургъ «то никакого сходства нѣтъ», т. е. нѣтъ расчета, потому что лѣса, доставляемые въ Петербургъ изъ другихъ мѣстъ, обойдутся гораздо дешевле лѣсовъ, доставляемыхъ изъ Нарвы. По этому просили дозволить торговлю лѣсомъ. Сенатъ, разсматривая дѣло, «какъ надлежитъ истиннымъ дѣтямъ отечества, воображая долгъ Богу, государству и законамъ Государя Императора (Петра Великаго) и Ея Императорскаго Величества», постановилъ дозволить Нарвскимъ жителямъ отпускать ежегодно за море 60 грузовъ брусьями съ р. Луги на 3 года, а по истеченіи этого времени рубить такое же количество по Чудскому озеру и по впадающимъ въ него рѣкамъ [1]. Въ томъ же году разрѣшено купцамъ: Тульскому Ивану Ослопову и Англійскому Томасу Арбутноту, неуспѣвшимъ послѣ дозволенія 1758 и 1759 годовъ, отпустить свои бревна, отправить ихъ изъ Нарвскаго порта сверхъ дозволеннаго числа 60 грузовъ [2].

Въ 1752 году постановлено для прекращенія злоупотребленій купцовъ, возвышавшихъ въ Москвѣ произвольно цѣны

---

(1) П. С. З. XV. 11,237.

(2) П. С. З. XV. 11,302.

на предметы необходимости, составить таксу и купцамъ пользоваться 10 проц. съ оборотнаго капитала. Для опредѣленія цѣнъ товаровъ наряжена коммисія изъ шести секретарей и архиваріуса. Таксой опредѣлены цѣны хлѣба, лѣса по сортиментамъ и породамъ и прочимъ строительнымъ матеріаламъ. Въ навечеріи торговыхъ дней и въ самые торговые дни крестьянамъ, привозящимъ хлѣбъ, лѣсъ и прочее, лавочникамъ не продавать, а только обывателямъ. Тоже самое постановлено и о лѣсѣ пригоняемомъ въ Плесъ ([1]). Поводомъ къ этой мѣрѣ было подозрѣніе, что промышленники дѣлаютъ пожары намѣренно, чтобы имѣть возможность поднимать цѣны на лѣсъ. Любопытны цѣны того времени, напр. брусъ сосновый 3 саж. 6 верш. 55 к., доска сосновая 3 саж. 8 верш 33 к., сотня сосновыхъ бревенъ 2 саж. 9 верш. 53 р., еловыхъ тѣхъ же размѣровъ 23 р.

Дополнительнымъ указомъ Камеръ-Коллегія постановила составлять ежегодно таксы, лѣсъ въ рядахъ продавать съ прибылью 10 проц., а съ возовъ и плотовъ безъ процентовъ. Перекупщикамъ не быть—и всякаго, замѣченнаго въ возвышеніи цѣны, наказывать тотчасъ же въ лѣсныхъ рядахъ при собраніи торговыхъ людей «плетьми нещадно». Наблюденіе за исполненіемъ этихъ распоряженій возложено на главную полиціймейстерскую канцелярію ([2]). Такое же распоряженіе сдѣлано относительно лѣсовъ, продаваемыхъ въ Петербургѣ и постановлено, о цѣнахъ утвержденныхъ правительствомъ, публиковать для общаго свѣдѣнія ([3]).

Запутанность системы внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и огромныя злоупотребленія со стороны лицъ приставленныхъ для сборовъ, побудили правительство отмѣнить внутреннія пошлины, а въ замѣнъ ихъ увеличить сборъ въ портовыхъ таможняхъ и вмѣсто прежнихъ 5, брать 8 копѣекъ съ рубля. Этотъ замѣчательный проэктъ, приведен-

---

([1]) П. С. З. XIII. 10,000.
([2]) П. С. З. XIII. 10,134.
([3]) П. С. З. XIV. 10,291.

ный въ исполненіе съ 1 января 1754 года, принадлежитъ графу Шувалову (1).

Въ 1756 году, по просьбѣ содержателя пильной мельницы Семена Брумберга, постановлено уничтожить заставы, учрежденныя для лѣсовъ отправляемыхъ за границу, и дозволить возить лѣса въ Ревель, Рогервикъ, Кронштадтъ и Петербургъ на Осташковскихъ романовкахъ, и не брать съ нихъ никакихъ пошлинъ (2). А въ 1755 году отмѣненъ указъ 1738 года, и съ лѣса отпускаемаго изъ Выборгскаго порта повелѣно брать полную пошлину по тарифу безъ убавки на одну треть (3).

Жалобы, приносимыя Екатеринѣ I на взяточнисство вальдмейстеровъ, повторились и въ царствованіе Елисаветы, но Елисавета поступила иначе; она не уничтожила управленіе, которое не было виновато, а постановила: — вальдмейстеровъ опредѣленныхъ къ лѣсамъ, въ которыхъ по послѣднимъ описаніямъ нѣтъ корабельныхъ лѣсовъ, уволить; Адмиральтействъ-коллегіи составить вѣдомость, гдѣ находятся вальдмейстеры, кѣмъ они опредѣлены и сколько ихъ должно быть; и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко наблюдать, чтобы «они напрасныхъ приметокъ и разоренія обывателямъ отнюдь не чинили», если же на кого изъ вальдмейстеровъ есть жалобы, то донести Сенату съ объясненіемъ, что сдѣлано коллегіей по этимъ жалобамъ (4). Вслѣдствіе составленной коллегіей вѣдомости Сенатъ постановилъ, вальдмейстеровъ, находящихся не на тѣхъ рѣкахъ и не въ тѣхъ предѣлахъ, которые обозначены инструкціей, уволить; для описанія лѣсовъ вѣдѣнія коллегіи послать нарочныхъ офицеровъ, а не межевщиковъ и вмѣстѣ съ описаніями велѣть составить и на ландкарты; гдѣ будутъ найдены лѣса годные для флота, опредѣлить, согласно вальдмейстерской инструкціи,

---

(1) П. С. З. XIII. 10,164.
(2) П. С. З. XIV. 10,565.
(3) П. С. З. XIV. 10,455.
(4) П. С. З. XV. 11,111.

дворянъ или отставныхъ офицеровъ «добрыхъ и извѣстныхъ людей», а за указными верстами годные лѣса беречь помѣщикамъ какъ свои собственные, «а вальдмейстерамъ къ нимъ не въѣзжать». Вальдмейстерамъ не дѣлать обывателямъ ни малѣйшихъ притѣсненій и не брать съ нихъ взятокъ, а наблюденіе за вальдмейстерами возложить на губернаторовъ, воеводъ и Адмиральтействъ-коллегію. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено коллегіи донести, производится ли вальдмейстерамъ жалованье, если же не производится, то какое можно имъ назначить. Наконецъ Сенатъ полагалъ владѣльцамъ лѣсовъ платить «по вольной цѣной» за каждое взятое отъ нихъ дерево, чтобы они охотнѣе берегли сами свои лѣса ([1]). Указъ этотъ замѣчателенъ потому, что идея Петра II получила дальнѣйшее развитіе: что относилось прежде только до одного дуба, приложили ко всѣмъ породамъ годнымъ для кораблестроенія.

Къ числу особыхъ постановленій, имѣвшихъ частное значеніе, относятся слѣдующія повелѣнія: Указомъ 1742 года объ освобожденіи Малороссіянъ отъ разныхъ повинностей въ вознагражденіе за убытки, понесенные ими въ Турецкую войну, постановлено, чтобы генералы, штабъ и оберъ-офицеры не брали отъ тамошнихъ жителей лѣсовъ на дрова, уголь и постройки, исключая казенныхъ полковыхъ потребностей ([2]).

Въ 1744 году подтверждено. по случаю открывшихся въ Суздальской провинціи разбоевъ, расчистить во всѣхъ губерніяхъ лѣса по большимъ дорогамъ на пятнадцать саженъ въ обѣ стороны и расчищенный лѣсъ свезти ([3]).

Такъ какъ прежнія постановленія о гонкѣ лѣсовъ, по Ладожскому каналу и по рѣкамъ въ С. Петербургѣ, безъ коры не исполнялись, то подтверждено, чтобы при заготовкѣ лѣсовъ для сплава въ Петербургъ, кора съ нихъ счищалась на мѣстѣ рубки въ лѣсу ([4]). Между тѣмъ въ

([1]) П. С. З. XV. 11156.
([2]) П. С. З. XI. 8600.
([3]) П. С. З. XII. 9032.
([4]) П. С. З. XIII. 9759.

томъ же году открылось нѣсколько нарушеній этого постановленія; одинъ оберъ-офицеръ Измайловскаго полка, а съ нимъ нѣсколько унтер-офицеровъ и рядовыхъ придя къ Фонтанкѣ, гдѣ находились остановленныя лѣса Измайловскаго полка, спросилъ, отчего не пропускаютъ дровъ, — ефрейторъ карауливщій лѣсъ ему отвѣтилъ. Тогда офицеръ сказавъ, что онъ знаетъ приказы, велѣлъ своей командѣ сѣсть на плоты и погналъ ихъ внизъ по Фонтанкѣ. Подобный же случай былъ и съ дровами Семеновскаго полка, по этому Сенатъ 17 августа 1750 года еще разъ подтвердилъ запрещеніе сплавлять въ Петербургъ лѣсъ съ неочищенной корой и приказалъ главной Полиціймейстерской канцеляріи пропускать только въ 1750 году неочищенный лѣсъ, а впредь неочищенные лѣса позволять провозить только на судахъ (¹). Въ 1751 году отмѣнено распоряженіе о гонкѣ чищенныхъ лѣсовъ, а повелѣно исполнять указъ Петра Великаго, чтобы плоты проходили не задерживая другихъ судовъ и не дѣлая имъ вреда и лѣса не чистили въ каналахъ Ладожскомъ и Петербургскихъ и впадающихъ въ нихъ малыхъ рѣчкахъ. Въ 1757 году подтверждено, что если плотовщики будутъ останавливаться съ гонками, то за простой болѣе 12 дней взыскивать штрафъ.

Германскіе форстмейстеры, находившіеся въ службѣ при Императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ, какъ кажется, принесли немного пользы. Что они сдѣлали при Аннѣ Ивановнѣ по ея инструкціи о разведеніи рощей неизвѣстно, тоже самое и въ царствованіе Елисаветы. Одинъ только форстмейстеръ Фокель оставилъ память о своемъ пребываніи, высчитавъ число толстыхъ и тонкихъ деревъ Выборгской провинціи и сдѣлавъ «Описаніе естественнаго состоянія растущихъ въ сѣверныхъ Россійскихъ странахъ лѣсовъ» (²). Какъ слаба

(¹) П. С. З. XIII. 9792.

(²) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія въ русскомъ переводѣ: Описаніе естественнаго состоянія растущихъ въ сѣверныхъ Россійскихъ странахъ лѣсовъ, съ различными примѣчаніями и наставленіями, какъ оные разводить; соч. Фокеля. СПб. Въ типогр. Мор. Шлях. Кад. Корпуса. 1766 г.

была еще у насъ въ то время лѣсная наука видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1749 году въ Ревельской провинціи былъ падежъ, вмѣстѣ съ нимъ явилось и какое-то насѣкомое, размножившееся въ такомъ количествѣ, «что не только въ садахъ на деревахъ всѣ листы и цвѣты потравлены, но и листы на дикихъ деревьяхъ въ лѣсахъ такъ источены, что по содержанію полученнаго извѣстія, чрезъ нѣсколько дней на деревьяхъ самое малое число остается». По этому Генерал-губернская канцелярія полагала «составить особливую удобную молитву, которая бъ по нынѣшнимъ прискорбнымъ обстоятельствамъ способна была» и молитву эту читать въ церквахъ пока «зло неуймется». Сенатъ не положился на средство придуманное канцеляріей, а приказалъ — «объ искорененіи гадины, умножившейся на деревьяхъ имѣть крайнее стараніе» (*).

Не смотря на всѣ мѣры и распоряженія правительства лѣсное управленіе и лѣсная наука выработывались у насъ медленно.

Главное вниманіе Елисаветы было обращено на сбереженіе лѣсовъ; она издала по этому предмету нѣсколько подтвердительныхъ указовъ, стараясь особенно ввести повсемѣстно пилку лѣса, и замѣнить постройку судовъ топорныхъ судами изъ пильнаго лѣса; въ этихъ же видахъ уничтожены около Москвы, въ предѣлахъ 200 верстъ, всѣ заводы дѣйствовавшіе огнемъ, тоже сдѣлано и въ окрестностяхъ Петербурга по Невѣ и въ другихъ мѣстахъ, представляющихъ удобства сплава лѣса въ С. Петербургъ и дозволена постройка заводовъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ, богатомъ лѣсами.

Для сохраненія лѣсовъ въ Ингерманландіи и Новгородской провинціи, правительство ограничивало постепенно отпускъ за границу брусьевъ и досокъ изъ Нарвскаго порта, и наконецъ совершенно запретило заграничный отпускъ лѣса изъ Нарвы. Но какъ подобная мѣра грозила полнымъ

(*) П. С. З. XIII. 9635.

упадкомъ торговли и разореніемъ жителямъ, то въ 1761 году вновь дозволенъ отпускъ лѣса за границу въ количествѣ 60 грузовъ.

Торговля смолой оставлена по прежнему монополіей казны, даже около Чернигова, Стародуба и въ Брянскомъ уѣздѣ устроены новые смологонные заводы и наконецъ право торга въ Архангельскомъ портѣ отдано на откупъ на 20 лѣтъ обер-егермейстеру Нарышкину.

Особенное вниманіе заслуживаютъ мѣры правительства о размежеваніи земель и лѣсовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ. Указъ Елисаветы по этому предмету послужилъ основаніемъ послѣдующему указу Екатерины II о генеральномъ межеваніи Россіи.

Жалобы на взяточничество заставили обратить вниманіе на вальдмейстеровъ, явилась идея о необходимости назначенія имъ жалованья и предположено частнымъ владѣльцамъ, за вырубаемыя въ ихъ дачахъ корабельныя деревья, платить по существующимъ на рынкахъ цѣнамъ.

Послѣднія три мѣры, по новости идей, даютъ новый характеръ лѣснымъ законодательствамъ Елисаветы и сближаютъ царствованіе ея съ правленіемъ Екатерины II, при которой идеи эти получили полное развитіе.

Лѣсная наука, о которой еще заботилась Анна Ивановна, была въ колыбели; извѣстно только, что выписанный изъ Германіи форстмейстеръ Фокель считалъ деревья въ Выборгской провинціи; а Ревельская Губернская Канцелярія для истребленія какого-то насѣкомаго, явившагося во множествѣ въ Ревельской провинціи, придумала только одну мѣру: составить особливую удобную молитву «и читать ее въ церквахъ, пока зло неуймется».

ГЛАВА VIII.

Узаконенія Петра III.

Въ 1761 году Императрица Елисавета дозволила Нарвскимъ жителямъ отпускать ежегодно за границу 60 корабельныхъ грузовъ брусьевъ, но доски къ отпуску разрѣшены не были. Дозволенное количество опредѣлено грузами, а не числомъ бревенъ для того, чтобы купцы точнѣе исполняли постановленіе и можно было легче наблюдать за исполненіемъ повелѣнія.

Право данное только купцамъ торгующимъ брусьями заставило содержателей пильныхъ мельницъ войти съ прошеніемъ дозволить и имъ продавать за границу доски. Просители объясняли, что запрещеніе отпускать доски совершенно ихъ раззоряетъ, а потому и ходатайствовали дозволить перепилить находящіяся у нихъ на мельницахъ бревна, да и впредь отпускать за море доски. Коммерцъ-коллегія съ своей стороны донесла, что у содержателей желѣзныхъ заводовъ и иностранныхъ купцовъ осталось въ 1761 году до 625,293 пудовъ желѣза и въ 1763 году останется до 150 тысячъ. А какъ изъ прошеній иностранныхъ купцовъ оказывалось, что желѣзо нейдетъ только потому, что разрѣшенныя на каждый корабль 50 досокъ совершенно недостаточны для нагрузки корабля желѣзомъ, — поэтому Коллегія считала необходимымъ на подстилку подъ желѣзо отпускать на каждые 1000 пудовъ по 100 досокъ 3 — 4 саженъ, толщиной 2 вершка, и это право дать только тѣмъ купцамъ, которые будутъ грузить свои корабли однимъ желѣзомъ. Мѣра эта предполагалась въ видахъ поощренія желѣзнаго производства. Сенатъ согласился съ представленіемъ Коллегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ дозволить

содержателямъ мельницъ и отпускъ за границу досокъ, потому что продажа досокъ для внутренняго употребленія неокупала даже содержанія и поправки пильныхъ заводовъ, а доставка досокъ въ Петербургъ не обѣщала ничего, кромѣ убытковъ. По этому Сенатъ постановилъ каждому заводчику позволить отпускать ежегодно два корабельныхъ груза, и лѣсъ для досокъ рубить согласно указу 1736 года по Плюсѣ, Паровѣ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ (¹).

22 марта 1762 года изданъ указъ, которымъ повелѣно употреблять топорныя доски только для домашнихъ надобностей и въ приготовленные дома, но отнюдь подобными досками не торговать и не возить ихъ на рынки. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что если послѣ 1762 года будутъ въ ходу топорныя барки, то строющіяся ломать на мѣстѣ ихъ приготовленія и лѣсъ отбирать въ казну; если же будутъ встрѣчены барки на ходу, хотя бы съ товаромъ, то останавливать ихъ, товаръ выгружать, барки ломать и брать за каждую по 200 руб. штрафа (²).

(¹) П. С. З. XV. 11,534.
(²) П. С. З. XV. 11,484.

ГЛАВА IX.

Узаконенія Екатерины II.

Управленіе лѣсами, не смотря на множество частныхъ указовъ имѣвшихъ административный характеръ, было до Екатерины весьма неопредѣленно и не точно. Когда обстоятельства заставляли правительство изыскивать мѣры къ сохраненію запасовъ лѣсовъ, оно издавало или указъ о сбереженіи ихъ, или вѣряло лѣса дворянамъ, отставнымъ офицерамъ «добрымъ людямъ»; но стройнаго управленія не создалъ ни Петръ Великій, ни послѣдующія правительства. При Екатеринѣ II мы находимъ тотъ же порядокъ вещей и не встрѣчаемъ постановленій могшихъ упрочить администрацію и дать ей стройность и единство.

Шестымъ пунктомъ указа 18 февраля 1762 года о вольности дворянства постановлено: «Никто уже изъ дворянъ Россійскихъ неволею службу продолжать не будетъ, ниже къ какимъ либо земскимъ дѣламъ употребляться, развѣ особливая надобность востребуетъ, но и то не инаково, какъ за подписаніемъ руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ». По этому дворяне, обязанные по указу Петра I смотрѣть за лѣсами въ качествѣ вальдмейстеровъ, освобождались отъ этой обязанности.

Въ 1762 году С. Петербургская губернская канцелярія просила опредѣлить для смотрѣнія за лѣсами Ингерманландіи коммисаровъ или дворянъ 8 человѣкъ. Сенатъ отказалъ и предписалъ (указомъ 12 іюля) имѣть надзоръ за лѣсами Петербургскому вальдмейстеру и состоящимъ при немъ оберъ и унтер-офицерамъ и солдатамъ, а помѣщичьи лѣса охранять самимъ владѣльцамъ (*).

(*) П. С. З. XVI. 11,608.

Въ 1764 году Сенатъ предписалъ С. Петербургской губернской канцеляріи представить донесеніе: когда учреждено вальдмейстерское управленіе, въ какихъ мѣстахъ и сколько опредѣлено вальдмейстеровъ, для какого назначенія охраняются эти лѣса, и настоитъ ли необходимость охранять ихъ, какъ прежде, лѣса Петербургскіе. Коллегія донесла Сенату, что въ первый разъ Петербургскіе лѣса поручены, въ 1706 году, полковнику Ѳеофилатьеву, и главному вѣдѣнію Адмиралтействъ-коллегіи, потомъ перешли въ вѣдѣніе С. Петербургскаго обер-коменданта и наконецъ въ 1758 году поручены С. Петербургской губернской канцеляріи. Въ вѣдѣніи Петербургской канцеляріи состоялъ одинъ вальдмейстеръ, при немъ одинъ подканцеляристъ, унтер-офицеры, капралы и рядовые отъ 20 до 35 человѣкъ, смотря по обстоятельствамъ. По послѣднепроизведеннымъ въ 1764 и 1765 годахъ описаніямъ Петербургскихъ лѣсовъ оказалось, что по р. Моснѣ нѣтъ ни дубу, ни мачтовыхъ сосенъ; во всей Ингерманландіи въ дачахъ разныхъ помѣщиковъ найдено: дуба толщиной отъ 2 до 7 вершковъ до 6,000; клена и ясеня отъ 2 до 4 вершковъ до 3,000, сосенъ годныхъ на мачты до 4,000 деревъ. По этому Петербургская канцелярія, имѣя въ виду указъ Императрицы Елисаветы, по которому къ лѣсамъ не имѣющимъ корабельныхъ деревъ, не велѣно опредѣлять вальдмейстеровъ, и указъ Сената 12 іюля 1762 года, чтобы частные владѣльцы смотрѣли сами за своими лѣсами, предположила вальдмейстеру при Петербургскихъ лѣсахъ не быть — и Сенатъ утвердилъ это мнѣніе (*).

Указъ 19 апрѣля 1767 года еще болѣе подкрѣпляетъ высказанное выше мнѣніе о шаткости администраціи при Екатеринѣ II. Послѣ указа «о вольности дворянства» корабельные лѣса Симбирской провинціи остались безъ всякаго надзора, между тѣмъ надзоръ былъ крайне необходимъ, потому что «по слабости тамошнихъ народовъ» лѣса могли

(*) П. С. З. XVII. 12,486.

быть совершенно истреблены. По этому Казанскій губернаторъ для надзора за лѣсами кромѣ тѣхъ, при которыхъ находились вальдмейстеры, опредѣлилъ полковника Свѣчина, а сторожей назначилъ изъ служителей Казанской Адмиралтейской конторы. Сенатъ утвердилъ это распоряженіе губернатора и сверхъ того надзоръ за описанными лѣсами поручилъ сотскимъ селеній приписанныхъ къ адмиралтейству (*).

Главное завѣдываніе корабельными лѣсами составляло при Екатеринѣ обязанность Адмиралтействъ-коллегіи, а ближайшій надзоръ за ними былъ порученъ состоявшей при Коллегіи экспедиціи Генерал-интенданта. Впослѣдствіи, однако, необходимость введенія въ законъ нѣкоторыхъ научныхъ началъ, вызвала и необходимость учрежденія новаго управленія лѣсною частью, — и въ 1782 году всѣ лѣса, состоявшіе въ вѣдѣніи Адмиралтействъ-коллегіи предоставлены Казеннымъ Палатамъ и состоявшимъ при нихъ директорамъ домоводства.

Регламентомъ 24 августа 1765 года экспедиціи Генерал-интенданта поручалось: — о всѣхъ лѣсахъ принадлежащихъ Адмиралтейству, имѣть точное свѣдѣніе: «сколько годныхъ и выросшихъ лѣсовъ и сколько они долголѣтны, чему имѣть не токмо обстоятельные планы, но чтобы всѣ деревья, такъ сказать, изочтены были, дабы при нарядѣ рубки оныхъ для привоза въ Петербургъ, можно было здѣсь назначить мѣсто и хотя не съ самою точностію, но близко къ оной, и число лѣса, который срубить надлежитъ, и послать на планѣ въ Казанскую контору». Такіе же точно планы и свѣдѣнія слѣдовало составить и о молодыхъ насажденіяхъ. При этомъ обозначить лѣта, объемъ и мѣстонахожденіе молодняковъ. Правительство, какъ видно, желало имѣть свѣдѣнія слишкомъ подробныя для того времени, въ родѣ данныхъ представляемыхъ нынѣшней таксаціей.

(*) П. С. З. XVIII. 12,876.

Когда насажденія будутъ опредѣлены, то раздѣлить лѣса на округи и къ каждому опредѣлить смотрителей, а къ молоднякамъ форстмейстеровъ (¹) и дать имъ наставленія какъ сохранять и подчищать лѣса и на какихъ мѣстахъ вновь разводить. Но какъ кромѣ сохраненія лѣсовъ необходимо было и подготовлять насажденія корабельныхъ деревъ, то слѣдовало заботиться о разведеніи вновь лѣсовъ не только въ Казани, но и въ другихъ мѣстахъ. Точно также заботиться и о мачтовыхъ деревьяхъ.

Относительно рубки лѣсовъ постановлено, на нагели рубить тонкія деревья, чтобы выходило не больше четырехъ нагелей; лѣсъ для нагелей, на боты, шлюпки и галеры заготовлять въ Новгородскомъ уѣздѣ. Рубить деревья въ ту зиму, послѣ которой онѣ должны сплавляться. На боты и шлюпки, а если найдутся кокоры, и на галеры, то заготовлять ихъ отъ пней и корней, а не изъ стоячихъ деревъ. Доски пилить на мѣстѣ для чего и держать пильщиковъ. Время рубки лѣса опредѣлять «по искуству лѣсному». Далѣе изложены правила поставки лѣсовъ въ Петербургъ, храненія ихъ въ магазинахъ, обязанности совѣтника надъ лѣсными магазинами и коммиссара надъ корабельными лѣсами, т. е. такія постановленія, которыя собственно въ лѣсномъ отношеніи не важны (²).

Въ 1769 году всѣ лѣса экономическаго вѣдомства, какъ казенные заповѣдные, такъ и тѣ, въ которые дозволенъ крестьянамъ въѣздъ, велѣно, согласно вальдмейстерской инструкціи, измѣрить и раздѣлить на 30 частей. Точно также раздѣлить лѣса, состоявшіе въ общемъ владѣніи экономическихъ крестьянъ съ другими владѣльцами, если только они изъявятъ на то свое согласіе. Лѣсъ съ годичныхъ лѣсосѣкъ въ казенныхъ дачахъ, остающійся за удовлетвореніемъ потребностей казны и крестьянъ, предположено продать. Надзоръ и охраненіе лѣсовъ возлагалось на полѣсовщиковъ,

---

(¹) Форстмейстерами назывались лица выписанные изъ за-границы и спеціально знавшіе лѣсное хозяйство.

(²) П. С. З. XVII. 12,459.

избираемыхъ въ каждой вотчинѣ самими крестьянами. Вырубка лѣса «недорослаго» запрещалась и предписывалось строго наблюдать порядокъ очередованія лѣсосѣкъ. Для очистки лѣсовъ назначено выбирать валежникъ и вывозить его только «въ одно положенное время въ году» (?) подъ присмотромъ казначеевъ, выборныхъ или старостъ, чтобы подъ предлогомъ валежника не рубили лѣсъ сырой (*).

Эти постановленія относительно лѣснаго хозяйства были еще слишкомъ слабы, потому что обрисовывали дѣло въ общихъ фразахъ и оставляли многое на произволъ исполнителей. Всего страннѣе было разумѣется слѣдующее правило помѣщенное въ регламентѣ—«время рубки опредѣлять по искуству лѣсному». Правительство какъ видно было чуждо науки и само отдѣляло себя отъ «лѣснаго искуства». Между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ указовъ видно, что въ правительствѣ зрѣла идея необходимости издать по лѣсному хозяйству что нибудь болѣе прочное и опредѣлительное; такъ напр. въ именномъ повелѣніи, данномъ правящему должность Тульскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Кречетникову о лѣсной стражѣ сказано, чтобы оставить ее на прежнемъ основаніи «пока изданы будутъ о сей и другихъ частяхъ хозяйственныхъ потребныя установленія, въ чемъ мы и не замедлимъ». И дѣйствительно вскорѣ послѣ этого былъ составленъ «Проэктъ устава о лѣсахъ». Онъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ, но изъ отдѣльныхъ выписокъ можно составить о немъ вѣрное понятіе. Проэктъ составленъ на основаніи современной науки и оставляетъ далеко за собою всѣ ученыя попытки въ этомъ родѣ и Петра Великаго и Анны Ивановны.

Изъ письма Екатерины къ Палласу (Отеч. Зап. 1825 г. ч. 2 стр. 333) слѣдуетъ заключить, что хотя основная идея о раздѣленіи Россіи на три полосы принадлежитъ Екатеринѣ, однако научныя правила въ примѣненіи къ разнымъ древеснымъ породамъ, составлены неиначе какъ подъ руководствомъ Палласа, оставившаго намъ подробное и един-

(*) П. С. З. XVIII. 13,366.

ственное описаніе древесныхъ и кустарныхъ породъ произрастающихъ въ Россіи. Довольно проглядѣть описаніе Палласа и проэктъ устава, чтобы быть увѣренными въ безошибочности подобнаго заключенія.

Въ мартѣ 1785 года, въ указѣ о заведеніи ярмарки въ г. Курскѣ, данномъ Орловскому и Курскому генералъ-губернатору сказано: «изъ сообщеннаго вамъ для прочтенія «проэкта устава о лѣсахъ, вы могли усмотрѣть раздѣленіе «оныхъ по тремъ полосамъ государства, почему для удоб-«нѣйшаго исполненія сего, и нужно есть, чтобъ вы пред-«писали подъ смотрѣніе директоровъ домоводства, при «всѣхъ казенныхъ селеніяхъ лѣса описать, и примѣрно «тому проэкту устава раздѣлить на части, по свойству «каждаго лѣса» (*).

Разсылка устава о лѣсахъ не была сдѣлана въ одно время и указъ объ исполненіи проэкта къ нѣкоторымъ губернаторамъ отправленъ черезъ годъ. Въ указахъ сказано: въ ожиданіи когда Казенныя Палаты и директоры домоводства будутъ снабжены уставами по хозяйственной части, правительство для отвращенія истребленія лѣсовъ признало необходимымъ разослать ко всѣмъ губернаторамъ выписки изъ проэкта устава съ тѣмъ, чтобы правила изложенныя въ немъ, до изданія вполнѣ устава, были соблюдаемы вполнѣ и чтобы лѣса приписанные къ селеніямъ казеннаго вѣдомства были описаны, обмежеваны и раздѣлены на лѣсосѣки. До частныхъ лѣсовъ правила эти не касались и правительство только надѣялось, что помѣщики «радѣтельные о благѣ общемъ и ихъ собственномъ не применутъ конечно сами обращать въ пользу ихъ всякія добрыя распоряженія».

Въ отношеніи вліянія климата на условія роста деревъ, Россія раздѣлена на три полосы. Первая «покатая къ сѣверу» въ предѣлахъ 67 до 57° с. ш. названа сѣверной полосой, вторая между 50 и 57° средней, и наконецъ югъ Россіи названъ полосой полуденной.

(*) П. С. З. XXII. 16,162.

Къ сѣверной полосѣ причислены губерніи: С. Петербургская, Рижская, Ревельская, Выборгская, Новгородская, Тверская, Псковская, Вологодская, Вятская, Ярославская, Костромская, Архангельская, Пермская, Тобольская и Олонецкая. Къ средней — губерніи: Московская, Иркутская, Колыванская, Тамбовская, Симбирская, Орловская, Курская, Саратовская, Уфимская, Нижегородская, Полоцкая, Могилевская, Новгородская-Сѣверская, Казанская, Черниговская, Воронежская, Рязанская, Харьковская, Пензенская, Владимірская, Смоленская. Къ полуденной — губерніи: Екатеринославская, Кіевская, Кавказская, Таврическая область. Лѣсъ, произрастающій въ сѣверной полосѣ, по свойствамъ древесины, раздѣленъ на три статьи: первой статьи черный, высокій и твердый, имѣетъ на сучьяхъ листья: дубъ, илимъ, вязъ, ольха, береза, рябина. Второй статьи бѣлый, высокій и мягкій, имѣетъ тоже листья: липа, осина, ветла, ива, верба. Третьей статьи красный и высокій имѣетъ иглы: сосна, ель, пихта, лиственница, и сибирскій кедръ. Малорослый лѣсъ: можжевельникъ, черемха, свидина, боярышникъ, крушина, жестеръ, жимолость, калина, орѣшникъ, берескледъ, тернъ. Кустарникъ: тальники разные, черная, красная и глухая смородина, малина, ягодный верескъ, ягодки, верескъ. Лѣсъ неприродный въ сѣверной полосѣ, но который можетъ рости, когда будетъ посѣянъ: первой статьи: американскій зубчато-листный дубъ, ясень. Третьей статьи: бѣлая американская сосна, американская душистая пихта, бѣлая американская ель Малорослый лѣсъ: яблочникъ сибирскій, гороховникъ. Кустарникъ: чилига, березовый ерникъ.

Средней полосѣ свойственный лѣсъ — первой статьи: — дубъ, илимъ, вязъ, карагачъ, ясень, кленъ, береза, черная береза, ольха, рябина; второй статьи—липа, осина, осокорь, тополь, ива, ветла, верба; третьей статьи—сосна, лиственница, пихта, ель. Малорослый лѣсъ — яблонь, слива, черемха, тернъ, вишня, кизиль, свидина, курослѣпъ сибирскій, боярышникъ, крушина, жестеръ, жимолость разныхъ видовъ, бузина, пищальникъ, калина, душистый осокорь,

орѣшникъ, гребенщикъ, бересклед, неклен, арца сибирская, можжевельникъ. Кустарникъ — тальники разные, чилига, березовый ерникъ, ракитникъ, кизильникъ, черная смородина, красная смородина, багульникъ, малина, таволожникъ, ежевики, шиповники разные, бобовникъ. Лѣсъ неприродный средней полосѣ, по который можетъ рости если его посѣять, — первой статьи — букъ, грабъ, волошское орѣховое дерево, черный кленъ, каштанъ, индѣйскій каштанъ, бѣлое американское орѣховое дерево, черное американское орѣховое дерево, сѣрое американское орѣховое дерево, американскій зубчатолистный дубъ, красный виргинскій дубъ, испанскій дубъ, американскій грабыльникъ, американскій илимъ; — третьей статьи: бѣлая американская сосна, американская душистая пихта, бѣлая американская ель, бѣлый кедръ, дерево жизни, тиссъ. Малорослый лѣсъ — шелковица, лохъ, чишка, барбарисъ, виноградъ, гороховникъ, иглолистникъ. Кустарникъ — жидовникъ, золотарникъ, бирючина, таранушка сибирская.

О породахъ третьей полосы не сохранилось никакихъ данныхъ.

Это распредѣленіе породъ по полосамъ, и особенно перечисленіе разныхъ иностранныхъ породъ сильно говоритъ, что въ составленіи проэкта участвовалъ ботаникъ, а не лѣсничій; всѣ послѣдующіе пункты устава тоже не много говорятъ въ пользу практическаго значенія новыхъ правилъ. Можетъ быть уставъ и принесъ бы пользу, если бы правительство, издавая правила хозяйства, въ тоже время назначило и людей для ихъ исполненія, но какъ этого не было сдѣлано, то уставъ Екатерины II постигла таже участь, которая досталась на долю форстмейстерской инструкціи Анны Ивановны, т. е. остаться въ проэктѣ и не принести никакой дѣйствительной пользы.

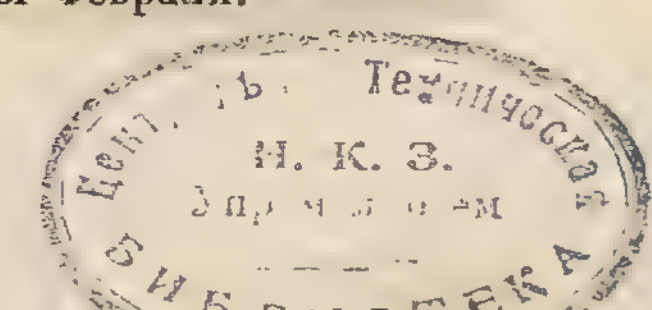
Далѣе въ уставѣ предписаны правила хозяйства. Лѣсное начальство должно было знать пространство лѣсовъ, свойство древесныхъ и кустарныхъ породъ и раздѣленіе ихъ «на разные роды.»

Къ разнымъ заводамъ и фабрикамъ, а также къ селеніямъ вѣдомства директора домоводства, слѣдовало отдѣлить 5-я части лѣсовъ 1 и 3 статьи, окопать ихъ канавами, назвать заказными рощами и беречь «на государственное знатное и важное кораблестроеніе.» Рубка изъ заказныхъ рощъ допускалась только по именному или сенатскому указу.

Остальныя пространства, за выдѣломъ заказныхъ рощъ, раздѣлить на лѣсосѣки на слѣдующихъ основаніяхъ: въ сѣверной полосѣ изъ лѣса первой статьи дубъ, илимъ и вязъ дѣлить на 120 частей, а прочій лѣсъ отъ 70 до 90 частей. Второй статьи лѣсъ дѣлить отъ 50 до 60 частей. Третьей статьи растущій на низкихъ и ровныхъ мѣстахъ на 80, а на высокихъ на 100 частей. Малорослый отъ 35 до 40, а кустарникъ отъ 15 до 20 частей.

Въ средней полосѣ дубъ, илимъ, вязъ, ясень и кленъ дѣлить на 100, а прочій лѣсъ первой статьи отъ 60 до 70 частей. Лѣсъ второй статьи дѣлить отъ 40 до 50 частей. Третьей статьи въ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ на 60, а на высокихъ на 70 частей. Малорослый лѣсъ отъ 30 до 35, а кустарникъ отъ 10 до 12 частей.

Когда лѣсъ состоитъ изъ смѣшанныхъ породъ 1, 2 и 3 статьи, въ такомъ случаѣ при раздѣленіи на лѣсосѣки сообразоваться съ породой, которая преобладаетъ или имѣетъ большую важность. Годовыя лѣсосѣки назначать не шире 20 саженъ и располагать ихъ противъ вѣтра, въ гористыхъ же мѣстахъ вести по косогору снизу вверхъ, а если возможно, то закладывать нѣсколько поперегъ и рубить чрезполосно. По срубкѣ лѣсосѣки въ лѣсу 1 и 2 статьи, оставлять на десятинѣ отъ 20 до 30 молодыхъ, самыхъ лучшихъ деревъ. Рубку строеваго лѣса производить въ такое время, когда «у дерева сокъ въ корени,» а именно: въ сѣверной полосѣ отъ послѣдней половины октября до первой половины марта; въ средней съ первой половины ноября до послѣдней половины февраля, а въ полуденной съ первой половины декабря до первой половины февраля.

Крестьянамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи директора экономіи или домоводства, наблюдать въ точности всѣ предосторожности отъ лѣсныхъ и степныхъ пожаровъ, — въ случаѣ же пожара поступать по 249 ст. учрежденій для управленія губерній ([1]) ([2]).

Къ сожалѣнію правила обращенія съ лѣсами полуденной полосы не сохранились, но въ нихъ должны заключаться самыя любопытныя данныя для сужденія какъ о характерѣ распоряженій правительства по лѣсному хозяйству, такъ и о самыхъ мѣрахъ хозяйства.

Именнымъ указомъ, даннымъ Екатеринославскому генерал-губернатору князю Потемкину, повелѣно: для заведенія и умноженія лѣсовъ по степямъ Екатеринославской губерніи и области Таврической, сѣять и сажать лѣса въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, сообразно проэкту устава о лѣсахъ. Возлагая главную распорядительность на Потемкина, Императрица обѣщала послать на расходы культуръ и для награжденія тѣхъ, кто скорѣе и болѣе посѣетъ или посадитъ лѣса 10,000 рублей. Были ли однако посланы эти деньги и что сдѣлалъ Потемкинъ неизвѣстно ([3]).

Не смотря на всѣ мѣры правительства къ устройству лѣсовъ, дѣло подвигалось впередъ медленно и предлагаемыя правила едва ли прилагались къ дѣлу. Выписываемые изъ Германіи форстмейстеры приносили пользы очень мало, «потому что они прежде должны были Россійскому языку обучаться, на что уже много лѣтъ требуется, слѣдовательно, прежде, нежели отъ нихъ успѣховъ получить можно, они состарѣваются и потомъ отъѣзжаютъ въ свое отечество». По этому обер-егермейстерская канцелярія, которая сознавала необходимость имѣть для производства охоты знающихъ людей, «ибо отъ порядочно учрежденной охоты не только увеселенія, но и дѣйствительной пользы ожидать

([1]) Статья эта говоритъ объ обязанности исправника относительно тушенія пожаровъ и помѣщена ниже на страницѣ 187.

([2]) П. С. З. XXII. 16,364 и 16,365.

([3]) П. С. З. XXII. 16,548.

можно», предложила обучать при обер-егермейстерскомъ корпусѣ 10 ягтъ-пажей охотѣ и «форштмейстерскимъ дѣламъ». Курсъ назначался четырехлѣтній, и по окончаніи его выпущенные молодые люди должны были занимать мѣста при обер-егермейстерской конторѣ и мѣста вальдмейстеровъ, «неимѣвшихъ о форштмейстерскихъ дѣлахъ ни малѣйшаго знанія». Императрица согласилась на это представленіе и деньги слѣдующіе на воспитаніе пажей, по 200 рублей въ годъ за каждаго, повелѣла отпускать изъ Штатсъ-конторы (*).

Эта мѣра тоже не могла быть вполнѣ полезной потому, что кромѣ знающихъ форстмейстеровъ нужно было образовать и людей могшихъ исполнять приказанія форстмейстеровъ, между тѣмъ для приготовленія ихъ правительство сдѣлало очень не много. Еще Анна Ивановна постановила въ помощь форстмейстерамъ опредѣлить учениковъ, долженствовавшихъ впослѣдствіи занять мѣста форстмейстеровъ, а для производства разныхъ работъ дать каждому форстмейстеру извѣстное число рабочихъ. Изъ этихъ-то людей и образовались форстмейстерскіе служители, находившіеся въ вѣдѣніи Адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1790 году, Казанская контора вытребовала для опредѣленія въ Адмиралтейскую школу тѣхъ форстмейстерскихъ дѣтей, которые родились до передачи отцовъ ихъ въ вѣдомство директоровъ экономіи, остальныхъ же въ школу не приняла. Объ этомъ обстоятельствѣ Казанскій и Вятскій генерал-губернаторы донесли Сенату, и Сенатъ предписалъ Адмиралтействъ-коллегіи объяснить, отчего не приняты эти дѣти въ школу, и если ихъ точно принять невозможно, то донести откуда отпускалась и отпускается сумма на содержаніе школы, по сколько именно и сколько нужно на обученіе и содержаніе непринятыхъ мальчиковъ до поступленія ихъ въ школу. На предписаніе Сената коллегія донесла, что дѣти не приняты для того, чтобы форстмейстерская

(*) П. С. З. XIX. 14,005.

команда могла пополняться изъ нихъ, не требуя учениковъ изъ школы, необходимыхъ для нуждъ Адмиралтейства. Такой науки, какая необходима форстмейстерскому званію въ Адмиралтейскихъ школахъ не преподается, а малолѣтки учатся у форстмейстеровъ. Наконецъ на содержаніе школы Адмиралтейство не получаетъ никакихъ суммъ и изворачивается экономіей. По всѣмъ этимъ причинамъ Сенатъ рѣшилъ такимъ образомъ: дѣтямъ форстмейстеровъ находиться въ вѣдѣніи директоровъ домоводства, наукѣ обучаться у отцовъ своихъ, «а чтобы по неимуществу отцовъ дѣти не могли оставаться безъ пропитанія», то приписать ихъ въ Казанскую гарнизонную школу и жалованье, провіантъ и платье выдавать имъ изъ определенной по гарнизонному штату суммы по окладу школьника (¹).

Проэктъ устава о лѣсахъ предписывалъ составить описаніе всѣхъ лѣсовъ, — мѣра эта однако не была приведена въ исполненіе. Кромѣ этого распоряженія относительно описаній лѣсовъ изданы были нѣкоторыя частныя постановленія, такъ напримѣръ, въ слѣдствіе вопроса, возникшаго о возможности истощенія лѣсовъ Архангельской губерніи (²), былъ командированъ туда капитанъ и обер-квартирмейстеръ Дьячковъ, и съ нимъ шесть инженерныхъ обер-офицеровъ, восемь морскихъ и четыре геодезиста (³). А по инструкціи данной Дьячкову, онъ былъ обязанъ по прибытіи на мѣсто приступить тотчасъ же къ составленію карты и описи по «правилу геометріи и географіи» и прежде всего начать отъ Великаго Устюга внизъ по Двинѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ лѣса должны быть сохраняемы для флота. По окончаніи описанія лѣсовъ по Двинской системѣ, приступить къ описанію лѣсовъ по рр. Вычегдѣ, Люзѣ, Югу, Сухонѣ, Вологдѣ и Онѣгѣ. На карту нанести города, села, погосты, деревни, рѣки съ обозначеніемъ глубины и

(¹) П. С. З. XXIII. 17,164.

(²) Смотри ниже о лѣсномъ торгѣ у Архангельскаго порта купцовъ Гома, Баженина и Крылова.

(³) П. С. З. XVI. 12,160.

указаніемъ протяженій ихъ—удобныхъ къ сплаву. По описаніи лѣсовъ по Двинѣ составить общій расчетъ, на сколько времени достанетъ имѣющихся запасовъ для потребностей Адмиралтейства, — и какъ гораздо полезнѣе, если бы лѣса могли быть раздѣлены на 50 частей, такъ чтобы выдѣленныя части поступали по очереди въ рубку, то Дьячкову сообразить это дѣло и въ описи помѣстить примѣчанія и сдѣлать «распоряженіе» къ раздѣленію лѣсовъ. Описать въ Архангельской губерніи всѣ лѣса годные для флота и возможные къ сплаву въ Бѣлое море или къ Архангельской верфи, начиная съ мѣстъ ближайшихъ къ рѣкамъ и постепенно переходя къ мѣстамъ болѣе отдаленнымъ (¹).

Въ 1779 году, велѣно описать и заклеймить въ Могилевскомъ намѣстничествѣ во всѣхъ казенныхъ дачахъ, особенно лежащихъ близь большихъ и судоходныхъ рѣкъ, всѣ лѣса годные на кораблестроеніе и мачты. Такое распоряженіе Сенатъ издалъ по слѣдующему случаю. По распоряженію члена Адмиралтействъ-коллегіи генерала Ганибала, поручено было лейтенанту Лежневу освидѣтельствовать лѣса въ дачахъ Башилова въ Рогачевской провинціи, — по свидѣтельству нашлось въ лѣсахъ Башилова и другихъ помѣщиковъ полный комплектъ деревъ на одинъ корабль. И какъ лѣса находились у Башилова въ арендѣ на 5 лѣтъ, то Казенная Палата и не смѣла допустить рубку деревъ безъ разрѣшенія Сената. Сенатъ нашелъ распоряженіе Палаты неосновательнымъ, предписалъ ей отнюдь не запрещать впредь рубку въ подобныхъ лѣсахъ деревъ для потребностей Адмиралтейства, велѣлъ объяснить почему и на какихъ основаніяхъ отдаются казенныя дачи на аренду и поручилъ составить описаніе лѣсовъ, о которомъ было сказано выше (²).

Въ значеніи лѣса какъ частной собственности давно уже подготовлялась реформа. Еще при Аннѣ Ивановнѣ лѣса,

---

(¹) П. С. З. XVI. 12,172.
(²) П. С. З. XX. 14,902.

растущіе на частныхъ земляхъ, позволялось рубить промышленникамъ по соглашенію съ владѣльцами лѣсовъ. Но указъ 1703 года былъ еще свѣжъ въ памяти народа, да кромѣ того и право владѣнія лѣсомъ нигдѣ вполнѣ объяснено не было. Указъ Елисаветы платить владѣльцамъ за корабельныя деревья по рыночнымъ цѣнамъ еще болѣе подвинулъ вопросъ, но окончательное рѣшеніе его принадлежитъ Екатеринѣ II. Первыя постановленія ея по этому предмету были довольно неопредѣленны, такимъ образомъ во II главѣ 7 § инструкціи пѣхотному полковнику сказано, чтобы на всѣ полковыя нужды не брать ни отъ кого лѣсъ безденежно ([1]). А въ 1777 году, на основаніи приведеннаго параграфа повелѣно на крѣпостныя строенія, артиллерійскія и гарнизонныя надобности, «а тѣмъ паче на жженіе угля», во владѣльческихъ дачахъ безденежно не рубить ([2]) Въ 1767 году отмѣнены указы Петра Великаго 1719 и 1720 годовъ и дозволено всѣмъ владѣльцамъ рубить свободно лѣса отъ р. Славянки по обѣ стороны Невы на 1,000 саженъ до Шлиссельбурга, съ тѣмъ однако, чтобы не рубили заповѣдныхъ деревъ ([3]). Наконецъ вышелъ указъ 22 сентября 1782 года. Вотъ его начало: «продолжающіяся до сего «времени о лѣсахъ учрежденія обращалися болѣе въ стѣ- «сненіе собственности Нашихъ подданныхъ, нежели прино- «сили пользу Адмиралтейству Нашему, въ пользу коего они «сдѣланы были. Мы видя неудобство ихъ и несходство съ «правилами нашими, съ самыхъ первыхъ лѣтъ царствованія «Нашего, помышляли исправить оныя, доставляя каждому «всевозможную свободу пользоваться по лучшему его изо- «брѣтенію всѣми лѣсами, кои въ собственныхъ его дачахъ «произростаютъ». По этому повелѣно: всѣ лѣса, растущіе въ помѣщичьихъ дачахъ, предоставить въ полную собственность ихъ владѣльцевъ, хотя бы лѣса до тѣхъ поръ и признавались заповѣдными. Дозволено всякому свободно

([1]) П. С. З. XVI. 12,289.
([2]) П. С. З. XX. 14,623.
([3]) П. С. З. XVIII. 12,859.

внутри государства и при портахъ торговать мачтовымъ и другимъ лѣсомъ, съ платежемъ только пошлинъ по тарифу. Адмиралтейству и другимъ казеннымъ мѣстамъ запрещено клеймить и рубить деревья въ частныхъ лѣсахъ безплатно или безъ позволенія ихъ владѣльцевъ. «Не можетъ сіе конечно» — какъ сказано далѣе въ указѣ, — «обратиться къ «оскудѣнію Адмиралтейства Нашего, въ лѣсахъ для него «потребныхъ, потому что многіе изъ помѣщиковъ найдутъ «для себя сходственную продажу или поставку въ Адми-«ралтейство, предпочитая ее заботѣ доставлять на неизвѣст-«ность къ порту и для отпуска въ чужіе краи; а сверхъ «того казенныя Наши дачи столько изобилуютъ лѣсными «произрастеніями, что флоты Наши всегда тѣмъ могутъ «удовольствоваться, и особливо, когда мы съ помощіею «Божіею предуспѣемъ обще съ прочимъ хозяйственнымъ «учрежденіемъ и сію часть распорядить на пользу государ-«ства. Удостовѣрены мы равнымъ образомъ, что радѣтель-«ные помѣщики, пріемля съ признаніемъ сей новый знакъ «Нашей къ нимъ Императорской милости и попеченія о «добрѣ ихъ, приложатъ стараніе ихъ о всевозможномъ «охраненіи лѣсовъ своихъ отъ напраснаго истребленія и о «размноженіи растеній ихъ въ собственную свою и потом-«ства ихъ пользу (*)».

Чрезъ полгода послѣ этого указа, т. е. въ мартѣ 1783 года, Адмиралтействъ-коллегія, вслѣдствіе рапорта Казанской Адмиралтейской конторы, донесла Сенату, что во многихъ мѣстахъ рубятъ дубовые лѣса, не только помѣщичьи крестьяне въ общихъ дачахъ, но даже государственные и экономическіе крестьяне. Особенное же зло происходило отъ того, что многіе помѣщичьи лѣса находились въ общемъ владѣніи съ государственными крестьянами и не были размежеваны, по этому Адмиралтействъ-коллегія считала необходимымъ размежевать какъ можно скорѣе эти дачи и до того времени запретить въ нихъ рубку дубоваго лѣса. Кромѣ этой главной причины, сильное истре-

(*) П. С. З. XXI. 15,518.

бленіе лѣсовъ происходило отъ того, что въ народѣ пронесся слухъ, будто бы весь дубовый лѣсъ отданъ въ свободное всѣхъ пользованіе. Сенатъ выслушавъ донесеніе, распорядился такимъ образомъ: генерал-губернаторамъ далъ знать, чтобы они «не оставили предположить надле«жащіе способы къ пресѣченію всякаго злоупотребленія», руководствуясь указомъ 22 сентября 1782 года, — а относительно размежеванія дачъ «предоставить сужденію меже«вой экспедиціи (¹)».

Распоряженіе это было слишкомъ слабо сравнительно съ зломъ, а потому и не могло принести никакой дѣйствительной пользы, такъ, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ быстраго уничтоженія лѣсовъ остался указъ 22 сентября, вышедшій слишкомъ рано, когда ни размежеваніе не было еще кончено, ни помѣщики не могли оцѣнить вполнѣ «знакъ Императорской къ нимъ милости и попеченія о добрѣ ихъ». Указъ 22 сентября много говоритъ въ пользу Императрицы Екатерины со стороны ея добраго намѣренія и въ дѣлѣ свободной торговли не укоризненъ, но за то относительно свободной рубки лѣса оставляетъ на себѣ упрекъ, потому что правительство издавая указъ не разрѣшило ранѣе вопроса — можетъ ли лѣсъ быть безусловной частной собственностью?

Въ 1785 году грамотой на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства подтвержденъ указъ 1782 года относительно права собственности на лѣса (²).

Указъ, 17 марта 1783 года, не прекратилъ ни порубокъ, ни подвинулъ размежеванія; истребленіе лѣсовъ въ Казанскомъ намѣстничествѣ продолжалось по прежнему, и сверхъ того открылись значительныя истребленія дуба въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, въ Темниковскомъ, Елатомскомъ и Спасскомъ округахъ. Здѣсь крестьяне продавали дубъ въ видѣ досокъ, ободьевъ, полозьевъ и употребляли въ по-

(¹) П. С. З. XXI. 15,690.
(²) П. С. З. XXII. 16,187.

стройки на столбы, заборы, полы и даже клали подъ избы рядовъ по пяти и болѣе, такъ что Казенная Палата просила генерал-губернатора принять мѣры къ прекращенію порубокъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ неразмежеванныхъ съ казной владѣльческихъ лѣсахъ. А Адмиралтействъ-коллегія, видя что указъ Сената 17 марта помогъ мало, нашла необходимымъ о Тамбовскихъ порубкахъ «представить на особливое усмотрѣніе». Сенатъ же, имѣя въ виду, что власть губернаторовъ распространялась и на лѣса, предписалъ всѣмъ генерал-губернаторамъ и губернаторамъ «употребить надлежащіе способы къ пресѣченію «всякаго злоупотребленія, уважая, сколько нужно оныхъ (лѣсовъ) сбереженіе ([1]).

Вскорѣ открылась новая порубка въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, произведенная крестьянами помѣщика Бабарыкина въ спорной между имъ и казной дачѣ. Кромѣ значительнаго количества дубовъ для ободьевъ было вырублено 75 деревъ заклейменныхъ Адмиралтейскимъ клеймомъ. Это самовольство Сенатъ принялъ довольно серьезно и поручилъ мѣстному губернатору нарядить слѣдствіе, и съ виновными поступить «по точной силѣ законовъ ([2])».

Петръ Великій, сдѣлавъ лѣсъ собственностью государства, въ тоже время допустилъ безденежную рубку его въ казенныхъ дачахъ частными промышленниками, и казна довольствовалась только сборомъ пошлинъ по тарифу въ портахъ. Подобная мѣра, не смотря на невѣрность основанія, существовала до 1781 года; даже Елисавета, назначавшая плату за корабельныя деревья вырубаемыя въ частныхъ лѣсахъ, допускала промышленикамъ даровую рубку въ казенныхъ дачахъ. Финансовое значеніе лѣса выработывалось постепенно, и первый щагъ къ этому былъ сдѣланъ частными владѣльцами, которые не позволяли рубить даромъ своихъ лѣсовъ. Впослѣдствіи идея о необходимости финансоваго значенія перешла отъ частныхъ владѣльцевъ

([1]) П. С. З. XXIII. 16,934.
([2]) П. С. З. XXIII. 17,106.

къ лицамъ правительственнымъ. Такимъ образомъ директоръ Вятскихъ винокуренныхъ заводовъ Шалыгинъ, замѣтивъ, что лѣса для заводовъ рубятся изъ дачъ, приписанныхъ къ селеніямъ казенныхъ крестьянъ, поставщиками изъ людей постороннихъ, которые пользуются такимъ образомъ выгодами съ матеріала имъ непринадлежащаго, постановилъ брать съ сажени по 10 коп., а съ бревна 3 коп. Сенатъ же, имѣя въ виду, что владѣльцы лѣсовъ государственные крестьяне сами объ этомъ не просили, отмѣнилъ въ 1768 году распоряженіе Шалыгина (1). Въ 1672 году постановлено по Смоленской губерніи за лѣсъ, вырубаемый для артиллерійскихъ и инженерныхъ надобностей, брать за сосновыя деревья по одной копѣйкѣ съ сажени длины дерева, а за пластинникъ по $1/2$ коп. съ сажени, за дубовыя же деревья вдвое (2). Съ назначеніемъ же директоровъ домоводства коснулись еще разъ этого вопроса. Въ 1780 году по представленію директора экономіи, Новгородское намѣстническое правленіе, «дабы казенные лѣса безъ всякой казнѣ прибыли «не опустошались», положило собирать, безъ представленія о томъ Сенату, по 5 коп. съ дерева, вырубаемыхъ для пилки въ дачахъ государственныхъ крестьянъ. Новгородскіе и Олонецкіе купцы, жалуясь Сенату на распоряженіе Правленія, объяснили, что они этихъ денегъ платить по закону не обязаны. Но какъ мѣра была справедлива, хоть и была приведена въ исполненіе безъ разрѣшенія правительства, то Сенатъ и не могъ возражать на нее, и по докладу сдѣланному Императрицѣ, повелѣлъ съ промышлениковъ и заводчиковъ Новгородскаго намѣстничества брать въ казну по 5 копѣекъ съ дерева. Такимъ образомъ само правительство именнымъ указомъ дало лѣсу финансовое значеніе (3). Но вопросъ не могъ остановиться на этомъ. Разъ возбужденный онъ долженъ былъ получить дальнѣйшее развитіе. По этому Сенатъ предписалъ Казенной Палатѣ

---

(1) П. С. З. XVIII. 13,061.

(2) П. С. З. XIX. 13,817.

(3) П. С. З XXI. 15,286.

Новгородскаго намѣстничества сообразить, какую цѣну слѣдуетъ назначить за деревья разныхъ размѣровъ по породамъ имѣющимъ сбытъ, и слѣдуетъ ли брать деньги съ деревъ вырубаемыхъ для казеннаго употребленія. Членъ Палаты директоръ домоводства представилъ по этому предмету такое мнѣніе: назначить плату за деревья вырубаемыя для адмиралтейства онъ не можетъ, потому что въ указѣ 22 сентября 1782 года сказано: «а сверхъ того казенныя наши дачи «столько изобилуютъ лѣсными произрастеніями, что флоты «наши всегда могутъ тѣмъ удовольствоваться, а особливо «когда мы, съ помощію Божіею, предуспѣемъ съ прочимъ «хозяйственнымъ учрежденіемъ и сію часть распорядить на «пользу государства», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не донести, что подрядчики рубятъ по договорамъ съ Адмиралтействомъ не только въ казенныхъ, но и во владѣльческихъ дачахъ. Помѣщикамъ за лѣсъ они платятъ, а казнѣ нѣтъ. Точно такими же выгодами пользуются и подрядчики, поставляющіе лѣса для другихъ казенныхъ потребностей; по этому съ послѣднихъ, а также и съ казенныхъ крестьянъ, торгующихъ лѣсомъ изъ дачь принадлежащихъ къ ихъ селеніямъ, слѣдуетъ брать попенныя деньги. Цѣны же на лѣса частныхъ владѣльцевъ существовали слѣдующія: за сосновое дерево отъ 5 до 8 саженъ, толщиной отъ 6 до 7 вершковъ 10 коп., деревья же высшихъ размѣровъ— мачтовыя продавались на корнѣ не менѣе 3 рублей. Еловый длиной отъ 5 до 8 саженъ, толщиной отъ 5 до 6 верш. по 7 коп. Сосновый и еловый 3 и 4 саженъ, 3 до 6 верш. 2 коп. Дубовый негодный къ корабельному строенію съ фаутами и мелкой по 10 коп. Самый же мелкій ильмовый, ясеневый, вязовый, дубовый и липовый для ободьевъ, колесъ, саней и т. п. по 5 коп. Сажень дровъ безъ различія породы 10 коп. Палата согласилась съ мнѣніемъ директора и представила все дѣло въ Сенатъ. Сенатъ рѣшилъ такимъ образомъ: если требованіе на лѣсъ поступитъ отъ Адмиралтейства, то отпускать лѣсъ безденежно, для другихъ же казенныхъ надобностей безденежно лѣса не отпускать. На счетъ цѣнъ Сенатъ не сказалъ своего мнѣнія и неизвѣстно

были ли приняты цѣны, представленныя директоромъ домоводства (1).

Относительно бережливаго употребленія лѣсовъ, составлявшаго постоянную заботливость Правительства, постановлено слѣдующее: 3 декабря 1762 г. въ подтвержденіе прежнихъ указовъ о постройкѣ судовъ изъ пильнаго лѣса назначенъ послѣдній срокъ — 1 января 1766 года. Льгота эта дана для того, чтобы въ доставкѣ въ Петербургъ съѣстныхъ припасовъ не могло встрѣтиться остановки и относилась только до тѣхъ мѣстностей, гдѣ совершенно не было мельницъ и куда оказывалось невозможнымъ сплавлять пильный лѣсъ (2). Но какъ дѣло подвигалось все еще медленно, то для поощренія къ заведенію мельницъ 7 августа 1763 года Императрица повелѣла, давать изъ казны вспоможенія при устройствѣ пильныхъ заводовъ на каждую раму, на 5 лѣтъ безъ процентовъ, по 1,000 руб. Хотя послѣ этого и устроено нѣсколько пильныхъ мельницъ, однако купцы по старой привычкѣ не покупали пильнаго лѣса, и по прежнему возили товары въ судахъ топорныхъ, такъ что правительство, чтобы пресѣчь «такую ихъ развратную затвердѣлось и предохранить великое и невозвратное лѣсовъ истребленіе», 15 октября 1764 года повелѣло: впредь воспретить возить товары на топорныхъ судахъ во всемъ государствѣ, если же подобныя суда явятся, то брать съ нихъ штрафу по 30 р. съ каждаго (3).

Генерал-поручикъ Шпрингеръ, во время проѣзда своего по Иртышской линіи замѣтилъ, что единственный лѣсъ растущій близъ Иртыша и годный для крѣпостныхъ построекъ есть сосновый Карангайскій боръ. Между тѣмъ и этого лѣса достанетъ не на долго, если не принять заблаговременно мѣръ къ его сохраненію. Особенный вредъ наносили бору соляные подрядчики, которые строили барки изъ цѣлыхъ бревенъ, раскалывая ихъ по поламъ, по этому

(1) П. С. З. XXII. 15,931.
(2) П. С. З. XVI. 11,719.
(3) П. С. З. XVI. 12,265.

гдѣ бы нужно употребить сто деревъ, у нихъ шло 800, и такимъ образомъ вырубалось ежегодно на барки не менѣе 28,000 деревъ. По этому Сенатъ поручилъ генералу Шпрингеру и Сибирскому губернатору Чичерину смотрѣть, чтобы частные люди и соляные подрядчики не рубили въ Карангайскомъ бору лѣсъ на постройку судовъ. Чичерину и Шпрингеру приказано устроить въ удобномъ мѣстѣ пильную мельницу и ручныя пилы, объявить подрядчикамъ, чтобы они старались тоже заводить мельницы и наблюдать, чтобы изъ топорныхъ досокъ не строили судовъ. Шпрингеру объявлена за его усердіе къ службѣ благодарность и предложено сдѣлать опытъ посѣва или посадки лѣса въ мѣстахъ лѣсомъ небогатыхъ (1).

Въ 17 пунктѣ инструкціи Слободской, Губернской и Провинціальной Канцеляріямъ и мѣстному губернатору поручено наблюдать, чтобы отъ неумѣренной гонки вина не истреблялись лѣса; по этому въ мѣстахъ слишкомъ сильнаго куренія велѣно опредѣлить число кубовъ и казановъ, которое жители могутъ выгонять. При этомъ не дозволять строить заборы изъ пластинника, а употреблять хворостъ и огороды; сады, гумна окапывать рвами и обсаживать терновникомъ и ветлой. Гдѣ же нѣтъ другихъ лѣсовъ кромѣ заказныхъ, тамъ куреніе вина недопускать. Вмѣстѣ съ тѣмъ стараться, чтобы, въ мѣстахъ слишкомъ бѣдныхъ лѣсомъ, жители запускали порослью вырубленныя мѣста и сѣяли лѣса вновь (2).

Относительно лѣсовъ, растущихъ на березовыхъ островахъ, постановлено, чтобы по случаю истребленія на нихъ насажденій, для Кронштадтскаго порта, не заготовлять и воспретить мѣстнымъ жителямъ продажу его промышленникамъ. Для сохраненія же существующихъ запасовъ, Камеръ-Конторѣ сдѣлать расчетъ, сколько каждому крестьянскому дому слѣдуетъ рубить лѣсу и сколько могутъ крестьяне продать на, отходящія въ море, казенныя и иностранныя суда и на содержаніе маяковъ (3).

(1) П. С. З. XVII. 12,428.
(2) П. С. З. XVII. 12,430.
(3) П. С. З. XVII. 12,743.

По жалобѣ Выборгскаго вице-губернатора Энгельгардта на тамошній гарнизонъ и воинскія команды, требовавшіе лѣсъ въ большомъ количествѣ, чѣмъ имъ нужно, Сенатъ приказалъ Военной Коллегіи подтвердить воинскимъ командамъ, чтобы онѣ рубили лѣса съ позволенія губернаторовъ, именно тѣ, какія имъ будутъ отведены и безъ излишества (¹). А въ 1772 году, повелѣно Егермейстеру фонъ-Польману наблюдать за лѣсами въ Царскосельскихъ дачахъ, чтобы не истребляли насажденій ни рубками, ни сдираніемъ коры; виновныхъ въ нарушеніи этого постановленія отдавать въ солдаты, а негодныхъ къ военной службѣ ссылать на поселеніе (²). Причину этой строгой мѣры нужно искать въ особомъ назначеніи лѣсовъ Царскосельскаго имѣнія. Такимъ образомъ указъ Польману получаетъ частное назначеніе и не подходитъ подъ категорію постановленій, относившихся вообще до государственныхъ лѣсовъ.

Въ 1766 году, велѣно публиковать по всему государству, чтобы на сженіе смолы не употребляли лѣса, годнаго для другаго дѣла, и гнать ее изъ деревъ, которыя пропадаютъ даромъ, а также изъ пней и корней (³), а въ 1772 году, по случаю истощенія лѣсовъ въ Оренбургской губерніи, запрещена въ ней промышленникамъ гонка дегтя, и дозволена только мѣстнымъ жителямъ для своего употребленія (⁴).

Сбереженіе лѣсовъ не могло не обращать на себя особаго вниманія правительства, которому было очень хорошо извѣстно, какъ народъ обращался съ лѣсами. Крестьяне рубили лѣсъ «великими тысячами» на продажу, но вывозили изъ лѣсу не все вырубленное количество, такъ что много лѣсу гнило и пропадало безъ всякой пользы, — изъ 7 до 10 и болѣе вершковыхъ деревъ вытесывали не болѣе двухъ или трехъ половыхъ досокъ, а тесу не болѣе 5 досокъ; гробы дѣлали по прежнему долбленые. Не смотря

(¹) П. С. З. XVIII. 13,144.
(²) П. С. З. XIX. 13,835.
(³) П. С. З. XVII. 12,775.
(⁴) П. С. З. XIX. 13,868.

на все это, въ правленіе Екатерины Второй, отличавшееся особенной кротостью, не было принято рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію излишнихъ нерасчетливыхъ рубокъ, и изъ числа общихъ постановленій, имѣвшихъ обязательную силу, издана инструкція «сотскому съ товарищи», которому вмѣнялось въ обязанность объявить съ подписками управителямъ, старостамъ, выборнымъ и крестьянамъ, чтобы лѣсъ на доски не кололи, а пилили. Если же у нихъ нѣтъ ни мельницъ, ни ручныхъ пилъ, то для полученія пилъ являлись бы въ Канцеляріи;—вмѣстѣ съ тѣмъ поручено сотскимъ наблюдать, чтобы на дрова и уголья употребляли валежникъ и пни, и чтобы изъ толстыхъ дубовъ, сосенъ и елей отнюдь не дѣлали бы долбленыхъ гробовъ ([1]).

Относительно предупрежденія лѣсныхъ пожаровъ, сотскимъ поручено смотрѣть, чтобы проѣзжающіе и крестьяне не раскладывали огней близъ лѣсовъ, и въ случаѣ пожара, къ потушенію его принимали «всевозможное стараніе». (Тамъ же п. 12).

По случаю лѣснаго пожара, бывшаго въ 1766 году на Черной рѣчкѣ и по большой Выборгской дорогѣ, вышло отъ Сената подтвержденіе, исполнять въ точности указъ 1752 года, а С. Петербургской и Выборгской Губернскимъ Канцеляріямъ подтверждено, употребить всевозможное стараніе къ потушенію огня ([2]). 249 ст. 1 части «учрежденій для управленія губерній Всероссійской Имперіи»; на земскаго капитана возложено смотрѣть, чтобы проѣзжающіе не раскладывали огней близъ мостовъ, строеній и лѣсовъ, но если огонь будетъ разложенъ, то не уѣзжали, не потушивъ его. Когда же случится такой пожаръ, что будетъ угрожать опасность всей дачѣ, то исправникъ долженъ принять всѣ мѣры къ потушенію огня и заставить обывателей окапывать горящія мѣста рвами и канавами ([3]).

([1]) П. С. З. XIX. 14,231 п. 19.

([2]) П. С. З. XVII. 12,707.

([3]) П. С. З. XX. 14,392.

Относительно охраненія лѣсовъ, въ царствованіе Екатерины, не встрѣчаемъ ничего новаго: Петровскій порядокъ оставался въ прежней силѣ, изданы только два указа о сторожахъ Тульскихъ засѣкъ. По представленію Тульскаго и Калужскаго генерал-губернатора Кречетникова о недостаткѣ земель у приписанныхъ къ засѣкамъ сторожей и Дедиловскихъ крестьянъ, въ 1778 году повелѣно на каждую переписную душу нарѣзать по 15 десятинъ ([1]), а указомъ 1782 года велѣно стражу, приписанную къ засѣкамъ, «для отвращенія тягости обывателямъ» оставить на прежнемъ основаніи, «пока изданы будутъ отъ Насъ о сей и другихъ частяхъ хозяйственныхъ потребныя постановленія ([2])». Указъ этотъ изданъ въ 1782 году; не смотря на это, правительство не сдержало своего обѣщанія и не издало ничего новаго и ни одного важнаго «потребнаго» постановленія.

Въ указѣ 23 іюля 1762 года правительство выразилось слѣдующимъ образомъ: такъ какъ «въ бывшее передъ симъ правительство» государственная казна истощилась, увеличились излишніе расходы, «отчего неисчислимыя въ государствѣ приключаются неполезности», то Сенату поручено между прочимъ: продать засѣки и нерозданныя земли, чтобы частнымъ владѣльцамъ дать средства къ размноженію экономіи, а государству «споможествованіе» ([3]). О всѣхъ засѣкахъ и свободныхъ земляхъ, повелѣно Главной Межевой Канцеляріи, Вотчинной Коллегіи, Губернаторамъ и Воеводамъ составить подробныя вѣдомости и представить ихъ въ Сенатъ; продажу же земель производить съ публичнаго торга, аукціоннымъ порядкомъ, въ Москвѣ при Вотчинной Коллегіи, а въ Петербургѣ при Вотчинной Конторѣ ([4]).

Указомъ 1766 года предписаны Московской Межевой Канцеляріи подробныя правила, какъ поступать при про-

---

([1]) П. С. З. XX. 14,715.
([2]) П. С. З. XXI. 15,554.
([3]) П. С. З. XVI. 11,624.
([4]) П. С. З. XVI. 11,651.

дажѣ засѣкъ и какимъ образомъ нарѣзать ихъ новымъ владѣльцамъ. Въ продажу назначены всѣ засѣки кромѣ Тульскихъ, Богородицкой степи, земель, назначенныхъ подъ поселеніе колонистовъ, и предоставленныхъ разсмотрѣнію генерал-фельдцейхмейстера. Деньги, вырученныя отъ продажи земель, предположено употребить на производство государственнаго межеванія. Продажу производить безъ аукціоннаго торга, но по цѣнамъ назначеннымъ въ реэстрѣ, приложенномъ къ манифесту 19 сентября 1765 года о генеральномъ межеваніи (1), и такимъ лицамъ, которыя по закону могутъ пользоваться недвижимымъ имѣніемъ, а между ними предпочитать тѣхъ, которыя имѣютъ на продаваемыхъ земляхъ поселенія, или же смежны своими дачами (2).

Въ 1765 году, Сенатъ предписалъ генерал-фельдцейхмейстеру графу Орлову разсмотрѣть, всѣ ли, приписанныя къ Тульскимъ заводамъ, засѣки необходимы для заводовъ и для, предполагаемыхъ къ поселенію, иновѣрцевъ. Орловъ представилъ, что Картаесневская, Карницкая и особенно Веневская засѣки менѣе важны чѣмъ остальныя, потому, что охраненіе ихъ труднѣе чѣмъ другихъ засѣкъ, заготовки лѣсовъ для заводовъ дѣлаются въ нихъ въ весьма незначительномъ количествѣ, и только за оброчныя статьи получается ежегодно со всѣхъ трехъ 621 р. 49³/₄ к., по этому въ сохраненіи этихъ засѣкъ для заводовъ нѣтъ особенной необходимости. Остальныя же пять засѣкъ: Щегловскую, Малиновую, Лихвинскую, Перемышльскую и Козельскую необходимо оставить по прежнему въ вѣдѣніи Тульскаго завода. Сенатъ, разсмотрѣвъ это представленіе, и имѣя въ виду, что неизвѣстно какъ велико будетъ поселеніе иностранцевъ въ Богородицкой степи, и что можетъ быть засѣки эти потребуются не только для колонистовъ, но даже и для государственныхъ крестьянъ — о чемъ по неокончанію размежеванія судить вполнѣ нельзя—опредѣлилъ засѣкъ не продавать, и состоять имъ по прежнему въ вѣдѣніи Ору-

---

(1) П. С. З. XVII. 12,474.

(2) П. С. З. XVII. 12,595 и Гл. XXXII. Ин. о Меж. п. 1.

жевой Канцелярiи (¹), а въ 1778 году 18 сентября именнымъ указомъ, даннымъ Межевой Экспедицiи, прекращена совсѣмъ продажа засѣкъ и всякихъ порозжихъ земель во всемъ государствѣ (²).

Татары, приписанные къ заготовленiю корабельныхъ лѣсовъ, были постоянно недовольны, возложенною на нихъ, повинностью, и дѣло не могло быть иначе, вслѣдствiе невѣрности основной идеи подобнаго учрежденiя. Жалобы, приносимыя лашманами въ царствованiе Елисаветы, повторились и въ царствованiе Екатерины II. Изъ свѣдѣнiй, доставленныхъ Императрицѣ Казанскимъ генерал-губернаторомъ, оказалось, что для заготовки корабельныхъ лѣсовъ не было назначено опредѣленнаго времени, слѣдовательно лашмановъ могли брать въ казенную работу лѣтомъ во время полевыхъ занятiй, и сверхъ того задѣльная плата назначалась имъ меньшая, чѣмъ крестьянамъ, приписаннымъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ. По этому Императрица, входя въ положенiе лашмановъ, рескриптомъ на имя генерал-прокурора князя Вяземскаго повелѣла: лѣса, принадлежащiе къ Адмиралтейству, передать въ вѣдомство директоровъ домоводства, а относительно охраненiя и употребленiя ихъ, поступать, «какъ въ Уставѣ о лѣсахъ сказано будетъ» (³). Лашмановъ передать тоже въ вѣдѣнiе директоровъ, и Адмиралтействъ-Конторамъ не вступаться въ нарядъ рабочихъ. При нарядахъ рабочихъ, распредѣлять ихъ такъ, чтобы они имѣли достаточно времени для собственныхъ домашнихъ и полевыхъ занятiй (⁴).

Вслѣдствiе этого желанiя Императрицы, лѣса, находившiеся въ вѣдѣнiи Адмиралтействъ-Коллегiи и лашмана переданы въ 1782 году Директорамъ Домоводства. Заготовку корабельныхъ лѣсовъ предположено производить съ 1 октября,

---

(¹) П. С. З. XVIII. 12,905.

(²) П. С. З. XX. 14,801.

(³) Въ дошедшихъ до насъ извлеченiяхъ изъ устава о лашманахъ ничего не сказано.

(⁴) П. С. З. XXI. 15,251.

а всѣ распоряженія, о нарядѣ крестьянъ и пріискаціи деревъ, кончать за три мѣсяца до этого срока. Задѣльную плату назначить имъ по 20 копѣекъ конному и по 10 пѣшему въ день, а на проходъ до мѣста работъ по 3 коп. пѣшему и по 6 конному въ день, полагая на каждый день пѣшему 25, а конному 50 верстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ, имѣя въ виду, что причина постоянныхъ жалобъ лашмановъ заключается въ томъ, что они желаютъ быть освобождены отъ работъ, полагалъ на основаніи бывшаго уже въ 1774 году Высочайшаго повелѣнія о заготовкѣ лѣсовъ подрядомъ, возобновить Высочайшее повелѣніе и для этого поручить Адмиралтействъ-Коллегіи, Генерал-Губернаторамъ и Казеннымъ Палатамъ пріискивать охотниковъ заготовлять лѣсъ по вольной цѣнѣ, но съ тѣмъ, чтобы она «не превосходила въ разсужденіи казенной пользы надлежащей мѣры» (¹).

Въ 1787 году поступило въ Сенатъ донесеніе Казенной Палаты Симбирскаго Намѣстничества. Палата объяснила, что часто до срока окончанія заготовки, рабочихъ бываетъ необходимо пересылать изъ одного мѣста въ другое, и хотя о вознагражденіи рабочихъ за этотъ переходъ въ постановленіяхъ нѣтъ положительныхъ указаній, тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ засчитывать лашманамъ это время въ работу, и примѣняясь къ указу 1782 года, выдавать имъ какъ за проходъ отъ дома до мѣста работъ по 3 и по 6 копѣекъ въ сутки. Сенатъ согласился съ представленіемъ Палаты и приказалъ распространить это правило не только на Симбирское, но и на другія Намѣстничества, въ которыхъ заготовляются корабельные лѣса (²).

Относительно заготовки корабельныхъ лѣсовъ подрядчиками, съ передачей лѣсовъ въ вѣдѣніе Казенныхъ Палатъ, постановлено, чтобы при заключеніи въ Адмиралтействъ-Коллегіи условій, отбирать отъ подрядчиковъ свѣдѣнія, сколько именно лѣсу, какой мѣры, въ какое время и гдѣ

(¹) П. С. З. XXI. 15,494.

(²) П. С. З. XXII. 16,518.

будутъ опи заготовлять и, по заключеніи контракта, посылать копіи съ нихъ и вышеозначенныя свѣдѣнія въ мѣстныя Казенныя Палаты (*).

Въ 1766 году состоялось повелѣніе о генеральномъ размежеваніи Россіи. Въ изданныхъ по этому предмету, инструкціяхъ и наставленіяхъ землемѣрамъ, помѣщены, относительно лѣсовъ, слѣдующія правила. Мы выпишемъ здѣсь только главныя изъ нихъ.

Земли велѣно мѣрить десятинами, полагая десятину въ длину 80, и въ ширину 30 трехъ-аршинныхъ саженъ; поверстные лѣса класть тоже въ десятины и версту принимать въ тысячу трехъ-аршинныхъ саженъ. Такимъ образомъ, если въ писцовыхъ книгахъ сказано, что лѣсъ идетъ на версту вдоль и поперегъ, то отмѣривать 416 д. 1,600 саж., а не втрое, какъ это дѣлается съ пашней — полагая извѣстную мѣру въ полѣ и въ дву потому жъ.

Когда случится межеваніе спорныхъ земель, то до рѣшенія спора обязывать владѣльцевъ подписками, отнюдь не рубить лѣсовъ, а довольствоваться только валежникомъ. Если же кто на спорной землѣ будетъ рубить лѣсъ, до рѣшенія дѣла, то съ виновныхъ взыскивать за каждую десятину вдесятеро, противъ назначенной лѣсу продажной цѣны. Межевымъ же Канцеляріямъ и Конторамъ дѣла о лѣсахъ рѣшать преимущественно предъ дѣлами о земляхъ безлѣсныхъ.

Когда, при спорахъ дѣло дойдетъ до размежеванія по дачамъ, то сначала отмѣривать четвертную и десятинную пашню и десятинные лѣса, а въ поверстные лѣса оставлять уже, что останется за десятиннымъ расчетомъ.

Поверстные или десятинные лѣса, написанные вообще, нарѣзать селеніямъ по числу, показанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, пашенныхъ—земель каждому селенію особо.

На дачи изъ дикихъ поль—по 100 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, мѣрить въ каждомъ полѣ по 50 деся-

(*) П. С. З. XXIII. 17,134.

тинъ,—слѣдовательно на три—150 д.,—подъ усадьбу и выгонъ 5 десятинъ, на покосы 25 д., на лѣсныя угодья, а гдѣ есть лѣсъ, то изъ лѣса 20 десятинъ, всего на 100 четвертей 200 десятинъ.

Поверстные лѣса, находящіеся во владѣніи, или распаханные безъ дачъ, отдавать тѣмъ, кто ими владѣетъ, со взысканіемъ денегъ, положенныхъ за пашню.

Поверстные же лѣса, находящіеся во владѣніи безъ всякаго основанія,—самовольно,—отдавать владѣльцамъ по цѣнѣ, положенной за, насильно завладѣнные, строевые лѣса.

Когда въ писцовыхъ книгахъ поверстные лѣса описаны неакуратно, напр. показанъ только одинъ длинникъ, «а поперечниковъ извѣстныхъ означено два, а о третьемъ сказано что меньше меньшаго», то утверждать по живымъ урочищамъ; если же нѣтъ урочищъ, то превращать такія площади въ правильныя фигуры; такимъ образомъ, напримѣръ если длина двѣ версты, поперечникъ полторы, а мѣстами меньше или больше, въ такомъ случаѣ, для превращенія въ правильную фигуру, полагать линіи длины въ 2000 саженъ, а поперегъ съ одного конца 500, а съ другаго 250 саженъ, въ срединѣ же 188 саж., выведя средній поперечникъ въ $312\frac{2}{3}$ сажени; въ площади всей фигуры должно заключаться 260 десятинъ. Когда сказано въ писцовыхъ книгахъ: лѣсу на версту или на полверсты, но не объяснено въ длину или поперегъ, то принимать квадратъ полуверсты или 104 д. 400 с.; гдѣ же сказано на полверсты, то брать квадратъ четверти или 26 д. 100 с.

Дворцовые поверстные черные и бортные лѣса межевать на общемъ основаніи.

Въѣзды въ лѣса оставить по прежнему до составленія общаго постановленія. Пользоваться въѣздами только тѣмъ, кому они принадлежатъ, но не передавать никому своихъ правъ. Если, имѣющій право въѣзда, позволитъ другому рубить въ въѣзжемъ лѣсу, то за каждую десятину долженъ заплатить вдесятеро противъ продажной цѣны лѣса, и деньги поступаютъ въ пользу остальныхъ владѣльцевъ въѣзжаго лѣса.

Въѣзжіе лѣса, лежащіе между разныхъ селъ и деревень, но въ дачи непожалованные, оставлять для въѣзда до тѣхъ поръ, пока еще есть лѣсъ.

Новыхъ въѣздовъ не давать никому; помѣщикамъ же, неимѣющимъ своихъ лѣсовъ и требующимъ въѣзда въ чужіе, въ просьбѣ отказывать и объявлять, чтобы они не расчитывая на чужіе лѣса, сѣяли и заводили ихъ на своихъ земляхъ.

Если за нарѣзкой земли на число душъ, свободной земли не останется, такъ что владѣльцамъ, имѣвшимъ право въѣзда въ своихъ новыхъ дачахъ, будетъ недостатокъ въ лѣсѣ, то дозволить имъ право въѣзда на 10 лѣтъ, но только для себя, а не на продажу. Всѣмъ священно и церковнослужителямъ, которые состоятъ при церквахъ, дозволяется право въѣзда въ лѣса, принадлежащіе селеніямъ ихъ прихода, не исключая пустошей, въ которыхъ рубятъ лѣса сами помѣщики.

Засѣки, описанныя Вальдмейстерами или обмежеванныя ранѣе, когда признаки видны—межевать по признакамъ; въ противномъ же случаѣ—по владѣнію, какъ окажется въ натурѣ.

Далѣе, въ XXXII главѣ Инструкціи изложены правила продажи и межеванія засѣкъ. Въ правилахъ продажи, между прочимъ, постановлено: продавать засѣки такъ, чтобы внутри проданныхъ частей неоставить непроданной земли менѣе 100 десятинъ, чтобы земля при продажѣ нарѣзалась къ одному мѣсту, а не на выборъ, и въ надлежащемъ отношеніи пашни, покосовъ и другихъ угодій. Землемѣрамъ особенно подтверждено наблюдать крѣпко, чтобы не межевать только однихъ лучшихъ угодій, а все, какъ придется подлѣ селенія къ одному мѣсту. Рѣки, озера, пруды, дороги, болота и другія неудобныя мѣста въ четвертную пашню и сѣнные покосы не класть, а оставлять безденежно за тѣми, у кого случатся въ земляхъ сверхъ приданнаго имъ числа четвертей (*).

(*) П. С. З. XVII. 12,570, 12,639 и 12,711.

Относительно размежеванія земель для иностранныхъ колонистовъ, которыми Екатерина «при недостаткѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ природныхъ поселянъ» хотѣла заселить «пусто и безплодно лежащія земли и дикія поля», были постановлены особыя правила. Такимъ образомъ въ 4, 5, 6 и 7 пунктахъ именнаго повелѣнія о межеваніи земель, подъ населеніе иностранныхъ колонистовъ, сказано: если, при нарѣзкѣ земли частнымъ владѣльцамъ, окажутся по плану излишки противу числа душъ, то лишнюю землю назначать подъ поселеніе колонистовъ. Но чтобы, при подобной нарѣзкѣ, крестьяне не могли быть лишены какихъ нибудь необходимыхъ угодій, то поступать слѣдующимъ порядкомъ: къ каждому селенію отрѣзывать, надлежащее ему, число десятинъ сряду. Къ тѣмъ селеніямъ, которыя построены при рѣкахъ или озерахъ, и мѣры владѣнія ихъ по живымъ урочищамъ не назначены, при нарѣзкѣ вычислить впередъ полную дачу десятинами, и приведя общую площадь въ сажени, извлечь квадратный корень, и это число отмѣривать вдоль озера или рѣки, такъ чтобы селеніе приходилось въ серединѣ. Но если по мѣсту такимъ образомъ поступать нельзя, то назначить межу вдоль рѣки на протяженіи шестою долею меньше обозначенной пропорціи. Гдѣ случится, что лѣса удалены отъ жилищъ, то прокладывать къ угодьямъ дорогу, шириной въ три сажени, и обвести лѣсъ особой межой.

Если лѣса должны входить въ нарѣзку, но въ крѣпостяхъ не обозначена ихъ площадь, то въ такомъ случаѣ, какъ колонистамъ, такъ и остальнымъ крестьянамъ нарѣзать по одной съ четвертью десятины на ревизскую душу.

Лѣсамъ, назначаемымъ въ надѣлъ будущимъ иностраннымъ поселенцамъ, составлять немедленно точные планы и отсылать ихъ къ губернаторамъ; губернаторамъ же принимать мѣры къ сохраненію лѣсовъ, до заселенія земель колонистами. За самовольную порубку этихъ лѣсовъ велѣно взыскивать штрафу, за каждую десятину, вдесятеро противъ мѣстной продажной цѣны лѣса, а за вырубку отдѣльныхъ деревъ — за дерево болѣе 4 верш. одинъ рубль, а

тоньшие по 30 коп.; за дровяной лѣсъ по 10 коп. со ствола. Половину штрафной суммы обращать въ капиталъ поселенцевъ, а другую отдавать изобличителю порубщика (*).

Размежеваніе земель, по новости дѣла, по слишкомъ огромнымъ размѣрамъ, въ которыхъ оно производилось, не могло не встрѣтить много обстоятельствъ, мѣшавшихъ его окончанію. Причиной были и владѣльцы земель и лица, производившіе межеваніе. При нарѣзкѣ порозжихъ лѣсовъ оказалось, что нѣкоторые владѣльцы присвоили себѣ изъ нихъ пространства, несоотвѣтствующія дачамъ, и дѣлали подобныя невѣрныя показанія только потому, что нѣкому было ихъ оспаривать, или же, не желая высылать своихъ людей на прорубку граничныхъ просѣкъ, владѣльцы отказывались отъ своихъ лѣсовъ, а послѣ, когда межи установлялись по показаніямъ окольныхъ людей, говорили, что лѣса эти принадлежатъ имъ по крѣпостямъ. Землемѣры же съ своей стороны дѣлали часто размежеваніе безъ приглашенія владѣльцевъ, надѣляли нѣкоторыхъ большимъ количествомъ земли чѣмъ слѣдовало, нарѣзали казенныя земли, подъ видомъ крѣпостныхъ и дачъ и требовали «того, что по данной инструкціи требовать не только не дозволено, но накрѣпко и запрещено». Наконецъ и Межевыя Канцеляріи рѣшали невѣрно спорныя дѣла, частью по недоразумѣнію, а иногда по невѣрному пониманію указовъ о межеваніи. Кромѣ этого и во время межеванія открылись такіе случаи, какихъ, при составленіи инструкцій, нельзя было предвидѣть. Напримѣръ, по 18 пункту 4 главы инструкціи, Межевымъ Канцеляріямъ и Конторамъ слѣдовало намѣривать сначала все извѣстное пространство, принадлежащей по дачамъ или по писцовымъ книгамъ, земли и этомъ пополнять открывшійся недостатокъ земли въ поверстномъ лѣсу. Между тѣмъ, при исполненіи этого правила, часто не оставалось ничего для нарѣзки смежной пустоши, и она вся должна была идти въ поверстный лѣсъ.

(*) П. С. З. XVII. 12,519.

Для отклоненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, изданы особыя постановленія, выходившія по мѣрѣ вызывавшихъ ихъ случаевъ. Первое подобное постановленіе издано въ 1772 году; имъ разрѣшены разныя мелочныя недоумѣнія Московской губернской Межевой Канцеляріи ([1]). Въ 1777 году, указомъ Сената повелѣно: съ лицами, невѣрно показывающими границы своихъ имѣній, поступать по 4 и 5 пункту 13 главы инструкціи Межевымъ Канцеляріямъ и Конторамъ. Отъ тѣхъ же, кто не будетъ высылать своихъ людей на прочистку межъ, а послѣ покажутъ, что земли эти принадлежатъ имъ, отмежевывать эти пространства въ казну ([2]). Строгое наблюденіе за землемѣрами, чтобы они правильно исполняли свои обязанности, и чтобы, вмѣсто неудовольствія народа, «они пріобрѣли похвалу и благодарность», возложено на Межевую Канцелярію и Конторы, съ тѣмъ, что если откроются неправильныя дѣйствія землемѣровъ, то наказанію подвергнутся не только сами виновные, но и члены Конторъ, къ прямымъ обязанностямъ которыхъ относилось наблюденіе за производствомъ полевыхъ работъ ([3]). Главное недоразумѣніе встрѣтили межевыя канцеляріи въ рѣшеніи дѣлъ о поверстныхъ лѣсахъ. Между прочими обстоятельствами, мѣшавшими дѣлу, была мѣра. При составленіи писцовыхъ книгъ въ царствованіе Михаила Θеодоровича, поверстные лѣса писались по сказкамъ; опредѣленной мѣры постановлено не было, и только «уложеніемъ» опредѣлено принимать версту въ тысячу трехаршинныхъ саженъ. Наконецъ и писцы были большею частію неграмотные, «а геометріи, яко нужнѣйшей къ сему дѣлу, со всѣмъ не разумѣли». По этому и поверстные лѣса не мѣрились, а только писались примѣрно, — слѣдовательно, при генеральномъ межеваніи, необходимо должны были открываться такіе случаи, что за нарѣзкой земли одному владѣльцу, другому не оставалось ничего. По всѣмъ этимъ

([1]) П. С. З. XIX. 13,885.
([2]) П. С. З. XX. 14,611.
([3]) П. С. З. XXI. 15,648.

обстоятельствамъ, Межевая Канцелярія полагала, не считать поверстные лѣса дачами, а межевать ихъ по владѣніямъ. Сенатъ, ссылаясь на указы и грамоты, изданныя до Екатерины II и въ ея царствованіе, опровергъ представленіе Межевой Экспедиціи и приказалъ ей дѣйствовать во всемъ, согласно съ изданными постановленіями, разрѣшавшими вполнѣ всѣ недоумѣнія ([1]). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за нарѣзкой одному владѣльцу земли, другому недостанется ничего — приглашать постороннихъ людей и межевать по ихъ показаніямъ. Если же присяжные не утвердятъ подъ присягой прежняго владѣнія, то спорную землю дѣлить по числу безспорныхъ земель. Къ селеніямъ же отмѣривать по 8 десятинъ на душу ([2]).

При восшествіи на престолъ, Екатерина II, въ видахъ поощренія и развитія торговли, постановила: торговлю смолой, составлявшую монополію казны и, указомъ Елисаветы отданную на откупъ Нарышкину, предоставить всѣмъ свободно, кто бы ни пожелалъ. Поташъ-же оставленъ казеннымъ товаромъ ([3]). Но какъ приготовленіе поташа производилось вообще въ незначительномъ количествѣ, а въ послѣднее время и вовсе прекратилось, между тѣмъ Контора, учрежденная для наблюденія за этимъ дѣломъ, извѣстная подъ именемъ Поташной, наблюдала только за лѣсами и крестьянами, приписанными къ поташному производству, и на содержаніе Конторы расходовалось совершенно напрасно 1,291 рубль ежегодно, то и предположено Контору упразднить. Крестьяне 20,224 души, состоявшіе въ вѣдѣніи конторы, какъ относительно подушнаго сбора, управленія ими и охраненія лѣсовъ, такъ и для приготовленія поташа, когда послѣдуетъ о томъ приказаніе, повелѣно поручить надзору тѣхъ городскихъ начальствъ, въ вѣдѣніи которыхъ они состояли и ранѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммерцъ-Коллегія полагала описать подробно лѣса, назначенные для приго-

---

([1]) П. С. З. XX. 14,750.

([2]) П. С. З. XX. 15,077.

([3]) П. С. З. XVI. 11,630.

товленія поташа, и это дѣло считала тѣмъ болѣе необходимымъ, что смѣты о количествѣ лѣса, возможнаго къ вырубкѣ, были составлены по «крестьянскимъ сказкамъ, безъ точнаго основанія». По составленіи же описаній и картъ раздѣлить дачи на лѣсосѣки, не менѣе какъ на тридцать и обезпечить такимъ образомъ потребность въ лѣсѣ для поташнаго производства. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Коллегіи относительно уничтоженія Поташной Конторы. Чтоже касается до описанія и раздѣленія лѣсовъ и объ основаніяхъ, на которыхъ производить добываніе поташа и отпускъ его за границу, велѣно доложить впередъ (1).

Указами 12 іюля 1773 года и 26 февраля 1774 года, разрѣшено всѣмъ свободно дѣлать поташъ, перлашъ и смольчугъ, но свободная торговля имъ допущена только внутри Имперіи (2), а въ декабрѣ 1780 года дозволены отпуски ихъ и за границу со взысканіемъ пошлинъ, положенныхъ по тарифу (3).

Обращая такое вниманіе на пользы народа, Екатерина не могла оставить безъ особыхъ мѣръ и внутренней торговли, по крайней мѣрѣ въ столицахъ. Для отвращенія недостатка и дороговизны въ дровахъ, указомъ 14 ноября 1783 года, постановлено: купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ всѣхъ вѣдомствъ дозволить свободно торговать въ С. Петербургѣ и въ другихъ городахъ оптомъ и въ разницу; по этому городничимъ, исправникамъ и земскимъ судамъ поручено наблюдать, чтобы при провозѣ и сплавѣ дровъ чрезъ уѣзды и города, торговцамъ не дѣлали никакихъ притѣсненій. Дозволить торговать дровами произвольной длины и предоставить назначеніе цѣны на добровольное согласіе продавца и покупателя. Съ барокъ, проходящихъ чрезъ мосты на Невѣ и Невкахъ, не брать никакихъ пошлинъ. Въ удобныхъ и не слишкомъ отдаленныхъ отъ рѣкъ мѣ-

(1) П. С. З. XVI. 12,161.
(2) П. С. З. XIX. 14,131.
(3) П. С. З. XX. 15,099.

стахъ, отвести въ разныхъ частяхъ города мѣста для безпошлинной выгрузки дровъ. Для удержанія постоянно умѣренной на дрова цѣны, не только содержать казенный запасный дровяной магазинъ, но и усиливать его капиталъ доставкой дровъ изъ лѣсовъ вѣдомства директора домоводства С. Петербургской губерніи. А потому командировать въ вѣдѣніе директора землемѣровъ для съемки и описанія лѣсовъ, лежащихъ близъ Петербурга и представляющихъ возможность дешевой доставки дровъ въ столицу, и за тѣмъ лѣса эти раздѣлить на лѣсосѣки, согласно правиламъ, изданнымъ для сѣверной полосы. Сельскимъ обывателямъ дозволено свободно провозить въ Петербургъ дрова, сѣно и всякія сельскія произрастенія и продавать ихъ до полудня; но запрещена въ эти часы оптовая продажа ([1]). Чтобы пресѣчь перекупку дровъ и, чтобы подъ видомъ запасовъ для своего дома, купцы не могли дѣлать закупокъ для продажи, поручено Управѣ Благочинія собрать свѣдѣнія, сколько по числу комнатъ и печей нужно на годовое отопленіе каждаго дома, и не допускать за тѣмъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ злоупотребленій ([2]).

На указѣ Главнокомандующему въ Москвѣ графу Брюсу о еженедѣльномъ печатаніи въ вѣдомостяхъ цѣнъ на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, Екатерина написала: «заведите «исподволь, по примѣру здѣшняго, городовой хлѣбной и «дровяной магазины, и старайтеся узнать, нѣтъ ли пере- «купщиковъ въ городѣ или по дорогамъ» ([3]).

Наконецъ въ послѣдній годъ своего царствованія, Екатерина обратила вниманіе и на дороговизну дровъ въ Москвѣ. Сенатъ причиной дороговизны полагалъ большое количество близъ Москвы огнедѣйствующихъ заводовъ, и приведя на справку указъ Елисаветы (6 февраля 1747 года), полагалъ уменьшить число винокуренныхъ заводовъ; но, не ограничивая это разстояніемъ 200 верстъ отъ Москвы, запретить

([1]) П. С. З. XXI. 15,874.

([2]) П. С. З. XXI. 15,882.

([3]) П. С. З. XXII. 16,143.

заводскую выкурку вина въ одной только Московской губерніи. Относительно же другихъ огнедѣйствующихъ фабрикъ и заводовъ постановлено, что хотя они и истребляютъ лѣса значительно, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ большую пользу разнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства, да наконецъ и устройство ихъ стоитъ дорого ихъ владѣльцамъ, то нынѣ существующіе заводы оставить, но новыхъ въ Московской губерніи не устроивать ([1]). Генералъ-аншефъ графъ Брюсъ представлялъ Сенату, что пропускъ лѣсовъ плотами чрезъ Вышневолоцкіе шлюзы можетъ нанести вредъ шлюзамъ. По этому постановлено, до изысканія средствъ къ безопасному пропуску плотовъ, лѣсъ въ плотахъ черезъ шлюзы не пропускать, а предоставить промышленникамъ, «пользуясь свободою лѣснаго торга, дарованною указомъ 22 сентября 1782 года», провозить лѣса на баркахъ. Правило это не распространять на другія рѣки ([2]).

Относительно лѣсныхъ промысловъ и постройки судовъ, отданныхъ купцамъ Гому, Крылову и Баженину у Архангельскаго порта, Адмиралтействъ-коллегія представила свое мнѣніе и полагала прекратить этотъ промыселъ ([3]). Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія Коллегія приводила слѣдующія причины: отъ свободной рубки лѣсовъ можетъ произойти со временемъ недостатокъ въ деревьяхъ для постройки военныхъ кораблей — прежде 66 пушечный корабль обходился въ 1,876 руб., а въ послѣднее время въ 4,990 руб.; по этому Коллегія полагала запретить Гому рубку лѣсовъ по Двинѣ и по Онегѣ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ нарочно посланнымъ въ Колу офицеромъ, оказалось, что тамъ нѣтъ лѣсовъ годныхъ для постройки судовъ, и Коллегія считала Гома причиной ихъ истребленія; цѣны на заготовки лѣсовъ возвысились и число лиственничныхъ деревъ умень-

---

([1]) П. С. З. XXIII. 17,411.

([2]) П. С. З. XXII. 15,954.

([3]) Гомъ купилъ свое право въ 1760 году отъ графа Шувалова, Баженину дано позволеніе въ 1700 году, а Крылову въ 1734 году. См. царствованія Петра Великаго, Анны Ивановны и Елисаветы Петровны.

шилось, деревья дозволенныя Баженину и Крылову могутъ въ постройкѣ военныхъ кораблей годиться на гротъ-марсовыя и на фрегатныя одинакія фокъ-мачты.

Для разрѣшенія этого вопроса, по важности дѣла и приносимымъ Гомомъ казнѣ выгодамъ, былъ командированъ генералъ-поручикъ Веймарнъ. Сообразивъ на мѣстѣ всѣ обстоятельства, и собравъ данныя необходимыя для рѣшенія дѣла, Веймарнъ совершенно опровергъ мнѣніе Адмиралтействъ-коллегіи, доказывая, что заключеніе ее объ уменьшеніи лѣсовъ чистая догадка, не основанная ни на одномъ фактѣ и Гомъ своими незначительными рубками по 27,000 бревенъ, 21,000 жердей и шестовъ и 583 саж. дровъ не могъ истребить лѣсовъ; цѣны на корабельные лѣса начали возвышаться еще съ 1740 года, слѣдовательно Гомъ въ этомъ невиноватъ. По осмотру Веймарномъ лѣсовъ, по Двинѣ и по впадающимъ въ нее рѣкамъ, оказалось, что недостатка въ нихъ рѣшительно нѣтъ не только въ настоящее время, но и не предвидится надолго впередъ. Если изъ дозволенныхъ промышленникамъ размѣровъ могутъ выдти деревья, годныя для военныхъ кораблей для некрупныхъ штукъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что промышленникамъ слѣдуетъ запретить рубку. Генералъ Панинъ, наблюденію котораго порученъ былъ промыселъ Гома, вмѣстѣ съ свѣдѣніями доставленными Веймарномъ, представилъ и свое заключеніе въ пользу Гома, Крылова и Баженина, доказывая, что истребленіе лѣсовъ въ Архангельской губерніи совершенно невозможно этими промышленниками: по описи 1748 года оказалось по Двинѣ до 2.000,000 деревъ, а вырублено купцами во все время содержанія промысловъ только 250,000, допуская даже 300,000, все-таки остается еще полтора милліона. Между тѣмъ выгоды отъ промысла Гома такъ значительны — казнѣ приходилось за весь промыселъ болѣе 700,000 руб., а расходы Гома такъ велики,— 543,000 руб., — что уничтожить промыслы нѣтъ никакихъ расчетовъ. Относительно Бажениныхъ и Крылова другое дѣло — имъ дано право постройки судовъ единственно для развитія въ Россіи кораблестроенія и торговли, но какъ

кораблестроеніе и промыслы развились уже достаточно, то можно бы и уничтожить права Баженииыхъ и Крылова. При всемъ томъ Панинъ полагалъ дозволить имъ промыселъ, чтобы прекращеніемъ вдругъ ихъ правъ не раззорить ихъ совершенно.

Мнѣніе Панина было утверждено во всемъ Императрицей (1), и въ томъ же году (1764 августа 13) послѣдовалъ указъ Сената о приведеніи въ исполненіе предположеній Панина. Гому позволялось строить свободно суда и торговать лѣсомъ въ размѣрѣ дозволенномъ Шувалову, и дозволеніе это сдѣлано обязательнымъ: Гомъ долженъ былъ имѣть не менѣе 20 кораблей и столько же грузить лѣсомъ иностранныхъ кораблей; а Баженину и Крылову, до составленія новаго учрежденія о торговлѣ, строить каждому ежегодно по два корабля; лѣсъ должны были рубить согласно вальдмейстерской инструкціи, а матеріалы необходимые для оснастки судовъ,—кромѣ блоковъ,—покупать русскіе. Купцы Баженинъ и Крыловъ, освобожденные прежними указами отъ всѣхъ повинностей, обязаны были «нести и исправлять ихъ равно съ своею братіею (2).»

Исторія торговли Гома кончилась очень печально: онъ сдѣлался несостоятельнымъ и промыселъ его отданъ въ казенное управленіе (въ вѣдѣніе Казенной Палаты и директора домоводства). Самъ же Гомъ на основаніи 9 статьи указа 7 августа 1782 года, въ которой сказано: «каторж-«ныхъ, кромѣ смертоубійцъ и такихъ, на коихъ поставлены «знаки, всѣхъ освободить и возвратить на прежнія ихъ «жилища» освобожденъ и дѣло его велѣно считать конченнымъ (3).

Въ видахъ поощренія и развитія нашей торговли съ Испаніей, дозволено въ 1766 году Олонецкому купцу Попову, какъ первому изъ русскихъ отправившему туда грузъ,

(1) П. С. З. XVI. 12,066.
(2) П. С. З. XVI. 12,223.
(3) П. С. З. XXI. 15,691.

выпустить изъ С. Петербургскаго порта 1,000 брусьевъ и 9,000 досокъ съ пониженіемъ пошлины (1).

Въ 1762 году разрѣшено для грузки желѣза отпускать изъ Петербургскаго порта на каждые 1,000 пудовъ 100 досокъ длиной отъ трехъ до четырехъ саженъ и толщиной въ два вершка. При грузкѣ кораблей оказалось, что доски клались неуказной мѣры, а дюймовки, и купцы, дѣлая расчетъ на кубическое содержаніе дозволеннаго количества, грузили большее число досокъ, чѣмъ дозволено. Убытка казнѣ отъ этого произойти разумѣется не могло, лѣсамъ тоже, рабочій же классъ выигрывалъ, — не смотря однако на это, главная надъ таможенными сборами канцелярія предписала Кронштадтской таможнѣ исполнять въ точности указъ 1762 года. Англійскіе купцы подали графу Миниху жалобу и на представленіе его, Императрицею дозволено отпускать распиленныя доски по расчету кубическаго содержанія всего разрѣшеннаго количества (2).

Изъ Архангельскаго порта дозволялось отпускать на каждый отходящій корабль шестовъ еловыхъ 200, стяговъ березовыхъ 50, веселъ еловыхъ 10 паръ, дровъ на корабли со смолой и саломъ по 12, а на прочіе по 6 саженъ, да досокъ по двѣ на каждый ластъ. Но какъ около Архангельска лѣсовъ было еще слишкомъ много, такъ что сажень дровъ на мѣстѣ стоила отъ 15 до 30 копѣекъ, между тѣмъ таможенныхъ пошлинъ съ каждой сажени сходило болѣе рубля, то Сенатъ на представленіе объ этомъ Коммерцъ-Коллегіи, имѣя въ виду прямыя, значительныя выгоды въ таможенномъ сборѣ: лѣсистость края и возможность болѣе значительнаго отпуска дровъ, нисколько не нарушая правилъ предписываемыхъ вальдмейстерской инструкціей, постановилъ, отпускать свободно березовые и ольховые дрова, со взысканіемъ положенной по тарифу пошлины. Этотъ неограниченный отпускъ дровъ дозволялся

(1) П. С. З. XVII. 12,644.
(2) П. С. З. XVII. 12,461.

до тѣхъ поръ, пока цѣна на нихъ не возвысится на мѣстѣ до рубля за сажень ([1]).

Въ 1783 году дозволено брать лѣсъ изъ Архангельскаго порта на починку торговыхъ кораблей безпошлинно, и съ тѣмъ, чтобы починка производилась при портѣ, если же корабельщики, не починивая судно, повезутъ лѣсъ въ морѣ, то взыскивать съ лѣса пошлину по тарифу ([2]).

Въ 1784 году изданы подробныя правила для мачтовыхъ браковщиковъ. Правила эти изложены въ 26 пунктахъ. Въ началѣ говорится объ отвѣтственности браковщика, о добросовѣстномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Въ случаѣ невѣрной оцѣнки лѣсовъ, браковщику не ставились въ оправданіе никакія извиненія—онъ не могъ сказать, что за снѣгомъ и льдомъ не могъ разсмотрѣть хорошо лѣсъ. Въ случаяхъ сомнительныхъ, когда браковщикъ не могъ оцѣнить вполнѣ дерево, онъ долженъ былъ назначать его во вторую руку.

Браковку складенныхъ лѣсовъ слѣдовало производить по прошествіи 8 дней по вынутіи ихъ изъ воды, въ случаѣ дурной погоды и позже, но никакъ не ранѣе, пока лѣсъ не просохнетъ и не обнаружитъ всѣ щели. Измѣреніе деревъ производить голландской пальмовой и футовой мѣрой, по образцамъ находящимся въ таможнѣ и заклейменнымъ казенной печатью. Длину дерева опредѣлять начиная съ отруба или того мѣста, откуда дерево является годнымъ, и до вершины или до мѣста, гдѣ кончается годная длина. Измѣреніе дѣлается футами и согласно таблицы, помѣщенной въ 12 параграфѣ, назначать соотвѣтствующую пальмовую толщину. Удостоивъ дерево мачтой или шпирой, клеймить каждое изъ нихъ горячимъ клеймомъ въ такомъ порядкѣ: отступя отъ комля 12 футовъ, назначить число пальмъ и выставить лит. П, потомъ на вершинѣ дерева показать длину его въ футахъ и поставить Ф. Деревья,

---

([1]) П. С. З. XVI. 11,960.

([2]) П. С. З. XXI. 15,803.

признанныя мачтами и шпирами первой руки, клеймить на пальмовомъ мѣстѣ штемпелемъ двойныхъ якорей на-крестъ, деревья второй руки знакомъ одного якоря. Деревья короткія или съ другими недостатками, если только они не гнилы, обозначать лит. В; также и шпиры второй руки, а деревья гнилыя и поврежденныя двойной буквой ВВ.

Мачта первой руки должна быть здороваго и смолистаго дерева, гладкая, прямая, совершенно круглая, не должна имѣть тонкую вершину, на пальмовомъ мѣстѣ ни выпукла, ни крива, и не должна имѣть много вѣтвей и поперечныхъ суковъ. Шпира первой руки полагается такихъ же достоинствъ. На обязанность браковщиковъ возлагался весь уходъ за мачтами: измѣреніе на иностранную мѣру, по желанію купца; наложеніе его штемпеля, обдѣлка, обрубка мачтъ, граненіе ихъ и скатываніе для зимовки. Всѣ эти работы браковщикъ производилъ своими людьми и своими инструментами, и въ 26 пунктѣ показаны цѣны, которыя обязаны были ему платить купцы.

Браковщикамъ запрещалось торговать лѣсомъ; лѣсъ найденный у браковщика въ первый разъ отбирался въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія той губерніи, гдѣ бракъ производился, а за вторую вину браковщикъ отрѣшался отъ должности (*).

До завоеванія Лифляндіи, жители города Пернова пользовались правомъ свободной торговли лѣсомъ, но въ 1720 году Петръ Великій запретилъ отпукъ лѣса изъ Пернова; впослѣдствіи, однако, чтобы построенныя въ Перновѣ мельницы не оставались безъ дѣла, дозволено имъ распиливать и отпускать за море 7,000 бревенъ и мѣщанамъ 3,000, всего 10,000 бревенъ, сверхъ того на каждое судно позволено брать по 50 жердей и по 5 саженъ дровъ. Наконецъ Елисавета Петровна указами 1751 и 1754 годовъ, въ видахъ сохраненія лѣсовъ для Петербурга, снова запретила

(*) П. С. З. XXII. 16,020.

отпускъ лѣса изъ Пернова, Нарвы и Петербурга. Между тѣмъ, по прошенію Нарвскихъ купцовъ—имъ и содержателямъ мельницъ дозволено отпускать ежегодно 60 грузовъ, и каждой мельницѣ два груза, а запрещеніе вывозки лѣса изъ Пернова осталось въ прежней силѣ. По этому Рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ, входя въ положеніе жителей, обѣднѣвшихъ отъ запрещенія торговли лѣсомъ, (единственнаго источника ихъ дохода), просилъ содержателямъ мельницъ, истратившимъ на нихъ большія суммы, дозволить перепиливать свободно лѣсъ. Каждая мельница могла перепилить 1,500 четырехъ-саженныхъ бревенъ, а слѣдовательно всѣ 6, находившіяся при городѣ 9,000. Количество это было весьма незначительно сравнительно съ площадью и качествомъ лѣсовъ, находившихся близъ Пернова: по описи 1754 года лѣсовъ, близъ Пернова и въ Эстляндскомъ и Лифляндскомъ уѣздахъ, насчитано еловыхъ и сосновыхъ строевыхъ деревъ 936,500, слѣдовательно расчитывая отпускать ежегодно по 9,000, настоящихъ запасовъ достало бы болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ. Чтобы лѣса не могли быть скоро истощены, Броунъ полагалъ дозволить только торговлю досками, но не бревнами. По докладу обо всемъ этомъ Коммиссіи о коммерціи, Императрица разрѣшила Перновскимъ жителямъ торговлю лѣсомъ и дровами согласно представленію генералъ-губернатора (*).

Съ пріобрѣтеніемъ части Польскаго королевства, возникъ вопросъ о торговлѣ и свободной рубкѣ въ ней лѣсовъ. Прежде рубка лѣсовъ была тамъ неограниченна и отпуски доходили до огромныхъ размѣровъ, напримѣръ помѣщикъ Щита отпустилъ въ Ригу лѣса изъ своего имѣнія на 160,000 червонныхъ. При такихъ усиленныхъ отпускахъ и при свободной рубкѣ казенныхъ лѣсовъ, могъ легко оказаться въ нихъ недостатокъ. По этому и постановлено, что Рижскіе купцы и мѣщане, заключившіе контракты на лѣса, купленные ими въ Польской провинціи, могутъ выполнить

(*) П. С. З. XVI. 12,221.

свои контракты, то должны предварительно представить ихъ на разсмотрѣніе и удостовѣреніе въ ихъ подлинности. Мѣра эта была необходима потому, что контракты писались на простой бумагѣ, безъ всякихъ формъ и безъ утвержденія Городскихъ канцелярій, слѣдовательно при дозволеніи выполнить контракты, могли легко явиться фальшивые, подписанные эмигрантами заднимъ числомъ. Впередъ же, до составленія точнаго описанія лѣсовъ Бѣлоруссіи, свободная рубка ихъ прекращена ([1]).

При разсмотрѣніи контрактовъ, всѣ они оказались правильными и Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, представляя объ этомъ, полагалъ, чтобъ рубку лѣса, за исключеніемъ дровъ, изъ казенныхъ и арендныхъ лѣсовъ, запретить; но чтобы не лишить мѣстныхъ жителей средствъ къ пропитанію, то дозволить имъ дѣлать поташъ, ордащъ и смольчугъ, потому что для этого идетъ лѣсъ дурной. Сенатъ же постановилъ допустить свободную торговлю лѣсомъ изъ частныхъ дачъ по прежнему, исключая мачтъ и шииръ, которыя владѣльцы могли рубить только съ дозволенія мѣстнаго губернатора; изъ казенныхъ же и аредныхъ лѣсовъ рубку вовсе запретить и дозволить крестьянамъ для себя и заграничной торговли добывать только поташъ, ордашъ и смольчугъ ([2]).

Въ 1766 году Нарвскіе купцы, по окончаніи трехлѣтняго срока рубки лѣсовъ по Лугѣ, просили продолжить срокъ еще на два года. Адмиралтействъ-Коллегія, пользуясь этимъ случаемъ, представила Сенату, что еще по исчисленію Фокеля въ 1740 году, по р. Лугѣ оказалось около 400,000 крупныхъ деревъ, но какъ Нарвскіе жители имѣли тогда право рубить по 122,000 деревъ, то значитъ запасы лѣсовъ возможныхъ къ вырубкѣ истощены, и Нарвскимъ жителямъ слѣдуетъ вновь запретить торговлю лѣсомъ, потому что вырубаемые ими лѣса, какъ ближайшіе къ Петербургу, могутъ быть доставляемы въ Петербургъ выгоднѣе, чѣмъ

([1]) П. С. З. XIX. 13,998.
([2]) П. С. З. XIX. 14,106.

изъ Казани. Не смотря однако на это, Сенатъ, имѣя въ виду указъ 1761 года о дозволеніи отпуска за границу 60 грузовъ лѣса и досокъ по 2 груза на мельницу, не согласился съ представленіемъ Коллегіи и повелѣлъ, на основаніи этого указа, рубить Нарвскимъ жителямъ лѣсъ по Чудскому озеру и по впадающимъ въ него рѣкамъ ([1]).

Указомъ Сената 1754 года дозволено судамъ, отходящимъ изъ Нарвскаго порта, грузить на каждое для варенія пищи по три сажени дровъ, а въ 1767 году іюля 12, вслѣдствіе просьбы Нарвскихъ купцовъ, дозволено имъ, для лучшей укладки лѣса въ корабли, грузить сверхъ того на каждую тысячу брусьевъ—20 жердей и 4 сажени дровъ ([2]).

По указамъ 1761 и 1766 годовъ Нарвскимъ жителямъ дозволено было отпускать ежегодно за границу 60 кораблей съ лѣсомъ, между тѣмъ купцы Сутговъ и Крамеръ, подъ видомъ пользъ Нарвскихъ жителей, хотѣли сверхъ того выпросить право отпускать мачтовый лѣсъ, покупаемый ими въ Польшѣ. Нарвскій Магистратъ возсталъ противъ Крамера и Сутгова, доказывая, что просьба ихъ клонится только къ личному ихъ интересу, и что какъ лѣсъ изъ Польши можно сплавлять только по р. Великой, а въ нее впадаютъ рѣки Кудешъ, Опочка, Выда, Киръ, Куда, Лада, Лжа, Иса, текущія собственно въ Россіи, по берегамъ которыхъ растетъ много лѣсовъ, то подъ видомъ Польскаго лѣса легко можетъ идти Русскій лѣсъ. Коммерцъ-Коллегія подтвердила мнѣніе Магистрата и добавила, что въ случаѣ дѣйствительной необходимости увеличенія торга въ Нарвѣ мачтовымъ лѣсомъ, она, по силѣ 10 пункта вальдмейстерской инструкціи, можетъ позволить въ число 60 грузовъ и отпускъ мачтоваго лѣса, если онъ явится за удовлетвореніемъ потребности Адмиралтейства. Сенатъ утвердилъ это представленіе ([3]).

([1]) П. С. З. XVII. 12,727.
([2]) П. С. З. XVIII. 12,912.
([3]) П. С. З. XVIII. 13,381.

Малороссійскій гетманъ графъ Разумовскій представилъ въ 1762 году Сенату, что Переяславльскій полкъ, расположенный по Польской границѣ, находясь въ краѣ совершенно безлѣсномъ, до учрежденія тамъ таможни, пользовался лѣсомъ изъ за границы, съ учрежденія же таможни, таможенные служители не пропускали лѣсъ и дѣлали прижимки и незаконные сборы; кромѣ того, было еще и другое неудобство въ этомъ дѣлѣ: таможни и форпосты были расположены довольно рѣдко, иногда бы можно провести лѣсъ прямымъ путемъ, но какъ по прямой линіи не было на границѣ ни форпоста, ни таможни, то приходилось дѣлать большой объѣздъ для представленія лѣса на свидѣтельство и уплату пошлины. По этому Гетманъ просилъ, лѣсъ необходимый для потребностей полка, дозволить провозить изъ за границы свободно. Не смотря на кажущуюся основательность жалобы графа Разумовскаго, таможня имѣла свои причины не пропускать лѣсовъ; таможня состояла на откупу, въ тарифѣ о провозѣ лѣсовъ не было ничего объяснено, между тѣмъ сказано, что съ товаровъ неупомянутыхъ въ тарифѣ, брать портовой пошлины 5 коп. и внутренней 13 коп. Сенатъ, имѣя въ виду эти обстоятельства и необходимость лѣса для Малороссійскихъ казаковъ, котораго въ Малороссіи во многихъ мѣстахъ взять было негдѣ, постановилъ, дозволить свободный провозъ лѣса изъ Польши, а съ откупщиковъ таможни сложить съ платежа среднюю сумму по трехлѣтней сложности, взысканную ими съ провезеннаго лѣса (*).

Въ 1764 году дозволенъ свободный ввозъ не только лѣсовъ, но и лѣсныхъ издѣлій всѣмъ Малороссіянамъ безъ исключенія. Только деготь не позволено провозить безъ пошлины. Мѣры эти правительство нашло необходимыми потому, что вся пошлина отъ лѣсовъ составляла ежегодно не болѣе 1,600 руб. Свободный провозъ лѣса сберегалъ лѣсные запасы Малороссіи и избавлялъ правительство отъ

(*) П. С. З. XIV. 11,650 и 11,736.

напрасныхъ хлопотъ; потому что въ случаѣ запретительной системы, пришлось бы бороться постоянно съ контрабандистами и производить только слѣдствія. Ввозъ же дегтя не позволенъ безъ пошлины потому, что «онъ выжигается въ Польшѣ и работа и отъ того пропитаніе остается въ польской сторонѣ». Этотъ выводъ не былъ совершенно справедливъ, потому что конскіе приборы, клещи, телѣги, всякая деревянная посуда, которые правительство дозволило провозить свободно, тоже были «работа» и «пропитаніе». При этомъ, чтобы подъ видомъ дозволенныхъ лѣсныхъ товаровъ не могли быть провезены товары запрещенные, постановлено, лѣсъ и лѣсныя издѣлія провозить непремѣнно чрезъ таможни и форпосты, а не другими дорогами (1).

По представленію Коллегіи Экономіи, указомъ Сената 1769 г повелѣно: погорѣвшимъ государственнымъ крестьянамъ, не имѣющимъ своихъ лѣсовъ, отпускать изъ казенныхъ дачъ по 25 корней на каждый дворъ, въ послѣдствіи, съ передачей лѣсовъ въ вѣдомство Казенныхъ Палатъ, вопросъ возобновился. Московская Казенная Палата спрашивала: слѣдуетъ ли погорѣвшимъ крестьянамъ выдавать лѣсъ, потому что отъ сильныхъ отпусковъ лѣса погорѣвшимъ, не только вырубающихъ болѣе дозволеннаго количества, но даже торгующихъ этимъ лѣсомъ, стали уменьшаться лѣса. Сенатъ разсмотрѣвъ представленіе, приказалъ отпускать лѣсъ по прежнему въ числѣ 25 корней на каждый погорѣвшій дворъ, а Казенной Палатѣ и особенно Директору домоводства велѣно наблюдать, чтобы крестьяне употребляли отпущенный лѣсъ на постройки, а не торговали имъ и не рубили лишняго (2).

Изъ особыхъ постановленій въ царствованіе Екатерины изданы слѣдующія: въ 1764 году повелѣно, чтобы лѣсъ, растущій на островахъ Балтійскаго моря. Сетеръ, Пени, Лавенсаръ, Гогландъ, Экгольмъ, Врангеръ, Вульфъ, Наргинъ,

---

(1) П. С. З. XVI. 12,294.
(2) П. С. З. XXIII. 16,890.

Оденсъ, Гольмъ, Даго и Эзель, мѣстные жители не рубили на 50 саженъ отъ береговъ. Распоряженіе это сдѣлано потому, что при свободной рубкѣ лѣсовъ, какъ мѣстными жителями, такъ и воинскими командами, видъ острововъ могъ измѣниться противъ сдѣланнаго описанія, и въ такомъ случаѣ, «плавающимъ изъ флота кораблямъ и другимъ судамъ причиниться можетъ не малая конфузія, а паче гибель» ([1]). Въ 1765 году для казенныхъ кирпичныхъ заводовъ, расположенныхъ по р. Тоснѣ, дозволено заготовлять дрова изъ валежника и сухоподстоя въ дачахъ, растущихъ по этой и по другимъ впадающимъ въ нее рѣкамъ ([2]).

Для устраненія убытковъ казны на чистку Ладожскаго канала, предоставлено промышленникамъ на волю гнать лѣсъ въ корѣ или очищенный, но въ первомъ случаѣ взыскивать съ хозяевъ за каждую сажень неочищеннаго бревна по деньгѣ ([3]). Наконецъ манифестомъ 17 марта 1775 года отрѣшенъ во всемъ государствѣ сборъ съ бортей и пчелиныхъ угодій ([4]).

Въ царствованіе Екатерины II внесено въ лѣсное управленіе много совершенно новыхъ идей.

Въ 1762 году дворяне избавлены нести неволей государственную службу, и уничтожено такимъ образомъ распоряженіе Петра Великаго, чтобы дворяне занимали мѣста вальдмейстеровъ.

Для ближайшаго наблюденія за лѣсами учреждена при Адмиралтействъ-коллегіи Экспедиція генералъ-интенданта, обязанная имѣть надзоръ за корабельными лѣсами и 24 августа 1765 года дана Экспедиціи инструкція или регламентъ.

Съ этого же времени начали выработываться научныя правила для хозяйства въ лѣсахъ, основанныя сначала на

([1]) П. С. З. XVI. 12,088.
([2]) П. С. З. XVII. 12,308.
([3]) П. С. З. XVII. 12,559.
([4]) П. С. З. XX. 14,275.

30 лѣтнемъ оборотѣ, принятомъ Петромъ Великимъ для заводскихъ лѣсовъ; впослѣдствіи же составленъ «проэктъ устава о лѣсахъ», который къ сожалѣнію не дошелъ до насъ въ полномъ составѣ. Основная идея устава — раздѣленіе Россіи на три полосы: сѣверную, среднюю и южную; раздѣленіе древесныхъ породъ, смотря по свойствамъ ихъ на группы и назначеніе новыхъ правилъ хозяйства, примѣняясь къ климатическимъ особенностямъ каждой полосы и свойствамъ, произрастающихъ въ нихъ древесныхъ породъ. . . . .

Вмѣстѣ съ изданіемъ устава завѣдываніе лѣсами передано ближайшему надзору членовъ Казенныхъ Палатъ (директоры домоводства), а главное наблюденіе самимъ Палатамъ.

Во время Екатерины явилось уже сознаніе, что форштмейстеры, выписываемые изъ Германіи, мало полезны для насъ и для образованія лѣсничихъ въ Россіи; предположено при Обер-Егермейстерскомъ корпусѣ обучать 10 ягтъ-пажей «производить порядочную охоту и форштмейстерство, то есть знаніе лѣсохранительнаго и разумножительнаго обряда».

Но самыя замѣчательныя распоряженія Екатерины составляютъ: предоставленіе въ 1782 году частнымъ владѣльцамъ полнаго права собственности надъ своими лѣсами, дозволеніе свободной торговли лѣсомъ внутри и внѣ государства, повелѣніе 1766 года о генеральномъ размежеваніи и опредѣленіе попенныхъ и посаженныхъ денегъ съ лѣсовъ, отпускаемыхъ изъ казенныхъ дачъ.

Мѣры эти, прекрасныя по идеѣ, не въ одинаковой степени были полезны для лѣсовъ. Указъ 1782 года о свободной рубкѣ лѣсовъ принесъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, потому что явился въ то время, когда границы частныхъ, общихъ и казенныхъ лѣсовъ не были опредѣлены, къ этому еще въ народѣ пронесся слухъ, будто бы дозволено всѣмъ свободно рубить дубовый лѣсъ, — слѣдствіемъ всего этого явились сильныя вырубки, которыхъ правительство, вѣрное своей основной идеѣ — системѣ кроткаго управленія — не въ

состоянии было прекратить, такъ что указъ 1782 года составляетъ основную причину быстраго истребленія лѣсовъ въ Россіи. Правительство издавая указъ, надѣялось, что «радѣтельные помѣщики, пріемля съ признаніемъ знакъ Императорской къ нимъ милости и попеченія о добрѣ ихъ, приложатъ стараніе о всевозможномъ охраненіи лѣсовъ своихъ отъ напраснаго истребленія»; но частные владѣльцы худо поняли кроткія мѣры правительства и не умѣли оправдать его надеждъ.

Изъ тѣхъ же побужденій правительства, которыя были причиной изданія указа 1782 года, вышли и другія распоряженія, цѣль которыхъ была постоянно—благо народа;— такимъ образомъ Екатерина дала народу право свободной гонки и продажи смолы и поташа, бывшихъ прежде монополіей казны и уничтожила сборъ въ казну съ бортей и пчелиныхъ угодій.

ГЛАВА X.

Узаконенія Павла I.

Хотя по естественному закону развитія царствованіе Императора Павла и должно было подвинуть лѣсное законодательство, тѣмъ не менѣе въ это правленіе мы встрѣчаемъ болѣе, чѣмъ бы можно было ожидать.

При Павлѣ являются такія постановленія, безъ которыхъ не могло обойтись составленіе Свода Законовъ, такъ что въ законодательствѣ этого Государя слѣдуетъ видѣть ближайшее основаніе нынѣ дѣйствующаго лѣснаго права.

Обращая вниманіе на цѣлость лѣсовъ, назначаемыхъ для кораблестроенія,—18 ноября 1796 года, Павелъ повелѣлъ, чтобы со всѣми лѣсами годными для флота и для мореходныхъ судовъ, «поступать со свѣденія и распоряженія Адмиралтейской-Коллегіи», для чего и повелѣно Казеннымъ Палатамъ и директорамъ экономіи сообщать въ Коллегію свѣдѣнія о состояніи корабельныхъ лѣсовъ и впредь ни одного дерева не употреблять никуда безъ назначенія Коллегіи, «не касаясь однакожъ собственности дворянской» (1).

Въ слѣдующемъ году 31 марта постановлено — управленіе казенныхъ лѣсовъ присоединить къ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, опекунства иностраннаго и сельскаго домоводства (2), состоявшей при Сенатѣ.

Эти мѣры правительство нашло однако неполнѣ достаточными, и въ 1798 году, всѣ лѣса Имперіи, исключая помѣщичьихъ, переданы въ непосредственное вѣдѣніе Адми-

(1) П. С. З. XXIV. 17,564.

(2) П. С. З. XXIV. 17,897.

ралтействъ-Коллегіи; ей же подчинены форштмейстеры и вальдмейстеры, а «гражданскимъ правительствамъ и начальникамъ» предписано поступать во всемъ согласно инструкціи данной Коллегіи (1).

Этой инструкціей Коллегіи повелѣно: всѣ постановленія о лѣсахъ, вальдмейстерскія и форстмейстерскія инструкціи исполнять вполнѣ, относительно всѣхъ лѣсовъ, кромѣ помѣщичьихъ. Всѣмъ лѣсамъ сдѣлать немедленно подробныя описанія, съ показаніемъ числа деревъ годныхъ для кораблестроенія и составить генеральные и частные планы и карты. Прекратить всѣ злоупотребленія, бывшія причиною истребленія лѣсовъ, вслѣдствіе разныхъ рубокъ для заграничныхъ отпусковъ, приготовленія поташа, золы и при расчисткахъ. Рубку лѣса производить только по билетамъ, выданнымъ Коллегіей. Билеты выдавать въ томъ случаѣ, когда лѣсъ не нуженъ для Адмиралтейства, и рубить деревья на потребности, дозволенныя закономъ. Сенату повелѣно доставить въ Коллегію полныя свѣдѣнія и планы о всѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ быть сдѣланы посѣвы лѣсовъ, а Коллегіи вмѣнено въ обязанность стараться заводить рощи, и когда посѣвы или посадки будутъ сдѣланы, доносить подробно Императору. Принять въ свое вѣдѣніе всѣхъ лѣсныхъ чиновъ, а при Интендантской Экспедиціи учредить Лѣсной Департаментъ, при которомъ находиться также генералъ-интенданту и оберъ-сарваеру. Наконецъ Адмиралтействъ-Коллегія обязывалась давать отчетъ о всякомъ открытомъ ею злоупотребленіи, какое можетъ вкрасться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ для истребленія лѣсовъ, и для сохраненія въ цѣлости лѣсовъ дѣлать имъ чаще свидѣтельства и осмотры (2).

Хотя по этому указу вѣдѣнію Адмиралтействъ-Коллегіи поручались всѣ лѣса, однако впослѣдствіи, 9 ноября 1800 года, восьмымъ пунктомъ указа всѣ лѣса, отведенные

---

(1) П. С. З. XXV. 18,531.
(2) П. С. З. XXV. 18,534.

къ заводамъ, оставлены навсегда въ распоряженіи Бергъ-Коллегіи, «которой и наблюдать наиточнѣйше, дабы стало оныхъ на вѣчныя времена для полнаго дѣйствія» (*).

Обстоятельства времени вызвали въ царствованіе Павла совершенно новое учрежденіе. Прежніе вальдмейстеры не могли удовлетворять требованіямъ правительства, да и самыя «первоначальныя изданія лѣсныхъ узаконеній» не соотвѣтствовали новымъ обстоятельствамъ «во многомъ перемѣнившемся». По этому предположено учредить обер-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, «предпочитая сіи чины вальдмейстерамъ потому, что къ обязанности ихъ принадлежитъ не токмо одно сохраненіе, но и разведеніе лѣсовъ вновь». Новымъ учрежденіемъ правительство рѣшительно хотѣло дать лѣсному управленію научный характеръ, и водворить науку въ цѣломъ сословіи новыхъ лѣсничихъ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ правительствомъ, оказалось, что лѣса приведены въ извѣстность только въ семи губерніяхъ: С. Петербургской, Костромской, Воронежской, Курской, Орловской, Вологодской и Псковской. Въ этихъ губерніяхъ назначенъ полный штатъ вновь учрежденныхъ лѣсныхъ чиновъ, а въ остальныя опредѣлено по одному обер-форстмейстеру «съ потребнымъ числомъ землемѣровъ». На землемѣровъ возложено измѣрить немедленно казенные лѣса и положить ихъ на планы генеральнаго межеванія, и когда дѣло это будетъ кончено, замѣнить землемѣровъ форстмейстерами.

Назначеніе форстмейстеровъ и данныя имъ инструкціи относились до всей Россіи, кромѣ Курляндіи, въ которой оставлено прежнее управленіе учрежденное еще герцогами.

По инструкціи, обер-форстмейстерамъ подчинялись «всѣ казенные лѣса въ Россіи состоящіе, великое или малое пространство занимающіе», кромѣ помѣщичьихъ.

Обер-форстмейстеры состояли въ вѣдѣніи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, а «въ разсужденіи порядочнаго

(*) П. С. З. XXVI: 19,641.

отправленія должности» были подъ наблюденіемъ гражданскихъ губернаторовъ.

Обер-форстмейстеръ долженъ былъ знать площадь лѣсовъ, состоявшихъ въ его вѣдѣніи, свойства древесныхъ породъ, качества ихъ въ разныхъ техническихъ отношеніяхъ; и наконецъ хозяйственныя условія необходимыя для возращенія деревъ, сообразно свойствамъ древесины и потребности. Однимъ словомъ долженъ былъ изучить спеціально свое дѣло.

Деревья необходимыя для кораблестроенія: дубъ, илимъ, вязъ, кленъ, ясень, чинаръ, карачагъ, орѣшникъ, лиственница и сосна въ 12 и болѣе вершковъ, назначены заповѣдными отъ большихъ рѣкъ въ стороны на 100, а отъ малыхъ сплавныхъ, впадающихъ въ эти рѣки, на 25 верстъ. Въ этихъ видахъ обер-форстмейстерамъ предписано сохранять отъ порубокъ всѣ корабельные и другіе государственные лѣса.

Землемѣрамъ поручено нанести лѣсныя дачи на планы, составить подробныя описанія съ показаніемъ рода, свойствъ и количества насажденій, обозначеніемъ разстояній отъ судоходныхъ и впадающихъ въ нихъ рѣкъ и съ особымъ раздѣленіемъ заводскихъ лѣсовъ на годовыя лѣсосѣки. Свѣдѣнія эти слѣдовало внести въ особыя книги, по данной формѣ, и по окончаніи года представлять въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства выписки о случившихся перемѣнахъ.

Когда потребуются лѣса для казенныхъ необходимостей, то обер-форстмейстеры должны были распорядиться объ отпускѣ предназначеннаго количества, а самую рубку производить подъ наблюденіемъ форстмейстеровъ. При этомъ, для кораблестроенія давать лучшія деревья, а для другихъ казенныхъ потребностей, дубъ негодный для корабельнаго дѣла. Вырубленныя мѣста запускать подъ заросль и сохранять молодняки отъ скота и огня.

Обер-форстмейстеръ самъ собой не могъ учреждать «новыхъ заведеній или перемѣнъ», но долженъ былъ представлять гражданскому губернатору, и получивъ его согла-

сіе, испрашивать разрѣшеніе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣса находились въ изобиліи, или лежали далеко отъ рѣкъ, обер-форстмейстеръ обязывался извлекать изъ лѣсовъ возможныя для казны выгоды, и предположенія свои по этому предмету представлять въ Экспедицію. Если бы въ видахъ возвышенія дохода оказалось возможнымъ извлечь выгоды отъ постороннихъ лѣсныхъ произведеній: смолы, дегтя, поташа, то обер-форстмейстеръ долженъ былъ вызвать покупщиковъ. Договорившись съ ними о цѣнѣ, испросить разрѣшеніе гражданскаго губернатора и допустить подрядчиковъ собирать негодный валежникъ, пни и корни и жечь изъ нихъ предполагаемые продукты внѣ лѣсовъ.

Обер-форстмейстеру поручалось наблюденіе за лѣсами казенныхъ поселянъ и лѣса эти слѣдовало раздѣлить на лѣсосѣки.

Пятыя части, отдѣленныя и предположенныя къ отдѣленію, должно было считать заказными рощами. Подобные выдѣлы предполагалось дѣлать въ лѣсахъ казенныхъ селеній, заводскихъ, удѣльныхъ, коннозаводскихъ, старостинскихъ и другихъ казенныхъ имѣній. Остальныя пространства, за выдѣломъ пятыхъ частей, дѣлить на годовыя лѣсосѣки.

Въѣзжіе лѣса опредѣлено было дѣлить тоже на лѣсосѣки и, по вырубкѣ каждой, землю обращать въ казенное вѣдомство.

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ находились лѣса общіе между казной и частными владѣльцами, назначалось межевать ихъ преимущественно предъ прочими и части, слѣдующія казнѣ, отрѣзать по возможности близъ рѣкъ.

Если въ казенныхъ лѣсахъ будетъ открыта самовольная порубка, то обер-форстмейстеръ, сдѣлавъ ей свидѣтельство, долженъ былъ донести о происшествіи гражданскому губернатору и Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. За самовольную порубку, заповѣдныхъ деревъ ниже 20 рублей, съ виновнаго назначена пеня вдвое противъ сдѣланнаго казнѣ

убытка. Если же порубщикъ заплатить штрафъ не былъ въ состояніи, то употреблялся на работы въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ. За порубку ниже 20 рублей, сдѣланную во второй разъ, взыскивался штрафъ вчетверо, а за порубку въ третій или четвертый разъ ниже 20 рублей, или за первую порубку выше 20 рублей, виновный отсылался къ суду.

Обер-форстмейстеру поручалось заботиться о разведеніи лѣсовъ вновь, и для этого выбирать мѣста преимущественно высокія, глинистыя, находящіяся недалеко отъ судоходныхъ рѣкъ. При разведеніи предпочитать породы годныя для кораблестроенія.

Изъ государственныхъ лѣсовъ и заказныхъ рощъ дозволялось рубить лѣсъ неинаще, какъ по именному или сенатскому указу и по предписанію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Тамъ, гдѣ крестьянскіе лѣса были раздѣлены на лѣсосѣки, запрещалось крестьянамъ рубить въ годъ болѣе одной лѣсосѣки, подъ страхомъ взысканія вдвое противъ сдѣланной вырубки. Также безъ дозволенія Волостныхъ Правленій не позволено очищать лѣса на пашни и покосы.

При свалкѣ деревъ не велѣно оставлять пни выше 6 вершковъ и запрещено раздѣлывать большія деревья на малыя штуки.

Казеннымъ крестьянамъ предписано гнать смолу и деготь только изъ пней, валежника и бурелома. Для добыванія поташа разрѣшена только осина, мелкій лѣсъ, разные кустарники и папоротникъ. Всѣ эти производства дозволены отъ осени до весны. Въ лѣсахъ казенныхъ и казенныхъ селеній не позволено дѣлать насѣчки на деревьяхъ для добыванія смолы или сдирать кору на деготь, кромѣ лѣсосѣкъ предназначенныхъ въ рубку въ два ближайшіе года.

При выжиганіи близъ казенныхъ лѣсовъ травъ, жнитвъ и кореньевъ, также при раскладываніи проѣзжающими въ казенныхъ дачахъ огней, повелѣно наблюдать всѣ предписанныя закономъ осторожности. Запрещено въ лѣсахъ и въ

лѣсныхъ угодьяхъ или близко ихъ раскладывать огонь. Кто сдѣлаетъ умышленный поджегъ, того брать подъ стражу и отсылать къ суду.

Въ лѣсосѣкахъ, лѣсныхъ разсадникахъ и въ мѣстахъ засѣянныхъ лѣсомъ, запрещено пасти скотъ и повреждать молодыя деревья; въ противномъ случаѣ брать штрафъ вдвое противъ сдѣланнаго вреда.

Ямы, остающіяся послѣ сидки смолы, велѣно по окончаніи производства заравнивать, а за неисполненіе повелѣнія брать штрафъ вдвое противъ того, во что обойдется эта работа казнѣ.

Для успѣшнѣйшаго надзора за казенными лѣсами при каждомъ обер-форстмейстерѣ назначено соразмѣрное надобности число форстмейстеровъ.

Форстмейстеры состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ обер-форстмейстеровъ, по ихъ назначеніямъ опредѣлялись къ тѣмъ или другимъ дачамъ и помѣщались въ мѣстахъ ближайшихъ къ лѣсамъ состоявшимъ въ ихъ вѣдѣніи.

Форстмейстеры должны были имѣть планы и описанія своихъ лѣсовъ, строго наблюдать за надзирателями и охранять лѣса отъ пожаровъ и самовольныхъ порубокъ.

Форстмейстерамъ наблюдать, чтобы рубка производилась въ то время, когда у дерева сокъ въ корнѣ, т. е. отъ сентября до марта. При рубкѣ смотрѣть, чтобы сучья, вершины, щепа и кора въ лѣсахъ не оставлялись, а вывозились тѣмъ, кто производилъ рубку.

Кромѣ сбереженія лѣсовъ отъ разныхъ вредныхъ вліяній, заботиться о разведеніи и умноженіи лѣсовъ и въ лѣсоразведеніи поступать, по приложеннымъ къ инструкціи общимъ правиламъ о лѣсахъ. Около засѣянныхъ мѣстъ дѣлать рвы шириной вверху четыре фута и берега ихъ засаживать мелкимъ лѣсомъ и разными кустарниками, какъ-то: акаціей, боярышникомъ, терномъ, барбарисомъ, ракитникомъ и другими породами, годными для живыхъ изгородей.

Для скорѣйшаго распространенія знаній о разведеніи лѣсовъ, назначено при каждомъ форстмейстерѣ по два ученика, а для ближайшаго наблюденія за лѣсами опредѣлены лѣсные надзиратели. Число ихъ зависѣло отъ назначенія обер-форстмейстеровъ. Лѣсные надзиратели выбирались изъ поселянъ ближайшихъ казенныхъ селеній—каждый годъ по-очереди.

Надзиратели обязаны были доносить форстмейстерамъ о состояніи лѣсовъ каждый мѣсяцъ, а о чрезвычайныхъ произшествіяхъ или о самовольной порубкѣ немедленно.

Для подчистки корабельныхъ лѣсовъ опредѣлено къ каждому форстмейстеру 30 работниковъ, выбираемыхъ обществами крестьянъ въ томъ же порядкѣ, какъ и лѣсные надзиратели. Каждому работнику назначалась поденная плата 20 коп. пѣшему и 40 коп. конному. Корабельные лѣса слѣдовало подчищать и подсаживать чрезъ каждые три года.

Форстмейстеры снабжались тремя книгами; первая для записки расхода лѣсовъ, вторая — культурныхъ работъ, а третья — для записки денегъ слѣдовавшихъ лѣснымъ работникамъ.

Форстмейстеры доносили каждый мѣсяцъ обер-форстмейстерамъ о состояніи лѣсовъ, а о важныхъ произшествіяхъ немедленно.

За всякое упущеніе по службѣ, а особенно за самовольное дозволеніе рубки казенныхъ лѣсовъ, подвергались взысканію по всей строгости законовъ.

Въ приложенныхъ къ инструкціи общихъ правилахъ о лѣсахъ, лѣсъ раздѣленъ на три статьи: черный и твердый имѣетъ на сучьяхъ листья; бѣлый и мягкій имѣетъ на сучьяхъ листья, красный лѣсъ имѣетъ на сучьяхъ иглы.

Къ первой статьѣ причислены: дубъ, букъ, грабъ, волохское орѣховое дерево, илимъ, вязъ, ясень, кленъ, чинаръ, карачагъ, большой бѣлый боярышникъ, каштанъ, рябина, береза, черная береза, ольха. Во вторую статью назначены: липа, осина, осокорь, тополь, ива, а въ третью: сосна, ель, пихта, лиственница, сибирскій кедръ, примор-

ская сосна и негніющее или кизлярское дерево. Къ «деревьямъ малорослаго лѣса» причислены: лохъ, тутовое дерево, боярышникъ, орѣшникъ, гороховникъ, гребеньщикъ, заманиха, торлокъ; наконецъ помѣщены иностранныя породы, которыя могутъ рости въ Россіи: испанскій дубъ, американскій дубъ, красный вергинскій дубъ, индѣйскій каштанъ, американскіе бѣлый, черный и сѣрый орѣхъ, грабыльникъ, американскій ясено-листный кленъ, пробковый дубъ, американская черная и гибкая береза, американская бѣлая сосна, американская бѣлая ель, американская душистая пихта, бѣлый кедръ, дерево жизни, американскій гороховникъ, бобковое дерево и сумахъ.

Въ описаніи породъ обозначены свойства ихъ, условія роста и правила ихъ разведенія (*).

Описаніе это, не смотря на нѣкоторыя невѣрности, потому что составители его пользовались иностранными источниками, а не изучали свойства породъ на мѣстѣ въ Россіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія по идеѣ правительства, которое понимая важность науки и невозможность обойтись безъ нее въ лѣсномъ дѣлѣ, дало наукѣ право гражданства, ввело ее въ законъ и сдѣлало такимъ образомъ обязательной. Въ этомъ же смыслѣ старалась поступать и Екатерина II, а потому въ постановленіяхъ этихъ правительствъ, мы не замѣчаемъ исключительнаго преобладанія административныхъ постановленій надъ научными. Если правила науки иногда невѣрны, напримѣръ подчистка корабельныхъ рощей, то вина эта падаетъ не на правительство, а на теорію невполнѣ еще разработанную, правительство же съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобы не навлечь на себя упрека въ неуваженіи къ наукѣ и даетъ ей первое мѣсто.

Новое учрежденіе не обошлось безъ столкновенія властей. Симбирскій губернаторъ требовалъ отъ оберъ-форстмейстера, чтобы онъ о своихъ распоряженіяхъ доносилъ Лѣсному Департаменту не ранѣе, какъ по полученіи разрѣшенія

(*) П. С. З. XXV. 18,429.

губернатора; обер-форстмейстеръ донесъ объ этой претензіи своему начальству и именнымъ указомъ 18 марта 1799 г., дано знать всѣмъ губернаторамъ, что какъ обер-форстмейстеры состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Лѣснаго Департамента, то и должны доносить обо всемъ немедленно Департаменту, не дожидаясь разрѣшеній губернаторовъ ([1]).

Въ 1799 году постановлено, въ случаѣ экстренныхъ разъѣздовъ для осмотра казенныхъ лѣсовъ, далѣе 50 верстъ, давать обер-форстмейстерамъ 4, а форстмейстерамъ 2 лошади за прогоны ([2]).

Приведеніе лѣсовъ въ извѣстность и составленіе имъ плановъ и описаній начались еще до изданія инструкціи форстмейстерамъ; въ 1797 году посланы были для этого морскіе офицеры, которые должны были осмотрѣть и описать дубовые, сосновые и другіе заповѣдные лѣса ([3]). Планы и описанія лѣсовъ предписано было Казеннымъ Палатамъ представлять прямо въ Адмиралтействъ-коллегію ([4]).

Такъ какъ лѣса Тобольской и Иркутской губерній, по отдаленности своей, не могли служить для надобностей Адмиралтейства, а по количеству могли достать на нѣсколько вѣковъ, то и предположено обер-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ перевести оттуда въ другія губерніи и оставить одного форстмейстера для наблюденія за лѣсами по Охотѣ, Ураку и другимъ рѣкамъ. Для предохраненія заводскихъ лѣсовъ Тобольской и Иркутской губерній отъ растройства, вслѣдствіе неправильныхъ рубокъ, предписано раздѣлить ихъ на годовыя лѣсосѣки. Правительство, видя что описаніе лѣсовъ идетъ довольно медленно и не можетъ быть, кончено скоро, предположило для скорѣйшаго окончанія описаній въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Ни-

---

([1]) П. С. З. XXV. 18,895.

([2]) П. С. З. XXV. 19,032.

([3]) П. С. З. XXIV. 17,839.

([4]) П. С. З. XXV. 18,677.

жегородской, Вятской, Тамбовской, Оренбургской, Саратовской, Новгородской, Костромской, Пермской, Архангельской и Вологодской, увеличить въ нихъ число описателей и землемѣровъ, такъ чтобы описи были кончены лѣтомъ 1800 года. А чтобы не было необходимости посылать въ эти губерніи другой разъ для пріисканія корабельныхъ деревъ, то для клейменія ихъ прикомандированы къ описателямъ подрѣзчики, облазчики и плотники (¹).

Императоръ Павелъ, замѣтивъ изъ донесенія адмирала Де-Рибаса, что въ дубовыхъ рощахъ Чебоксарской и Козьмодемьянской провинцій, хотя и есть хорошія деревья, годныя для корабельныхъ и фрегатныхъ членовъ, но какъ деревъ такихъ не много, то и повелѣлъ «приступить нынѣ же» къ разведенію дубовыхъ лѣсовъ и рощей по рѣкамъ Невѣ, Волхову, Мстѣ, Ловати, Палѣ и по другимъ въ нихъ впадающимъ, представляющимъ возможность сплава въ С. Петербургъ,— а также въ окрестностяхъ Петербурга по Выборгской и Ораніенбаумской сторонамъ. Для осмотра грунтовъ и составленія проэкта работъ велѣно послать оберъ-форстмейстеровъ, а по собраніи всѣхъ свѣдѣній приступить къ заведенію рощей. Для посѣвовъ выписать изъ губерній изобилующихъ дубомъ спѣлые, свѣжіе и годные къ посѣву желуди (²).

Въ видахъ очищенія лѣсовъ отъ валежника и сухоподстоя, препятствующихъ появленію всходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для извлеченія изъ лѣсовъ большаго дохода, правительство поручило оберъ-форстмейстерамъ продавать валежникъ и сухоподстой, исключая тѣхъ деревъ, которыя годятся для кораблестроенія и судовъ (³).

Лѣсная часть пользовалась особеннымъ вниманіемъ Императора Павла. Во время путешествія своего по Россіи Павелъ Петровичъ далъ, 8 мая 1797 года, Минскому губер-

---

(¹) П. С. З. XXV. 19,236.
(²) П. С. З. XXV. 18,995.
(³) П. С. З. XXV. 19,237.

натору Корнѣеву слѣдующій указъ: «Проѣзжая губернію вамъ ввѣренную, видѣлъ я съ крайнимъ удивленіемъ, колико истребляются въ оной лѣса безъ всякой нужды, ибо не взирая на безчисленное множество валежнику крѣпкаго и годнаго на всякія издѣлія, вновь деревья рубятся, сжигаются и также оставляются на мѣстѣ безъ всякаго употребленія. По обязанности званія вашего рекомендую вамъ обратить вниманіе на сію часть, и съ согласіемъ предводителей дворянства сдѣлать надлежащія распоряженія, дабы избытки лѣсовъ, коими природа столь щедро здѣшнюю губернію наградила, съ лучшимъ разсмотрѣніемъ и сбереженіемъ употреблялись, да и вообще хозяйственная часть поставлена была на такомъ основаніи, чтобы прямую пользу и выгоду обывателямъ приносила» (1).

По донесенію Казанской Адмиралтейской Конторы, объ истребленіи помѣщичьими крестьянами казенныхъ дубовыхъ лѣсовъ въ Краснослободскомъ округѣ Нижегородской губерніи, Павелъ повелѣлъ: «сдѣлать, кому слѣдуетъ, строжайшее предписаніе, дабы самовольной порубки казеннымъ лѣсамъ, какъ въ означенной губерніи, такъ и въ другихъ чинено не было» (2).

Въ 1798 году сдѣлалось извѣстно Императору, что въ Вятской губерніи за лѣса, приписанные къ заводамъ Масалова, взыскивается съ него картомныхъ (откупныхъ) денегъ за 70 деревъ по 78 руб. 20 коп., между тѣмъ, вырубка производится въ значительно большемъ числѣ, такъ, что лѣса опустошаются и на долю казны достаются только однѣ невыгоды. По этому Павелъ повелѣлъ узнать, нѣтъ ли и въ другихъ губерніяхъ подобныхъ отдачъ лѣсовъ, и если есть, то впредь лѣсовъ на откупъ заводамъ не отдавать, а предоставить заводчикамъ пользоваться лѣсами изъ дачъ помѣщичьихъ (3).

---

(1) П. С. З. XXIV. 17,959.
(2) П. С. З. XXV. 18,495.
(3) П. С. З. XXV. 18.641.

Между тѣмъ не смотря на запретительныя постановленія, лѣса необходимые для кораблестроенія все-таки не сберегались, а потому въ томъ же году, 10 сентября, повелѣно: — дубъ, лиственницу, сосну, и другія заповѣдныя деревья не рубить ни для какихъ потребностей, кромѣ казенныхъ; для гражданскихъ же надобностей употреблять ель, ольху, осину и другія породы, ненужныя для судовъ, «но и то съ крайнимъ разсмотрѣніемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенъ изъ всѣхъ портовъ Имперіи отпускъ лѣса за границу, кромѣ дозволеннаго ранѣе числа досокъ на извѣстную пропорцію желѣза. Послѣднему обстоятельству Павелъ, какъ кажется, придавалъ особое значеніе, потому что наблюденіе за исполненіемъ указа поручилъ «гражданскимъ правительствамъ» капитанамъ надъ портами, офицерамъ на брандвахтахъ и даже оберъ-форстмейстерамъ ([1]).

Какое участіе принималъ Павелъ во всемъ, что касалось лѣсовъ, и какія мелочныя обстоятельства доходили до него, видно изъ указа объявленнаго 4 октября 1798 года генералъ-прокуроромъ. Находившійся при Олонецкой верфи ластовый подмастерье Лепехинъ, донесъ Адмиралтействъ-коллегіи, что въ Пидменской волости строится судно, гальотъ, безъ всякаго позволенія, а также найдено Лепехинымъ на пильныхъ заводахъ много разнаго, толстаго лѣса. Хотя Лепехинъ для розысканія откуда явились эти лѣса и представлялъ въ Земскіе Суды, однако они медлили исполнять его требованіе и дали тѣмъ случай сплавить всѣ вырубленные лѣса. По этому Императоръ повелѣлъ: подтвердить всѣмъ гражданскимъ судебнымъ мѣстамъ, въ подобныхъ случаяхъ дѣлать какъ можно скорѣе «изысканіе истины» и оказывать лицамъ преслѣдующимъ злоупотребленія нужныя пособія ([2]).

Полумѣры не могли кончить злоупотребленій и прекратить самовольныхъ порубокъ, а потому Павелъ рѣшился

([1]) П. С. З. XXV. 18,659.
([2]) П. С. З. XXV. 18,688.

прибѣгнуть къ строгости. По донесеніи ему на помѣщиковъ князя Туркистанова за послабленіе крестьянамъ своимъ въ рубкѣ лѣса, и капитана Вельяшева, сдѣлавшаго порубку въ казенномъ лѣсѣ, Императоръ предалъ виновныхъ военному суду, и повелѣлъ—Смоленское и Петербургское Губернскія Правленія, не принявшихъ мѣръ къ наказанію виновныхъ, какъ только дошли до нихъ слухи о порубкахъ, подвергнуть взысканію по закону [1]. Въ 1799 году, вслѣдствіе самовольной вырубки въ Калужской губерніи 10,000 строевыхъ деревъ, Сенатъ подтвердилъ строго охранять лѣсъ отъ порубокъ [2]. Въ томъ же году 13 апрѣля Сенатъ подтвердилъ еще разъ смотрѣть за сохраненіемъ казенныхъ лѣсовъ [3].

Не смотря на все это, истребленія лѣсовъ не прекращались, крестьяне не рѣдко отбивали пойманныхъ надзирателями порубщиковъ силой и даже грозили смотрителямъ побоями. Однимъ словомъ народъ видѣлъ въ лѣсѣ достояніе общее и не хотѣлъ подчиняться предписываемому ему порядку вещей. Послѣ порубки, открытой въ Казанской губерніи и сдѣланной крестьянами помѣщиковъ Желтухина, Есипова, князя Голицына, Ростовцева и другихъ, велѣно виновныхъ «секвестровать», пока дѣло не рѣшится, и поступать съ ними по всей строгости законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно: гражданскимъ губернаторамъ смотрѣть за Земскими Судами, чтобы по всѣмъ открывающимся злоупотребленіямъ они дѣлали, тотчасъ, на мѣстѣ, изслѣдованія. Во всѣхъ волостяхъ и селеніяхъ объявить запретительные указы, чтобы народъ не могъ отговариваться невѣдѣніемъ. Помѣщиковъ, имѣющихъ въѣзды въ казенные лѣса, или владѣющихъ дачами обще съ казной, немедленно размежевать, а до того времени дозволить имъ пользоваться только валежникомъ и сухими деревьями. Всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые будутъ пойманы въ самовольной по-

---

(1) П. С. З. XXV. 18,737.
(2) П. С. З. XXV. 18,817.
(3) П. С. З. XXV. 18,931.

рубкѣ, «конфисковать» и годныхъ отдавать не въ зачетъ въ рекруты (1).

При приложеніи къ дѣлу постановленій о взысканіяхъ за самовольныя порубки, изложенныхъ въ инструкціи оберфорстмейстеру, оказались нѣкоторыя неудобства. По 32, 33, 34, 35 и 36 пунктамъ, за употребленіе большихъ деревъ на мелкія подѣлки, велѣно взыскивать штрафъ по приговору сельскаго схода. Сельскій же сходъ назначалъ такія низкія цѣны, что самовольный порубщикъ платилъ менѣе, чѣмъ испросившій дозволеніе на рубку. А потому 15 августа 1799 года обнародована такса для взысканія штрафовъ за самовольныя порубки сосновыхъ, елевыхъ и пихтовыхъ деревъ, а въ текстѣ указа объяснено, какіе брать штрафы за дубъ и другія заповѣдныя деревья (2).

Тульское Губернское Правленіе, неизвѣстно почему, потворствовало неоднократно рубщикамъ, пойманнымъ въ засѣкахъ и не оказывало никакого содѣйствія обер-форстмейстеру, «что и служило главнѣйшимъ поводомъ не «только къ вящшему поползновенію, но и ежечаснымъ на-«глостямъ»; а потому постановлено, чтобы обер-форстмейстеры и форстмейстеры по всѣмъ дѣламъ о самовольныхъ порубкахъ, какъ сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, имѣли въ присутственныхъ мѣстахъ свободное ходатайство объ ихъ окончаніи и получали копіи съ рѣшительныхъ приговоровъ, чтобы въ случаяхъ рѣшеній несогласныхъ съ законами, могли подать на апелляцію (3).

Правительство, стараясь о защищеніи лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ при вѣрномъ логическомъ развитіи своихъ постановленій, не могло не коснуться и сохраненія лѣсовъ отъ пожаровъ, — другаго зла, чуть ли не болѣе страшнаго. Въ проѣздъ свой по Россіи Павелъ видѣлъ, какъ велико зло отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ

---

(1) П. С. З. XXV. 18,992.
(2) П. С. З. XXV. 19,085.
(3) П. С. З. XXVI. 19,734.

и писалъ Владимірскому губернатору Руничу: «проѣзжая отъ города Судогды, до селенія Мошки именуемаго, примѣтилъ я, что при сожиганіи деревъ на мѣстахъ подъ пашню опредѣляемыхъ, не берется, какъ видно, предосторожности отъ дальнѣйшаго распространенія пламени, вкрадывающагося во внутренность лѣсовъ и причиняющаго знатный ущербъ, который бы вящшимъ по сей части радѣніемъ легко предупредить можно было. Того ради рекомендую вамъ принять дѣятельнѣйшія мѣры, къ лучшему въ губерніи вамъ ввѣренной лѣсовъ соблюденію, предписавъ, кому изъ земскихъ чиновниковъ слѣдуетъ, со всевозможною бдительностію пещись о предупрежденіи лѣсныхъ пожаровъ, причиняемыхъ расчисткою земель подъ пашни, и также небреженіемъ проѣзжающихъ» (1).

По представленію директора горныхъ и монетныхъ дѣлъ Соймонова, что промышленники для выгона звѣрей изъ лѣсовъ Перчинскихъ казенныхъ заводовъ пускаютъ огонь и истребляютъ такимъ образомъ лѣса, Сенатъ приказалъ Иркутскому Губернскому Правленію совершенно прекратить такой вредный для лѣсовъ способъ выгонять звѣрей (2).

По случаю пожара бывшаго въ августѣ 1798 года въ Смоленской губерніи, который начался въ помѣщичьихъ лѣсахъ Гжатскаго округа и прекращенъ въ Волоколамскомъ округѣ Московской губерніи, подтверждено всѣмъ управляющимъ губерніями и гражданскимъ губернаторамъ строго смотрѣть за сохраненіемъ лѣсовъ отъ пожаровъ (3).

По донесенію Нижегородскаго губернатора Кудрявцева о бывшихъ въ той губерніи пожарахъ, Павелъ Петровичъ поручилъ Лѣсному Департаменту принять мѣры, чтобы впредь пожаровъ отъ неосторожности происходить не могло. Лѣсной Департаментъ сообразивъ случаи, отъ которыхъ происходятъ пожары, какъ-то: отъ сженія суковъ и кубы-

---

(1) П. С. З. XXV. 18,527.
(2) П. С. З. XXV. 18,334.
(3) П. С. З. XXV. 18,666.

шей, отъ выжиганія жнитвъ, травы и кореньевъ для расчистки и удобренія полей, отъ раскладыванія огней въ лѣсахъ и близъ лѣсныхъ дачъ пастухами и проѣзжающими и имѣя въ виду, что по ограниченному числу форстмейстеровъ и лѣсныхъ надзирателей, наблюденіе за сохранностью лѣсовъ не можетъ быть вполнѣ достаточно, предположилъ въ помощь имъ, единственно только на случай пожаровъ, назначать пожарныхъ старостъ выбирать чрезъ каждые три года изъ поселянъ трезвыхъ и добраго поведенія. Для указанія въ чемъ состояли ихъ обязанности, Лѣсной Департаментъ составилъ инструкцію, которая вошла впослѣдствіи въ Сводъ Законовъ (¹).

Въ видахъ сбереженія лѣсовъ, 24 октября 1800 года повелѣно, чтобы во всѣхъ мѣстахъ гдѣ можно добывать торфъ, начальники губерній старались вводить его въ употребленіе при отопленіи казармъ, на поварняхъ, въ баняхъ, кузницахъ и т. д. На первое время, пока обыватели не убѣдятся въ его пользѣ употреблять для разработки людей изъ рабочихъ домовъ (²).

Въ 1799 году составленъ новый проэктъ о нарядѣ лашмановъ къ заготовленію корабельныхъ лѣсовъ. Вмѣсто прежнихъ двухъ рабочихъ мѣсяцевъ, октября и ноября, въ которыхъ за вычетомъ праздниковъ выходило всего 46 рабочихъ дней, предположено считать въ мѣсяцѣ по 30 дней, и наряжать на 60 рабочихъ дней, т. е. съ 1 октября по 18 декабря. Для удержанія Татаръ отъ своевольствъ, лѣности и нерадѣнія назначены уроки пѣшимъ и коннымъ рабочимъ. Для надзора за успѣшнымъ заготовленіемъ корабельныхъ лѣсовъ назначены особые инспекторы изъ флотскихъ капитанъ-лейтенантовъ, а для наблюденія за рабочими положены къ каждымъ 12 лашманамъ по одному адмиралтейскому плотнику. Главное наблюденіе за заготовками возложено на командира Казанскаго адмиралтейства.

(¹) П. С. З. XXVI. 19,509.

(²) П. С. З. XXVI. 19,618.

Такъ какъ заготовка лѣсовъ производилась не въ одной Казанской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ болѣе отдаленныхъ отъ жительства лашмановъ и рабочимъ приходилось дѣлать переходы отъ 300 до 500 верстъ, то къ заготовкамъ лѣсовъ, кромѣ служилыхъ Татаръ, приписаны ясашные Татары, Черемисы, Чуваши, Мордва, Вотяки въ губерніяхъ Казанской, Нижегородской, Вятской, Саратовской и Оренбургской, такъ что съ прежде-бывшими 112,653 человѣками, новое число составило 609,664 души, которыми адмиралтейство и стало располагать съ 1800 года (1).

Относительно частнаго судостроенія Императоръ Павелъ повелѣлъ слѣдующее: многіе казенные крестьяне, поселенные на земляхъ негодныхъ для хлѣбопашества, промышляли только постройкой разныхъ рѣчныхъ судовъ. Не будучи въ состояніи внести впередъ попенныя деньги, они часто должны были оставаться безъ промысла и терпѣть нужду. По этому повелѣно лѣсъ необходимый для постройки судовъ, дозволять казеннымъ крестьянамъ рубить безъ испрошенія на то каждый разъ разрѣшенія Коллегіи и безъ взысканія попенныхъ денегъ. Мѣста рубки должны были указывать форстмейстеры и обер-форстмейстеры и наблюдать, чтобы не рубились деревья годныя для флота. По окончаніи постройки судна назначено брать въ пользу казны пошлину, смотря по размѣру судна, а для отвращенія злоупотребленій, повелѣно суда клеймить адмиралтейскимъ клеймомъ и выдавать судохозяевамъ билеты за подписью обер-форстмейстеровъ и земскихъ судовъ. Чтобы подъ видомъ судовъ, построенныхъ изъ частныхъ лѣсовъ, не могли пройти суда построенныя въ казенныхъ дачахъ, правило это распространено на всѣ суда, исключая отправляемыхъ самими помѣщиками (2).

Относительно постройки мореходныхъ судовъ, отмѣнены тоже попенныя деньги, и взысканіе пошлины назначено

---

(1) П. С. З. XXV. 19,224.

(2) П. С. З. XXV. 19,236.

Коммерцъ-Коллегіей сообразно длинѣ киля, а именно: до 40 фут. по 50 коп., до 50 фут. по 1 руб., до 60 — по 2 руб., до 70 — по 3 руб., до 80 — по 4 руб., до 90 — по 6 руб. до 100 — по 10 руб.; а съ судовъ большихъ размѣровъ по 15 руб. за каждый футъ длины киля. Если для постройки судна потребуется не много лѣсу, или будетъ строиться рѣчное судно, то брать попенныя деньги. Противъ этого мнѣнія Коллегіи возражалъ адмиралъ графъ Кушелевъ. Онъ говорилъ, что лучше подарить промышленникамъ на первый годъ лѣсъ, чѣмъ брать подобную плату, потому что за самый большой Остъ-Индскій корабль, или 44 пушечный фрегатъ придется пошлины только 2,000 руб., тогда какъ лѣсу пойдетъ по крайней мѣрѣ на 12 или болѣе тысячъ. Безденежное пожалованіе лѣса на одинъ годъ будетъ милостью, а такая плата, не смотря на свою незначительность, будетъ считаться не подаркомъ, а поборомъ убыточнымъ для казны. Въ общемъ собраніи Коммерцъ-Коллегіи утверждено первое мнѣніе и предположено продолжать сборъ съ 1801 года впредь на четыре года, потому что лѣсъ по вырубкѣ необходимо просушить, а по истеченіи срока разсмотрѣть дѣло вновь и рѣшить: можно ли этотъ сборъ продолжать безъ обиды для правительства и купечества (*).

Относительно разныхъ отпусковъ лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ изданы правительствомъ слѣдующія постановленія. Указомъ 22 февраля 1798 года повелѣно: казеннымъ крестьянамъ на постройки домовъ позволить вырубать безденежно на каждый дворъ по 25 корней изъ лѣсовъ, принадлежащихъ къ ихъ селеніямъ, исключая 5 частей, а священно-церковно-служителямъ сельскихъ церквей не болѣе 35 корней. Изъ другихъ же отдѣленныхъ казенныхъ угодій отпускать лѣсъ за попенныя деньги. Такъ какъ мостовыя назначено дѣлать каменныя, а не бревенчатыя, то и не отпускать лѣсъ на это дѣло безденежно. Позволеніе на

(*) П. С. З. XXVI. 19,624, п. 2.

вырубку лѣсовъ для постройки судовъ давать неипаче, какъ по разсмотрѣніи Адмиралтействъ-Коллегіей, что дозволеніе не можетъ привести лѣсовъ въ оскудѣніе.

Сженіе золы, сидѣніе дегтя позволять крестьянамъ только для себя, а не на продажу; сдираніе же лубьевъ въ казенныхъ дачахъ отнюдь не дозволять.

Отпуски лѣсовъ для частныхъ надобностей дѣлать съ удостовѣренія гражданскихъ начальствъ, что просимое количество дѣйствительно нужно, по требованіямъ же самихъ просителей отпусковъ не дѣлать. Въ этомъ же указѣ помѣщена и такса сосновымъ, еловымъ и пихтовымъ деревьямъ, обнародованная впослѣдствіи еще разъ указомъ 27 іюня 1799 года.

Этой таксой назначены слѣдующія цѣны:

	Сажени.	Вершки.	Разстоянія въ верстахъ.							
			10.		15.		20.		25.	
			руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Сосна, съ корнемъ . .	3	4	»	20	»	15	»	10	»	4
		5	»	30	»	20	»	15	»	10
		6	»	40	»	30	»	20	»	15
		7	»	60	»	50	»	40	»	20
		8	1	»	»	80	»	60	»	40
	4	4	»	40	»	30	»	20	»	15
		5	»	50	»	35	»	25	»	15
		6	»	60	»	50	»	40	»	20
		7	1	»	»	80	»	60	»	40
		8	1	60	1	10	1	»	»	60
	5	4	»	50	»	35	»	25	»	15
		5	»	60	»	50	»	40	»	20
		6	1	»	»	80	»	60	»	40
		7	1	60	1	10	1	»	»	60
		8	2	40	2	»	1	50	1	»
Ель и пихта	6	4	»	30	»	20	»	15	»	10
		5	»	59	»	35	»	25	»	15
		6	»	86	»	60	»	40	»	30
		7	1	20	1	»	»	80	»	40
		8	1	50	1	20	1	»	»	80

Сосновыя шести-саженныя бревна и длиннѣе рубить вовсе не позволено, а велѣно сберегать ихъ на мачты и на корабельное строеніе. За еловыя и пихтовыя деревья тѣхъ

размѣровъ, какъ показанныя въ таксѣ сосновыя, назначено брать вполовину противъ сосновыхъ. За дрова березовыя и ольховыя, за кубическую сажень, при разстояніи 5 верстъ отъ рѣкъ — 1 р. 50 к., 10 верстъ — 1 р. 10 к., 15 — 70 к., 20 — и далѣе 50 к. Еловыя, пихтовыя, осиновыя и другія негодныя для судостроенія въ 5 вер. — 1 р., 10—75 к., 15—50 к., 20 и далѣе 25 к. (¹). Валежникъ и сухоподстой: дубовый мелкій по цѣнамъ сыраго сосноваго лѣса, кленовый, ясеневый, берестовый, грабовый третьей долей дешевле сосноваго сыраго; сосновый и еловый вполовину противъ сыраго; липовый, осиновый, ольховый, березовый цѣльными деревьями, годными на челны, желоба, толкачи вполовину противъ еловыхъ, а суковатыя или тонкія деревья ели, липы, осины, орѣшника и березы на плоты, уголь, лучину, жерди и тычину вполовину противъ цѣнъ на дрова, вырубаемыя изъ сыраго лѣса, и при расчетѣ приводить отпускаемый матеріалъ въ кубическую мѣру, а не считать возами (²).

Вслѣдствіе запрещенія 27 февраля 1798 года снимать въ казенныхъ дачахъ лубья и мочалы и брать лѣсъ на мощеніе дорогъ, генералъ-прокуроръ князь Лопухинъ вошелъ съ представленіемъ къ Государю, что подобная мѣра слишкомъ обременительна и для казны, потому что препятствуетъ доставкѣ провіанта, для котораго необходимы лубки и мочалы, и для народа, неимѣющаго возможности брать лѣсъ для мощенія за попенныя деньги. По этому Павелъ Петровичъ, 16 іюня 1799 года, разрѣшилъ: для барокъ съ провіантомъ, принадлежащихъ Адмиралтейству, сдирать лубъ съ липы и вяза, а чтобы ободранныя деревья не пропадали, то употреблять ихъ въ корабельную работу, — для мощенія же дорогъ позволено рубить такое количество ели, какое необходимо только для устройства мостовъ чрезъ рытвины, ручьи, рѣчки и самыя топкія и непроходимыя мѣста (³).

(¹) П. С. З. XXV. 18,875 и 19,059.

(²) П. С. З. XXV. 19,237.

(³) П. С. З. XXV. 19,004.

20 декабря 1798 года и 17 августа 1799 года, разрѣшено погорѣвшимъ крестьянамъ, по увѣдомленіи гражданскихъ губернаторовъ и Удѣльныхъ Экспедицій, отпускать на каждый дворъ по 25 корней (1).

Чтобы не задерживать полковъ во время маршей, въ случаѣ необходимости починки обозовъ, разрѣшено: лѣсъ, необходимый для этого дѣла, отпускать обер-форстмейстерамъ немедленно по полученіи требованій военныхъ начальствъ, и уже по окончаніи отпуска доносить о немъ Лѣсному Департаменту. Лѣсъ же необходимый для дѣланія обозовъ вновь отпускать только по Высочайшему повелѣнію (2).

Относительно отпуска лѣсовъ на общественныя потребности въ губерніяхъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши: Литовской, Волынской и Подольской, повелѣно состоять имъ на особыхъ правахъ и привиллегіяхъ, дарованныхъ Королемъ Станиславомъ Августомъ въ 1776 году (3). По люстраціи предполагалось, съ 1800 года, въ Таращинскомъ староствѣ, Кіевской губерніи, отпускать ремесленникамъ разный заповѣдный лѣсъ, и по инвентарю предположено брать всего $144^3/_4$ польскихъ злотыхъ, т. е. 24 р. $60^3/_4$ к. По показаніямъ отобраннымъ отъ ремесленниковъ оказалось, что имъ необходимо въ годъ разныхъ запрещенныхъ породъ 4,896 деревъ, да березы и ольхи 1,440, всего 6,336. Лѣсной Департаментъ, найдя, что подобный отпускъ за такую ничтожную плату будетъ слишкомъ вреденъ для лѣсовъ, предположилъ уничтожить его, а ремесленникамъ, необходимый для нихъ лѣсъ, предоставить брать по цѣнамъ установленнымъ таксой, съ тѣмъ условіемъ, чтобы количество лѣса не превосходило запаса годовой лѣсосѣки (4). Это распоряженіе распространено на всѣ старостинскія и другія временно владѣльцамъ принадлежащія люстраціонныя имѣ-

---

(1) П. С. З. XXV. 19,086.

(2) П. С. З. XXV. 19,209.

(3) П. С. З. XXVI. 19,258.

(4) П. С. З. XXVI. 19,291.

нія. Но чтобы подобнымъ распоряженіемъ не уменьшить государственнаго дохода, предписано Лѣсному Департаменту изъ числа суммъ, поступающихъ къ нему за лѣса съ арендныхъ имѣній, отчислять сумму равную бывшей квартовой пошлинѣ и отсылать ее въ государственный доходъ (1).

Въ 1798 году, по случаю представленія о необходимости нѣкоторыхъ починокъ и поправокъ Тульскаго оружейнаго завода, Государь разрѣшилъ вырубить необходимое число деревъ изъ Бундеровской рощи съ тѣмъ, чтобы не трогать деревъ годныхъ на мачты и не выходить изъ числа необходимаго для поправокъ. Впредь же о требованіяхъ, поступающихъ въ Коллегію отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, представлять всякій разъ на разрѣшеніе Государя. Даже фаутный и негодный для Адмиралтейства лѣсъ, разрѣшенный для артиллеріи, отпускать неиначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія (2).

Для удовлетворенія потребностей Пермскихъ соляныхъ варницъ въ лѣсѣ, въ 1799 году, повелѣно отдѣлить въ Пермской губерніи лѣса годные для кораблестроенія и за тѣмъ изъ остальныхъ назначить достаточное количество для потребностей соляныхъ заводовъ и на постройку судовъ для перевозки соли (3). Въ слѣдующемъ же году такое же распоряженіе сдѣлано относительно выдѣла лѣсовъ для Старорусскихъ соляныхъ заводовъ (4). Наконецъ предписано Адмиралтействъ-Коллегіи казенные лѣса, приписанные къ Рыбачьей, Ижерской и Славянскимъ слободамъ, отдѣлить отъ Царскосельскихъ земель и обратить въ вѣдомство Коллегіи для разныхъ надобностей Ижерскаго завода (5).

Въ 1798 году состоялось повелѣніе, чтобы казенные лѣса не отпускать для частныхъ надобностей; содержате-

---

(1) П. С. З. XXVI. 19,355.
(2) П. С. З. XXV. 18,728.
(3) П. С. З. XXV. 18,882.
(4) П. С. З. XXVI. 19,245.
(5) П. С. З. XXVI. 19,267.

лямъ мельницъ покупать лѣсъ изъ помѣщичьихъ дачъ и не отпускать бревна и доски изъ С. Петербургскаго и Архангельскаго портовъ за границу ([1]). Въ этомъ указѣ запретительная идея выразилась только частью, вполнѣ же проявилась она въ указѣ 10 сентября 1798 года ([2]), когда повелѣно не отпускать «ни единаго дерева» безъ Высочайшаго разрѣшенія.

Такая мѣра была слишкомъ крута и тяжела для торговли, и не могла не вызвать возраженія—и дѣйствительно, чрезъ двѣ съ половиною недѣли Императоръ, «снисходя на представленія министровъ державъ въ добромъ согласіи и дружбѣ пребывающихъ и сохраняя выгоды подданныхъ отъ убытковъ могущихъ послѣдовать по поводу запрещенія вывоза лѣсовъ», повелѣлъ: указу 10 сентября имѣть дѣйствіе съ открытіемъ навигаціи въ 1799 году ([3]). Но и этотъ указъ былъ недостаточенъ: въ дачахъ было много лѣсовъ, срубленныхъ и приготовленныхъ къ заграничному отпуску; такъ что, указомъ 21 декабря 1799 года, Павелъ повелѣлъ отпустить этотъ лѣсъ за границу. Однако, чтобы не дать повода къ новой рубкѣ лѣсовъ, повелѣно весь заготовленный лѣсъ освидѣтельствовать и описать «единовременно и повсемѣстно» и при отпускѣ за границу повѣрять его съ описями. Такъ какъ въ Архангельскѣ необходимъ лѣсъ для Адмиралтейства, то изъ числа доставленныхъ туда лѣсовъ купить, что нужно для кораблестроенія, а остальной лѣсъ выпустить за границу. Изъ С. Петербургскаго порта лѣсъ не выпускать, потому что онъ можетъ разойтись и въ городѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не только не убить торговлю лѣсомъ, а напротивъ довести ее до цвѣтущаго состоянія, поручено Адмиралтействъ и Коммерцъ-Коллегіямъ составить проэктъ правилъ для лѣснаго торга, выгодныхъ и для промышленности и не вредныхъ

([1]) П. С. З. XXV. 18,616.

([2]) П. С. З. XXV. 18,659.

([3]) П. С. З. XXV. 18,679.

для лѣсовъ ([1]). Въ мартѣ 1800 года, въ дополненіе этого постановленія, повелѣно: «дабы не потерпѣть самимъ недостатка въ лѣсѣ», кромѣ составленія новыхъ правилъ для лѣснаго торга, «заводить посѣвами новыя рощи», и для этого сверхъ положенной по тарифу пошлины, брать въ доходъ Лѣснаго Департамента такую же сумму на лѣсоразведеніе «и прочія хозяйственныя надобности къ сбереженію лѣсовъ относящіяся» ([2]). Для этой же цѣли, сверхъ тарифной пошлины, велѣно брать со смолы жидкой 12 коп., а съ пеку по 18 копѣекъ съ пуда ([3]).

Въ томъ же году, «побуждаясь единою Монаршею милостію ко всѣмъ вѣрноподданнымъ», Павелъ повелѣлъ: лѣсъ, заготовленный ранѣе указа 10 сентября, выпустить за границу изъ Кронштадтскаго порта, но съ тѣмъ, чтобы отдать въ Адмиралтейство пятую часть натурой или деньгами ([4]). На докладѣ о дозволеніи русскимъ купцамъ грузить корабли, построенные въ Россіи, сосновымъ и еловымъ лѣсомъ въ половину груза корабля, а иностраннымъ вовсе запретить его вывозъ, кромѣ количества необходимаго для прокладки желѣза, Императоръ Павелъ написалъ: «Сей пунктъ правительство себѣ предоставляетъ въ распоряженіе, смотря по обстоятельствамъ» ([5]).

9 марта 1800 года Онежскіе казенные заводы ([6]) и наблюденіе за торговлей лѣсами, обработываемыми на нихъ, переданы въ вѣдомство Лѣснаго Департамента ([7]).

Относительно внутренней торговли лѣсомъ, для возстановленія «умѣренности въ цѣнахъ», предположено Сенату обратить вниманіе на продажу дровъ въ С. Петербургѣ ([8]).

([1]) П. С. З. XXV. 19,227.
([2]) П. С. З. XXVI. 19,304.
([3]) П. С. З. XXVI. 19,303.
([4]) П. С. З. XXVI. 19,410.
([5]) П. С. З. XXVI. 19,624.
([6]) Поступившіе въ казну послѣ банкротства Гома.
([7]) П. С. З. XXVI. 19,317.
([8]) П. С. З. XXIV. 18,158.

По предмету размежеванія Павломъ Петровичемъ изданы слѣдующія постановленія: 32 статьей дополнительной инструкціи для межеванія земель въ губерніяхъ Симбирской, Саратовской и Оренбургской, велѣно всѣ казенные лѣса и рощи, заповѣдныя для кораблестроенія, отмежевать въ казну; въ частномъ же владѣніи оставлять только тѣ, на которыя будутъ именные указы, съ точнымъ обозначеніемъ мѣстоположенія (1). Указомъ 6 іюня 1799 года повелѣно: «помѣщиковъ, которые имѣютъ въѣзды въ казенные лѣса, или въ какія либо общія съ казной дачи немедленно размежевать, дабы, подъ предлогомъ общихъ казенные лѣса истребляемы не были, а до толѣ, кромѣ валежника и сухихъ деревьевъ, никакого лѣса рубить имъ не позволять» (2). Между тѣмъ размежеваніе этихъ земель подвигалось медленно, и особенно задерживалось непредставленіемъ помѣщиками доказательствъ на право владѣнія, а потому предписано Губернскимъ Правленіямъ, при требованіяхъ отъ помѣщиковъ или ихъ довѣренныхъ доказательствъ, отбирать подписки въ своевременномъ представленіи этихъ документовъ (3). Относительно лѣсовъ, состоявшихъ при поіезуитскихъ имѣніяхъ, повелѣно отмежевать ихъ въ казну, а доходъ, исчисленный по люстраціоннымъ инвентарямъ, исключить по счетамъ Лѣснаго Департамента (4).

Императоръ Павелъ любилъ лѣсное дѣло и, какъ кажется, желалъ подвинуть лѣсное законодательство. При Павлѣ лѣсные законы получаютъ большую стойкость и зрѣлость, и потому необходимо вызываютъ болѣе строгую критику. Въ числѣ распоряженій особенное вниманіе заслуживаетъ учрежденіе, въ 1798 году, Лѣснаго Департамента. Это была мѣра, въ которой давно нуждалось лѣсное упра-

(1) П. С. З. XXV. 18,625.
(2) П. С. З. XXV. 19,009.
(3) П. С. З. XXVI. 19,268.
(4) П. С. З. XXVI. 19,378.

вленіе и которую, однако, ни одинъ изъ предшественниковъ Павла не привелъ въ исполненіе.

Изданіе форстмейстерской инструкціи и назначеніе форстмейстеровъ, не смотря на кажущуюся значительность, въ дѣйствительности менѣе важно. — Учрежденіе Лѣснаго Департамента было результатомъ внутренняго развитія администраціи государства, тогда какъ назначеніе форстмейстеровъ и новая, на Европейской наукѣ основанная, инструкція составляли заимствованіе чужой идеи. Павелъ не могъ не издать новаго постановленія и поступить иначе, значило отдѣлить себя отъ Европы и отъ Европейскаго развитія, на что наше правительство никакъ бы не согласилось. Вотъ почему въ учрежденіи Лѣснаго Департамента мы видимъ главную характеристику царствованія Павла.

Не смотря на это, инструкція обер-форстмейстеру и форстмейстеру составляютъ тоже замѣчательное явленіе, какъ полное на наукѣ основанное руководство для управленія лѣсною частью. Основаніемъ инструкціи послужилъ разумѣется «проэктъ устава о лѣсахъ», но это не ослабляетъ нисколько значеніе инструкціи, потому что «проэктъ устава» остался въ проэктѣ, тогда какъ форстмейстерской инструкціи, обнародованной вполнѣ, дана обязательная сила закона для всего государства.

Издавая инструкцію, правительство поступило, однако, не вполнѣ послѣдовательно; дѣйствительная польза новыхъ правилъ могла быть только въ томъ случаѣ, когда для выполненія ихъ приготовлялись бы особыя лица, — но этого-то правительство и не сдѣлало,—оно ввѣрило хозяйство основанное на наукѣ людямъ не подготовленнымъ къ этому дѣлу.

При Павлѣ описаніе лѣсовъ двинулось значительно впередъ, и планы и описанія составленныя въ это время служили до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, почти единственными данными для хозяйственныхъ соображеній.

Къ числу совершенно новыхъ распоряженій относятся еще постановленіе о взысканіяхъ за самовольныя порубки

и такса для взысканій, (15 августа 1799 года), такса на продажу лѣса по породамъ и размѣрамъ (1799 года) — первыя распоряженія нашего правительства въ этомъ родѣ. Къ слабымъ же и неудачнымъ мѣрамъ принадлежатъ — повелѣніе о разведеніи дуба по Невѣ, Волхову, Мстѣ, Ловати, Полѣ и разрѣшеніе строить суда безплатно и потомъ взыскивать пошлину по длинѣ киля, — мѣра противъ которой возсталъ адмиралъ графъ Кушелевъ.

Противъ перваго постановленія, какъ неудачной попытки, кончившейся ничѣмъ, говорить много нельзя: наука и законъ купили опытъ безъ вредныхъ дальнѣйшихъ послѣдствій, тогда какъ второе распоряженіе внесло въ законъ несправедливую мѣру, оставшуюся до сихъ поръ, и уничтоженіе которой составляетъ не совсѣмъ легкую задачу для нынѣшняго лѣснаго управленія.

Въ общемъ характерѣ постановленія Павла не отличаются отъ постановленій его предшественниковъ. Павелъ развиваетъ главныя основанія и не вдается въ частности; отдѣлка мелочей и подробности являются съ учрежденіемъ Министерствъ и составляютъ заслугу Александра Перваго.

ГЛАВА XI.

Узаконения Александра I.

Въ манифестѣ 2 апрѣля 1801 года, Александръ I говоритъ: «зная сколько въ общемъ составѣ силы государственной уважительно и всякаго ободренія достойно званіе земледѣльцевъ и поселянъ, Мы признали за благо обратить на нихъ Монаршее Наше вниманіе и Императорскимъ Нашимъ словомъ удостовѣрить, что отнынѣ впредь, безъ важныхъ и особенныхъ государственныхъ причинъ, къ существующей теперь узаконенной подъ разными именами подати, никакого прибавленія и новаго налога Мы не допустимъ». Въ слѣдствіе этого, въ отвращеніе злоупотребленій и притѣсненій крестьянъ, повелѣно: Адмиралтействъ-Коллегіи сдѣлать распоряженіе, чтобы, за исключеніемъ корабельныхъ лѣсовъ, крестьяне могли пользоваться свободно лѣсомъ не только на постройки и домашній обиходъ, но даже и на продажу. Для предупрежденія же истребленія насажденій, волостныя правленія должны были раздѣлить дачи на лѣсосѣки и смотрѣть, чтобы запрещенныхъ насажденій не трогали [1]. Такимъ образомъ распоряженіе Павла относительно крестьянскихъ лѣсовъ отмѣнено, и всѣ лѣса, за исключеніемъ корабельныхъ, переданы въ вѣдѣніе волостныхъ правленій, дѣйствовавшихъ подъ наблюденіемъ исправниковъ и казенныхъ палатъ [2]. Доходъ отъ смолы и другихъ постороннихъ лѣсныхъ пользованій, поступавшій прежде въ вѣдѣніе Лѣснаго Департамента, повелѣно, до

(1) П. С. З. XXVI. 19,812.
(2) П. С. З. XXVI. 19,815.

изданія особаго постановленія, получать и хранить особой суммой государственному казначею (¹).

Распоряженіе Александра о предоставленіи лѣсовъ крестьянамъ кончилось также, какъ и всѣ подобныя мѣры: крестьяне стали не только рубить заповѣдныя и клейменыя адмиралтейскимъ клеймомъ деревья, но не слушали форстмейстеровъ и угрожали имъ побоями, а лѣсные надзиратели и пожарные старосты вышли изъ повиновенія такъ, что, 30 декабря 1801 года, Сенатъ предписалъ: губернскимъ правленіямъ и губернаторамъ принимать мѣры къ охраненію лѣсовъ и строжайше подтвердить земскимъ судамъ и исправникамъ. наблюдать за крестьянами и удерживать ихъ «отъ своевольныхъ истребленій лѣсовъ, имъ не принадлежащихъ» (²). Послѣ этого распоряженія, въ Архангельской губерніи оказалась подсочка до 450,000 деревъ, поводъ которой далъ исправникъ. Поэтому Сенатъ предписалъ произвести строгое слѣдствіе, «не упустя изъ вида поступка исправника Морозова», и подтвердилъ исполнять въ точности указъ 30 декабря 1801 года (³). Виновныхъ въ порубкѣ оказалось болѣе 1,000 человѣкъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства.

Все неустройство и шаткость нашего лѣснаго законодательства происходили постоянно отъ одной причины — неприведенія лѣсовъ въ извѣстность. Екатерина, не кончивъ межеванія, издала указъ о правѣ безусловной собственности частныхъ владѣльцевъ на лѣса имъ принадлежащія, а Александръ, не отдѣливъ лѣса собственно казенные отъ крестьянскихъ, дозволилъ крестьянамъ рубить, что имъ вздумается и гдѣ вздумается. Отъ этого правительству приходилось бороться постоянно и съ порубщиками и съ исполнителями его повелѣній, дѣло подвигалось впередъ медленно и лѣсное управленіе все никакъ не устраивалось.

(¹) П. С. З. XXVI. 20,066.
(²) П. С. З. XXVI. 20,095.
(³) П. С. З. XXVII. 20,417.

Такой порядокъ вещей разумѣется не могъ продолжаться и правительство, съ 1802 года, приняло наконецъ мѣры къ преобразованію лѣснаго управленія. Въ этомъ году, съ учрежденіемъ министерствъ и порученіемъ министру финансовъ управленія казенными имуществами, въ томъ числѣ и лѣсами, составленъ и утвержденъ проэктъ устава о лѣсахъ. При составленіи его, коммиссія назначенная особенно для этого, задала себѣ рѣшеніе трехъ главныхъ вопросовъ: на какомъ основаніи учредить новое управленіе, такъ чтобы лѣса приводились въ порядокъ, и при употребленіи ихъ на разныя потребности, какъ казенныя, такъ и частныя, «расходовались бережливо»; какъ устранить, замѣченный уже во многихъ губерніяхъ, недостатокъ лѣсовъ и предупреждать его въ другихъ мѣстахъ не слишкомъ богатыхъ лѣсомъ; наконецъ, какія выгоды можно извлечь для казны изъ лѣсовъ?

Для достиженія этой тройной цѣли, предположено преобразовать лѣсное управленіе и дать ему новыя правила.

Существовавшій до этого времени Лѣсной Департаментъ получилъ власть и преимущества государственныхъ коллегій. Предсѣдатель Департамента названъ главнымъ директоромъ государственныхъ лѣсовъ, въ помощь ему даны три члена и шесть совѣтниковъ. Лѣсному Департаменту подчинены всѣ лѣса Имперіи, кромѣ принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Лѣсной Департаментъ, управляя государственными лѣсами, долженъ былъ имѣть свѣдѣніе—о пространствѣ лѣсовъ, о разныхъ родахъ деревъ и свойствахъ ихъ, и мѣрахъ сохраненія и разведенія насажденій, по этому на Департаментъ возлагалось: привести всѣ лѣса въ извѣстность, нанести ихъ на планы, обозначить подробно ростъ и свойство лѣсовъ и показать разстояніе ихъ отъ рѣкъ, городовъ, заводовъ, фабрикъ и большихъ селеній.

Извлекать изъ лѣсовъ возможную прибыль, внутренней и внѣшней торговлей и разными экономическими заведеніями.

Заботиться о разведеніи и умноженіи лѣсовъ при чемъ предпочитать разведеніе корабельныхъ лѣсовъ близъ рѣкъ,

пристаней и морскихъ береговъ и не упускать изъ вида тѣ мѣста, гдѣ чувствуется недостатокъ лѣса для внутреннихъ потребностей.

Учредить «въ надлежащихъ мѣстахъ» школы для образованія людей свѣдущихъ въ лѣсоводствѣ.

Строго смотрѣть за подчиненными и для осмотра и ревизіи лѣсовъ посылать въ губерніи совѣтниковъ.

Раздѣлить лѣса, по свойству ихъ, на годовыя лѣсосѣки. Деревья первой статьи: дубъ, букъ и т. д., въ сѣверной полосѣ дѣлить на 120 частей, въ средней — на 100 и въ полуденной — на 90. Лѣсъ второй статьи: липу, осину и т. д., въ сѣверной полосѣ дѣлить отъ 50 до 40 частей, въ средней — отъ 40 до 35, и въ полуденной — на 30 частей. Ольху, березу, рябину, осокорь, тополь, берестъ, бересклетъ, яворъ въ сѣверной полосѣ дѣлить на 40 частей, въ средней — на 30 и въ полуденной — на 25 частей. Третьей статьи: сосну, ель и т. д., дѣлить въ сѣверной полосѣ въ низкихъ и ровныхъ мѣстахъ на 60 частей, на высокихъ мѣстахъ на 80, въ средней и полуденной — на 50 частей. Малорослый лѣсъ дѣлить на 20 частей, а разные кустарники отъ 8 до 10 частей. Когда лѣсныя угодья заросли разнымъ лѣсомъ и лѣсъ 1, 2 и 3 статьи смѣшанъ, то при раздѣленіи ихъ на лѣсосѣки сообразоваться съ господствующей или болѣе цѣнной породой.

Лѣсосѣки вести противъ сильныхъ вѣтровъ, а въ гористыхъ мѣстахъ располагать по косогору снизу вверхъ,— если же будетъ возможно, то закладывать нѣсколько поперегъ и рубить сряду или чрезполосно. Для обсѣмененія оставлять на лѣсосѣкѣ отъ 20 до 25 лучшихъ деревъ.

Въ лѣсахъ заводскихъ, гдѣ рубится много лѣса, назначать лѣсосѣки въ разныхъ мѣстахъ, а не рядомъ, чтобы сплошной рубкой не истребить насажденій на большомъ пространствѣ. Годовыя лѣсосѣки обозначать въ натурѣ кучами, ямами или затесками деревъ. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ правительство говоритъ, что хотя раздѣленіе лѣсовъ на годовыя лѣсосѣки принимается въ лѣсномъ хозяйствѣ прочнымъ основаніемъ, но какъ въ небольшихъ лѣсахъ подобное дѣленіе не всегда возможно, то и предоставляется

Лѣсному Департаменту пользоваться этими правилами, гдѣ позволитъ пространство лѣсовъ, и въ другихъ изыскать «хозяйственнымъ образомъ другія средства». Относительно же собственно казенныхъ лѣсовъ предписано слѣдовать правиламъ хозяйства, принятымъ «въ чужестранныхъ мѣстахъ, и учредя лѣсные удѣлы или форштеи» и сдѣлавъ таксацію, рубки распредѣлить другимъ образомъ, имѣя главнѣйше въ виду, чтобы вырубленныя мѣста возобновлялись.

Кромѣ этихъ административныхъ и научныхъ правилъ, помѣщена въ уставѣ о лѣсахъ глава *«о надѣленіи казенныхъ поселянъ изъ подъ лѣсовъ землями»*. Глава эта разумѣется важнѣе всего устава, потому что ею имѣлось въ виду разграничить имущества, въ чемъ наши лѣса нуждались болѣе, чѣмъ *«въ правилахъ хозяйства принятыхъ въ чужестранныхъ земляхъ»*.

Въ надѣлъ крестьянъ дозволено назначать всѣ казенные лѣса, кромѣ корабельныхъ. Корабельными же лѣсами велѣно принимать всѣ вообще насажденія, годныя для кораблестроенія и представлявшія удобство сплава. По этому Лѣсному Департаменту вмѣнено осмотрѣть пространства, взятыя изъ крестьянскихъ лѣсовъ въ заказныя рощи, и если эти участки, по дурному качеству почвы или насажденій не годятся для кораблестроенія, то отдать ихъ крестьянамъ, когда они имѣютъ мало земли, если же у крестьянъ земли довольно, то оставлять рощи въ казнѣ «на другое полезнѣйшее употребленіе».

Въ корабельныя рощи отдѣлять пятыя части изъ ильма, вяза клена и сосны,—самыя лучшія и ближайшія отъ сплавныхъ рѣкъ. Дубовыя же и мачтовыя лиственничныя деревья, годныя для кораблестроенія, считать заповѣдными, для заводскаго и крестьянскаго употребленія отъ большихъ рѣкъ на 100, а отъ малыхъ на 25 верстъ, хотя бы деревья эти росли въ заводскихъ и крестьянскихъ дачахъ.

Удовлетворивъ крестьянъ землей изъ подъ лѣсовъ, остающіеся за тѣмъ крестьянскіе лѣса раздѣлить на лѣсосѣки и отдать подъ наблюденіе волостныхъ правленій, лѣсному же начальству наблюдать только, чтобы крестьяне не вы-

рубали въ годъ больше одной лѣсосѣки. Точно также поступать и относительно лѣсовъ приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ [1].

На основаніи этого устава, по предложенію министра финансовъ графа Васильева, составлены лѣсныя коммисіи для отдѣленія корабельныхъ и государственныхъ лѣсовъ, выбора мѣстъ для разведенія вновь дуба, выдѣла пятыхъ частей, удовлетворенія крестьянъ малоземельныхъ губерній землей изъ подъ лѣсовъ и раздѣленія крестьянскихъ дачъ на годовыя лѣсосѣки. На первый разъ, въ видѣ опыта, предположено послать коммисіи только въ три губерніи: С. Петербургскую, Казанскую и Олонецкую, и для руководства коммисіи составлена особая инструкція [2].

Независимо отъ коммисіи назначены особыя партіи для разграниченія лѣсовъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Нижегородской, Костромской и Новгородской. Поводомъ къ этому назначенію послужила подсочка деревъ въ Архангельской губерніи, о которой было уже сказано. Правительство, имѣя въ виду, что въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской и Вятской крестьяне занимаются исключительно лѣсными промыслами, а въ остальныхъ только нѣкоторыя волости и селенія; между тѣмъ въ этихъ губерніяхъ генеральное межеваніе не сдѣлано, слѣдовательно командируемымъ партіямъ нельзя руководствоваться инструкціями данными коммисіямъ, посланнымъ въ губерніи обмежеванныя, повелѣло: въ Архангельской губерніи заняться, на первый случай, только выборомъ и отдѣленіемъ лучшихъ лѣсовъ для флота, и раздѣленіемъ остальныхъ на годовыя лѣсосѣки; съ тѣмъ, чтобы годичная лѣсосѣка шла и на удовлетвореніе домашнихъ потребностей крестьянъ и доставала на промыслы. Въ остальныхъ же губерніяхъ: Вологодской, Вятской, Нижегородской, Костромской и Новгородской отдѣлить лѣса только тѣмъ селеніямъ, которыя, по недостатку хлѣбородной земли, при-

(1) П. С. З. XXVII. 20,506.
(2) П. С. З. XXVII. 20,898.

нуждены заниматься лѣсными промыслами. Части эти отдѣлять изъ лѣсовъ принадлежащихъ селеніямъ и отнюдь не изъ годныхъ для кораблестроенія. Въ Архангельской губерніи по р. Двинѣ въ уѣздахъ Шенкурскомъ, Холмогорскомъ и Пинежскомъ, въ которыхъ заготовляются корабельныя деревья, сверхъ лиственничныхъ деревъ отдѣлить лучшія сосновыя деревья, по Двинѣ на 50 верстъ въ сторону, а по малымъ впадающимъ въ нее рѣкамъ на 25 верстъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по изобилію лѣсовъ дозволено въ Архангельской губерніи подсачивать деревья, съ тѣмъ чтобы не портить деревъ толще 7 вершковъ на шестифутовой вышинѣ, и тѣмъ изъ крестьянъ, которые будутъ употреблять пни и корни срубленныхъ деревъ и гнать смолу въ печахъ, предположено давать награды (*).

Послѣ изданія новаго устава о лѣсахъ, доходъ отъ лѣсовъ увеличился, самовольныя порубки уменьшились и до 1805 года Лѣсной Департаментъ успѣлъ устроить на новыхъ основаніяхъ четыре губерніи: Олонецкую, Вятскую, Калужскую и Курляндскую, кромѣ того занялся устройствомъ новаго управленія въ губерніяхъ: С. Петербургской, Казанской, Московской, Тульской, Воронежской, Орловской, Минской и Финляндской, наконецъ приняты мѣры и собирались свѣдѣнія для устройства остальныхъ 34 губерній.

Приведеніе губерній въ новый порядокъ убѣдило въ томъ, что одного губернскаго управленія лѣсами недостаточно, что между оберъ-форстмейстерами и Лѣснымъ Департаментомъ необходимо учредить еще одну инстанцію. Причиной этого были поступавшія въ Департаментъ разныя прошенія на оберъ-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, отвлекавшія Департаментъ отъ другихъ болѣе важныхъ предметовъ управленія. Кромѣ того замѣчено, что лучшимъ хозяйствомъ и возвышеніемъ лѣсныхъ доходовъ отличаются губерніи, въ которыхъ находились командированные

(*) П. С. З. XXVIII. 21,285.

Департаментомъ совѣтники. Поэтому 28 февраля 1805 года предположено назначать особыхъ инспекторовъ для надзора за лѣсами нѣсколькихъ губерній, и въ видѣ опыта учредить на два или три года одну инспекцію надъ губерніями: Тульской, Московской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской и Владимірской. Инспекторомъ назначенъ совѣтникъ Департамента дѣйствительный статскій совѣтникъ Пеллисіеръ. При инспекторѣ положены: чиновникъ для исполненія разныхъ порученій, секретарь, регистраторъ, два канцелярскихъ служителя, землемѣръ и курьеръ.

По инструкціи данной инспектору, онъ обязывался заботиться обо всемъ, что касается до приведенія лѣсовъ въ извѣстность, устройства ихъ, возвышенія лѣсныхъ доходовъ, лѣсоразведенія и слѣдить за дѣлами о лѣсоистребленіяхъ. Для заведенія разныхъ инструментовъ и для опытовъ ассигновано единовременно въ распоряженіе инспектора 1000 рублей (1).

Со времени введенія въ западныхъ губерніяхъ общихъ постановленій о лѣсахъ, усилились въ нихъ значительно самовольныя порубки и злоупотребленія. Лѣсной Департаментъ сознавая, что зло происходитъ отъ противорѣчія между постановленіями правительства и мѣстными обычаями и привычками, полагалъ для губерній: Виленской, Гродненской, Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской, Минской и Кіевской составить новыя правила, сообразныя мѣстнымъ условіямъ края. Для изученія же этихъ условій предположено учредить временно въ западныхъ губерніяхъ инспекцію, послать инспекторомъ одного изъ совѣтниковъ Лѣснаго Департамента и дать ему инструкцію, основанную на инструкціи для губерній великороссійскихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями требуемыми обстоятельствами края (2).

По истеченіи срока, назначеннаго для инспекціи въ Великороссійскихъ губерніяхъ, правительство нашло новое

---

(1) П. С. З. XXVIII. 21,644.

(2) П. С. З. XXVIII. 22,008.

учрежденіе дѣйствительно полезнымъ для приведенія лѣсовъ въ извѣстность и порядокъ, и 6 марта 1809 года постановлено, существованіе инспекцій для окончательнаго устройства лѣсовъ продолжить еще на два года ([1]).

Въ 1815 году, по смерти инспектора Пиллисіера, уничтожена инспекція, и суммы, отпускавшіяся на нее, обращены на содержаніе коммисіи для заготовки корабельныхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи ([2]). А 14 мая 1815 года признана не нужной и уничтожена инспекція учрежденная въ западныхъ губерніяхъ ([3]).

Мѣстное управленіе лѣсами оставалось по прежнему на обязанности обер-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ, а въ 1803 году обер-форстмейстеры подчинены губернаторамъ. Въ 1821 году упразднена должность форстмейстера въ Сибири, потому что по мѣстному изобилію лѣсовъ не было необходимости въ ихъ охраненіи, а въ 1825 году, по ходатайству Сибирскаго губернатора, допущена въ Сибири постройка топорныхъ судовъ ([4]).

Правительства, предшествовавшія Александру, старались сосредоточивать лѣсное управленіе и не раздроблять завѣдываніе лѣсами между разными отдѣльными управленіями. При Александрѣ мы встрѣчаемъ другую систему дѣйствій — лѣса начинаютъ получать спеціальное назначеніе и приписываются къ разнымъ вѣдомствамъ. Точно ли подобное дѣленіе было необходимо, или это казалось такъ правительству, тѣмъ не менѣе лѣсное управленіе раздроблено, и въ этомъ видѣ сохранилось до настоящаго времени. Первая идея подобнаго раздѣленія принадлежитъ Императору Павлу.

Еще въ 1799 году предположено было отдѣлить въ Пермской губерніи лѣса годные для кораблестроенія, а изъ остальныхъ назначить достаточное количество для употре-

---

([1]) П. С. З. XXX. 23,518.
([2]) П. С. З. XXXIII. 25,811.
([3]) П. С. З. XXXIII. 25,847.
([4]) П. С. З. XXVII. 20,849. XXXVII 28,571. XC. 30,451.

бленія на соляныхъ заводахъ. Исполненіе этого дѣла было возложено на Адмиралтействъ-Коллегію, но по разнымъ обстоятельствамъ не осуществилось. Наконецъ 28 февраля 1805 году изданы правила для отдѣленія лѣсовъ къ Пермскимъ солянымъ заводамъ.

Пермскія соляныя варницы и промыслы, устроенныя въ 1568 году предками Строгановыхъ, впослѣдствіи отошли частью по уступкамъ къ княгинѣ Голицыной, Шаховской, Всеволожскому, Лазареву, нѣкоторые остались у Строгановыхъ, а Дедюхинскій заводъ поступилъ въ казну. Всѣ эти заводы вываривали въ началѣ нынѣшняго столѣтія болѣе 5.000,000 пудовъ въ годъ, и ежегодное увеличеніе выварки съ 1765 года, когда выварилось только 1.700,000 пудовъ, составляло около 80, до 90,000 пудовъ. По грамотѣ Ивана Васильевича, въ 1558 году, предоставлено Строгановымъ по рѣкамъ Камѣ, Чусовой, Янвѣ, Ленвѣ и Обвѣ строить безпошлинно городки, заводить всякіе промыслы, рубить лѣсъ, расчищать пашни и ловить рыбу, а 17 марта 1798 года владѣльческая собственность заводовъ, относительно благосостоянія крестьянъ того края, промышляющихъ лѣсами для заводовъ, признана нераздѣльной съ пользой государства. По описаніямъ Пермскаго края, оказались земли въ уѣздахъ Чердынскомъ и Соликамскомъ 6.556,081 десятина, крестьянъ же государственныхъ 23,570 душъ, слѣдовательно при надѣлѣ ихъ восьми-десятинной пропорціей потребовалось бы 188,560 десятинъ. Но если брать не всю площадь уѣздовъ, а только по Камѣ въ стороны на 50 верстъ, а отъ малыхъ рѣчекъ по 25 верстъ, то площадь ограниченная этими предѣлами составляла 4.205,572 десятины, а исключивъ 188,000 для крестьянъ и 1.661,659 десятинъ неудобной земли, подъ лѣсъ осталось бы 2.355,353 десятины. Заводы употребляли ежегодно 248,000 куб. саж. и полагая запасъ десятины при 80 лѣтнемъ оборотѣ въ 43 сажени, нужно было для постояннаго продовольствія заводовъ 461,400 десятинъ, а считая еще 154,775 деревъ для постройки судовъ и другія потребности промысла, дача заводовъ должна заключать 501,400 десятинъ. Слѣдовательно

за нарѣзкой исчисленнаго пространства осталось бы въ двухъ уѣздахъ въ предѣлахъ рѣкъ 1.877,953 десятины, да за этими предѣлами еще 2.450,509 десятинъ. По этому предполагая что выварка соли увеличится въ полтора раза, предположено отдѣлить къ заводамъ 692,094 десятины. Отпускъ лѣса, чтобы не поднять цѣнъ на соль, назначено, согласно постановленію 1799 года, дѣлать безденежно, а посаженныя деньги опредѣлено взыскивать только за суда строимыя для перевозки соли ([1]).

Точно также и лѣса горнаго вѣдомства отданы еще въ 1800 году въ вѣдѣніе Бергъ-Коллегіи; Александръ же, въ 1802 году, инструкціей Главному Начальнику горнаго начальства, поручилъ привести «со временемъ» въ извѣстность лѣса какъ казенные, такъ и приписанные къ частнымъ заводамъ ([2]) и такую же обязанность возложилъ на Главнаго Начальника Гороблагодатскаго и Пермскаго горныхъ начальствъ ([3]). Этими, а особенно послѣдующими распоряженіями, Александръ утвердилъ окончательно раздробленіе лѣсовъ.

Въ 1806 году учрежденъ Горный Департаментъ и Горному Правленію поручено завѣдывать всѣми лѣсами примежеванными къ состоящимъ въ его вѣдѣніи частнымъ и казеннымъ заводамъ, за исключеніемъ собственно помѣщичьихъ «по праву дворянства принадлежащихъ». Но какъ по уставу о лѣсахъ завѣдываніе всѣми лѣсами было предоставлено Лѣсному Департаменту, то обер-форстмейстерамъ губерній: Пермской, Вятской, Оренбургской и Казанской, велѣно находиться «въ сношеніи» съ Горными Правленіями, по дѣламъ касающимся горныхъ лѣсовъ. Такимъ образомъ главное управленіе заводскими лѣсами предоставлено и горному и лѣсному начальствамъ, а хозяйственное завѣдываніе оставлено форстмейстерамъ и обер-форстмейстерамъ.

(1) П. С. З. XXVIII. 21,612.
(2) П. С. З. XXVII. 20,112.
(3) П. С. З. XXVII. 20,160.

Этими распоряженіями лѣсные чины поставлены въ какое-то странное неопредѣленное отношеніе къ двумъ властямъ.

Странность этихъ отношеній еще виднѣе изъ слѣдующихъ извлеченій изъ положенія. Горному правленію поручено привести въ ясность всѣ планы на лѣсныя дачи и имѣть описанія границъ и живыхъ урочищъ съ объясненіемъ, по какимъ основаніямъ примежеваны лѣса къ заводамъ.

Правленію предоставлено право внутренняго размежеванія заводскихъ лѣсовъ, велѣно раздѣлить лѣса на лѣсосѣки, распредѣлить и уравнять дачи между заводами, наблюдать, чтобы всякій заводъ рубилъ не болѣе головой пропорціи, и производилъ рубку установленнымъ порядкомъ.

Каждому заводу назначено имѣть своего вальдмейстера или смотрителя лѣсовъ и объѣздчиковъ, полагая на 150 душъ не болѣе одного объѣздчика.

Предъ наступленіемъ времени для рубки лѣса, горный начальникъ или его помощникъ опредѣляетъ въ натурѣ мѣсто для рубки, или отводитъ лѣсосѣку, если дачи раздѣлены, а въ частныхъ заводахъ такое назначеніе дѣлается главнымъ повѣреннымъ подъ наблюденіемъ заводскаго исправника.

Расчистки лѣсовъ подъ пашни или покосы дѣлать съ разрѣшенія горнаго начальника или конторы.

Заводское начальство обязано оберегать лѣса отъ пожаровъ и строго запрещать, чтобы въ лѣсахъ не жгли травы и не пускали огонь для расчистки полей.

Слѣдствія о виновныхъ въ горныхъ пожарахъ производятся горными полиціями и представляются Горнымъ Правленіямъ.

Съ изданіемъ, въ 1818 году, устава Солянаго Управленія, Правленію поручено: казенные лѣса, отведенные къ солянымъ заводамъ, ограничить и нанести на планы. Раздѣлить дачи на лѣсосѣки такой величины, чтобы одной достало на годичное продовольствіе завода и для охраненія лѣсовъ учредить стражу.

Мѣста вырубокъ облѣсять искусственно или естественнымъ обсѣмененіемъ.

Лѣса строевые отнюдь не обращать въ дрова, а употреблять только на одни заводскія строенія. «Во всѣхъ прочихъ распоряженіяхъ по управленію лѣсовъ, Правленіямъ поступать на общихъ правилахъ лѣсоводства» (1).

Въ 1808 году, съ учрежденіемъ Департамента Удѣловъ, лѣса находящіеся въ удѣльныхъ имѣніяхъ переданы въ совершенную зависимость удѣльнаго начальства и исключены изъ вѣдѣнія обер-форстмейстеровъ (2), а 75 параграфомъ Высочайше утвержденнаго положенія для Тульскаго оружейнаго завода, заводскому правленію поручено завѣдывать всѣми принадлежащими заводу лѣсами, засѣками и возложена на него отвѣтственность за цѣлость насажденій.

По несовершенству мѣстнаго управленія колоніями Саратовской губерніи, а болѣе по недостатку и неудобности земли, колоніи не приходили въ то состояніе, какое можно было ожидать по заботамъ о нихъ правительства и израсходованнымъ суммамъ. Поэтому въ 1802 году изданы особыя правила для надѣленія землями Саратовскихъ колонистовъ. Восьмымъ пунктомъ этихъ правилъ лѣса приписанные къ колоніямъ отданы въ совершенное владѣніе колонистовъ. Конторѣ Опекунства велѣно наблюдать, чтобы въ употребленіи лѣсовъ соблюдалась крайняя умѣренность и не нарушались, относительно лѣсовъ, правила лѣсоводства предписанныя уставомъ.

Казенные винокуренные заводы, учрежденные въ 1767 году съ цѣлью предупредить недостатокъ въ винѣ и ограничить цѣны частныхъ поставщиковъ, которые поднимали ихъ значительно, съ учрежденіемъ въ 1783 году новаго губернскаго управленія переданы въ распоряженіе Казенныхъ Палатъ. До этого же времени они управлялись «одной довѣренной особой». Съ 1783 года отъ новости

---

(1) П. С. З. XXXV. № 29,448. § 209—216.

(2) П. С. З. XXX. 23,020.

ли дѣла или разныхъ неудобствъ правленія связаннаго значительно формами, заводы не прибавивъ доходу «отяготились расходами». По этому винокуренные заводы (Вятской губерніи: Ваштранскій, Екатерининскій, Чернорѣчинскій, Павловскій, въ Пермской—Талицкій, въ Симбирской — два Мелекесскіе и въ Пензенской — Сиидоровскій), переданы въ 1804 году въ управленіе тайному совѣтнику Нелидову и по 9 пункту проэкта предположено: «отвести къ заводамъ особые лѣса и отдать оные въ ихъ вѣдѣніе и бережливость, дабы они завсегда имѣли съ своей стороны всю благонадежность.»

Лѣса Бѣлостокской области, присоединенной къ Россіи по Тильзитскому трактату, по положенію для управленія этой областью 18 іюля 1808 года, оставлены на особыхъ правахъ, съ тѣмъ однако, чтобы областное начальство доставляло свѣдѣнія о лѣсахъ и отчеты министру финансовъ и Лѣсному Департаменту (*).

Вѣрна или нѣтъ была идея правительства относительно раздѣленія лѣсовъ между разными управленіями, но ужъ если она явилась и начала развиваться, то не могла остановиться на полдорогѣ: отдѣляя лѣса для горныхъ и соляныхъ заводовъ, нельзя было не отдѣлить лѣсовъ для кораблестроенія и 25 августа 1817 года изданъ проэктъ устава о корабельныхъ лѣсахъ.

Управленіе корабельными лѣсами давно нуждалось въ коренномъ преобразованіи; всѣ прежнія постановленія слишкомъ не удовлетворяли требованіямъ правительства, и настояла необходимость создать что нибудь новое. Это новое явилось въ учрежденіи особаго управленія для корабельныхъ лѣсовъ и въ новыхъ правилахъ относительно способовъ заготовки и хозяйства въ дачахъ морскаго вѣдомства.

По Высочайше утвержденному 25 августа проэкту, ко-

(*) П. С. З. XXXVIII. 29,472 § 75. XXVII. 20,556. XXVIII. 21,550 и XXX. 23,166.

рабельные лѣса раздѣлены на три округа: Низовый, Сѣверный и Западный.

Для лѣсовъ Казанской и другихъ смежныхъ губерній учреждено управленіе въ Казани; для лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній — въ Архангельскѣ; для лѣсовъ же Минской, Могилевской и Кіевской губерній, когда, по соображеніямъ министра финансовъ будетъ найдено удобнымъ, предположено учредить управленіе въ Кіевѣ.

Заготовленіе лѣсовъ въ Казанскомъ округѣ назначено производить по прежнему лашманами, но какъ при прежнихъ мѣрахъ правительства, повинность эта отягощала и лашмановъ и представляла много затрудненій для самаго правительства; то сдѣлать въ этомъ дѣлѣ слѣдующія измѣненія. Чтобы избавить отъ заготовокъ Татаръ, живущихъ слишкомъ далеко отъ корабельныхъ лѣсовъ (*), изъ 943,139 душъ, приписанныхъ въ 7 ближайшихъ къ Казани губерніяхъ, уволено отъ заготовки 823,000 душъ и для работъ приписано 120,000 и предположено употреблять ежегодно въ работу по 8,000 человѣкъ.

Плата назначена вдвое противъ прежней, т. е. по 40 коп. пѣшему и по 80 коп. конному, да за проходъ пѣшему 20 и за переѣздъ 25 копѣекъ. Лашмана обязаны были заготовлять сверхъ мачтовыхъ до 28,000 дубовыхъ деревъ, вѣсомъ около полутора милліоновъ пудовъ и за исправленіе лашманской повинности освобождены отъ поставки рекрутъ. Дубовыя деревья, необходимыя для Архангельскаго адмиралтейства, предположено доставлять туда Низовому округу.

Въ западныхъ губерніяхъ, какъ не приведенныхъ въ точную извѣстность, оставленъ прежній способъ заготовки чрезъ Морское Министерство. Мѣстнымъ же лѣснымъ начальствамъ поручено отдѣлить корабельныя рощи и составить имъ планы и описанія.

(*) Нѣкоторые жили за верстъ 1,500.

Въ губерніяхъ Низоваго округа: Казанской, Нижегородской, Вятской, Оренбургской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Саратовской назначено заготовлять лѣсъ для Балтійскаго флота въ С. Петербургъ, для Каспійской флотиліи въ Астрахань и къ Казанскому адмиралтейству.

Изъ Архангельской, Вологодской и сѣверной части Пермской губерніи лиственничныя и сосновыя деревья заготовлять для Архангельскаго адмиралтейства. Наконецъ лѣсъ изъ западныхъ губерній удобной для сплава по Днѣпру, опредѣленъ для Черноморскаго флота. Для С. Петербургскаго адмиралтейства и Балтійскаго порта на строеніе военныхъ и транспортныхъ судовъ малаго ранга, назначены лѣса губерній Олонецкой, С. Петербургской и Новгородской, а къ Рижскому и Ревельскому портамъ лѣса Лифляндской и Эстляндской губерній.

Низовый округъ долженъ былъ дѣлать заготовку и обдѣлку лашманами, а сѣверный чрезъ коммисіонеровъ или подрядчиковъ.

Правленіямъ постановлено въ обязанность имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ корабельныхъ лѣсовъ своего округа, также о способахъ сплава и доставки ихъ къ пристанямъ и портамъ.

Правленія должны были видѣть корабельныя рощи и приводить ихъ въ такое состояніе, чтобы онѣ могли быть постоянными источниками для снабженія лѣсомъ адмиралтействъ. Подъ рощи назначено выбирать въ разныхъ губерніяхъ части лѣсныхъ дачъ въ 300 и болѣе десятинъ. Избранныя рощи обозначить нумерами и отдѣлить просѣками и межниками.

Для вывоза деревъ и валежника изъ корабельныхъ рощъ безъ поврежденія и истребленія молодаго лѣса, устроивать просѣки и дороги. Поляны, находящіяся внутри рощъ, кромѣ необходимыхъ для скадки, зарощать лѣсомъ, а гдѣ нѣтъ надежды на естественное возобновленіе, дѣлать искуственные посѣвы.

Не допускать деревьямъ переспѣвать, а рубить ихъ заблаговременно. Рубку производить осторожно, чтобы насажденія оставались въ соразмѣрной густотѣ.

Щепу, кору и негодные сучья продавать, если же не явятся охотники, то собирать въ кучки и сожигать.

Если въ рощѣ вырубятся приспѣвающія деревья и останутся средняго возраста и молодыя, то вырубку прекращать, пока насажденіе не достигнетъ размѣровъ годныхъ для кораблестроенія. Число лѣтъ, чрезъ которое можно начать рубку, опредѣлять ученымъ форстмейстерамъ и записывать въ книги корабельныхъ лѣсовъ и мѣстнаго сельскаго управленія.

Надзоръ за корабельными рощами порученъ мѣстнымъ лѣснымъ чинамъ; имъ же поручено сохранять сложенныя на полянахъ корабельныя деревья и форстмейстеры, относительно завѣдыванія корабельными рощами, подчинены Правленіямъ и управляющимъ округами. Такимъ образомъ и это учрежденіе неизбѣгло недостатка управленія горными лѣсами.

Охраненіе рощей возложено на лашмановъ; для этого, къ 300 предполагаемымъ рощамъ, велѣно отрядить 300 лашманскихъ семействъ въ непремѣнные лѣсные сторожа, и чтобы въ каждомъ семействѣ находилось не менѣе 4 душъ.

Такое распоряженіе объ охраненіи корабельныхъ рощей оказалось неудобнымъ для Саратовской и Оренбургской губерніи, потому что близъ рощъ не находилось лашманскихъ селеній, и въ 1821 году приписано для охраненія ихъ изъ Татаръ Саратовской губерніи, бывшихъ до 1799 года лашманами, 15,732 души (*).

Завѣдываніе казенными лѣсами не долго оставалось въ вѣдѣніи Лѣснаго Департамента. Съ окончательнымъ устройствомъ Министерства Финансовъ, дѣйствія Лѣснаго Департамента прекращены и лѣса поручены вновь учрежденному

(*) П. С. З. XXXIV. 27,023 и XXXVII. 28,791.

Департаменту Государственныхъ Имуществъ. Новый Департаментъ состоялъ изъ пяти главныхъ отдѣленій: главнаго вѣдомства казенныхъ крестьянъ; арендныхъ и старостинскихъ имѣній; корабельныхъ лѣсовъ; казенныхъ лѣсовъ и отдѣленія хозяйственныхъ заведеній. Отдѣленію корабельныхъ лѣсовъ поручено отграниченіе ихъ отъ прочихъ казенныхъ лѣсовъ, снабженіе лѣсами адмиралтействъ, флотовъ, портовъ и верфей. Отдѣленію казенныхъ лѣсовъ ввѣрены всѣ казенные лѣса, кромѣ корабельныхъ и отведенныхъ горнымъ заводамъ и фабрикамъ. На обязанность его возложено: устроить мѣстный присмотръ за лѣсами, выдѣлять части слѣдующія казнѣ изъ общихъ, въѣзжихъ и спорныхъ лѣсовъ, отдѣленіе узаконенной части крестьянскихъ угодій подъ лѣсъ, разведеніе лѣсовъ, разные отпуски обыкновенные и чрезвычайные, лѣсные институты, училища и лѣсныя заставы (1). Департаментъ Государственныхъ Имуществъ открытъ 8 декабря 1811 года (2).

Новый проэктъ устава о лѣсахъ далъ лѣсному управленію совершенно другой характеръ; устройство лѣсной части въ общихъ чертахъ установилось и правительство занялось изданіемъ частныхъ постановленій и приведеніемъ въ порядокъ управленій по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Особенное вниманіе по полнотѣ и дѣльности заслуживаютъ правила изданныя для лѣсовъ Курляндской губерніи.

Для обозрѣнія казенныхъ лѣсовъ Курляндіи и приведенія всей лѣсной части въ точную извѣстность, отправленъ въ 1803 году, по Высочайшему повелѣнію, совѣтникъ Лѣснаго Департамента Генералъ-Маіоръ Озеровъ. Озерову поручалось: осмотрѣть всѣ лѣсничества Курляндской губерніи, опредѣлить мѣстоположеніе, пространство и качество лѣсовъ, вникнуть въ мѣры хозяйства и обычаи мѣстныхъ жителей, относительно употребленія лѣсовъ. Разобрать, особо учрежденной для того коммисіей, права разныхъ владѣльцевъ на въѣзды и сервитуды. Если суще-

---

(1) П. С. З. XXXI. 24,688.

(2) П. С. З. XXXI. 24,937.

ствующій штатъ лѣснаго управленія ([1]) недостаточенъ для дѣятельнаго надзора за лѣсами, то составить проэктъ новаго штата, который вмѣстѣ съ проэктомъ устава представить на разсмотрѣніе Департамента ([2]).

Вслѣдствіе этого распоряженія, 11 ноября 1804 года, изданъ «уставъ о лѣсахъ Курляндской губерніи», вошедшій въ составъ Свода Законовъ (т. VIII гл. III Уст. Лѣс. ст. 899 до 1,082). При составленіи устава Коммисія, находившаяся въ Курляндіи, разобрала вполнѣ сервитудныя права на лѣса, но не могла привести въ ясность правъ на пастбища и сѣнокосы, потому что большая часть владѣльцевъ основывали ихъ не на документахъ, а на правѣ давности. По этому предположено учредить для разбора дѣла особую коммиссію, которая бы состояла изъ форстмейстера и члена дворянства отъ каждаго кирхшпиля ([3]).

Кромѣ лѣсовъ Курляндіи, вниманіе правительства было обращено на Тульскія и Калужскія засѣки, лѣса Орловской, Вятской губерній и нѣкоторыя дачи губерній Московской и Петербургской.

Въ 1782 году, по обращеніи засѣчныхъ сторожей въ работники къ казеннымъ заводамъ, охраненіе засѣкъ возложено на смежныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такой способъ охраненія оказался слишкомъ слабъ, потому что надзиратели не только не удерживали крестьянъ отъ порубокъ, но рубили и сами. По этому въ 1802 году предположено, вмѣсто надзирателей изъ крестьянъ, опредѣлить отставныхъ солдатъ въ Калужскую засѣку 80, а въ Тульскую 40 человѣкъ, съ жалованьемъ по 24 руб. въ годъ каждому, сверхъ того давать имъ квартиры и провіантъ. Въ помощь форстмейстерамъ назначено 8 человѣкъ унтер-ферстеровъ ([4]). Вмѣстѣ

([1]) По Высочайше конфирмованному, 27 ноября 1795 года, штату въ Курляндіи, назначено всѣхъ чиновъ и служителей 22 человѣка съ жалованьемъ 2,062 руб.; а по штату 19 февраля 1797 года положено всѣхъ 23 человѣка съ жалованьемъ 2,222 руб., впослѣдствіи однако въ 1803 году, оказалось что состояло на лицо 30 ферстеровъ и два объѣздчика.

([2]) П. С. З. XXVII. 20,750.

([3]) П. С. З. XXVIII. 21,514.

([4]) П. С. З. XXVII. 20,317.

съ тѣмъ, чтобы привести засѣки въ лучшее положеніе и отвратить истребленіе лѣсовъ, былъ командированъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пиллисіеръ. Разсмотрѣвъ представленія и предположенія Пиллисіера, Лѣсной Департаментъ считалъ необходимымъ, для очистки засѣкъ и приведенія насажденій въ лучшее состояніе, кромѣ отпусковъ сыраго лѣса на потребности заводовъ, выбирать больныя, старыя, поваленныя и поврежденныя деревья за попенныя деньги. Для удобнѣйшаго наблюденія за засѣками, таксированія и охраненія ихъ, раздѣлить ихъ на 8 «форштовъ» и 7 «унтер-форштовъ». Сторожей назначить 332 человѣка и давать имъ дистанціи въ длину на 4, 3 и даже менѣе верстъ, а для надзора за ними опредѣлить 45 вальдегерей. Для жительства сторожей, ферстеровъ и обер-форштеровъ построить дома и при домахъ обер-форстмейстеровъ устроить питомники. Чтобы положить начало образцовому хозяйству, поручено Калужскому обер-форстмейстеру Вильфингу, сдѣлать въ одномъ или нѣсколькихъ форстахъ таксацію. Для покрытія всѣхъ предстоявшихъ расходовъ предположено уменьшить на половину число форстмейстерскихъ учениковъ, т. е. вмѣсто прежнихъ 326 оставить только 163 человѣка (1). Но какъ и за этими расходами осталась еще часть суммы, то опредѣлено усилить охраненіе Шипова и Телермановскаго лѣсовъ Воронежской губерніи, Полпинскаго лѣса Орловской губерніи и Погоннаго Лосиннаго острова, Московской губерніи. Въ эти дачи въ дополненіе, а частью въ замѣнъ прежнихъ надзирателей изъ крестьянъ, опредѣлено казенныхъ надзирателей изъ солдатъ 68, объѣздчиковъ 10 и два форстмейстера (2).

Калужскій обер-форстмейстеръ Вильфингъ, вызванный послѣ распоряженій сдѣланныхъ Департаментомъ объ устройствѣ засѣкъ, представилъ дополненіе къ первому проэкту. Въ своемъ представленіи Вильфингъ проситъ опредѣлить къ Калужскимъ засѣкамъ четырехъ ферстеровъ, одного

(1) П. С. З. XXVII. 20,978.
(2) П. С. З. XXVII. 21,085.

унтер-ферстера и 30 вальдегерей. Относительно возвышенія доходовъ полагалъ продавать переспѣлыя деревья, валежникъ, кустарникъ и учредить изъ полянъ и поемныхъ мѣстъ оброчныя статьи, также продавать кору и сидѣть смолу. Для болѣе выгодной продажи лѣсовъ, Вильфингъ составилъ новую таксу, сообразную съ возвышеніемъ цѣнъ противъ 1799 года. Для лучшаго охраненія засѣкъ онъ полагалъ обрыть ихъ канавой, на что требовалось 25,000 рублей и работу предполагалось кончить въ три года. Наконецъ лѣсныхъ сторожей одѣть всѣхъ одинаково и вооружить «по приличію», т. е. сторожей кортиками, пиками и тесаками, а объѣздчиковъ ружьями и кортиками. Вслѣдствіе устройства лѣсовъ, согласно новому предположенію, оберфорстмейстеръ надѣялся возвысить значительно доходъ отъ засѣкъ и представить въ томъ же 1804 году 28,000 руб., да въ маѣ 1805 года до 30,500 руб. По представленіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ Государю, Онъ согласился на исполненіе предположенія Вильфинга [1].

На основаніи распоряженій, принятыхъ для устройства Калужскихъ засѣкъ, въ 1806 году составленъ проэктъ устройства засѣкъ Тульской губерніи и новая такса для продажи засѣчныхъ лѣсовъ. Засѣки раздѣлены на три форста, пять унтер-форстовъ и 67 ревировъ, для охраненія дачъ прибавлены три ферстера, одинъ унтер-ферстеръ и 22 вальдегеря, и предписаны подробныя правила для продажи лѣса [2].

Орловской обер-форстмейстеръ Веррагонъ, вызванный Лѣснымъ Департаментомъ въ С. Петербургъ по дѣламъ службы, представилъ предположеніе объ устройствѣ лѣсовъ въ Орловской губерніи. Онъ полагалъ раздѣлить примѣрно казенные лѣса строевые на 50, а дровяные на 40 частей и назначить продажу лѣса ежегодно изъ одной части. Въ Акулинской дачѣ Брянскаго уѣзда, прочистить р. Нарву, впадающую въ р. Ипуть и посредствомъ соединенія ея съ

(1) П. С. З. XXVIII. 21,302.
(2) П. С. З. XXIX. 22,163.

Сожей, открыть сплавъ въ Днѣпръ. Устроить нѣсколько казенныхъ запасныхъ лѣсныхъ магазиновъ и продавать бревна пріѣзжающимъ зимой съ хлѣбомъ крестьянамъ Курской губерніи, которые обыкновенно по распродажѣ хлѣба покупали строевой лѣсъ. Засѣвать мѣстами лѣсъ, осушать болота и превращать ихъ въ оброчныя статьи и на это дѣло ассигновать ежегодно по 1,000 рублей. Для лучшаго охраненія лѣсовъ прибавить одного ферстера, четырехъ унтер-ферстеровъ, 15 объѣздчиковъ и 16 сторожей. Всѣ эти предположенія были утверждены немедленно Государемъ (1).

Въ томъ же году опредѣлены къ лѣсамъ Нижегородской губерніи еще одинъ форстмейстеръ, 3 унтер-ферстера, 15 объѣздчиковъ и 20 сторожей, и составлено предположеніе объ усиленіи продажи лѣсовъ и возвышеніи доходовъ. Въ видѣ опыта предположено продать на первый годъ 50,000 бревенъ и 50,000 саженъ дровъ (2).

Въ 1804 году обращено вниманіе на лежащія близъ Москвы казенныя дачи: Погонной Лосиный островъ и рощи Оленью, Алексѣевскую, Кигининскую, Зеленую и Благушу. Въ нихъ предположено опредѣлить одного ферстера, двухъ унтер-ферстеровъ, 12 объѣздчиковъ и 30 пѣшихъ сторожей, а бывшую стражу изъ крестьянъ уволить. Для большей удобности въ присмотрѣ за лѣсами построить подлѣ рощъ казенные дома для ферстера, унтер-ферстеровъ и сторожей.

Валежникъ, вредный кустарникъ (?), хворостъ, больныя и сухія деревья выбрать наемными людьми и продать въ пользу казны.

Для возвышенія доходовъ отъ дачъ, таксировать ихъ по перечислительному способу, а для изученія этого дѣла командировать одного или двухъ землемѣровъ къ обер-форстмейстеру Вильфингу.

---

(1) П. С. З. XXIX. 22,211.

(2) П. С. З. XXIX. 22,087.

Для прекращенія злоупотребленій, дѣлаемыхъ крестьянами въѣзжавшими въ Погонный Лосинный островъ для пользованія лугами, пустошами и полянами, распорядиться, чтобы внутри дачи не было никакихъ частныхъ земель.

Рощу Благушу, занимающую 9 десятинъ, обрыть канавой, а рощу Круглую, имѣющую на 2 десятинахъ только 206 деревъ, отдать въ надѣлъ крестьянамъ [1].

Въ 1809 году Погонный Лосинный островъ и приписанныя къ нему рощи исключены изъ лѣснаго управленія и переданы въ вѣдѣніе Экспедиціи Кремлевскаго строенія въ Москвѣ, подъ особый надзоръ сенатора Валуева [2]. Валуеву предписано составить предположеніе, какъ сберечь насажденія на будущее время и возвысить доходъ. Погонный островъ велѣно раздѣлить на лѣсосѣки и рубить ежегодно по одной подъ строгимъ надзоромъ земской полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено учредить въ Москвѣ два магазина — одинъ для дровъ, какъ въ Петербургѣ, а другой для строеваго лѣса [3].

Порѣцкая казенная дача, Петербургской губерніи, по описанію сдѣланному при Павлѣ, заключала 32,661 десятину, въ томъ числѣ лѣсной почвы 27,091 десятину. Лѣсъ шелъ на удовлетвореніе надобностей адмиралтейства и дача считалась заказной. Въ 1802 году считалось въ дачѣ деревъ годныхъ на мачты болѣе 10,000. Между тѣмъ недостатокъ средствъ охраненія не могъ спасти дачу отъ самовольныхъ порубокъ, по этому для надзора за дачей опредѣленъ особый форстеръ, Римскій подданный егерь Винценсъ Вейеръ и пять сторожей. По экзамену Вейеръ оказался «съ хорошими въ знаніи лѣсоводства свѣдѣніями», и при опредѣленіи награжденъ чиномъ 14 класса [4].

---

(1) П. С. З. XXVIII. 21,494.

(2) П. С. З. XXX. 23,865.

(3) П. С. З. XXX. 23,867.

(4) Въ 1798 году установлено, чтобы желающихъ занять мѣста оберфорстмейстеровъ или форстмейстеровъ подвергать испытанію въ лѣсоводствѣ въ особомъ Комитетѣ, учрежденномъ при Адмиралтействъ-коллегіи. Впослѣдствіи, 2 декабря 1802 года, повелѣно дѣлать экзамены въ Лѣсномъ Департаментѣ, особо назначенными для того членами изъ чиновъ Департамента (П. С. З. т. XXVII. № 20,538). П. С. З. XXVII. 20,389.

Лисинская дача, Петербургской губернін, отдана въ 1805 г. изъ вѣдѣнія Царскосельскаго правленія въ управленіе Лѣснаго Департамента, съ тѣмъ однако, чтобы дача удовлетворяла потребности Царскосельскаго Дворцоваго Правленія. Въ 1804 году товарищъ министра морскихъ силъ писалъ къ министру финансовъ, что по случаю большихъ потребностей въ корабельномъ лѣсѣ, дача эта могла бы на долго удовлетворить этой надобности. По этому признано нужнымъ описать Лисинскую дачу, что и поручено Петербургскому обер-форстмейстеру Балле. По таксаціи Балле оказалось въ дачѣ съ пустошами Келейной и Михалевой 27,570 десятинъ, — 88.366,721 дерево разныхъ сортовъ и 381,863 сажени дровъ. Вслѣдствіе такой значительной площади и такого богатства древесной массы, въ Лисинскую дачу опредѣленъ, въ 1807 году, особый ферстеръ (1).

Въ царствованіе Александра замѣчается вообще большой прогрессъ въ лѣсномъ хозяйствѣ Россіи. То, что въ прежнія царствованія было одпѣми фразами, при Александрѣ дѣлается по возможности дѣломъ. Обер-форстмейстеры занимаются своимъ дѣломъ и видно общее желаніе и общее стремленіе достигнуть полезныхъ результатовъ.

Кромѣ Вильфинга, хлопотавшаго объ устройствѣ Калужскихъ засѣкъ, является и другое лицо Вятскій обер-форстмейстеръ Степановъ. По его предположенію такса на лѣса, превышавшая въ семь разъ вольныя цѣны на лѣсъ, понижена; а на лѣсныя издѣлія возвышена. Для усиленія надзора за лѣсами опредѣлено сверхъ сельскихъ надзирателей 54 объѣздчика изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ. Чтобы доставить покупщикамъ и крестьянамъ больше удобствъ въ полученіи лѣсовъ, велѣно билеты на рубку выдавать прямо форстмейстерамъ или обер-форстмейстерамъ и отмѣненъ прежній порядокъ, при которомъ крестьянинъ просилъ сначала волостное правленіе, бумага шла въ земскій судъ, въ Казенную Палату и наконецъ доходила до обер-форстмейстера (2).

(1) П. С. З. XXIX. 22,424.
(2) П. С. З. XXVIII. 21,304.

Въ 1805 году составлены подобныя правила для продажи лѣсовъ Минской губерніи и новая для этой губерніи такса (1). Въ томъ же году 31 марта, изданы правила для продажи дровъ изъ Шипова и Телерманскаго лѣсовъ (2).

Лѣсной коммиссіи, командированной въ Казанскую губернію, велѣно къ отдѣляемымъ корабельнымъ лѣсамъ опредѣлять смотрителей изъ военно-служащихъ, полагая на 1,000 десятинъ по два человѣка. Для каждыхъ двухъ уѣздовъ назначено по одному форстмейстеру, одному ферстеру и двумъ унтер-ферстерамъ.

Чтобы лучше охранять лѣса Казанской губерніи отъ истребленія, предположено осмотръ корабельныхъ и спорныхъ лѣсовъ начать вдругъ по всей губерніи. При этомъ корабельныя рощи заказывать немедленно и приставлять къ нимъ строгіе караулы (3). 67 статьей инструкціи для внутренняго распорядка и управленія въ С. Петербургскихъ колоніяхъ постановлено пресѣчь излишнее употребленіе лѣса изъ колонистскихъ дачъ. Для этого предположено запретить колонистамъ рубить лѣсъ на продажу и раздѣлить дачи на лѣсосѣки (4). Въ дополненіи къ инструкціи для Новороссійскихъ колоній (II отд. § 9) и по 70 § самой инструкціи, предписано головамъ и шульцамъ стараться сѣять лѣсъ въ каждой колоніи (5).

Въ августѣ 1814 года повелѣно, для надзора за лѣсами Херсонской губерніи, переселить въ нихъ изъ ближайшихъ селеній на каждыя 1,000 десятинъ по два крестьянскихъ двора и избавить семейства отъ общественныхъ и сельскихъ повинностей. Къ переселенію назначить такіе дворы, которые или сами пожелаютъ или будутъ избраны обществами (6). Въ этой послѣдней мѣрѣ правительства и въ посе-

---

(1) П. С. З. XXVIII. 21,643.
(2) П. С. З. XXVIII. 21,690.
(3) П. С. З. XXVIII. 21,689.
(4) П. С. З. XXVII. 20,798.
(5) П. С. З. XXVII. 20,841.
(6) П. С. З. XXXII. 25,665, п. 1.

ленія для охраненія корабельныхъ рощей семействъ лашмановъ проявилась первая идея объ устройствѣ поселенной лѣсной стражи, существующей въ настоящее время.

Кромѣ частныхъ мѣръ, въ которыхъ главными дѣятелями являются мѣстные лѣсные чины, для обозрѣнія лѣсовъ и составленія предположеній о приведеніи ихъ въ лучшій порядокъ, возвышенія лѣсныхъ доходовъ и сохраненія лѣсовъ отъ истребленія, которыя открывались безпрестанно въ разныхъ губерніяхъ, посланъ, въ 1809 году по Высочайшему повелѣнію, главный директоръ государственныхъ лѣсовъ графъ Орловъ (¹). Но что сдѣлалъ Орловъ, изъ оффиціальныхъ источниковъ не видно.

Въ видахъ сбереженія лѣсовъ и утвержденія порядка въ управленіи изданы еще слѣдующія постановленія. Военныя команды позволяли себѣ рубить лѣсъ для полковыхъ надобностей, не прося разрѣшенія лѣсныхъ чиновниковъ. По этому, въ 1805 году, постановлено чтобы военныя команды не брали лѣсъ безъ позволенія и отвода форстмейстеровъ (²).

12 октября 1809 года повелѣно, чтобы въ число пожалованныхъ земель Сенатъ не отдавалъ безъ утвержденія Государя такихъ участковъ, на которыхъ растетъ лѣсъ (³).

Въ томъ же году, въ отвращеніе разныхъ затрудненій встрѣчавшихся при отпускѣ дровъ селитрянымъ заводчикамъ изъ казенныхъ дачъ, отпуски эти прекращены, а въ замѣнъ ихъ, согласно мнѣнію Курскаго губернатора, прибавлено по рублю на пудъ селитры и заводчики обязаны довольствоваться своими дровами (⁴).

Наконецъ, жителямъ Архангельской губерніи промышлявшимъ преимущественно техническими лѣсными продуктами и лѣсной торговлей, дозволено сидѣть смолу во

(¹) П. С. З. XXX. 23,648.

(²) П. С. З. XXVIII. 21,819.

(³) П. С. З. XXX. 23,904.

(⁴) П. С. З. XXX. 24,002.

всякое время года; но съ тѣмъ, чтобы сидку производить внѣ лѣсовъ, на полянахъ въ разстояніи отъ лѣса по крайней мѣрѣ на 20 саженъ. При большомъ вѣтрѣ въ сторону лѣса гнать смолу запрещено, и въ случаѣ несоблюденія предосторожностей и вреда лѣсу, постановлено взыскивать штрафъ, по суду, съ цѣлыхъ селеній или волостей (¹).

Относительно размежеванія, какъ основанія для устройства лѣсовъ, Александръ сдѣлалъ много. Большая часть его постановленій вошли безъ измѣненій въ Сводъ Законовъ. Кромѣ учрежденія лѣсныхъ коммисій, назначенія генеральнаго межеванія нѣкоторыхъ губерній, въ 1804 году изданы правила межеванія заводскихъ земель и лѣсовъ (²). Приложеніе изданныхъ правилъ къ дѣлу вызвало слѣдующія постановленія правительства.

Лѣсная коммисія Казанской губерніи при межеваніи спорныхъ и общихъ дачъ встрѣтила значительныя препятствія. Главной помѣхой дѣлу была медленность въ рѣшеніи дѣлъ уѣздными судами. По этому повелѣно владѣльцамъ спорныхъ или общихъ лѣсовъ представлять свои права въ 4-хъ мѣсячный срокъ, а у не представившихъ въ этотъ срокъ своихъ документовъ отбирать лѣсныя дачи въ казну.

Дѣла спорныя рѣшать судамъ преимущественно предъ другими и вести имъ особую очередь. Между тѣмъ, пока по рѣшеніямъ судовъ будетъ сдѣлано въ натурѣ отграниченіе лѣсовъ, чтобы не стѣснять владѣльцевъ въ пользованіи ихъ собственностью, повелѣно, что они должны представить въ коммисіи укрѣпленія свои на право владѣнія, и за тѣмъ отводить имъ въ натурѣ такія части, которыя по крѣпостямъ будутъ имъ принадлежать и дозволить въѣзды для выбора валежника и сухоподстоя. Кто не представитъ укрѣпленій въ означенный срокъ, тому въѣздовъ не давать (³).

(¹) П. С. З. XXVIII. 21,487.
(²) П. С. З. XXVIII. 21,360.
(³) П. С. З. XXVIII. 21,689.

Въ томъ же году 3 іюня, изданы правила для лѣсовъ общихъ, при составленіи которыхъ служили основаніемъ объясненныя выше правила размежеванія лѣсовъ въѣзжихъ.

Въ 1806 году постановлено, чтобы Казенныя Палаты о всѣхъ лѣсахъ, которые въ завѣдываемыхъ Палатами земляхъ находятся въ спорѣ, сообщили немедленно оберфорстмейстерамъ обстоятельныя свѣдѣнія (1) и чтобы при отмежеваніи частныхъ земель, на которыхъ растетъ лѣсъ, отъ казенныхъ, находились лѣсные чиновники (2).

Для охраненія спорныхъ лѣсовъ, они отданы въ 1816 году подъ присмотръ земской полиціи и мѣстнаго лѣснаго управленія и велѣно опредѣлить смотрителей изъ казенныхъ крестьянъ. Изъ спорныхъ лѣсовъ запрещено дѣлать отпуски, кромѣ изъ валежника на необходимыя домашнія надобности той сторонѣ, которая владѣетъ лѣсомъ. Если же валежника нѣтъ, то отпускать и изъ сыраго лѣса; но въ этомъ случаѣ лѣсному начальству вести счетъ отпущенному количеству и слѣдующему количеству попенныхъ денегъ (3).

Размежеваніе въѣзжихъ лѣсовъ, не смотря на особенную заботливость правительства, шло чрезвычайно медленно, такъ что 31 января 1814 года Сенатъ подтвердилъ строго, окончить скорѣе размежеваніе этихъ лѣсовъ и опредѣлить какія части должны принадлежать казнѣ. Но какъ дѣло подвигалось впередъ медленно, то 7 марта 1818 года предписано еще разъ поспѣшить размежеваніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ межевымъ конторамъ представить подробныя вѣдомости, сколько лѣсовъ выдѣлено частнымъ владѣльцамъ и въ казну, а за тѣмъ о лѣсахъ неразмежеванныхъ и причинахъ неразмежеванія представлять въ Сенатъ ежемѣсячныя вѣдомости (4).

Въ 1815 году всѣ дѣла коммиссіи Казанской губерніи сгорѣли и дѣйствія коммиссіи прекратились. Въ 1820 году

(1) П. С. З. XXIX. 22,037.

(2) П. С. З. XXIX. 22,156 и 22,360.

(3) П. С. З. XXXIII. 26,353.

(4) П. С. З. XXXV. 27,303.

повелѣно возобновить въ Казанской губерніи отдѣленіе лѣсовъ казенныхъ поселянъ отъ помѣщичьихъ, съ тѣмъ однако, чтобы коммисія состояла подъ председательствомъ вице-губернатора изъ обер-форстмейстера, совѣтника Казенной Палаты по хозяйственной экспедиціи и губернскаго землемѣра, и чтобы срокъ на представленіе документовъ былъ удвоенъ—въ коммисію 6, а въ уѣздные суды 8 мѣсяцевъ. На этомъ же основаніи повелѣно отдѣлить лѣса казенныхъ поселянъ отъ помѣщичьихъ въ губерніяхъ: Симбирской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Вятской и Оренбургской (*).

Частныя мѣры, относительно продажи лѣсовъ, по нѣкоторымъ губерніямъ и составленіе отдѣльныхъ таксъ, вызвали наконецъ общее распоряженіе для всего государства.

Въ 1810 году изданы правила для новаго порядка продажи лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ и новая такса.

Обер-форстмейстерамъ поручено составлять смѣты въ іюлѣ мѣсяцѣ каждаго года, въ томъ же мѣсяцѣ представлять ихъ гражданскому губернатору и въ Лѣсной Департаментъ, и въ августѣ смѣту публиковать въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Желающіе купить лѣсъ, должны явиться, смотря по удобству къ обер-форстмейстеру, форстмейстерамъ или ферстерамъ и объявить имъ свои требованія. За тѣмъ покупщику выдается билетъ, взыскиваются деньги и отводится мѣсто подъ вырубку.

Когда вырубка кончена, ее свидѣтельствуютъ форстмейстеръ или ферстеръ вмѣстѣ съ волостнымъ или сельскимъ сходомъ, и дѣлаютъ на билетѣ надпись, что оказалось по свидѣтельству.

Съ билетомъ, подписаннымъ форстмейстеромъ или ферстеромъ, съ волостнымъ или сельскимъ начальствомъ и двумя старшинами ближняго селенія, покупщикъ можетъ вести лѣсъ свободно до своего селенія.

(*) П. С. З. XXXVII. 22,448.

Въ этомъ же указѣ помѣщены правила о сборѣ денегъ съ разныхъ лѣсныхъ промысловъ и самая такса. Сборъ попенныхъ и посаженныхъ денегъ велѣно производить по вновь обнародованнымъ цѣнамъ. Со смолы и дегтя выспживаемыхъ въ казенныхъ дачахъ, попенныхъ брать со смолы 15, а съ дегтя по 20 коп. за ведро.

За бочки для наливки смолы и дегтя, дѣлаемыя изъ казеннаго лѣса, брать по 30 коп. съ каждой и клеймить ихъ лѣсному чиновнику при волостномъ головѣ и сельскомъ старшинѣ, и выдавать билеты за общимъ подписомъ.

За ивовую кору вмѣсто попенныхъ брать по 10 копѣекъ съ пуда, а за шадрикъ и золу выжигаемыхъ въ Оренбургской, Казанской и Вятской губерніяхъ, вмѣсто попенныхъ взыскивать на заставахъ съ шадрика по 40 коп., а съ обыкновенной золы по 10 копѣекъ съ пуда.

Запрещенную въ 1798 году продажу казеннаго лѣса за границу велѣно оставить въ прежней силѣ и разрѣшено продавать только валежникъ, накопившійся во множествѣ въ пограничныхъ съ Пруссіей лѣсныхъ дачахъ Литовско-Виленской губерніи.

Въ С. Петербургѣ, Москвѣ и Казани для продажи лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ повелѣно завести магазины. Назначенныя для удовлетворенія магазиновъ лѣсныя дачи велѣно раздѣлить на лѣсосѣки. Заготовку матеріаловъ и доставку ихъ въ магазины производить отъ казны вольнонаемными рабочими. Выгрузку и продажу лѣса дѣлать чрезъ особыхъ смотрителей, состоящихъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ обер-форстмейстеровъ.

Для большаго поощренія лѣсныхъ чиновниковъ въ исполненіи своихъ обязанностей, со всѣхъ доходовъ, которые дѣйствительно будутъ поступать въ казну съ 1811 года, выдавать по пяти процентовъ, изъ нихъ два обер-форстмейстерамъ и три уѣзднымъ лѣсничимъ (*).

(*) П. С. З. XXXI. 24,417.

Этимъ же указомъ повелѣно устроить въ Казанской губерніи десять поташныхъ заводовъ для выварки ежегодно 100,000 пудовъ поташа. Заводы предназначено устроить въ уѣздахъ Мамадышскомъ, Лаишевскомъ, Спаскомъ, Чистопольскомъ и Казанскомъ. Для постройки и содержанія заводовъ вызвать желающихъ и отдать заводы съ торговъ. Лѣсъ необходимый на постройку отпустить изъ казенныхъ дачъ даромъ и заводамъ находиться подъ наблюденіемъ лѣсныхъ чиновъ ([1]). Заводы эти были устроены къ концу 1814 года и до 1822 года находились въ частныхъ рукахъ— сперва на основаніи заключенныхъ контрактовъ, а потомъ для доварки въ поташъ оставшейся золы. Послѣ 1822 года существованіе заводовъ признано безполезнымъ, потому что содержатели заводовъ рубили сырыя деревья и истребляли только дачи, — казна нашла выгоднѣе продавать лѣсъ за попенныя и посаженныя деньги, чѣмъ отпускать его на поташные заводы. Въ 1823 году заводы уничтожены и всѣ постройки и принадлежавшія заводамъ вещи проданы.

Въ 1811 году постановлено, лѣсъ на полковыя надобности отпускать за деньги, которыя взыскивать при самомъ отпускѣ ([2]).

Въ 1815 году устроены два казенныхъ магазина въ Кіевѣ, одинъ на 10,000 бревенъ, а другой на 5,000 кубич. саженъ дровъ ([3]). Кромѣ этого магазины были устроены еще въ 1813 году въ Воронежѣ, въ 1814 году въ Таврической губерніи и въ 1816 году въ Смоленской. Всѣ эти магазины уничтожены по распоряженію министра финансовъ, между 1820 и 1825 годами, потому что не приносили казнѣ никакого дохода.

Относительно срока, до котораго можно продолжать рубку, правительство издало тоже постановленія болѣе сообразныя съ условіями разныхъ мѣстностей. По инструкціи

([1]) П. С. З. XXXI. 24,392.
([2]) П. С. З. XXXI. 24,541.
([3]) П. С. З. XXXIII. 25,785.

1798 года, время рубки назначено отъ сентября до марта, въ 1820 году позволено въ Архангельской губерніи продолжать рубку до 15 апрѣля, въ 1821 году въ Олонецкой и Вологодской губерніи — до 1 апрѣля, а въ 1822 году тотъ же срокъ назначенъ и для Вятской губерніи.

Повелѣнія Императора Павла объ отпускѣ лѣсовъ на починку дорогъ и мостовъ оказались очень неудобными; по этому въ отмѣну ихъ издано новое постановленіе, которымъ опредѣлено отпускать на починки не одинъ еловый лѣсъ, а всякій, кромѣ корабельнаго. При отпускѣ лѣса на починки мостовъ и дорогъ принадлежащихъ городу, или которыя обязаны чинить владѣльцы, брать попенныя деньги. Казеннымъ же крестьянамъ, исправляющимъ мосты натурой, давать лѣсъ даромъ. Безденежные отпуски лѣсовъ казеннымъ поселянамъ на исправленіе дорогъ и мостовъ дѣлать по смѣтамъ утвержденнымъ гражданскими губернаторами (¹). Лѣсъ, необходимый для устройства дорогъ вѣдомства путей сообщенія по § 37 положенія о военно-рабочихъ батальонахъ, велѣно отпускать изъ казенныхъ дачъ тоже безденежно (²).

Литовскій гражданскій губернаторъ донесъ, въ 1803 году, Лѣсному Департаменту, что изъ 19 городовъ той губерніи 8 могутъ довольствоваться покупкой лѣса изъ помѣщичьихъ дачъ, а остальныя 11 терпятъ такую нужду и дрова такъ дороги, что напримѣръ въ Брестѣ кубическая сажень обходится въ 36 рублей. Лѣсной Департаментъ имѣя въ виду, что по 16 пункту устава о лѣсахъ, онъ долженъ заботиться о снабженіи лѣсомъ безлѣсныхъ городовъ, предположилъ дѣлать Литовскимъ городамъ отпуски изъ старостинскихъ лѣсовъ. Къ отпускамъ предназначенъ по таксамъ 1799 года валежникъ и растущій лѣсъ, остающійся за удовлетвореніемъ крестьянъ имѣнія и временныхъ владѣльцевъ. Правила для руководства въ этихъ случаяхъ обер форстмей-

---

(¹) П. С. З. XXVIII. 21,832.

(²) П. С. З. XXXIV. 26,785 § 37.

стерамъ и гражданскимъ губернаторамъ изложены въ изданномъ особомъ «положеніи». Казна расчитывала на ежегодный отпускъ 100,607½ саженъ и надѣялась получать до 70,000 руб. дохода ([1]).

Положенія 1790 и 1798 годовъ, объ отпускѣ погорѣльцамъ по 25 корней на каждый дворъ, оказалось тоже не вполнѣ удобнымъ, потому что эта пропорція, по различію климатовъ Россіи и разнообразію крестьянскихъ построекъ, не могла служить поселянамъ одинакимъ пособіемъ. По этому, указомъ 4 декабря 1803 года, постановлено — въ южныхъ губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Кіевской, Полтавской, Черниговской, Подольской, Кавказской, Астраханской, Слободско-Украинской, Саратовской, Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской, отпускать на каждый дворъ по 25 корней, потому что больше этого количества не позволяютъ отпускать тамошніе лѣса. Въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Ярославской, Владимірской, Смоленской, Тверской, Нижегородской, Могилевской, Витебской, Пензенской, Казанской, Симбирской и Оренбургской по 50 корней на дворъ, а въ губерніяхъ сѣверныхъ, богатыхъ лѣсами: Архангельской, Вологодской, Финляндской, С. Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Лифляндской, Эстляндской, Костромской, Вятской, Пермской и Псковской отпускать на крестьянскія постройки сколько потребуется по смѣтамъ ([2]).

Относительно отпуска лѣсовъ, на постройку погорѣлыхъ домовъ, въ староствинскихъ и другихъ арендныхъ имѣніяхъ, сдѣлано положеніе и планы, какія именно постройки должны быть въ арендныхъ имѣніяхъ, и въ случаѣ пожара велѣно отпускать лѣсъ безденежно только въ томъ случаѣ, когда пожаръ произошелъ по несчастному случаю ([3]).

([1]) П. С. З. XXVII. 20,768.
([2]) П. С. З. XXVII. 21,066.
([3]) П. С. З. XXVIII. 21,486.

Въ 1805 году крестьянамъ, переселяющимся изъ одной губерніи въ другую, когда переселенцамъ не было дано отъ казны денежное пособіе, велѣно отпускать лѣсъ необходимый «для обзаведенія новыхъ жилищъ» (1), а 12 августа 1808 года, въ дополненіе къ прежде изданнымъ постановленіямъ, относительно отпусковъ лѣсовъ на потребности крестьянъ, велѣно: безлѣснымъ селеніямъ приписаннымъ къ одной волости съ селеніями имѣющими свои дачи, лѣсовъ изъ этихъ дачъ не давать, и отпускать имъ лѣсные матеріалы изъ ближайшихъ дачъ за деньги (2).

Такъ какъ въ положеніи 1803 года ничего не сказано, сколько слѣдуетъ отпускать лѣса погорѣвшимъ священно и церковно-служителямъ, то въ дополненіе указа 1803 года повелѣно сравнять ихъ съ государственными крестьянами и отпускать лѣсъ согласно сдѣланному распоряженію по полосамъ (3).

Въ 1823 году предоставлено министру финансовъ право разрѣшать безденежные отпуски лѣсовъ для церковныхъ надобностей по требованіямъ духовнаго начальства (4). А для соблюденія въ этомъ дѣлѣ единообразнаго порядка, требованія о лѣсѣ велѣно посылать къ министру финансовъ по опредѣленіямъ Святѣйшаго Сѵнода (5).

Въ 1805 году дозволено крестьянамъ Петербургской губерніи расчищать свободно лѣса подъ пашни, но съ тѣмъ, что ежели они пожелаютъ вырубить лѣсъ на продажу, то покупщики должны платить въ казну деньги по таксѣ (6).

Правительство узнавъ, что крестьяне Архангельской губерніи, по недостатку пашень и покосовъ расчищаютъ лѣса, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая поощрить крестьянъ въ этомъ дѣлѣ и доставить имъ соотвѣтствующее труду вознагражденіе,

---

(1) П. С. З. XXVIII. 21,792.
(2) П. С. З. XXX. 23,217.
(3) П. С. З. XXXIII. 26,169.
(4) П. С. З. XXXVIII. 29,278, ст. 3.
(5) П. С. З. XC. 30,389.
(6) П. С. З. XXVIII. 21,679.

дозволило расчистку лѣсовъ свободно каждому казенному крестьянину и издало по этому предмету слѣдующія правила: желающій расчистить лѣсъ долженъ испросить дозволеніе отъ мѣстнаго форстмейстера. Когда земля будетъ совершенно обдѣлана, то расчистившій ее, или его наслѣдники, пользуются правомъ исключительнаго пользованія 40 лѣтъ, а затѣмъ земля идетъ въ раздѣлъ на всю волость. Мѣстному управленію поручено наблюдать, чтобы расчистки производились не внутри, а съ края лѣсовъ, и преимущественно въ тѣхъ дачахъ, гдѣ лѣса не обѣщаютъ хорошихъ цѣнныхъ насажденій (1). Въ слѣдующемъ, 1821 году, 26 октября дозволены расчистки на этихъ же основаніяхъ и казеннымъ крестьянамъ Вологодской губерніи (2).

Къ числу постановленій, особенно разъясненныхъ Александромъ, относятся узаконенія по дѣламъ о самовольныхъ порубкахъ. При Александрѣ утвердился существующій нынѣ порядокъ производства и правила для рѣшеній дѣлъ получили общій характеръ, однообразный для всего государства. 2 іюля 1808 года велѣно оцѣнку самовольно вырубленному лѣсу дѣлать не чрезъ стороннихъ людей, а согласно указамъ 27 февраля и 27 іюля 1799 года, и если у порубщиковъ недостанетъ денегъ на уплату штрафа, то взыскивать его съ тѣхъ селеній, въ которыхъ живутъ виновные (3).

Указомъ 1799 года, предписано помѣщичьихъ крестьянъ, пойманныхъ въ порубкѣ корабельныхъ лѣсовъ «конфисковать» и годныхъ отдавать въ солдаты. Судебныя мѣста, исполняя въ точности это повелѣніе, отдавали въ солдаты за самую незначительную порубку, даже за одно деревцо. По этому Александръ, не желая отмѣнять постановленія своего отца, повелѣлъ, чтобы рѣшенія судовъ по дѣламъ о порубкахъ, сдѣланныхъ помѣщичьими крестьянами, до приведенія рѣшеній въ исполненіе, представлялись на его утвержденіе (4). А въ 1810 году 24 апрѣля, велѣно отдавать въ

(1) П. С. З. XXXVII. 28,497.

(2) П. С. З. XXXVII. 28,793.

(3) П. С. З. XXX. 23,136.

(4) П. С. З. XXX. 23,514.

солдаты только тѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые вырубятъ болѣе чѣмъ на 20 рублей ([1]).

Въ томъ же году, 15 мая, постановлено дѣла о порубкахъ, по которымъ присуждаются къ наказанію «цѣлыя селенія» или «многое число людей», представлять въ Сенатъ, который и вноситъ ихъ чрезъ министра юстиціи на разсмотрѣніе Государя ([2]). Но какъ указъ этотъ не разъяснилъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ «многаго числа людей», то дополнительнымъ указомъ 4 января 1812 года «многое число» не велѣно ограничивать какой нибудь опредѣленной величиной, а относить даже къ небольшимъ выселкамъ, въ которыхъ можетъ быть не болѣе двухъ дворовъ ([3]).

Вслѣдствіе вообще неясности постановленій, одни судебныя мѣста назначали ко взысканію попенныя и штрафныя, а другія только штрафныя; по этому для однообразнаго рѣшенія дѣлъ, 19 августа 1812 года, постановлено крестьянъ, которые вырубятъ лѣсъ для домашнихъ надобностей изъ примежеванныхъ къ нимъ дачъ, повергать штрафу за самовольство, а за лѣсъ, который бы все-таки слѣдовало имъ отпустить, попенныхъ не брать. Попенные же и шрафныя брать съ тѣхъ, которые вырубятъ хотя и изъ своихъ дачъ, но не для себя, а на продажу, и съ постороннихъ крестьянъ, кромѣ помѣщичьихъ ([4]).

Наказаніе помѣщичьихъ крестьянъ выходило изъ ряда постановленій о крестьянахъ казенныхъ вѣдомствъ. Въ 1810 году велѣно за порубку ниже 20 рублей, наказывать не отдачей въ рекруты, а взыскивать штрафъ вдвое противъ цѣны лѣса и кромѣ того попенныя. Если при этомъ помѣщичій крестьянинъ не въ состояніи заплатить штрафъ, или по старости не можетъ его отработать, то платитъ за него селеніе, въ которомъ онъ живетъ. За порубку выше 20 руб., въ 1702 году повелѣно въ первый разъ наказывать

([1]) П. С. З. XXX. 24,205.

([2]) П. С. З. XXX. 24,232.

([3]) П. С. З. XXXII. 24,942.

([4]) П. С. З. XXXII. 25,208 и 25,411.

тѣлесно и возвращать въ селенія, а за вторую наказывать плетьми и годныхъ брать въ рекруты, а негодныхъ отсылать на поселеніе; указами же 3 марта 1809 и 24 апрѣля 1810 года, помѣщичьихъ крестьянъ за порубку выше 20 рублей отдавать даже и въ первый разъ въ рекруты. Но какъ въ этомъ указѣ не сказано, какъ поступить въ случаѣ негодности порубщика въ солдаты, то 30 апрѣля 1814 года велѣно негодныхъ въ солдаты отсылать въ Сибирь на поселеніе (1). Производство слѣдствій по дѣламъ о лѣсоистребленіяхъ, возложенное на земскія полиціи, шло довольно медленно, а дѣла о незначительныхъ порубкахъ и вовсе не начинались лѣсными чинами. Причина этого заключалась въ томъ, что ни членъ земской полиціи, ни лѣсной чиновникъ не могли часто съѣзжаться къ назначенному сроку, или когда могъ пріѣхать одинъ, другому не было времени. По этому, чтобы не мучить себя напрасно безполезными и не рѣдко значительными разъѣздами, лѣсничіе оставляли небольшія порубки совсѣмъ безъ вниманія. Для прекращенія такого порядка велѣно сначала въ Калужской, Тульской и Орловской губерніяхъ производить слѣдствія о порубкахъ не свыше 20 рублей лѣснымъ чиновникамъ съ волостными головами безъ земскихъ судовъ, и только о порубкахъ выше 20 рублей земскимъ полиціямъ, если онѣ будутъ имѣть для того время. Распоряженіе это въ декабрѣ 1814 года распространено и на остальныя губерніи (2). 14 марта 1816 года велѣно брать штрафныя деньги не по таксамъ, а по цѣнамъ возвышаемымъ обер-форстмейстерами при продажѣ лѣсовъ (3).

Въ 1820 году, на основаніи указа 15 мая 1810 года, постановлено вносить въ Сенатъ на Высочайшее усмотрѣніе дѣла о порубкахъ, въ которыхъ присуждаются къ наказанію болѣе 10 человѣкъ (4).

---

(1) П. С. З. XXXII. 25,581.
(2) П. С. З. XXXII. 25.751.
(3) П. С. З. XXXIII. 26,194.
(4) П. С. З. XXXVII. 28,402.

Относительно взысканій за порубки спорныхъ лѣсовъ, въ 1816 году назначено взыскивать вдесятеро противъ таксы; въ 1820 году законъ этотъ подтвержденъ, и штрафныя деньги велѣно отсылать въ Приказы Общественнаго Призрѣнія, а вырубленный лѣсъ продавать съ публичнаго торга (1). За порубки лѣсовъ изъ дачъ общаго и чрезполоснаго владѣнія штрафовъ брать не велѣно; если же какая нибудь сторона вырубитъ больше принадлежащей на ея долю части, то за излишнее количество обязана заплатить по оцѣнкѣ (2).

Всѣ эти постановленія, рѣшая вопросъ съ одной стороны, не опредѣляли никакого наказанія за порубки, сдѣланныя въ частныхъ лѣсахъ. По этому для прекращенія порубокъ въ частныхъ дачахъ и для уравненія правъ помѣщиковъ съ правами казны въ 1825 году постановлено — за самовольныя порубки частныхъ лѣсовъ подвергать виновныхъ тому же наказанію, какъ и за порубку лѣсовъ казенныхъ (3).

Павелъ Петровичъ, въ 1800 году, для развитія судостроенія, назначилъ съ мореходныхъ судовъ брать вмѣсто попенныхъ пофутныя деньги, и хотя графъ Кушелевъ и возсталъ противъ новой мѣры, тѣмъ не менѣе она оставлена въ видѣ опыта на четыре года. Въ 1802 году Лѣсной Департаментъ представлялъ вновь о невыгодахъ назначенной пошлины, но Государь, основываясь на мнѣніи министра финансовъ, не считалъ удобнымъ отмѣнить до истеченія срока распоряженіе своего отца.

По окончаніи срока 1 ноября 1804 года, Лѣсной Департаментъ составилъ новое положеніе о сборѣ пошлинъ за суда, строимыя частными людьми изъ казеннаго лѣса. По новому положенію назначено брать слѣдующую пошлину:—съ судовъ отъ 40 до 80 футовъ длины по килю по 7 рублей съ фута, отъ 80 до 110 фут. и болѣе по 18 руб. 50 коп.

(1) П. С. З. XXXVII. 28,474.

(2) П. С. З. XC. 30,266.

(3) П. С. З. XC. 30,395.

Эта пошлина назначена только за корпусъ судна; за мачты же, стеньги, бугшприты, реи и проч. опредѣлена цѣна, втрое противъ поименныхъ на сосновой строевой лѣсъ, такъ что каждый кубическій футъ обходился въ 11¼ коп. Въ отвращеніе бывшихъ недоумѣній при сборѣ пошлинъ, велѣно мореходными судами признавать тѣ, которыя имѣютъ кили и деки, и брать только съ нихъ футовую пошлину; за рѣчныя же суда брать посаженныя деньги, установленныя указомъ 20 февраля 1800 года. Чтобы коммерческія суда не могли отправляться къ порту, подъ видомъ выстроенныхъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, суда изъ частныхъ лѣсовъ, слѣдовало клеймить Земскимъ или Уѣзднымъ Судамъ и выдавать на нихъ билеты (1). Выдачу свидѣтельствъ для постройки барокъ и рѣчныхъ судовъ изъ помѣщичьихъ дачъ возложено въ городахъ на городничихъ, а въ уѣздахъ — на Земскіе Суды. Свидѣтельства на суда, изъ лѣсовъ горныхъ заводовъ и войскъ Донскаго и Черноморскаго, опредѣлено давать начальствамъ этихъ лѣсовъ, а на сплавъ лѣсовъ, изъ помѣщичьихъ дачъ, выдавать Земскимъ Судамъ. Въ 1825 году, постановлено при выдачѣ свидѣтельствъ и билетовъ, взыскивать соотвѣтственно гербовой пошлинѣ по 50 коп. за каждый билетъ или свидѣтельство (2).

Указомъ 1-го марта 1800 года повелѣно для разведенія новыхъ рощъ и на другія издержки, по лѣсному хозяйству, брать со смолы и пеку дополнительную пошлину, сверхъ назначенной по тарифу; но какъ опытъ показалъ, что новый налогъ былъ обременителенъ для крестьянъ, особенно для тѣхъ, которые по недостатку земли существовали исключительно этимъ промысломъ, то 11 іюня 1802 года распоряженіе это отмѣнено и велѣно, сверхъ пошлины по тарифу, взыскивать, при отпускѣ смолы за границу, съ жидкой смолы только 13 коп. съ бочки, а съ пеку по

---

(1) П. С. З. XXXIX. 21,996.
(2) П. С. З. XC. 30,201.

10½ коп. съ такой же бочки, полагая въ общемъ вѣсѣ и вѣсъ бочки (¹).

17 марта 1805 года издано росписаніе о величинѣ пошлинъ, которымъ подвергать суда, проходящія по Березинскому каналу, съ строевымъ и мачтовымъ лѣсомъ (²).

Въ 1807 году, составлены формы билетовъ на сплавы лѣсовъ, вырубаемыхъ изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ и объяснены подробно правила, какъ поступать промышленникамъ при сплавѣ. Правила эти вошли въ Сводъ Законовъ (³). Но какъ докладъ объ этомъ былъ составленъ въ январѣ 1807 года, то противъ пункта, что онъ долженъ получить силу съ открытіемъ навигаціи, Александръ Павловичъ написалъ: «по краткости времени отсрочить до 1808 года.» Это новое положеніе составлено потому, что въ 1805 году, по распбряженіямъ гражданскихъ губернаторовъ, было остановлено въ Казанской и Астраханской губерніяхъ много лѣсовъ безъ свидѣтельствъ, изъ чьихъ дачъ они вырублены, чтобы прекратить самовольныя порубки и не лишить казну принадлежащаго ей дохода, Лѣсной Департаментъ, разсмотрѣвъ и сообразивъ какъ достигнуть этой цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не стѣснить лѣсопромышленниковъ, — придумалъ настоящую мѣру.

Относительно судовъ проходящихъ мимо заставъ безъ свидѣтельствъ и клеймъ, по представленію министра финансовъ, велѣно съ барокъ и съ другихъ судовъ, имѣющихъ билеты несоотвѣтственные клеймамъ, взыскивать на первой заставѣ пошлину, согласно таксы 1810 года, и въ пеню восьмую часть пошлины. Потомъ приложить къ судну клеймо и выдать новый билетъ. О взысканной пошлинѣ сдѣлать надпись на билетѣ. Когда же судно окажется и на другихъ заставахъ съ непринадлежащимъ ему билетомъ, то на второй разъ, сверхъ пошлины брать четвертую часть

(¹) П. С. З. XXVII. 20,291.
(²) П. С. З. XXVIII. 21,671.
(³) П. С. З. XXIX. 22,437.

ея въ пеню, па третій — сверхъ пошлины половину, а на слѣдующихъ, пеню равную пошлинѣ ([1]).

Съ назначеніемъ, въ 1800 году, взысканія пошлинъ съ барокъ, строимыхъ изъ казенныхъ лѣсовъ, командировались, на время комуникаціи, въ тѣ мѣста, гдѣ проходятъ барки, лѣсные чиновники для взысканія пошлинъ. Такіе временные надзоры были устроены въ разныхъ мѣстахъ; между прочимъ въ Рыбинскѣ, въ Архангельскѣ и въ Шлиссельбургѣ. Впослѣдствіи замѣчено, что командированіе форстмейстеровъ не совсѣмъ удобно; потому что лѣса, находящіеся въ ихъ вѣдѣніи, остаются, на время командировокъ лѣсничихъ, безъ присмотра. По этому въ 1805 году опредѣленъ особый приставъ, съ однимъ надсмотрщикомъ и четырьмя служителями въ Рыбинскѣ; а въ 1806 году, въ уваженіе того, что въ Петербургъ проходило ежегодно до 5,600 барокъ и другихъ судовъ, учреждена подобная же застава и въ Шлиссельбургѣ ([2])

Въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, частью по мелководью рѣкъ впадающихъ въ Двину, а кажется больше по обычаю, доставшемуся отъ предковъ, поселяне производили перевозку товаровъ не на судахъ, а на плотахъ. На такой плотъ, обыкновенно двурядный, шло среднимъ числомъ до 40 деревъ пятисаженной длины, на цѣну по средней сложности около 3 рублей. Въ 1802 году прошло въ Архангельскъ такихъ плотовъ 1,763. Лѣсной Департаментъ имѣя въ виду, что отъ свободной рубки лѣсовъ на плоты, казна терпитъ очевидный убытокъ, предположилъ брать съ каждаго плота пошлины 3 руб. 20 коп., а для взысканія ея учреждена, въ 1807 году, въ Архангельской губерніи лѣсная застава по примѣру Рыбинской.

Въ 1811 году лѣсныя заставы соединены съ заставами вѣдомства путей сообщенія.

([1]) П. С. З. XXXII. 25,230.

([2]) П. С. З. XXVIII. 21,686, и XXIX. 22,153.

Въ 1818 году, составлены новыя правила для сбора денегъ по сплавамъ и новый тарифъ. По этому положенію, оставлены только три заставы: Рыбинская, Архангельская и Шлиссельбургская; остальныя же въ числѣ 69, находившіяся на разныхъ рѣчкахъ въ разныхъ губерніяхъ, уничтожены; потому-что дѣлали только задержку судоходству и вполнѣ замѣнялись, вновь учрежденными, заставами. Съ плотовъ и судовъ назначено брать пошлину посаженно съ длины судна и плота, а съ мачтъ и полумачтъ поштучно. Въ 1823 году, пошлины по тарифу 1818 года уничтожены и закрыты заставы вѣдомства путей сообщенія, а оставлены только три, показанныя выше, лѣсныя заставы (1).

Рижскій купецъ Муйжель просилъ провозить въ Ригу лѣсъ, покупаемый въ Галиціи; вслѣдствіе этого, разрѣшенъ вывозъ лѣса не только къ Рижскому, но и къ Черноморскимъ портамъ всѣмъ русскимъ подданнымъ (2).

Въ 1804 году, 16 сентября, дозволено лѣсъ, покупаемый въ Швеціи русскими подданными и доставляемый въ Петербургъ чрезъ Ладожское озеро и Неву, пропускать за границу съ взысканіемъ пошлины по тарифу. Но чтобы не могло встрѣтиться при этомъ какихъ либо злоупотребленій, повелѣно, для свидѣтельства отпускаемыхъ лѣсовъ, опредѣлить особаго чиновника съ жалованьемъ, по окладу форстмейстера (3). Указъ этотъ, однако, 9 марта 1806 года, велѣно оставить до особаго распоряженія «безъ дѣйствія» (4).

Въ 1820 году правительство, имѣя въ виду, что изъ казенныхъ лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній, вырубается менѣе возможнаго количества, дозволило въ обѣихъ губерніяхъ вырубать ежегодно до 50,000 деревъ и выпускать за границу до тридцати восьми дюжинъ досокъ.

(1) П. С. З. XXIX. 22,470, XXXI. 24,826, XXXV. 27,314, XXXVIII. 29,698.

(2) П. С. З. XXVII. 20,211.

(3) П. С. З. XXVIII. 21,455.

(4) П. С. З. XXIX. 22,051.

Вырубка лѣсовъ для этой цѣли дозволена за попенныя деньги и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ заготовокъ для Адмиралтейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ было уже сказано, увеличенъ срокъ рубки, и вмѣсто прежняго, до 1 марта, позволено продолжать рубку до половины апрѣля.

Въ отвращеніе самовольныхъ порубокъ изъ казенныхъ дачъ и провоза лѣсовъ подъ видомъ помѣщичьихъ, запрещенъ вывозъ досокъ за границу по обыкновеннымъ билетамъ; а помѣщики желающіе продавать свои лѣса, должны были подавать объ этомъ объявленія гражданскимъ губернаторамъ и, по освидѣтельствованіи дачи и удостовѣреніи мѣстными властями, что вырубка просимаго количества возможна, губернаторы должны были сообщать таможнѣ: кому изъ владѣльцевъ, какое количество бревенъ или досокъ отпустить дозволено (*).

Дѣятельныя мѣры правительства, къ уничтоженію топорныхъ досокъ и къ замѣнѣ ихъ пильными, начались особенно съ царствованія Елисаветы. Екатерина II велѣла даже давать на заведеніе мельницъ, по 1,000 рублей на каждую раму. Не смотря на это, постройка мельницъ шла не только медленно, но даже во многихъ мѣстахъ ровно ничего не сдѣлано для развитія этого дѣла: въ Казанской губерніи оказалось, что многія казенныя мукомольныя мельницы, отданныя для превращенія въ лѣсопильныя, совсѣмъ не были перестроены, а въ Вятской открылись значительныя истребленія лѣсовъ на пилку. По этому, по разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ о мельницахъ постановлено: изъ числа 25 лѣсопильныхъ мельницъ Казанской губерніи, 10 уничтожить; въ Вятской же губерніи, изъ числа 65, уничтожить шестнадцать. Для дѣйствія оставленныхъ мельницъ, отвести казенныя дачи, полагая въ Казанской губерніи, на каждую раму по 500 десятинъ, а въ Вятской, въ которой и мельницы болѣе слабы и бѣднѣе хозяева ихъ, по 100 десятинъ на раму и ограничить выдѣлы въ натурѣ. Лѣсъ для пилки

(*) П. С. З. XXXVII. 28,110.

рубить съ разрѣшенія обер-форстмейстера, а попенныя платить съ разсрочкой; такъ чтобы, при полученіи билета, внести не менѣе половины, а остальныя — по доставкѣ лѣса на мельницы. Для пилки брать деревья 7, 8, 9 и 10 вершковыя, но не тоньше. Вершины и сучья складывать въ кучи, на полянахъ или на моховыхъ мѣстахъ [1].

Относительно Онежскихъ лѣсопильныхъ заводовъ, устроенныхъ въ 1752 году графомъ Шуваловымъ, поступившихъ въ 1769 году, послѣ управленія Гома, въ казну, и состоявшихъ, сначала въ вѣдѣніи Казенной Палаты, а съ 1800 года въ вѣдѣніи Лѣснаго Департамента, правительство сдѣлало слѣдующія распоряженія. По предположенію Адмиралтействъ-Коллегіи, Онежскій лѣсной торгъ отданъ, въ 1801 году, на коммерческомъ правѣ, старшему совѣтнику Лѣснаго Департамента, генералъ-маіору Аплечѣеву, и доходъ отъ торга назначено употреблять на строеніе и содержаніе въ исправности Архангельскаго адмиралтейства и верфи [2]. На ежегодный оборотъ заводовъ назначено 26,770 руб. 40 коп. и на содержаніе конторы, чиновниковъ и служителей 4,114 р. Для распиловки заготовлялось ежегодно 33,000 сосновыхъ деревъ трехъ и четырехъ саженъ отъ 8 до 9 вершковъ. При заготовкѣ бревенъ, вершинные и комлевые остатки, неимѣющіе назначенной длины и толщины, бросали обыкновенно въ лѣсу. Число такихъ остатковъ доходило до 10,000 штукъ. Кромѣ этого, еловый лѣсъ, котораго въ Онежскомъ округѣ было много, не шелъ въ пилку и гнилъ на корнѣ безъ всякой пользы. Эти обстоятельства побудили директора Онежскаго лѣснаго торга Орлова войти съ предположеніемъ пилить въ доски ель и остатки сосновыхъ бревенъ; а какъ Онежскія мельницы не могли распиловать болѣе 33,000 деревъ, то Орловъ предполагалъ производить работу ручными пилами [3].

---

(1) П. С. З. XXXII. 25,471.

(2) П. С. З. XXVI. 19,817.

(3) П. С. З. XXVIII. 21,250.

Лѣсной Департаментъ, стараясь собрать свѣдѣнія о частныхъ лѣсопильныхъ мельницахъ, особенно находящихся въ Олонецкой губерніи, поручилъ генералъ-маіору Аплечѣеву опредѣлить, гдѣ находятся пильные заводы, въ какомъ количествѣ, сколько распиливаютъ они ежегодно лѣсу и изъ какихъ дачъ, казенныхъ или помѣщичьихъ, получаютъ лѣсъ. Въ тоже время, Пудожскій, именитый гражданинъ Бакановъ и обер-форстмейстеръ Саванчѣевъ представили проэкты, извлечь выгоды изъ отдаленныхъ и совершенно бездоходныхъ лѣсовъ Олонецкой и Архангельской губерній. Вслѣдствіе чего, Императоръ Александръ приказалъ командировать Саванчѣева, для описанія въ этихъ губерніяхъ всѣхъ лѣсовъ и рѣкъ, съ тѣмъ, чтобы пильные заводы предположить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не употребляется лѣсъ для адмиралтейства, на строеніе военныхъ судовъ въ гребной флотъ, коммерческихъ судовъ, для флашкоутовъ подъ Невскіе мосты, къ Онежскому казенному лѣсному торгу и для существующихъ въ Олонецкой губерніи частныхъ лѣсопильныхъ мельницъ. Относительно послѣднихъ, Саванчѣеву поручено сообразить, достаточно ли лѣсовъ для дѣйствія заводовъ, нужно ли оставить заводы въ томъ числѣ, въ какомъ они существуютъ, и наконецъ какимъ оброкомъ обложить каждую раму, чтобы избѣгнуть дробныхъ расчетовъ при взысканіи поценныхъ денегъ и отвратить злоупотребленія, могущія произойти отъ невѣрнаго показанія количества распиливаемаго лѣса. Аплечѣевъ донесъ департаменту о числѣ мельницъ, находящихся въ Олонецкой губерніи, количествѣ рамъ и бревенъ, идущихъ ежегодно въ пилку. Относительно извлеченія отъ мельницъ дохода, Аплечѣевъ представилъ два мнѣнія: купить мельницы въ казну и дѣйствовать потомъ хозяйственнымъ образомъ, какъ съ Олонецкими заводами, или же оставить мельницы въ частномъ владѣніи и обложить ихъ порамной пошлиной: Лѣсной Департаментъ, разсмотрѣвъ предположеніе Аплечѣева, нашелъ порамную пошлину болѣе выгодной и для казны и для частныхъ заводчиковъ; но какъ, по исчисленію Аплечѣева, требовалось ежегодно для заводовъ 367,000

бревенъ; а въ состояніи ли были лѣсныя дачи давать это количество, Департаментъ не зналъ, то составленіе положенія и отложено до представленія Саванчѣевымъ описи лѣсовъ.

Саванчѣевъ исполнилъ порученіе, представилъ Департаменту свѣдѣнія о пространствѣ, мѣстоположеніи и состояніи лѣсовъ Олонецкой губерніи, мнѣніе о разныхъ предметахъ относящихся къ лучшему употребленію и сбереженію лѣсовъ и наконецъ свѣдѣніе о лѣсопильныхъ мельницахъ Олонецкой губерніи.

Для постройки коммерческихъ мореходныхъ и рѣчныхъ судовъ, Саванчѣевъ полагалъ назначить лѣса, растущіе по обоимъ берегамъ р. Свири, на 60 верстъ, отъ Вознесенской пристани, до впаденія р. Пидьмы и Вороны. Ежегодно можно было вырубать до 10,000 деревъ, а въ дополненіе къ этому числу рубить по рѣкамъ Вытегрѣ, Кондушѣ и Андомѣ 5,000 деревъ, въ Пудошскомъ: уѣздѣ по Возлѣ, Шамѣ и Нипжмѣ 5,000, въ Повѣнецкомъ по Кумѣ, Нигремѣ, Гамлужѣ и Пяльмѣ 5,000, въ Петрозаводскомъ: по Укпцѣ, Лижмѣ и Туѣ 5,000, всего 30,000 деревъ. Для Петербургскаго адмиралтейства и Лодейнопольской верфи, отдѣлить лѣса по Свири, отъ Пидьмы и Вороны до г. Лодейнаго-Поля въ длину на 70 верстъ и отъ береговъ отъ 10 до 40 верстъ. Лѣса отъ Лодейнаго-Поля до устья Свири, на 50 верстъ длины, назначить для дровянаго торга, жженія угля и мелкихъ лѣсныхъ издѣлій.

По описи Саванчѣева, оказалось заводовъ: въ Петрозаводскомъ уѣздѣ 4, Повѣнецкомъ 2, Олонецкомъ 16, Лодейнопольскомъ 8, Вытегорскомъ 2, всего 32. Въ числѣ этихъ заводовъ 13 недѣйствующихъ. Саванчѣевъ предполагалъ уничтожить въ Петрозаводскомъ уѣздѣ 3 завода, въ Олонецкомъ 1, Лодейнопольскомъ 8 и Вытегорскомъ 1, всего 13, въ томъ числѣ 6 недѣйствующихъ. Заводы эти предположены къ уничтоженію потому, что бревна для нихъ заготовлялись по Свири, изъ дачъ назначенныхъ для удовлетворенія адмиралтейства. Остальные 18 оставлены потому, что получали лѣсъ изъ отдаленныхъ дачъ, въ которыхъ не

было никогда рубки на казенныя и адмиралтейскія надобности. На 10 заводахъ оставлено существовавшее число рамъ, а на 8 дозволено имѣть всего 42 рамы. Нѣкоторымъ заводамъ, смотря по изобилію водъ и образу постройки, дозволено дѣйствовать пять и 6 мѣсяцевъ, другимъ 8 и 10 въ годъ и распиливать ежемѣсячно отъ 500 до 700 бревенъ. Всего же, на всѣ заводы требовалось ежегодно 145,400 бревенъ.

Сообразно выгодѣ, получаемой заводами, Саванчѣевъ раздѣлилъ ихъ на 4 разряда, — хозяева заводовъ перваго разряда получали по 1 р. 50 коп. съ дюжины, втораго по 1 р. 27 коп., третьяго 85 коп. и четвертаго 60 коп. Для возможнаго сбереженія лѣсовъ, предположено позволить рубить деревья 7, 8 и 9 вершковыя и толще и строго запретить рубку деревъ тонкихъ. За каждое дерево меньшихъ размѣровъ, взыскивать какъ за самовольную порубку.

Предположенія Саванчѣева найдены вполнѣ уважительными и правительство сдѣлало слѣдующія распоряженія. Заводы перваго разряда обложило пошлиной съ рамы, за каждый мѣсяцъ по 250 руб., втораго разряда 200 руб., третьяго 150 и четвертаго 100 руб., — всего должно было поступать въ казну 50,600 руб. или съ каждаго бревна заводы перваго разряда платили $45^1/_2$ коп., втораго $37^1/_2$ коп., третьяго $24^1/_2$ и четвертаго 20 коп.

Оброченіе заводовъ назначено на два года, до точнаго приведенія въ извѣстность и измѣренія лѣсовъ. Если заводчики согласятся на оброченіе, то должны объявить въ какіе мѣсяцы и какимъ числомъ рамъ они будутъ работать и на это число получать билетъ отъ обер-форстмейстера. Остальныя недѣйствующія рамы и дѣйствующія, по окончаніи рабочихъ мѣсяцевъ должны быть опечатаны. Въ обезпеченіе исправнаго платежа оброка, заводчики должны были представить залогъ на полную годовую сумму (*).

Въ 1807 году, оставлено только 12 заводовъ; остальные частью по ветхости, а частью по недостатку для нихъ

(*) П. С. З. XXVIII. 21,252.

лѣсовъ уничтожены. Оставленнымъ заводамъ третьяго и четвертаго отдѣленій, увеличенъ платежъ порамныхъ денегъ на 50 рублей въ мѣсяцъ съ рамы и, такимъ образомъ, заводы раздѣлились на три отдѣленія. Переоброчка эта установлена на три года. Число мѣсяцевъ дѣйствія заводовъ опредѣлено контрактами, а выборъ мѣсяцевъ для пилки предоставленъ заводчикамъ. На такихъ основаніяхъ заводы дѣйствовали до 1823 года. Въ этомъ году порамная плата возвышена и назначено брать съ заводовъ перваго отдѣленія по 420 руб., втораго по 335 и третьяго по 250 руб. въ мѣсяцъ съ каждой дѣйствующей рамы. Этотъ платежъ опредѣленъ на 8 лѣтъ. Между тѣмъ въ отвращеніе замѣченныхъ злоупотребленій въ 1825 году 17 марта постановлено, контракты на распиловку заключать съ заводчиками не менѣе какъ на 10 мѣсяцевъ сряду въ каждомъ году и предоставить за тѣмъ заводы въ полное распоряженіе заводчиковъ на весь годъ.

Правительство, сознавая необходимость имѣть для управленія лѣсной частью специалистовъ, безъ чего разумѣется никакія мѣры хозяйства не повели бы ни къ чему и лѣсное управленіе не могло возвыситься на степень научнаго управленія и назваться государственнымъ хозяйствомъ, установило въ 1798 году, чтобы лицъ желающихъ занять мѣста обер- и форстмейстеровъ подвергать экзамену. Это распоряженіе подтверждено указами 28 августа и 2 декабря 1802 года; не смотря на подобныя мѣры вѣрныя по идеи, но непослѣдовательныя въ исполненіи, правительству пришлось сознаться, что предположенное испытаніе составляетъ только одну форму и какъ докладывалъ министръ финансовъ: «если бы оное произведено было на самомъ дѣлѣ по правиламъ лѣсной науки, то бы ни одинъ изъ чиновниковъ опредѣляемыхъ въ тѣ должности, не могъ оказаться къ тому способнымъ и мѣста оныя должны бы были оставаться незанятыми по всѣмъ почти губерніямъ, потому что въ Россіи нѣтъ еще, кромѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, знающихъ въ лѣсной части людей». По этому министръ полагалъ, а Государь утвердилъ, отправить за границу моло-

дыхъ людей учиться лѣсоводству, и пока не учредятся по сдѣланному предположенію лѣсныя училища въ Россіи, производить испытаніе только иностранцамъ, а русскихъ брать «по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ расторопности, поведенія и нравственности» ([1]).

Въ томъ же году 30 іюня, повелѣно, что какъ въ обер- и форстмейстеры должны быть опредѣляемы люди знающіе лѣсоводство, то нераспространять на нихъ указъ 1 августа 1801 года, что чиновникъ можетъ быть однимъ чиномъ выше или ниже занимаемой имъ должности, *а опредѣлять людей способныхъ* ([2]). Наконецъ, 19 мая 1803 года, положено первое начало учрежденію лѣсныхъ училищъ. Александръ Павловичъ поручилъ Курляндскому дворянину Штейну, устроить близь Петербурга практическое лѣсное училище. Удобнѣйшимъ мѣстомъ для этого оказался царскосельскій звѣринецъ, гдѣ и устроено училище. Штейнъ былъ и директоромъ и единственнымъ наставникомъ учениковъ, которыхъ назначено по штату 20 человѣкъ. Предметами преподаванія назначены: «ботаническое и технологическое познаніе всѣхъ родовъ деревъ, въ Россіи растущихъ, а особливо сѣверному климату свойственныхъ. Познаніе почвы для каждаго рода приличнѣйшей». Возрастъ, который должны имѣть деревья при употребленіи ихъ на разныя надобности и рубка оныхъ. Различные способы къ разведенію вновь лѣсовъ, какъ на вырубленныхъ мѣстахъ, такъ и на тѣхъ, гдѣ лѣсовъ не бывало. Раздѣленіе лѣсовъ на лѣсосѣки. Оцѣнка раздѣленныхъ на лѣсосѣки лѣсовъ или вычисленіе могущей отъ нихъ быть пользы, соображаясь съ пространствомъ занимаемой ими площади и съ родомъ деревъ. Практическое измѣреніе лѣсовъ подъ пашни и сѣнокосы, гдѣ необходимость того требуетъ, съ меньшимъ для нихъ вредомъ и съ наблюденіемъ хозяйственныхъ при томъ правилъ. Экономическіе отъ лѣсовъ доходы, отъ сидѣнія смолы и дегтя,

---

([1]) П. С. З. XXVII. 20,712.

([2]) П. С. З. XXVII. 20,824.

жженія угля, приготовленія поташа и проч. Лѣсная бухгалтерія. Въ помощь Штейну опредѣлены землемѣръ, рисовальщикъ и переводчикъ. Учениковъ предположено набрать отчасти изъ вольноопредѣляющихся, а отчасти изъ гимназистовъ и студентовъ Московскаго университета, не моложе 18 лѣтъ (1).

Въ слѣдующемъ году Калужскій обер-форстмейстеръ Вильфингъ, въ проэктѣ объ устройствѣ Калужскихъ засѣкъ, представилъ объ устройствѣ, въ Козельскѣ при домѣ обер-форстмейстера, «лѣснаго института», для обученія лѣсоводству 30 молодыхъ человѣкъ. Курсъ полагался трехълѣтній. Министръ финансовъ въ докладѣ своемъ объ этомъ Государю говоритъ, что онъ изъ всѣхъ предположеній Вильфинга признаетъ болѣе всего полезнымъ учрежденіе лѣснаго училища: «ибо при усовершаемомъ образованіи лѣс«ной части въ Россіи, годъ отъ году чувствуется наипаче «нужда имѣть искусныхъ въ лѣсоводствѣ чиновниковъ, кои «не могутъ быть замѣнены иностранцами, по незнанію «сихъ послѣднихъ ни языка, ни законовъ, ни обычаевъ «жителей Россіи и которые, при всѣхъ теоретическихъ «и практическихъ свѣденіяхъ въ лѣсоводственной наукѣ, «должны бы однакоже не малое употребить время на изу«ченіе лѣсной части, свойственной для Россійскаго Государства» и Государь, 27 мая 1804 года, утвердилъ представленіе министра финансовъ (2). Лѣсное училище это учреждено въ 1805 году.

По окончаніи въ 1806 году перваго курса въ Царскосельскомъ училищѣ, выпущено по экзамену 7 воспитанниковъ. Ихъ предположено опредѣлить форстмейстерами въ губерніи: Московскую, Тульскую, Курскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Лифляндскую и поручить имъ сначала одно лѣсоразведеніе, зимой же командировать къ форстмейстерамъ «для навыка къ отправленію форстмейстерской должности во всемъ ея пространствѣ».

---

(1) П. С. З. XXVII. 20,766.

(2) П. С. З. XXVIII. 21,302.

Когда губерніи, нуждающіяся въ лѣсоразведеніи, будутъ замѣщены чиновниками выпущенными изъ училищъ, то ранѣе выпущенныхъ помѣщать на мѣста форстмейстеровъ, а вновь выпускаемыхъ назначать для лѣсоразведенія.

Опредѣленнымъ ученымъ форстмейстерамъ предоставлено въ свободное отъ занятій по лѣсоразведенію время, дѣлать ботаническое описаніе съ рисунками всѣхъ родовъ деревъ, произрастающихъ въ ихъ губерніяхъ, и показать при этомъ техническія свойства и употребленіе древесныхъ породъ ([1]).

Для приготовленія людей, знающихъ какъ разводить корабельные лѣса, въ 1799 году были отправлены въ Англію изъ воспитанниковъ Морскаго Корпуса четыре ученика. Изъ нихъ двое, возвратившись въ 1806 году, получили званіе ученыхъ форстмейстеровъ и отправлены въ Казань. Имъ поручено вникнуть въ способы заготовленія корабельныхъ лѣсовъ, сравнить эти способы съ употребляемыми въ Англіи, и представить по этому предмету свое заключеніе. Съ весны слѣдующаго года заняться посѣвами и разведеніемъ корабельныхъ рощъ и составить ботаническое описаніе древесныхъ породъ Казанской губерніи.

Ученыхъ форстмейстеровъ употреблять только для лѣсоразведенія и не замѣщать на вакансіи обер-форстмейстеровъ, потому что разнообразныя и слишкомъ обширныя занятія обер-форстмейстеровъ не дадутъ имъ возможности удѣлить время для разведенія лѣсовъ ([2]).

Въ 1811 году Царскосельское лѣсное училище переведено въ С. Петербургъ (гдѣ помѣщается нынче Лѣсной Институтъ) и переименовано въ Форстъ-Институтъ. Къ нему присоединенъ Лѣсной Институтъ учрежденный въ 1808 году графомъ Орловымъ на Елагиномъ островѣ, а въ 1813 году переведено въ С. Петербургъ и Козельское лѣсное училищѣ ([3]).

([1]) П. С. З. XXIX. 22,387.

([2]) П. С. З. XXIX. 22,288.

([3]) Обзоръ дѣйствій Департамента Сельскаго Хозяйства съ 1844 по 1849. стр. 206 и 207.

Отличительный характеръ царствованія Александра заключается въ томъ, что правительство, какъ было уже сказано, приступаетъ къ отдѣлкѣ подробностей. Въ этомъ настояла давно необходимость, потому что съ Петра Великаго, когда положено первое основаніе лѣсному управленію, правительство занималось постоянно изданіемъ исключительно общихъ постановленій о лѣсахъ. Разъясненіе частностей можно и слѣдовало начать ранѣе, и многія постановленія, напримѣръ устройство лѣсныхъ училищъ, не были бы несвоевременными еще въ царствованіе Екатерины II.

Разграниченіе и размежеваніе лѣсовъ, особенно общихъ и спорныхъ, какъ одно изъ необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ началъ для устройства лѣсной части, при Александрѣ получаетъ значительное развитіе. Правительство приступило къ этому дѣлу, зрѣло обдумавъ при какихъ условіяхъ возможно повести его прочно, и начало съ надѣленія государственныхъ крестьянъ землей по 15 и 8 десятинной пропорціи. Занявшись этимъ дѣломъ, правительство обогатило наше законодательство изданіемъ многихъ важныхъ постановленій, большею частію сохранившихъ свою силу и донынѣ. Къ сожалѣнію разграниченіе лѣсовъ, начатое съ большимъ жаромъ, неокончено.

Въ устройствѣ администраціи замѣчаются тоже подробности, является какая-то сложность, и управленіе, съ приданіемъ лѣсамъ спеціальнаго значенія, распадается на части. Причиной этого было убѣжденіе правительства, что лѣса необходимо распредѣлить между разными вѣдомствами, имѣющими въ нихъ надобность. Такимъ образомъ при Александрѣ явились лѣса, приписанные къ разнымъ заводамъ: горнымъ, соляпымъ, оружейнымъ и лѣса корабельные.

Не вдаваясь въ разборъ справедливости основной идеи подобной мѣры, нельзя не замѣтить, что съ приданіемъ лѣсамъ частнаго значенія, они очутились въ двойной зависимости—собственно отъ лѣснаго начальства и того вѣдомства къ которому приписаны. Кромѣ этого замѣчается еще другая непослѣдовательность въ общемъ учрежденіи: въ то время, когда вся лѣсная часть получаетъ значительное раз-

витіе и кругъ дѣйствій Лѣснаго Департамента расширяется, учреждается Департаментъ Государственныхъ Имуществъ и управленіе лѣсами всей Имперіи ввѣряется только двумъ отдѣленіямъ новаго Департамента.

Къ числу совершенно новыхъ и важныхъ мѣръ относятся: учрежденіе корабельныхъ округовъ, уменьшеніе числа лашмановъ, возвышеніе задѣльной имъ платы, наконецъ составленіе новой таксы, которая была уже крайне-необходима, новыхъ правилъ для продажи и сплавовъ лѣсовъ и приведеніе въ ясность и изданіе справедливыхъ, уравнивающихъ права подданныхъ, постановленій относительно взысканій за самовольныя порубки.

Научныя мѣры хозяйства проявились въ стремленіи правительства устроить Тульскія и Калужскія засѣки, нѣкоторыя дачи Московской и Орловской губерній. Это былъ дѣйствительно значительный шагъ впередъ. Вообще во всѣхъ мѣрахъ правительства видно, что оно старалось дать ходъ наукѣ и понимало важность и необходимость ея въ такомъ спеціальномъ дѣлѣ, какъ лѣсное хозяйство.

Послѣднимъ выраженіемъ этого стремленія правительства служитъ учрежденіе лѣсныхъ училищъ. Основнымъ побужденіемъ подобнаго учрежденія было сознаніе, что германскіе лѣсничіе не могутъ удовлетворить нашимъ требованіямъ, и необходимо образовать русскихъ лѣсничихъ. Въ какой степени правительство достигло своей цѣли, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, теперь же ограничимся выпиской изъ «предувѣдомленія» къ ботаникѣ, написанной для Калужскаго лѣснаго института Мельхіоромъ Вильфингомъ. Въ 5 пунктѣ Высочайше утвержденнаго Начертанія о заведеніи Лѣснаго Института въ Калужской губерніи между прочимъ сказано: «Институтъ сей долженъ заниматься переводами лѣсныхъ книгъ для способствованія и обученія тѣхъ, кои иностранныхъ книгъ читать и въ таковые институты являться не могутъ, почему основательное изученіе Нѣмецкому языку постановлено въ главнѣйшую обязанность воспитывающимся въ ономъ, поелику лучшія о

лѣсной наукѣ книги на ономъ изданы» (*). При такихъ основаніяхъ русскіе лѣсничіе образовывались изъ нѣмецкихъ книгъ, слѣдовательно въ сущности были тѣже германскіе форстмейстеры, но только знавшіе по-русски. Разумѣется другой порядокъ явиться и не могъ, потому что вслѣдствіе слишкомъ позднаго учрежденія лѣсныхъ училищъ, у насъ не было ни своихъ опытовъ и наблюденій, ни своихъ ученыхъ.

Вообще однако царствованіе Александра I, относительно устройства лѣсной части, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ правленій, наиболѣе разработавшихъ лѣсное законодательство.

(*) Руководство къ Ботаникѣ для Калужскаго Лѣснаго Института. С. Петербургъ. 1814 года.

ГЛАВА XII.

Узаконения Николая I до учреждения Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Въ царствованіе Николая I, совершается окончательное распаденіе лѣсовъ по разнымъ вѣдомствамъ. Въ этомъ осуществилась и идея Александра и утвердилось предположеніе министра финансовъ, графа Канкрина, который, не имѣя достаточныхъ средствъ, не могъ управиться со всей «необъятной массой лѣсовъ». Распредѣленіе лѣсовъ, по частнымъ ихъ назначеніямъ, дало Министерству Финансовъ большую возможность заняться лѣсами своего вѣдомства. Графъ Канкринъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, для прочнаго водворенія административнаго порядка и лѣсной науки.

Лѣсное управленіе въ томъ видѣ, какъ учреждено Александромъ, существовало до 1826 года. Въ этомъ году, 19 іюня, сначала въ видѣ опыта, утверждено новое устройство лѣсной части въ губерніяхъ С. Петербургской, Олонецкой, Псковской и Казанской (*). Состоявшіе до того времени въ губерніяхъ, обер-форстмейстеры переименованы въ губернскихъ лѣсничихъ и присоединены съ своими канцеляріями къ Казеннымъ Палатамъ, въ которыхъ учреждены особыя лѣсныя отдѣленія. Остальные лѣсные чины переименованы въ ученыхъ, окружныхъ, младшихъ лѣсничихъ, подлѣсничихъ, объѣздчиковъ и сторожей. Губернскихъ и старшихъ лѣсничихъ предположено опредѣлять изъ чиновниковъ способныхъ и преимущественно, изъ числа знающихъ правила лѣсоводства. На губернскаго лѣсничаго воз-

(*) Указъ этотъ публикованъ 14 октября 1827 года.

ложены въ особенности слѣдующія обязанности: отвращать всякія неустройства и изыскивать всѣ способы къ улучшенію лѣснаго хозяйства и возвышенію лѣсныхъ доходовъ. Приводить лѣса и оброчныя статьи въ извѣстность. Составлять смѣты и таксы. Губернскій лѣсничій былъ обязанъ объѣзжать ежегодно лѣса губерніи, особенно во время вырубки лѣса и осматривать тѣ дачи, въ которыхъ производились значительные отпуски.

Для удобства охраненія и хозяйства, губерніи раздѣлены на округи, а округи на лѣсничества. Важнѣйшія лѣсничества поручены окружнымъ лѣсничимъ, а прочія—лѣсничимъ и подлѣсничимъ. Лѣсные объѣздчики и сторожа опредѣлены къ важнѣйшимъ казеннымъ лѣсамъ, обрѣзамъ и заказнымъ рощамъ. Въ остальные лѣса, какъ казенные, такъ и крестьянскіе, назначены полѣсовщики, а для надзора за ними въ казенныхъ дачахъ и, въ болѣе важныхъ крестьянскихъ, предположены объѣздчики.

Всѣмъ лѣсамъ предположено составить описи и планы и, прежде всего, озаботиться отдѣленіемъ казенныхъ лѣсовъ отъ крестьянскихъ. Тамъ, гдѣ не произведено генеральнаго размежеванія, пріостановиться внутренней съемкой лѣсовъ, и, только на основаніи имѣющихся свѣдѣній, раздѣлить губерніи на округи и лѣсничества.

Корабельныя рощи, оставаясь на, особо для нихъ, изданномъ положеніи, поступали также въ составъ лѣсничествъ.

Сверхъ общихъ мѣръ охраненія и приведенія лѣсовъ въ порядокъ, опредѣлено вводить въ дачахъ правильное хозяйство, начавъ его съ заказныхъ рощей и казенныхъ обрѣзовъ.

Въ это же время, учрежденъ при Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ Ученый по Лѣсной части Комитетъ. Председателемъ назначенъ директоръ Департамента, членами—два чиновника, по выбору министра финансовъ, имѣющіе практическія и теоретическія свѣдѣнія въ лѣсоводствѣ и редакторъ. На Комитетъ возложено:—сообразивъ всѣ существующія по лѣсной части узаконенія, согласивъ, дополнивъ и исправивъ ихъ, изготовить проэктъ новыхъ лѣсныхъ постановленій; заниматься, возлагаемыми на него, дѣлами по

ученой и практической части лѣсоводства и приготовить наставленіе, какимъ образомъ начать вводить въ губерніяхъ правильное хозяйство (1).

14 сентября 1827 года, повелѣно новое положеніе о лѣсной части распространить съ 1 января 1828 года на всѣ губерніи (2).

До окончательнаго опредѣленія отношеній лѣснаго управленія Бессарабской области къ общему государственному управленію, 16 октября 1828 года, постановлено: Бессарабскому генералъ-губернатору, въ дѣлахъ по лѣсной части превышающихъ его власть, испрашивать разрѣшеніе чрезъ министра финансовъ (3). А 8 іюля 1831 года велѣно: лѣсное управленіе Бессарабской области присоединить къ Бессарабской Казенной Палатѣ и устроить при ней лѣсное отдѣленіе, подъ завѣдываніемъ, на общихъ правилахъ, старшаго лѣсничаго. Лѣсныхъ объѣздчиковъ и сторожей имѣть по прежнему, наймомъ, изъ ближайшихъ къ лѣснымъ дачамъ селеній (4).

Въ слѣдующемъ году, на такихъ же основаніяхъ учреждено управленіе и въ Бѣлостокской области (5).

Не смотря на отдѣленіе лѣсовъ разнымъ вѣдомствамъ, въ казенномъ управленіи, какъ писалъ министръ финансовъ, находилась еще «необъятная масса лѣсовъ, а слабыя, не«достаточныя средства охраненія не могли спасти ихъ отъ «самовольныхъ порубокъ». Хотя, еще при Александрѣ, предположено было отдѣлить изъ крестьянскихъ лѣсовъ по 1 десятинѣ на душу, при восьмидесятинной пропорціи, и по $1^7/_8$ при пятнадцатидесятинной, съ обращеніемъ пятой части въ заказныя рощи; однако дѣло это, сопряженное съ значительными издержками и требующее обширныхъ межевыхъ дѣйствій, было приведено въ исполненіе въ самыхъ огра-

(1) П. С. З. 2 прод. I. 415.
(2) П. С. З. 2 прод. II. 1,467.
(3) П. С. З. 2 прод. III. 2,351.
(4) П. С. З. 2 прод. VI. 4,690.
(5) П. С. З. 2 прод. VII. 5,868.

ниченныхъ размѣрахъ; по этому, лѣса казенныхъ поселянъ, остались, съ малыми исключеніями, на попеченіи лѣснаго начальства.

Для облегченія лѣснаго управленія, графъ Канкринъ, съ самаго вступленія своего въ управленіе Министерствомъ Финансовъ, старался корабельные лѣса передать въ Морское Министерство, заводскіе — горному вѣдомству, наконецъ имѣлось въ виду лѣса Тульскихъ и Ижевскихъ заводовъ передать Военному Министерству и отдѣлить лѣса удѣльные. Что же касается до крестьянскихъ лѣсовъ, то, какъ писалъ графъ Канкринъ, «нельзя сокрыть, что умень-«шеніе оныхъ и даже истребленіе очевидно усиливается, и «что, способами зависящими отъ казны, упомянутые лѣса «не могутъ быть ни въ скоромъ времени отдѣлены, ни до-«статочно охранены, почему необходимо нужно принять «предварительно рѣшительныя, по сему предмету, мѣры».

Предложенныя графомъ Канкринымъ, мѣры состояли въ слѣдующемъ: — поручить крестьянамъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ лѣсныхъ чиновниковъ и другихъ лицъ, отряженныхъ Казенными Палатами, при содѣйствіи земской полиціи, отдѣлить, безъ производства межеванія, въ заказныя рощи пространства, въ размѣрѣ опредѣленномъ еще при Императорѣ Александрѣ, т. е. смотря по пропорціи земли: по 1 или по $1^7/_8$ десятины на душу. Участки эти отводить изъ лучшихъ, но не корабельныхъ лѣсовъ, примѣрно по глазомѣру и ограничить ихъ просѣками, рвами, заборами, ямами, кучами, какъ гдѣ окажется удобнѣе. Крестьяне должны заказать такія рощи, съ соблюденіемъ принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ въ каждой мѣстности обычаевъ, и дать другъ другу обѣщаніе, что не будутъ ни истреблять, ни портить своихъ заказниковъ. Послѣ этого, рощи сдаются въ вѣдомство Волостныхъ Правленій и къ рощамъ опредѣляются благонадежные полѣсовщики по мірскимъ приговорамъ. Снабженіе крестьянъ лѣсомъ, оставить на прежнемъ основаніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось выдѣлить лѣсные участки монастырямъ, а лѣса, состоящіе при городахъ передать въ

вѣдѣніе городскихъ обществъ. Предположеніе это утверждено Государемъ 10 ноября 1832 года [1]. Съ передачей городскихъ лѣсовъ городскимъ обществамъ, завѣдываніе и распоряженіе этими дачами отнесено къ обязанности Городскихъ Думъ [2].

Въ 1834 году, осуществилось и другое предположеніе Министра Финансовъ: — указомъ 16 февраля переданы изъ казны въ удѣльное вѣдомство всѣ удѣльные лѣса и предоставлены въ пользу удѣла, опредѣленныя ко взысканію, но не взысканныя, штрафныя деньги за порубки [3].

Съ учрежденіемъ Военнаго Министерства, Высочайше утвержденнымъ учрежденіемъ вмѣнено ему въ обязанность: наблюдать за правильнымъ раздѣленіемъ лѣсовъ военныхъ поселеній и за сохраненіемъ ихъ отъ всякихъ поврежденій, неправильныхъ порубокъ и пожаровъ. Вводить посѣвъ лѣсовъ и стараться о разработкѣ торфа и каменнаго угля [4]. А относительно устройства лѣсовъ вѣдѣнія коннозаводства, отдѣльныхъ отъ лѣсовъ Министерства Финансовъ, велѣно приложить къ дѣлу правила постановленныя въ 8 т. Уст. Лѣс. для лѣсовъ казенныхъ [5].

Значительныя злоупотребленія по заготовкамъ корабельныхъ лѣсовъ и употребленію лашмановъ въ работы, побудили правительство открыть, 11 ноября 1826 года, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Кочубея, особый Комитетъ, для точнаго розысканія всѣхъ злоупотребленій [6].

Въ 1828 году, предположено учредить Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ и, по указу 24 марта, Департаментъ долженъ былъ поступить въ вѣдѣніе Морскаго Министра [7].

---

[1] П. С. З. 2 прод. VII. 5,742.
[2] П. С. З. 2 прод. X. 8,250.
[3] П. С. З. 2 прод. IX. 6,814.
[4] П. С. З. 2 прод. XI. 9,038. § 391.
[5] П. С. З. 2 прод. XI. 9,075, п. 3.
[6] П. С. З. 2 прод. I. 658.
[7] П. С. З. 2 прод. III. 1,895, п. 5.

Комитетъ обнаружилъ всѣ злоупотребленія, открылъ виновныхъ и привелъ въ извѣстность настоящее положеніе корабельныхъ лѣсовъ. Свѣдѣнія, собранныя Комитетомъ, послужили данными, при составленіи новаго предположенія, объ управленіи корабельными лѣсами. 23 апрѣля 1828 года Комитетъ закрытъ (*).

Въ этомъ же году 3 декабря, повелѣно быть Департаменту Корабельныхъ Лѣсовъ и Балтійскому округу корабельныхъ лѣсовъ. Въ вѣдѣніе новаго Департамента переданы— Третье Отдѣленіе Департамента Государственныхъ Имуществъ, Правленія Низоваго и Сѣвернаго округовъ и Пудожское коммисіонерство. Департаменту Корабельныхъ Лѣсовъ поручено завѣдываніе корабельными лѣсами и рощами, приготовленіе и доставка дубовыхъ, мачтовыхъ и цивильныхъ деревъ къ портамъ, собственно для корабельныхъ и другихъ гражданскихъ построекъ при адмиралтействахъ и верфяхъ. Департаментъ составленъ изъ 3 отдѣленій: для завѣдыванія и сохраненія лѣсовъ на корнѣ, заготовки и доставки лѣсовъ и отдѣленія счетнаго. Въ исключительное завѣдываніе Департамента, переданы всѣ отдѣленныя корабельныя рощи въ низовыхъ губерніяхъ и тѣ, которыя впредь будутъ отдѣлены. Предположенные къ отдѣленію лиственничные и прочіе лѣса, по учрежденному вновь Балтійскому округу, наконецъ лѣса, которые будутъ назначены впредь въ исключительное завѣдываніе Департамента по губерніямъ: Архангельской, Вологодской, Минской и прочимъ.

Лѣса по губерніямъ: Казанской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Вятской и Оренбургской, неотчисленные къ корабельнымъ рощамъ и не могущіе поступить въ число ихъ, оставляются, по приведеніи въ извѣстность, въ вѣдомствѣ Департамента Государственныхъ Имуществъ. Изъ этихъ лѣсовъ, велѣно снабжать казенныхъ крестьянъ, сухопутные войска и гражданское вѣдомство; но не отпу-

---

(*) П. С. З. 2 прод. III. 1,984.

скать дуба на продажу, даже негоднаго для кораблестроенія, безъ согласія Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ.

Для снабженія Морскаго Министерства свѣдущими лѣсничими, предположено половину воспитанниковъ выпускаемыхъ изъ Лѣснаго Института и возвратившихся изъ заграницы, передавать въ вѣдѣніе Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ (1).

Департаментъ открытъ 5 ноября 1829 года (2).

Въ 1831 году, въ январѣ, открыто правленіе Балтійскаго округа Корабельныхъ Лѣсовъ, а Пудожское коммисіонерство, вошедшее въ составъ его, упразднено (3).

Относительно состоявшихъ въ вѣдѣніи Военнаго Министерства Черкасскихъ лѣсовъ, приписанныхъ къ военнымъ поселеніямъ Новороссійскаго края, главный начальникъ ихъ, 29 іюня 1826 года, вошелъ съ докладомъ о необходимости ихъ устройства. «Простое снабженіе округовъ лѣсными «дачами, писалъ онъ, въ какой бы мѣрѣ и съ какимъ бы «иждивеніемъ сіе ни было сдѣлано, недостаточно для до«стиженія предположенной цѣли, ежели въ самой порубкѣ «и употребленіи лѣсовъ не будетъ установлено надлежащаго «порядка и непрерывнаго надзора за сохраненіемъ онаго. «Опытъ весьма ощутительно доказываетъ, что принятыя «нынѣ въ Россіи, по сему предмету въ гражданскомъ упра«вленіи, общія мѣры недостаточны: *одинъ токмо порядокъ, «введенный въ горныхъ заводахъ могъ мнѣ указать въ главныхъ «чертахъ истинныя основанія обезпеченія.* Но въ приложе«ніяхъ къ военнымъ поселеніямъ и сей порядокъ требовалъ «такъ много особенныхъ и подробныхъ соображеній, что «почти нужно было изобрѣтать его вновь».

При составленіи положенія о Черкасскихъ лѣсахъ (4), приняты слѣдующія главныя основанія: Черкасскіе лѣса почитаются отдѣльнымъ казеннымъ имуществомъ; надъ

---

(1) П. С. З. 2 прод. III. 2,475.

(2) П. С. З. 2 прод. IV. 3,298.

(3) П. С. З. 2 прод. VI. 4,288.

(4) Кіевской губерніи.

ними учреждается особое управленіе, подчиненное ближайшему мѣстному начальнику военныхъ поселеній. Мѣстное управленіе лѣсами образовать въ видѣ Комитета и въ составъ его, по искуственной части, назначить одного члена подъ именемъ обер-форстмейстера. Управленію или Комитету ввѣрить сбереженіе лѣсовъ, выдѣлку изъ нихъ матеріаловъ, для потребностей поселеній, и храненіе и расходъ этихъ матеріаловъ. Работы производить нижними чинами.

Эти главныя основанія, развитыя подробно, составляютъ положеніе о Черкасскихъ лѣсахъ. Научная же сторона хозяйства вырисовывается вполнѣ слѣдующимъ правиломъ помѣщеннымъ въ § 73: «по свойству климата, время при-«спѣванія Черкасскихъ лѣсовъ полагается въ 75 лѣтъ, и «потому раздѣляются они на 75 лѣсосѣковъ (1)».

Въ учрежденіи новаго управленія Колывано-Воскресенскими горными заводами, относительно лѣсовъ, приписанныхъ къ заводамъ, помѣщены слѣдующія правила: — въ управленіи горнаго начальства состоятъ всѣ лѣса растущіе на земляхъ заводскаго, вѣдомства. Горныя конторы, для охраненія и управленія лѣсами, имѣютъ приставовъ и полѣсовщиковъ, выбираемыхъ изъ заводскихъ служителей. Лѣса къ заводамъ и рудникамъ отводить, соразмѣрно дѣйствію каждаго, и чтобы ихъ достало на всегдашнее дѣйствіе заводовъ. Всѣ лѣсосѣки раздѣлить на полосы, въ $^1/_2$ версты шириной, по направленію главнаго вѣтра и рубить чрезполосно, такъ чтобы каждое вырубленное пространство было окружено такой же величины площадями, покрытыми лѣсомъ. *Для сбереженія лѣсовъ отъ напольныхъ пожаровъ, каждую весну дѣлать въ лѣсахъ опалки* приписными крестьянами по наряду (2).

Въ 1830 году лѣса, приписанные къ казеннымъ горнымъ заводамъ хребта Уральскаго и, опредѣлительно предназначенные для дѣйствій заводовъ и для общаго судостроенія, предоставлены въ исключительное завѣдываніе горнаго на-

---

(1) П. С. З. 2 прод. I. 434 и 463.

(2) П. С. З. 2 прод. III. 1,960.

чальства, безъ участія губернскаго лѣснаго управленія. Приписанными лѣсами велѣно управлять, на основаніи изданныхъ узаконеній, подъ ближайшимъ распоряженіемъ и наставленіемъ министра финансовъ ([1]).

Такимъ образомъ, лѣса раздробились окончательно по разнымъ вѣдомствамъ и каждое изъ нихъ, для прочнаго устройства хозяйства и сохраненія своихъ лѣсныхъ запасовъ, старалось подчинить дачи своимъ исключительнымъ правиламъ.

Наконецъ 5 августа 1836 года осуществилось первое приложеніе идеи Министерства Государственныхъ Имуществъ: — бывшее въ С. Петербургѣ Отдѣленіе Государственныхъ Имуществъ преобразовано, въ видѣ опыта, въ С. Петербургскую Губернскую Контору Казенныхъ Имуществъ и новому учрежденію поручено завѣдывать лѣсами С. Петербургской губерніи, на основаніи постановленій, существовавшихъ въ Сводѣ Законовъ, для Казенныхъ Палатъ ([2]).

Это время мы принимаемъ началомъ новаго періода развитія администраціи и лѣсной науки и предѣломъ настоящаго труда.

При Императорѣ Николаѣ, продолжается разработка подробностей лѣснаго права, начатая Императоромъ Александромъ; наибольшее число постановленій Николая относится до рубки лѣсовъ, въ обширномъ смыслѣ, какъ важнѣйшей статьи лѣснаго хозяйства, требовавшей разъясненія и представлявшей неточности и поводы къ разнымъ злоупотребленіямъ. Въ этихъ видахъ, правительствомъ изданы слѣдующія постановленія.

Для прекращенія злоупотребленій, вкравшихся въ Олонецкой губерніи, 23 января 1829 года, повелѣно: ([3]) для лучшаго надзора за важнѣйшими казенными лѣсами губерніи, оставя пожарныхъ старостъ на прежнемъ основаніи, опредѣлить въ лѣсные сторожа 80 человѣкъ, изъ внутренней

([1]) П. С. З. 2 прод. V. 3,473.

([2]) П. С. З. 2 прод. XI. 9,461.

([3]) Указъ этотъ распубликованъ Сенатомъ 25 февраля.

стражи. Чтобы доставить лѣсничимъ возможность оканчивать свидѣтельство лѣсовъ до разлитія водъ, срокъ рубки вмѣсто 1 апрѣля ограниченъ 20 марта. Для большаго удобства свидѣтельства, промышленики обязаны, при спускѣ лѣса на воду, выбивать на каждомъ деревѣ свое частное клеймо. Если же, при свидѣтельствѣ въ запаняхъ, окажутся неклейменыя бревна, то заставлять хозяевъ клеймить ихъ и взыскивать за каждое неклейменое дерево въ штрафъ попенныя деньги. Правила эти распространены и на лѣса, вырубаемые въ помѣщичьихъ дачахъ.

Освидѣтельствовать всѣ помѣщичьи дачи, находящіяся въ 10 верстномъ отъ сплавныхъ рѣкъ разстояніи, въ губерніяхъ: Олонецкой, въ уѣздѣ Лодейнопольскомъ, Новгородской, въ уѣздѣ Тихвинскомъ и въ Новоладожскомъ уѣздѣ С. Петербургской губерніи, и выдачу сплавныхъ билетовъ на строевые лѣса и свидѣтельство въ земскихъ судахъ дозволять только тѣмъ изъ помѣщиковъ, у которыхъ въ лѣсныхъ дачахъ будутъ найдены строевыя деревья. На Шлиссельбургской лѣсной заставѣ, не задерживая лѣсовъ за неимѣніе сплавныхъ билетовъ, взыскивать въ штрафъ съ такихъ сплавовъ по 5 копѣекъ съ каждаго бревна, а за издѣлія, по 5 копѣекъ съ оцѣночнаго рубля ([1]).

Въ томъ же году, повелѣно лѣсъ для плотовъ въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ отпускать неиначе, какъ за попенныя деньги и снабжать плоты свидѣтельствами на сплавъ ([2]).

Распоряженіе это оказалось однако не вполнѣ удобнымъ; потому, что за деревья свыше 5 саженъ, которыя обыкновенно употреблялись на плоты и цѣнъ которымъ въ таксѣ 1810 года не было, брали пофутныя деньги, т. е. втрое противъ дѣйствительной ихъ стоимости. По этому въ 1831 году постановлено: — дозволить крестьянамъ вырубать на плоты деревья не болѣе 7 саженъ 4 вершковъ. За деревья отъ 3 до 5 саженъ и отъ 4 до 5 вершковъ взыскивать

(1) П. С. З. 2 прод. IV. 2,615.

(2) П. С. З. 2 прод. IV. 3,138.

попенныя, вполовину противъ таксы 1810 года, а за деревья длиннѣе 5 и до 7 саженъ, брать одну треть пофутныхъ. За деревья же болѣе 7 саженъ, для предупрежденія траты корабельнаго лѣса, взыскивать пофутныя и штрафныя деньги (1).

Министръ финансовъ, осмотрѣвъ въ 1830 году лѣса «въ отношеніи къ ихъ пространству, изобилію и ежегодному потребленію,» нашелъ, что нѣкоторыя изъ губерній западныхъ и преимущественно южныхъ, именно: Астраханская, Витебская, Владимірская, Воронежская, Екатеринославская, Кавказская область, Курская, Могилевская, Оренбургская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Слободско-Украинская, Смоленская, Таврическая и Херсонская порождаютъ опасеніе, въ скоромъ истребленіи въ нихъ лѣсовъ. А какъ въ отношеніи дохода, губерніи эти не представляли для казны особыхъ выгодъ, потому, что, по средней сложности за четыре года выручено въ нихъ всего 59,000 р., то и предполагалъ на первый разъ пріостановить въ нихъ продажу лѣса изъ казенныхъ дачъ на пять лѣтъ. Мнѣніе это утверждено Государемъ (2).

Въ 1832 году, по представленію Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора въ уваженіи, что въ Таврической губерніи мало помѣщичьихъ лѣсовъ и мѣстные жители нуждаются въ дровахъ и въ лѣсѣ для построекъ,— разрѣшено изъ дачъ Таврической губерніи производить продажу по смѣтамъ, преимущественно изъ валежника и перестойныхъ деревъ (3).

А въ 1835 году, изъ числа означенныхъ губерній дозволено продавать валежникъ, сухоподстой и дупловатыя деревья, остающіяся за удовлетвореніемъ казенныхъ надобностей и поселянъ въ губерніяхъ: Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Херсонской, Кавказской, Полтавской, Курской, Саратовской, Слободско-Украинской, Могилевской,

(1) П. С. З. 2 прод. VI. 4,413.
(2) П. С. З. 2 прод. V. 3,931.
(3) П. С. З. 2 прод. VII. 5,736.

Подольской, Псковской, Рязанской и Смоленской, а въ прочихъ губерніяхъ: Витебской, Владимірской и Оренбургской, какъ изобилующихъ лѣсомъ, разрѣшена продажа и сыраго лѣса, годнаго только на крестьянское строеніе, кромѣ Бузулукскаго Бора, Оренбургской губерніи, изъ котораго допущенъ отпускъ только валежника ([1]).

Олонецкій губернскій лѣсничій, при осмотрѣ лѣсовъ, находившихся въ его вѣдѣніи, замѣтилъ, что промышленники вырубаютъ часто болѣе дровъ и бревенъ, чѣмъ имъ позволено, и потомъ обращаются къ окружнымъ лѣсничимъ съ требованіями о выдачѣ билетовъ на заготовку лѣса, который ими уже вырубленъ. Казенная Палата, представляя объ этомъ объяснила, что срокъ рубки лѣса для Олонецкой губерніи опредѣленъ, но до которыхъ поръ можно выдавать билеты и къ какому числу должны быть сложены заготовленные лѣса, въ законѣ нѣтъ указанія. Общее присутствіе Департамента Государственныхъ Имуществъ разсмотрѣвъ вопросъ положило: выдачу билетовъ производить по 1 марта, складку заготовленныхъ матеріаловъ кончать къ 1 апрѣля, а книги билетовъ представлять на ревизію не далѣе, какъ съ перво-отходящей, послѣ 1 марта, почтой. — Такъ какъ подобная мѣра не могла быть безполезной и для другихъ губерній, особенно гдѣ производились значительные отпуски, то предположено дать знать и всѣмъ прочимъ Казеннымъ Палатамъ съ тѣмъ, чтобы выдачу билетовъ прекращать за 20 дней до назначеннаго въ каждой губерніи срока рубки. Мнѣніе Департамента утверждено Сенатомъ 8 февраля 1832 года ([2]). 30 октября 1833 года правила эти распространены и на лѣса Бѣлостокской области ([3]).

Въ случаѣ непредставленія къ опредѣленному сроку лѣснаго дохода и книгъ, 30 іюня 1832 года постановлено подвергать лѣсныхъ чиновниковъ штрафу, на основаніи

([1]) П. С. З. 2 прод. X. 8,379.

([2]) П. С. З. 2 прод. VII. 5,143.

([3]) П. С. З. 2 прод. VIII. 6,535.

указа 27 августа 1808 года, который хотя былъ изданъ не для лѣсныхъ чиновъ, но примѣнялся хорошо къ лѣсному дѣлу, т. е. за непредставленіе въ мѣсячный срокъ отчетовъ и книгъ удерживать за все время непредставленія половинное жалованье, а за неотданныя деньги взыскивать за каждую недѣлю по 1 копѣйкѣ съ рубля, со всей непредставленной суммы (1).

Двадцатымъ параграфомъ «Положенія о запасахъ, для пособія въ продовольствіи» постановлено: лѣсъ на постройку магазиновъ отпускать изъ дачъ казенныхъ поселянъ, а гдѣ такихъ лѣсовъ нѣтъ, то изъ казенныхъ, безъ взысканія попенныхъ денегъ (2).

Въ томъ же 1834 году дозволено владѣльцамъ общихъ дачъ, въ-случаѣ неимѣнія въ лѣсу сухоподстоя и валежника, пользоваться, изъ отводимыхъ участковъ, растущимъ лѣсомъ (3).

«Въ уваженіе особенныхъ повинностей,» лежащихъ на барщинныхъ крестьянахъ Бѣлостокской области, 18 марта 1830 года, велѣно отпускать имъ дрова за половинную противъ таксы цѣну (4).

Наконецъ въ 1835 году дозволено безлѣснымъ казеннымъ мызамъ и селеніямъ Лифляндской и Эстляндской губерній отпускать лѣсъ на ихъ домашнія нужды, изъ дачъ другихъ казенныхъ имѣній, съ тѣмъ, чтобы отпуски назначались предпочтительно изъ остатковъ въ годовыхъ лѣсосѣкахъ, отводимыхъ мѣстнымъ мызамъ и крестьянамъ, и изъ валежника (5).

Для предупрежденія недостатка въ липовыхъ лѣсахъ, въ губерніяхъ: Костромской, Вятской, Оренбургской, Пермской, Калужской и Тульской, предписано, въ 1831 году, Казеннымъ Палатамъ этихъ губерній — опредѣлять еже-

---

(1) П. С. З 2 прод. VII. 5,477.

(2) П. С. З. 2 прод. IX. 7,253.

(3) П. С. З. 2 прод. IX. 7,235.

(4) П. С. З. 2 прод. V. 3,532.

(5) П. С. З. 2 прод. X. 8,289.

годно, какое количество липы можно отпускать изъ дачъ и болѣе этого количества рубить не позволять. Назначать въ рубку преимущественно кустарникъ и деревья, происшедшія изъ отпрысковъ отъ пней. За деревья, годныя для гражданскихъ построекъ, т. е. не короче 3 саженъ и не тонѣе 4 вершковъ, брать цѣну по таксѣ 1810 года. За самовольную же порубку брать штрафъ и за деревья и за издѣлія (1).

На починку и устройство дорогъ требовалось по нѣкоторымъ губерніямъ такое количество лѣса, которое превышало нерѣдко назначенную къ отпуску годовую пропорцію. По этому министръ финансовъ, основываясь на изданныхъ ранѣе постановленіяхъ, просилъ Сенатъ строго подтвердить кому слѣдуетъ, чтобы въ мѣстахъ, гдѣ есть камень, гравій, крупный песокъ и т п. матеріалы, употреблять преимущественно ихъ на починки дорогъ, мостовъ и гатей Гдѣ же этихъ матеріаловъ нѣтъ, и невозможно обойтись безъ лѣса, составлять на отпуски смѣты, соображаясь съ состояніемъ лѣсовъ и замѣнять, по возможности, крупный лѣсъ фашинникомъ. Для отвращенія злоупотребленій лѣснымъ чиновникамъ и земскимъ полиціямъ наблюдать, чтобы лѣсъ отпускаемый на дороги не шелъ на другое употребленіе. Правила эти распубликованы 30 ноября 1831 года (2).

Въ правилахъ на продажу и отдачу въ кортому Башкирцами вотчинныхъ земель ихъ постановлено, что общество Башкирцевъ излишнія земли свои можетъ отдавать въ временное пользованіе. При этомъ наблюдать особенно, чтобы лѣса, находящіеся на отдаваемыхъ земляхъ, были ограждены отъ истребленія; для этого откупщики, входящіе въ кортому, обязаны раздѣлить лѣса не менѣе какъ на пятьдесятъ лѣсосѣкъ, съ оставленіемъ сѣменныхъ деревъ. При заключеніи условій велѣно опредѣлять подробно, какъ откупщикъ можетъ пользоваться угодьями и въ какомъ видѣ долженъ сдать лѣсъ (3).

---

(1) П. С. З. 2 прод. VI. 4,886.
(2) П. С. З. 2 прод. VI. 4,866.
(3) П. С. З. 2 прод. VIII. 6,334 § 17.

Съ самаго присоединенія Бессарабской области къ Россіи улучшеніе состоянія тамошнихъ свободныхъ земледѣльцевъ или царанъ обращало на себя особенное вниманіе правительства. Неопредѣлительность обязанностей и отношеній этихъ поселянъ къ владѣльцамъ земель, подавала нерѣдко поводъ къ обоюднымъ жалобамъ и разнымъ безпокойствамъ. Чтобы положить конецъ всему этому составлено положеніе о царанахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ владѣльцамъ земель. Пятымъ параграфомъ этого положенія постановлено, что въ условіяхъ на содержаніе земель слѣдуетъ включить особой статьей — владѣлецъ ли земли или живущіе на ней царане должны наблюдать за цѣлостью лѣса и учреждать надлежащую для этого стражу; могутъ ли царане брать въ лѣсу хворостъ и валежникъ и дѣлать порубки для собственнаго домашняго обихода (*).

Для поощренія и развитія хлѣбопашества правительство дозволяло расчистки лѣсовъ въ дачахъ нарѣзанныхъ селеніямъ. Казенные крестьяне воспользовались этимъ позволеніемъ совершенно иначе: они стали продавать лѣса лѣсопромышленикамъ и ни вырубленныхъ мѣстъ не расчищали, ни употребляли на это дѣло вырученныхъ денегъ такъ, что 19 января 1826 года, постановлено: если крестьянамъ понадобится земля для расчистокъ, то составить объ этомъ приговоръ и обозначить урочище предполагаемое къ расчисткѣ. Просьба и приговоръ разсматриваются въ Казенной Палатѣ въ присутствіи обер-форстмейстера и губернскаго землемѣра. Если расчистка дѣйствительно необходима, то при дозволеніи ея наблюдать, чтобы за расчисткой осталось у просителей подъ лучшими лѣсами не менѣе восьмой части всѣхъ ихъ земель, въ расчистку назначать мѣста смежныя съ полями и наконецъ, чтобы пространство дозволенное къ расчисткѣ не превышало единовременно одной десятины на каждую ревизскую душу во всѣхъ поляхъ вообще. Въ губерніяхъ малолѣсныхъ вовсе не дозволять расчистокъ, а

(*) П. С. З. 2 прод. IX. 6,739, § 5.

въ губерніяхъ лѣсистыхъ запретить расчистки строевыхъ лѣсовъ на 25 верстъ въ обѣ стороны отъ судоходныхъ рѣкъ. Правила эти не велѣно распространять на губерніи Архангельскую и Вологодскую ([1]).

По представленію генерал-губернатора Восточной Сибири дозволено тамошнимъ казеннымъ крестьянамъ расчищать свободно лѣса подъ пашни, какъ это разрѣшено крестьянамъ Архангельской губерніи въ 1820 году, т. е. съ правомъ пользованія расчисткой въ теченіи 40 лѣтъ ([2]). А въ 1832 году, 16 мая, право это распространено на всѣхъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской и Енисейской губерній ([3]).

Рубку и заготовку лѣсовъ въ казенныхъ дачахъ постановлено вообще производить въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано было для снабженія лѣсомъ полковъ на постройку или починку обозовъ, на дѣланіе ложъ и жженіе угля, а въ 1833 году 26 сентября, разрѣшенъ отпускъ лѣса въ лагерное время санернымъ батальонамъ для практическихъ занятій, даже и сверхъ годовыхъ пропорцій, со взысканіемъ попенныхъ денегъ и съ пріемомъ въ случаѣ перевода батальоновъ остающагося у нихъ лѣса въ вѣдѣніе лѣснаго начальства ([4]).

Гербовая бумага для билетовъ на рубку лѣса установлена 13 ноября 1820 года; 25 октября 1824 года велѣно взыскивать съ покупщиковъ лѣса по 50 копѣекъ гербовой пошлины съ листа. Билеты эти по окончаніи срочнаго времени рубки представлялись къ обер-форстмейстерамъ и потомъ отсылались въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ. Съ присоединеніемъ лѣсной части къ Казеннымъ Палатамъ, предписано, не представляя книгъ и билетовъ въ Департаментъ, отправлять ихъ въ губернскій контроль, Департаменту же давать знать только о послѣдствіяхъ ревизіи. Какимъ же образомъ уничтожать подобные билеты,

---

([1]) П. С. З. 2 прод. I. 73.

([2]) П. С. З. 2 прод. III. 2,283.

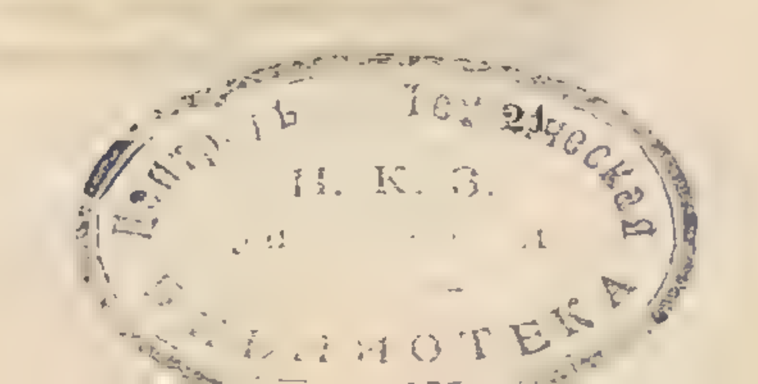
([3]) П. С. З. 2 прод. VII. 5,366.

([4]) П. С. З. 2 прод. VIII. 6,444.

правилъ не постановлено. По этому, для отвращенія подлога и употребленія билета съ поправкой года на другую рубку, изданы слѣдующія правила: лѣснымъ сторожамъ или объѣздчикамъ, предъявленные имъ билеты хранить до окончанія рубки у себя. Послѣ свидѣтельства чиновникъ на билетѣ дѣлаетъ крестообразно знакъ уничтоженія. Если рубщикъ потеряетъ билетъ, то ему дается другой, со взысканіемъ денегъ слѣдующихъ за бумагу, и на новомъ билетѣ пишется, что онъ выданъ въ замѣнъ потеряннаго. Обо всемъ этомъ дается знать Земскому Суду. Билеты и книги представляются лѣсными чиновниками на ревизію въ октябрѣ и по окончаніи ревизіи билеты уничтожаются, а для справокъ оставляются только книги (*).

Не смотря на постановленіе, чтобы сплавляемые и провозимые лѣса снабжались билетами, распоряженіе это исполнялось слабо. Обыкновенно зимой привозились разныя издѣлія къ пристанямъ, почти безъ всякихъ видовъ на счетъ правильности ихъ заготовки, весной грузились въ суда или сплачивались и сплавлялись въ низовые города. Кромѣ этого крестьяне, находя для себя выгодной мелочную продажу лѣса промышленникамъ, не пренебрегали тайными порубками и привозили лѣса для продажи почти всегда безъ видовъ или съ свидѣтельствами частныхъ лицъ, или Земскихъ Судовъ на простой бумагѣ. Наконецъ, самовольно вырубаемые въ казенныхъ дачахъ, лѣса сплавлялись подъ видомъ заготовленныхъ въ дачахъ помѣщичьихъ и такому сплаву способствовали старые билеты прошедшихъ годовъ, оставшіеся у промышленниковъ всегдашними. Чтобы кончить всѣ эти злоупотребленія, постановлено: установленные гербовые билеты на сплавъ лѣсовъ и лѣсныхъ издѣлій выдавать съ тѣмъ, что если означенные въ билетѣ матеріалы не будутъ распроданы въ одно лѣто, то по окончаніи навигаціи лѣсопромышленникъ обязанъ представить билетъ мѣстному лѣсному чиновнику, или городской, или земской полиціи, которые и дѣлаютъ на билетѣ надпись о

(*) П. С. З. 2 прод. V. 4,095.

количествѣ оставшагося лѣса. Всякую продажу на пути лѣсныхъ матеріаловъ должно обозначить подробно на билетѣ и скрѣпить подписью продавца и покупателя. Если у лѣсопромышленника окажутся билеты прежней навигаціи, безъ надписи чиновниковъ, или вовсе билетовъ не будетъ, то о мѣстѣ и порядкѣ заготовки лѣсныхъ матеріаловъ произвести слѣдствіе и дѣла подобнаго рода кончать не въ очередь съ другими (1).

По окончаніи въ 1830 году осьми-лѣтняго срока дѣйствія частныхъ лѣсопильныхъ заводовъ Олонецкой губерніи, 6 ноября 1830 года, постановлено, — продолжить дѣйствіе заводовъ еще на четыре года.

Тѣмъ изъ нихъ, которые устроены въ Олонецкомъ уѣздѣ и дѣйствуютъ не менѣе какъ четырьмя рамами, по случаю значительнаго истощенія лѣсовъ, пилить только половиннымъ числомъ рамъ.

Для распиловки заготовлять деревья 6 вершковъ на 3 саж. и толще, за деревья тонѣе 6 вершковъ взыскивать штрафъ какъ за самовольную порубку.

Контракты заключать по прежнему въ мартѣ и не позже апрѣля, а для отвращенія тайной пилки условіе дѣлать на 10 мѣсяцевъ и за тѣмъ предоставить заводчикамъ дѣйствовать цѣлый годъ.

Въ предупрежденіе, чтобы лѣса вырубаемые за паромныя деньги не могли быть сплавляемы въ Петербургъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Свирь и Оять, устроить на Свири, въ селеніи Сермаксѣ лѣсную заставу.

Распиливаемыя доски отпускать за границу безпрепятственно.

Взысканіе за лѣсъ денегъ производить по прежнему по рамамъ, но съ слѣдующимъ возвышеніемъ: съ заводовъ перваго отдѣленія по 600 руб., втораго 500 и третьяго 350 рублей съ каждой дѣйствующей рамы въ мѣсяцъ (2).

---

(1) П. С. З. 2 прод. XI. 9,576.

(2) П. С. З. 2 прод. V. 4,072.

По окончаніи и этихъ контрактовъ въ 1834 году дозволено продолжать срокъ дѣйствія заводовъ еще на четыре года, т. е. по 1839 годъ, на прежнихъ условіяхъ, но съ слѣдующимъ измѣненіемъ въ срокахъ контрактовъ. Для облегченія заводчиковъ въ оборотахъ капиталовъ, дозволено заключать контракты на годъ или на полгода и въ первомъ случаѣ платить порамныя за десять мѣсяцевъ, а во второмъ—за пять. Такъ какъ, положеніемъ 6 ноября 1830 года, заводамъ Олонецкаго уѣзда, дѣйствовавшимъ четырьмя рамами, дозволено пилить только половиннымъ числомъ, то новыми правилами разрѣшено тѣмъ, кто заключатъ условіе на полгода дѣйствовать вмѣсто половиннаго полнымъ числомъ рамъ, но за тѣмъ не возобновлять контракта на другую половину того же года [1].

Чтобы положить конецъ самовольнымъ порубкамъ корабельныхъ лѣсовъ, въ 1827 году, повелѣно: самовольныхъ рубщиковъ, которые при поимкѣ ихъ будутъ сопротивляться лѣсной стражѣ вооруженною рукою, судить военнымъ судомъ, на томъ основаніи какъ повелѣно о бунтующихъ крестьянахъ и корчемникахъ. Дѣла о порубкахъ разсматривать въ судебныхъ мѣстахъ немедленно, и если со времени опредѣленія штрафа осужденный не внесетъ его въ теченіи двухъ недѣль, то отдавать такого въ солдаты, когда же онъ къ военной службѣ не годенъ, то ссылать на поселеніе [2].

23 ноября 1829 года, постановлено крестьянъ губерній богатыхъ лѣсомъ: Архангельской, Вологодской, Пермской, Олонецкой и Вятской не подвергать ни какому взысканію за перерубку лѣсовъ, отпускаемыхъ имъ на домашнее употребленіе, если вырубленныя деревья будутъ не длиннѣе 4 сажень и не толще 8 вершковъ. За излишнюю же вырубку деревъ противъ дозволенія и выше показанныхъ размѣровъ подвергать только законному штрафованію [3].

---

(1) П. С. З. 2 прод. 7,188.
(2) П. С. З. 2 прод. II. 1,304.
(3) П. С. З. 2 прод. IV. 3,293.

Въ городахъ Остзейскихъ губерній производилась продажа лѣса самовольно вырубленнаго изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ. Чтобы прекратить зло была приведена въ исполненіе на одинъ годъ мѣра, предложенная Рижскимъ военнымъ губернаторомъ маркизомъ Паулуччи—учредить въ городахъ особый надзоръ и доносителямъ и поимщикамъ выдавать награду. Мѣра эта оказалась дѣйствительной, одобрена также бывшимъ впослѣдствіи военнымъ губернаторомъ барономъ Паленомъ и въ Остзейскихъ губерніяхъ введены въ 1835 году слѣдующія правила.

Всѣмъ крестьянамъ запрещено продавать лѣсъ въ городахъ безъ письменнаго вида отъ лѣснаго чиновника или владѣльца, или управляющаго имѣніемъ.

Привезенный лѣсъ дозволено продавать только на рынкахъ, а не на городскихъ улицахъ.

Крестьянинъ, продающій лѣсъ безъ вида, представляется немедленно въ полицію, и за лѣсъ изъ частныхъ дачъ цѣной, не превышающій 20 рублей, подвергается немедленно полицейскому исправленію, а за порубку свыше 20 рублей отсылается къ суду. За порубку казеннаго лѣса виновный подвергается наказанію на основаніи существующихъ постановленій (*).

Относительно порубщиковъ въ общихъ съ казной дачахъ, вовлекаемыхъ въ преступленіе необходимостью и невниманіемъ къ ихъ просьбамъ, повелѣно: самовольныхъ порубщиковъ въ лѣсахъ общаго владѣнія казны, помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ не освобождать отъ наказанія по одному только уваженію, что порубка сдѣлана ими по необходимости, вслѣдствіе неотпуска лѣса лѣснымъ управленіемъ.

Лица, которыя имѣютъ право на отпускъ, должны подать просьбы мѣстному лѣсничему въ августѣ мѣсяцѣ.

Если разрѣшеніе не послѣдуетъ въ теченіе одного мѣсяца, или хотя и послѣдуетъ, но неудовлетворяющее законной просьбѣ, то предоставляется жаловаться Казенной

(*) П. С. З. 2 прод. X. 8,537.

Палатѣ, если Палата замедлитъ болѣе мѣсяца, то обращаться съ просьбой къ начальнику губерніи.

Сроки эти постановлены для того, чтобы сельскіе жители имѣли возможность получить окончательное разрѣшеніе не позже октября.

Если по истеченіи двухъ-мѣсячнаго срока крестьяне вырубятъ не болѣе просимаго количества, то порубка эта не признается самовольной, а подвергается штрафу чиновникъ, замедлившій выдачу дозволенія. Въ случаѣ же вырубки сверхъ опредѣленной потребности или не на домашнее употребленіе, рубщики наказываются какъ за самовольство [1].

Для полноты лѣсныхъ постановленій, 23 декабря 1835 года, повелѣно: съ лѣсныхъ надзирателей въ случаѣ порубки, произведенной неизвѣстно кѣмъ, для вознагражденія убытковъ казны и наказанія надзирателей за слабое смотрѣніе, взыскивать за похищенный лѣсъ полныя попенныя деньги, если же лѣсъ оставленъ на мѣстѣ порубки, то брать половину. Въ случаѣ несостоятельности надзирателя обращать взысканіе на избравшее его общество, а самаго надзирателя, если пожелаетъ общество, подвергать взысканіямъ опредѣленнымъ закономъ для несостоятельныхъ казенныхъ должниковъ [2].

Въ концѣ 1835 года начальство Пермскихъ казенныхъ мѣдиплавильныхъ заводовъ для пресѣченія самовольныхъ порубокъ въ заводскихъ лѣсахъ, равно и для прекращенія провоза похищеннаго тамъ лѣса въ городъ Пермь, устроило въ своемъ округѣ лѣсныя заставы на всѣхъ главныхъ пунктахъ, чрезъ которые провозился лѣсъ въ городъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлять имѣютъ ли крестьяне везущіе дрова дозволеніе на заготовку ихъ, если же дозволенія нѣтъ, то оставлять лѣсъ на заставахъ.

Министръ финансовъ, узнавъ объ этомъ, счелъ нужнымъ предписать на первый разъ начальству Пермскихъ заводовъ

---

(1) П. С. З. 2 прод. X. 8,568.

(2) П. С. З. 2 прод. X. 8,708.

принять мѣры, чтобы лѣсная стража отнюдь не задерживала такихъ дровъ, относительно которыхъ нѣтъ точнаго удостовѣренія, что они вырублены изъ заводскихъ дачъ, а впослѣдствіи допустилъ и другія облегченія, чтобы городъ Пермь, а особливо казенныя мѣста не нуждались въ топливѣ.

Между тѣмъ, считая необходимымъ съ одной стороны прекратить самовольныя порубки въ лѣсахъ Пермскихъ заводовъ, а съ другой обезпечить городъ Пермь въ продовольствіи лѣсомъ, министръ финансовъ составилъ по этому предмету свое предположеніе, и Государь, 11 сентября 1836 года, повелѣлъ оставить заставы учрежденныя въ округѣ Пермскихъ заводовъ. Городу Перми предоставить довольствоваться лѣсомъ изъ отведенной къ нему дѣлянки и приплавомъ по Камѣ. Въ случаѣ надобности, давать изъ Главной Конторы Пермскихъ заводовъ билеты на вырубку изъ заводскихъ дачъ лѣса за попенныя деньги для всѣхъ казенныхъ мѣстъ и заведеній и частныхъ лицъ. Доставку лѣса въ городъ производить по запискамъ тѣхъ лицъ, которымъ выданы билеты и безъ записокъ лѣсъ не пропускать. Мѣры эти привести въ исполненіе съ осени 1837 г. въ видѣ опыта на три года (*).

Въ 1827 году, Владимірской губерніи Меленковскаго уѣзда, въ казенномъ Рожновомъ Бору, крестьяне пойманные лѣсничимъ въ самовольной порубкѣ нанесли ему обиду. По этому Владимірскому и Тамбовскому губернаторамъ предписано, принять мѣры къ прекращенію самовольныхъ въѣздовъ въ Рожновъ Боръ. Владимірскій губернаторъ для большаго успѣха дѣла полагалъ необходимымъ, кромѣ отобранія отъ крестьянъ подписокъ, что они прекратятъ своевольства, обязать жителей всѣхъ селеній, окружающихъ Боръ на 10 верстное разстояніе, брать при покупкѣ лѣса, въ мѣстахъ свободной его продажи, письменныя свидѣтельства съ обозначеніемъ времени покупки, количества и ка-

---

(*) П. С. З. 2 прод. XI. 9,514.

чества купленнаго лѣса. Предположеніе это утверждено Сенатомъ 15 декабря 1830 года ([1]).

При рѣшеніи дѣлъ о порубкахъ казенными крестьянами въ дачахъ неразмежеванныхъ между ими и помѣщиками, штрафы на основаніи прежнихъ постановленій назначались нѣкоторыми судами вдвое, а другими вдесятеро. По этому, 17 декабря 1825 года, велѣно за подобныя порубки взыскивать штрафъ вдвое противъ попенныхъ ([2]). 8 февраля 1826 года не велѣно взыскивать попенныя съ казенныхъ крестьянъ, которые сдѣлаютъ порубку въ нераздѣльныхъ съ казной дачахъ и употребятъ лѣсъ на домашнія надобности.

Относительно приведенія въ исполненіе приговоровъ постановлено: приговоры Уѣздныхъ Судовъ исполнять въ томъ случаѣ, когда взысканіе падающее на лицо не превышаетъ 20 рублей. Если же взысканіе больше или присуждается къ наказанію цѣлое селеніе, то получивъ согласіе оберфорстмейстера, судъ объявляетъ рѣшеніе подсудимымъ и приводитъ его въ исполненіе, если въ теченіи двухъ недѣль не будетъ подана апелляція. Когда же обер-форстмейстеръ не согласенъ съ рѣшеніемъ Суда или протестуютъ осужденные, то дѣло вносится на ревизію въ Уголовную Палату.

Въ указѣ этомъ повторились постановленія Александра и на дѣла о лѣсныхъ порубкахъ распространены правила 1802, 1803 и 1813 годовъ, относительно рѣшеній Уголовныхъ Палатъ ([3]).

Право данное лѣснымъ чинамъ производить слѣдствія по дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ продолжалось недолго. 29 мая 1827 года состоялось въ Государственномъ Совѣтѣ слѣдующее мнѣніе: «Въ Общемъ Собраніи Государственнаго «Совѣта большинство членовъ, по надлежащемъ предмета «сего уваженіи, признали, что всякаго рода слѣдствіе при-«надлежитъ по закону полиціи, и устранять ее отъ того

([1]) П. С. З. 2 прод. V. 4,193.
([2]) П. С. З. 2 прод. I. 3.
([3]) П. С. З. 2 прод. I. 130.

«подъ какимъ нибудь предлогомъ не должно, для того, «чтобы не попустить большихъ злоупотребленій, да и пред-«полагать нельзя, чтобы весь Земскій Судъ отъ 4 до 6 при-«сутствующихъ обыкновенно состоящій, къ коимъ во мно-«гихъ губерніяхъ прибавлены въ послѣдствіи еще засѣда-«тели, былъ въ раскомандировкѣ до такой степени, что по «одной лѣсной части не можетъ выслать члена на слѣд-«ствіе. Съ удаленіемъ Земской Полиціи можетъ случиться «стачка у лѣсныхъ чиновниковъ, и тогда всякая противо-«законная порубка лѣсовъ прикроется или 20 рублевою «цѣною или пожаромъ, чему и повѣрки сдѣлать нельзя бу-«детъ, когда лѣсной чиновникъ — охранитель лѣсовъ, дол-«женствующій преслѣдовать зло, самъ будетъ изслѣдовать «оное. Равно отъ него зависѣть будетъ и увеличить само-«вольную порубку по своему произволу, въ отягощеніе «крестьянъ». По этому постановленіе 1814 года отмѣнено и слѣдствія о порубкахъ и пожарахъ возложено на Земскую Полицію (1). Лѣснымъ же чиновникамъ съ головами предоставлено право исчислять только убытки казны.

Право это не распространено на лѣса Курляндской губерніи (2).

При взысканіи штрафовъ за порубки въ Лифляндіи и Эстляндіи встрѣтилось большое неудобство. Тамошніе крестьяне, разселенные рѣдко, не могли быть подвергаемы штрафу цѣлыми обществами за несостоятельность порубщика, потому что не имѣли рѣшительно никакой возможности слѣдить за поступками другъ друга. При исполненіи такого закона, какъ писало Лифляндское Губернское Правленіе, хозяева изъ опасенія напраснаго штрафа за чужую вину оставятъ свои дома. Вопросъ по важности своей не могъ остаться безъ строгаго разсмотрѣнія. По этому разсмотрѣнный мѣстными Казенными Палатами, генералъ-губернаторомъ, министромъ финансовъ и Государственнымъ Совѣтомъ, вопросъ разрѣшился слѣдующимъ Высочайшимъ повелѣ-

---

(1) П. С. З. 2 прод. II. 995.

(2) П. С. З. 2 прод. III. 2,043.

піемъ: несостоятельнаго рубщика отсылать въ казенныя работы. За неумышленный поджегъ лѣса въ первый разъ хозяина лишать дома и обращать въ простые работники, а работника наказывать тѣлесно, сверхъ того отсылать ихъ въ теченіи пяти лѣтъ на работы по двѣ недѣли весной и осенью. За второй пожегъ наказать тѣлесно и отдать въ рекруты за общество, а въ случаѣ негодности отослать на поселеніе. Крестьянокъ за пожегъ въ первый разъ наказывать тѣлесно, а во второй, сверхъ тѣлеснаго наказанія отсылать на поселеніе. Малолѣтокъ виновныхъ въ пожегѣ, по неимѣнію въ Лифляндіи и Эстляндіи совѣстныхъ судовъ, отсылать въ обыкновенныя судебныя мѣста [1].

Относительно взысканій за самовольныя порубки маломѣрныхъ дубовъ и прочихъ крѣпкихъ и мягкихъ породъ, въ іюлѣ 1832 и октябрѣ 1835 года велѣно — штрафы брать противъ полнаго дерева длиной 3 сажени и толщиной 4 вершка по возвышенной цѣнѣ, гдѣ онѣ возвышены, а въ прочихъ губерніяхъ по таксѣ 1810 года [2]; а взысканія за перерубку несогласныя съ билетомъ налагать на тѣхъ кому билетъ выданъ, а не на заготовщиковъ лѣса [3].

Относительно взысканій за порубки въ дачахъ общаго владѣнія казны съ частными лицами въ 1833 году постановлено, по дачамъ, которыя хотя не размежеваны, однако извѣстно сколько кому принадлежитъ десятинъ, попенныя и штрафныя деньги, взысканныя съ порубщиковъ, дѣлить между владѣльцами по расчету площади владѣнія, если же части не приведены въ извѣстность, то взысканныя деньги отсылать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, и дѣлить ихъ такимъ же порядкомъ по окончаніи размежеванія [4].

Въ 1834 году велѣно принимать за самовольную порубку, если на постройку судна вырубится лѣса болѣе даннаго позволенія, безъ объявленія о томъ лѣсному начальству.

---

(1) П. С. З. 2 прод. VII. 5,492.

(2) П. С. З. 2 прод. VII и X. 5,504 и 8,499.

(3) П. С. З. 2 прод. VII. 5,593.

(4) П. С. З. 2 прод. VIII. 6,458.

Законъ этотъ произошелъ такимъ образомъ: кореннымъ правиломъ было, желающимъ строить суда выдавать билеты по примѣрнымъ смѣтамъ, а въ 1807 году Лѣсной Департаментъ разрѣшилъ непрепятствовать судохозяевамъ строить суда и нѣсколько болѣе противъ поданнаго объявленія, и въ такомъ случаѣ, если бы число деревъ показанное въ смѣтѣ оказалось недостаточнымъ, позволять вырубить недостающее число. Соображая эти постановленія, Сенатъ рѣшилъ, что «позволять вырубать недостающее число», нужно понимать неиначе какъ рубкой, на которую испрошено предварительно дозволеніе лѣснаго начальства и 18 іюня издалъ объясненное выше постановленіе (¹).

Въ 1834 году было препровождено на заключеніе министра финансовъ дѣло о взысканіи съ одного крестьянина Владимірской губерніи 723 р. 60 коп. за выкопаніе осмола на 33½ сажени болѣе чѣмъ нужно для дозволенной крестьянину высидки 400 ведеръ. Министръ финансовъ, имѣя въ виду что крестьянинъ *не могъ угадать сколько осмола нужно ему для дозволеннаго количества ведеръ*, полагалъ, что обвинить его нѣтъ законнаго повода. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и Сенатъ и 4 іюня 1835 года дано знать всѣмъ Казеннымъ Палатамъ и Губернскимъ Правленіямъ, чтобы не признавать самовольной порубкой, когда при выдачѣ билета на извѣстное количество смолы въ ведрахъ, будетъ выкопано осмола болѣе чѣмъ нужно для полученія дозволеннаго количества смолы (²).

Относительно охраненія лѣсовъ и лѣсной стражи правительство издало слѣдующія постановленія. Въ 1831 году согласно распредѣленію Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства постановлено, солдатъ внутренней стражи, неспособныхъ по болѣзни къ военной службѣ, распредѣлять въ разныя служительскія должности. Между прочимъ *не большое сведеніе* рукъ или *ногъ*, *выхожденіе заднепроходной кишки*, недержаніе мочи и *недостатокъ на ногахъ нѣкото-*

(¹) П. С. З. 2 прод. IX. 7,194.

(²) П. С. З. 2 прод. X. 8,290.

рыхъ пальцевъ, немѣшающихъ ходить, непоставлены препятствіемъ къ опредѣленію, одержимыхъ этими болѣзнями, солдатъ въ лѣсную стражу (1).

Для сбереженія лиственничныхъ насажденій, въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, сильно страдавшихъ отъ порубокъ, по представленію морскаго министра предположено, опредѣлить туда особаго чиновника и дать ему адмиралтейскихъ служителей изъ Низоваго Округа и объѣздчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручить этому чиновнику произвести посѣвъ лиственницы и дуба на опустошенныхъ полянахъ въ корабельныхъ рощахъ, Вятской губерніи Слободскаго уѣзда (2).

При довольно трудной должности лѣсной стражи, ограниченномъ ея содержаніи и по неудобству комплектовать ее вольнымъ наймомъ, 4 октября 1832 года, постановлено, допустить требованіе людей изъ военнаго вѣдомства, «если «впрочемъ министерство финансовъ не найдетъ возможности «безъ сего обойтись (3)».

Всѣ эти мѣры были переходныя, подготовительныя, и относительно избранія лучшаго способа охраненія лѣсовъ, нужно было ожидать общаго, однообразнаго порядка для всѣхъ лѣсныхъ дачъ. Въ 1830 году Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ составилъ проэктъ штата особой лѣсной стражи изъ воинскихъ командъ; проэктъ этотъ переданъ для соображеній министру финансовъ и потомъ поступилъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ. До 1832 года проэктъ этотъ не былъ обсуженъ, между тѣмъ, 28 декабря того же года, утверждено положеніе о постоянной лѣсной стражѣ по вѣдомству Министерства Финансовъ.

Первая идея подобной стражи принадлежитъ Императору Александру, но при немъ она ограничилась нѣкоторыми корабельными рощами и дачами Херсонской губерніи.

---

(1) П. С. З. 2 прод. VI. 4,283, п. 2 и 3.
(2) П. С. З. 2 прод. VII. 5,203.
(3) П. С. З. 2 прод. VII. 5,644, п. 13.

По проэкту графа Канкрина поселенная стража устроивалась на слѣдующихъ основаніяхъ.

Близъ казенныхъ лѣсовъ, внѣ деревень, водворяются особыми дворами семейные казенные крестьяне, или семейные отставные военные чины. Въ каждомъ семействѣ лѣсной стражи полагается: хозяинъ, служащій пѣшій стрѣлокъ и его помощникъ; прочіе члены семейства мужскаго пола остаются подъ названіемъ запасныхъ стрѣлковъ, неспособныхъ и малолѣтковъ.

Охраненіе лѣса производится служащими стрѣлками и ихъ помощниками, а въ случаѣ необходимости запасными стрѣлками, хозяевами и малолѣтками.

Сверхъ этихъ лицъ въ составъ лѣсной стражи входятъ объѣздчики, назначаемые для надзора за поселенной стражей. Объѣздчики назначаются изъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ отличнаго поведенія и по собственному ихъ желанію.

Срокъ службы объѣздчиковъ и стрѣлковъ полается 20 лѣтній.

Лѣсные стражи освобождаются отъ платежа государственныхъ податей, земскихъ и рекрутскихъ повинностей и отъ военнаго постоя.

Въ первый разъ постоянную стражу предположено учредить для опыта въ губерніяхъ: С. Петербургской, Московской, Воронежской и Екатеринославской ([1]), а въ 1835 году, по ходатайству Кіевской Казенной Палаты о крайней необходимости усиленія надзора за тремя казенными дачами, предположено водворить въ нихъ 46 семействъ стражи и 8 объѣздчиковъ ([2]).

Для охраненія лѣсовъ однодворцевъ и граждан западныхъ губерній, положеніемъ 22 января 1834 года о распорядкѣ воинской повинности, внутренняго полицейскаго и хозяйственнаго управленія этихъ селеній постановлено, что если обществу принадлежатъ лѣса, то для охраненія ихъ

([1]) П. С. З. 2 прод. VII. 5,869.

([2]) П. С. З. 2 прод. X. 8,723.

избирается общественнымъ сходомъ потребное число полѣсовщиковъ подчиненныхъ старшинѣ (1).

Въ 1835 году велѣно распространить на лѣсную стражу 377 ст. Прод. Св. Уст. о пасп. и бѣгл. относительно выдачи въ награду по 10 рублей за поимку каждаго бѣглаго и повелѣніе 15 января того же года о награжденіи за поимку малолѣтнихъ бродягъ (2).

Служилые татары и ясашные крестьяне Саратовской губерніи, Хвалынскаго, Кузнецкаго и Петровскаго уѣздовъ, приписанные въ лашмана въ числѣ 15,866 душъ, исключены въ 1827 году изъ этого званія по отдаленности жительства ихъ отъ мѣстъ заготовки корабельныхъ лѣсовъ, и причислены къ казеннымъ поселянамъ (3). По вновь же составленному въ 1831 году рекрутскому уставу, лашмана освобождены отъ поставки рекрутъ и въ замѣнъ этого обязаны поставлять плотниковъ, показателей и непремѣнныхъ сторожей къ корабельнымъ рощамъ (4).

Въ проэктѣ, 17 января 1806 года, о мореходныхъ судахъ положено — пошлину съ судовъ брать согласно сдѣланному расчисленію Коммерцъ-Коллегіей, противъ попенныхъ слѣдующихъ за этотъ лѣсъ менѣе на одну треть. Такимъ постановленіемъ правительство имѣло въ виду поощрить постройку мореходныхъ судовъ. Въ видахъ развитія постройки судовъ преимущественно большихъ размѣровъ, суда въ 80 до 110 футовъ обложены одинаковой пошлиной.

Въ 1828 году Архангельскій обер-форстмейстеръ допустилъ купца Бранта выстроить четыре судна изъ лѣсовъ приплавленныхъ имъ изъ Вологодской губерніи, но какъ суда предполагались палубныя и съ килями, за которыя по смѣтѣ на постройку приходилось пофутныхъ болѣе чѣмъ попенныхъ, то обер-форстмейстеръ, представивъ это обстоятельство на разсмотрѣніе Департамента, просилъ разрѣшенія,

(1) П. С. З. 2 прод. IX. 6,734, §§ 21 и 22.

(2) П. С. З. 2 прод. X. 8,648.

(3) П. С. З. 2 прод. II. 1,495.

(4) П. С. З. 2 прод. VI. 4,677, п. 6.

какъ поступить ему въ этомъ и подобныхъ случаяхъ. Департаментъ спросилъ оберъ-форстмейстера на чемъ основываетъ онъ свой расчетъ, и тотъ донесъ, что съ судовъ Бранта и вообще такъ называемыхъ мореходныхъ промысловыхъ, которыя дѣлаются болѣе легкой конструкціи, чѣмъ мореходныя торговыя, пофутная пошлина составляетъ болѣе попенныхъ денегъ. Съ судовъ же отъ 80 — 110 и болѣе футовъ, такъ называемыхъ кораблей, пофутныхъ причитается менѣе чѣмъ попенныхъ. Такимъ образомъ на судно въ 61 футъ по килю требуется сосновыхъ и еловыхъ бревенъ 500, попенныя составляютъ 190 р. 37 коп., а пофутныхъ берется съ судна 427 р., для судна въ 67 футовъ нужно лѣсу на 370 р. 20 коп., а пофутныхъ берется 938 р., для судна въ 75 фут. попенныя за лѣсъ составляютъ 221 р. 87 коп., а пофутныя 525 р., всего за четыре судна, которыя хотѣлъ строить Брантъ, попенныхъ слѣдовало 782 р. 44 коп., а пофутныхъ 1890 р., болѣе противъ попенныхъ на 1,107 р. 56 коп. Послѣ этого оберъ-форстмейстеръ представилъ еще донесеніе, что Брантъ хочетъ строить судно морское, за которое попенныхъ слѣдуетъ 610 р. 20 коп., а пофутныхъ 490 руб. Департаментъ, разсмотрѣвъ всѣ эти обстоятельства, постановилъ при постройкѣ судовъ изъ лѣсу, купленнаго за попенныя деньги, не требовать ни какой доплаты противъ пофутныхъ, и если купцы найдутъ болѣе выгоднымъ строить суда за попенныя деньги, то не препятствовать этому (*).

По распоряженію Министерства Финансовъ, 16 іюля 1828 года, дозволено отпускать изъ казенныхъ дачъ частнымъ лицамъ лѣсъ для построекъ, какъ военныхъ кораблей для иностранцевъ, такъ и мореходныхъ купеческихъ судовъ, со взысканіемъ пофутныхъ или попенныхъ денегъ. Для рубки разрѣшены только еловые и сосновые лѣса, растущіе въ дальнемъ разстояніи отъ рѣкъ въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской, гдѣ не дѣлается заготовокъ для Архангельскаго порта или Ширшемскихъ заводовъ. Государствен-

(*) П. С. З. 2 прод. III. 2,068.

ный Совѣтъ, разсмотрѣвъ дозволеніе данное частнымъ лицамъ, нашелъ, что право это не можетъ ни истребить корабельныхъ лѣсовъ, ни разстроить наши верфи и увеличить иностранные флоты, а напротивъ запрещеніе рубки поведетъ къ упадку торговли, не принесетъ пользы лѣсамъ, потому что приспѣвшія деревья будутъ гнить на корнѣ и наконецъ отниметъ занятіе отъ нѣсколькихъ тысячъ рукъ. По этому право данное частнымъ лицамъ строить въ Россіи военные корабли по заказу иностранцевъ, продолжить впредь до представленія министромъ финансовъ соображеній, относительно лѣсовъ Олонецкой губерніи (1).

Въ 1830 году изданы дополнительныя правила о торговомъ судостроеніи и мореходствѣ, которыми постановлено, что желающій строить суда изъ казеннаго лѣса, избираетъ заблаговременно лѣсной участокъ и подаетъ объ отпускѣ лѣса просьбу въ Казенную Палату. Разрѣшать къ вырубкѣ дозволено всякій лѣсъ, кромѣ дубоваго, лиственничнаго корабельнаго лѣса и большемѣрныхъ сосенъ. По окончаніи постройки съ судна берется пофутная пошлина, которая для поощренія постройки мореходныхъ судовъ съ 1 сентября 1830 года впредь на 10 лѣтъ постановлена ниже существовавшей, именно: съ судовъ до 40 футовъ по килю по 3 руб. съ фута, отъ 40 до 80 — по 5 руб. и отъ 80 до 110 и болѣе по 10 руб. съ каждаго фута (2).

Въ 1836 году дозволено Архангельскому купечеству на починку и постройку мореходныхъ судовъ отпускать ежегодно изъ казенныхъ дачъ по тысячѣ большемѣрныхъ деревъ, но съ тѣмъ, чтобы деревья годныя для флота и удобныя къ доставкѣ въ военные порты не были продаваемы въ частныя руки. Для большаго удостовѣренія въ соблюденіи этого правила, постановлено, деревья доставленныя въ Архангельскъ осматривать чрезъ корабельныхъ инженеровъ или чиновниковъ Правленія Сѣвернаго Округа (3).

---

(1) П. С. З. 2 прод. IV. 2,922.

(2) П. С. З. 2 прод. V. 3,485.

(3) П. С. З. 2 прод. XI. 9,733.

Въ 1826 году разрѣшена продажа казенныхъ лѣсовъ для заграничнаго отпуска изъ тѣхъ дачъ, гдѣ за удовлетвореніемъ мѣстныхъ надобностей есть избытки, особенно въ корабельномъ лѣсѣ. Ограничивая по возможности отпускъ лѣсовъ за границу, велѣно продавать преимущественно деревья, достигшія періодическаго возраста также и поваленныя вѣтромъ. За всѣми принятыми мѣрами распоряженіе это не имѣло желаемаго успѣха и торговля не развилась; а когда впослѣдствіи Морское Министерство начало изыскивать средства къ заготовкѣ въ западныхъ губерніяхъ мачтовыхъ лѣсовъ, то министръ финансовъ предписалъ Казеннымъ Палатамъ: Виленской, Подольской, Минской, Кіевской, Могилевской, Гродненской и Бѣлостокскому Областному Правленію прекратить отпускъ лѣса за границу. Волынской же Палатѣ, которая изъ предположенныхъ къ отпуску лѣсовъ продала только на 1,112 р. 31 коп., предположено на оставшійся лѣсъ сдѣлать торги — желающихъ однако не явилось. По этому министръ финансовъ, имѣя въ виду, что для осмотра корабельныхъ лѣсовъ западныхъ губерній посланы чиновники морскаго вѣдомства, а заграничная торговля лѣсомъ идетъ плохо, предположилъ прекратить до времени продажу лѣса за границу. Предположеніе это утверждено Государемъ 3 марта 1831 года (1).

Бракъ лѣснаго товара установленный при Екатеринѣ II и для котораго Коммерцъ-Коллегіей были изданы въ 1797 году инструкціи, найденъ наконецъ не только безполезнымъ, но даже стѣснительнымъ для торговли, а иностранные купцы въ 1833 году единогласно объявили, что лѣсной товаръ продается въ Петербургѣ выше достоинствомъ, чѣмъ опредѣлено инструкціей. По этому бракъ лѣснаго товара при С. Петербургскомъ портѣ отмѣненъ, и согласно желанію русскихъ купцовъ отмѣна сдѣлана для опыта на два года (2).

---

(1) П. С. З. 2 прод. VI. 4,401.

(2) П. С. З. VIII. 6,243.

По окончаніи двухгодичнаго срока, купцы объявили, что въ теченіи двухъ лѣтъ торгующіе не встрѣчали ни какихъ неудобствъ и затрудненій отъ уничтоженія брака, а потому и можно бы отпускъ за границу лѣсныхъ товаровъ изъ С. Петербургскаго порта продолжить и на будущее время безъ брака. Министръ финансовъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и полагалъ продолжить срокъ торговли на такихъ условіяхъ еще на шесть лѣтъ. Мнѣніе это утверждено Государемъ 5 мая 1835 года (*).

Въ 1831 году, для ревизіи Вологодской губерніи посланы были сенаторы Мартенсонъ и Корниловъ, по подозрѣніямъ о рубкѣ въ казенныхъ дачахъ лѣса, для заграничной торговли, подъ видомъ владѣльческихъ. Сенаторы, для разслѣдованія дѣла, учредили особую коммисію; коммисія ничего не открыла, передала дѣло уѣзднымъ судьямъ, но и тѣ не были счастливѣе, такъ что министръ финансовъ полагалъ дѣло это оставить безъ послѣдствій; на докладѣ объ этомъ Государь написалъ: «съ этимъ я не согласенъ; министру финансовъ послать на мѣсто довѣреннаго чиновника: узнать «истину». Министръ финансовъ командировалъ чиновника особыхъ порученій надворнаго совѣтника Крока, но и тотъ тоже ничего не открылъ формальнымъ слѣдствіемъ; но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ полагалъ, что изъ казенныхъ дачъ подъ видомъ заготовки на внутреннее употребленіе, производился точно отпускъ лѣса за границу въ дополненіе къ лѣсамъ, отпускавшимся изъ владѣльческихъ дачъ. По этому предположено, къ отвращенію подлога, предписать Вологодской Палатѣ, чтобы она прекратила выдачу билетовъ на заготовку лѣсовъ въ Вологодской губерніи для сбыта на внутреннія потребности губерніи Архангельской, потому что эта губернія сама богата лѣсами и не дозволять промышленникамъ, заготовляющимъ лѣсъ въ владѣльческихъ дачахъ, рубить въ тоже время изъ казенныхъ для внутренняго употребленія въ Вологодской губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ предохраненіе отъ упадка казенныхъ лѣсныхъ доходовъ

(*) П. С. З. 2 прод. X. 7,922.

Вологодской губерніи, увеличить пропорцію для заграничнаго отпуска еще на 25,000 деревъ (1).

Въ 1826 году 16 января постановлено, для отвращенія какихъ либо ошибочныхъ расчетовъ или назначеній участковъ изъ въѣзжихъ лѣсовъ, планы съ нарѣзками и заключенія по этимъ дѣламъ Казенныхъ Палатъ и межевыхъ конторъ, не приводя въ исполненіе рѣшеній объ отводѣ, — представлять въ Сенатъ (2).

Послѣ этого, съ изданіемъ въ 1827 году положенія о новомъ устройствѣ лѣсной части, для размежеванія и съемки лѣсовъ, положены при лѣсныхъ отдѣленіяхъ Казенныхъ Палатъ особые землемѣры. Къ сожалѣнію, мѣра эта не достигла предположенной цѣли потому что, землемѣры, отвлекаемые исполненіемъ по разнымъ текущимъ дѣламъ Палатъ, не имѣли никакой возможности заняться общей съемкой лѣсовъ.

Въ 1829 году, утверждены правила для размежеванія Таврической губерніи и въ Симферополѣ учреждена особая межевая контора. Въ первомъ отдѣленіи второй главы, относительно лѣсовъ, постановлены слѣдующія правила — лѣса казенные межевать по отводу лѣсничихъ или землемѣровъ лѣснаго вѣдомства, лѣса казенныхъ селеній межевать по отводу жителей при лѣсномъ чиновникѣ. Въ лѣсахъ общаго владѣнія отдѣлять слѣдующіе частнымъ владѣльцамъ участки къ отдѣльнымъ мѣстамъ, но не чрезполосно. Выдѣлъ изъ казенныхъ лѣсовъ заказныхъ рощъ и пятыхъ частей не производить (3).

Для облегченія межеванія Таврической губерніи, въ 1833 году, постановлено: лѣса казенные не межевать особо, а опредѣлять, сколько то необходимо, наружныя межи; если же въ дачахъ находятся отдѣльные участки, принадлежащіе частнымъ лицамъ, то вымежевывать ихъ въ видѣ соб-

(1) П. С. З. 2 прод. X. 8,142.

(2) П. С. З. 2 прод. I. 62.

(3) П. С. З. 2 прод. IV. 2,617.

ственности, по документамъ или 10-лѣтнему безспорному владѣнію (¹).

Еще по указу Императора Павла, 6 іюня 1799 года, относительно размежеванія въѣзжихъ лѣсовъ, Литовское Губернское Правленіе распорядилось въ 1800 году разсмотрѣть права частныхъ лицъ, на право въѣзда въ Бѣловѣжскую пущу ревизіоннымъ порядкомъ. Дѣло началось, шло медленно, большая часть бумагъ сгорѣла въ 1812 году, и почти этимъ и кончилось разъясненіе правъ владѣльцевъ на лѣса Бѣловѣжской пущи. По этому въ 1829 году сдѣлано новое распоряженіе, чтобы Гродненское Губернское Правленіе вызвало владѣльцевъ въ узаконенный срокъ для представленія документовъ въ Повѣтовые Суды, а судамъ велѣно приступить немедленно къ начальному разсмотрѣнію представленныхъ документовъ (²).

Теперь мы приступимъ къ разсмотрѣнію одной изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности нашего правительства — мѣрамъ служившимъ къ развитію науки, какъ единственнаго вѣрнаго основанія къ прочному водворенію лѣснаго хозяйства. Первымъ шагомъ къ этому было разумѣется приготовленіе знающихъ лѣсничихъ.

Лѣсной Институтъ, учрежденный въ С. Петербургѣ, существовалъ въ своемъ настоящемъ видѣ до 1829 года, въ этомъ году 19 іюня состоялось преобразованіе Института. Цѣль преобразованія была: привести скорѣе лѣсную часть въ то состояніе, которое предположено дать ей проэктомъ 19 іюня 1826 года. А для этого правительство считало необходимымъ замѣстить мѣста лѣсничихъ людьми, спеціально приготовленными. По новому положенію предположено воспитывать на казенный счетъ 78 воспитанниковъ; для полнаго окончанія курса назначено шесть лѣтъ и учреждено шесть классовъ.

По окончаніи курса воспитанники, смотря по успѣхамъ въ наукахъ, дѣлились на три разряда: первый разрядъ

(¹) П. С. З. 2 прод. VIII. 5,994, § 15.

(²) П. С. З. 2 прод. IV. 2,703.

выпускался съ чиномъ 12 класса, второй — 14 класса, а воспитанники 3-го разряда выпускались практикантами.

При каждомъ выпускѣ, двухъ воспитанниковъ предназначено употреблять на службу по лѣсной части горнаго вѣдомства (1).

Въ 1832 году, для приготовленія межевщиковъ, способныхъ къ размежеванію казенныхъ земель и лѣсовъ, учреждена при Лѣсномъ Институтѣ школа межевщиковъ. По проэкту 6 іюля учениковъ назначено 48, но по докладу 29 іюля число воспитанниковъ предположено увеличить до 75.

Въ школу принимались дѣти канцелярскихъ служителей, разночинцевъ, купцовъ, мѣщанъ, вольноотпущенныхъ, казенныхъ крестьянъ и по, назначенію министра финансовъ, дѣти унтер-шихмейстеровъ казенныхъ горныхъ заводовъ.

Курсъ ученія назначенъ 3-хъ лѣтній и отличные воспитанники, по выпускѣ изъ школы, исключались лично изъ подушнаго оклада, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и рекрутской повинности (2).

Въ 1834 году, для образцоваго въ большомъ видѣ правильнаго лѣсоводства и для практическаго воспитанія воспитанниковъ С. Петербургскаго Лѣснаго Института, предположено учредить учебное лѣсничество.

Для этого предназначена, состоящая въ Царскосельскомъ уѣздѣ, казенная Лисинская дача.

Для пользы владѣльцевъ, желающихъ имѣть свѣдущихъ лѣсничихъ, учреждено при учебномъ лѣсничествѣ Егерское училище, въ которое кромѣ помѣщичьихъ людей дозволено опредѣлять людей свободныхъ состояній.

Въ Лисинское лѣсничество предположено отправлять на годъ воспитанниковъ окончившихъ курсъ въ Лѣсномъ Институтѣ и нѣкоторыхъ кондукторовъ изъ Института Горныхъ Инженеровъ.

---

(1) П. С. З. 2 прод. IV. 2,940.

(2) П. С. З. 2 прод. VII. 5,486.

Для практическаго воспитанія кондукторовъ предположено устроить Лисинскую дачу по правиламъ лучшаго лѣсоводства, приспособленнаго къ нашему климату и къ мѣстности и такъ, чтобы по возможности удобно было видѣть всѣ отрасли лѣснаго хозяйства. Въ дачѣ назначено дѣлать ежегодно правильныя порубки, сѣяніе и сажаніе деревъ, осушки болотъ и проч. (¹).

Въ томъ же году, 6 іюля, утверждено мнѣніе министра финансовъ объ учрежденіи при Митавской гимназіи двухъ классовъ лѣсныхъ наукъ (²) и предположено (Положеніе для Института Корпуса Горныхъ Инженеровъ) преподавать въ Горномъ Институтѣ лѣсоводство и землемѣріе и «для вящшаго усовершенствованія» опредѣлять ежегодно нѣкоторое число кадетъ или кондукторовъ въ учебныя лѣсныя заведенія (³).

Для поощренія частныхъ владѣльцевъ къ сохраненію лѣсовъ и распространенію познаній о правильномъ лѣсоводствѣ, учреждено въ 1832 году въ С. Петербургѣ общество для поощренія лѣснаго хозяйства. Въ Москвѣ дозволено учредить отдѣленіе, по особому въ свое время представленію, а въ губерніяхъ общество избирало нужное число сотрудниковъ, членовъ и корреспондентовъ.

Для достиженія цѣли учрежденія, обществу даны слѣдующіе способы: — собирать, посредствомъ своихъ членовъ и корреспондентовъ, свѣдѣнія о положеніи лѣсовъ и состояніи лѣсоводства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Обращать вниманіе публики и особенно владѣльцевъ «на крайнюю «необходимость заниматься безъ отлагательства важнымъ «предметомъ сбереженія лѣсовъ, на священную обязанность «пещись объ отвращеніи нуждъ потомства, и на непремѣнную пользу, ожидаемую не только для публики, но и для «каждаго частнаго владѣльца отъ улучшенія лѣснаго хозяйства».

(¹) П. С. З. 2 прод. IX. 7,627.

(²) П. С. З. 2 прод. IX. 7,259.

(³) П. С. З. 2 прод. IX. 7,298, § 31 и примѣчаніе.

Общество должно было распространять печатно и чрезъ сотрудниковъ свѣдѣнія о правильномъ лѣсоводствѣ какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ Россіи; также указываетъ, какія породы наиболѣе полезны въ малолѣсныхъ губерніяхъ и какимъ образомъ можно достигнуть разведенія тамъ лѣсовъ и рощей.

По части искусственнаго лѣсоводства, обществу поручалось стараться сообщать практическія свѣдѣнія о правильныхъ методахъ разведенія и рубки лѣсовъ; сообщать публикѣ объ успѣхахъ введенія въ Россіи правильнаго лѣса; выписывать сѣмена древесныхъ породъ, полезныхъ для разведенія въ Россіи, особенно американскихъ и поощрять къ разведенію въ безлѣсныхъ губерніяхъ разсадниковъ отличныхъ лѣсныхъ деревъ.

Способами сообщенія общества съ публикой назначены: публичныя вѣдомости и разныя періодическія изданія, изданіе по временамъ особыхъ книгъ по разнымъ предметамъ лѣсоводства и наконецъ, по дальнѣйшему соображенію, особый журналъ собственно по части лѣснаго хозяйства.

По истеченіи каждыхъ десяти лѣтъ, общество должно было представлять правительству о продолженіи или прекращеніи его существованія (1).

Въ этомъ положеніи число членовъ опредѣлено на первый разъ не болѣе тридцати, но какъ по случаю изданія Лѣснаго Журнала и увеличенія сношеній внутри государства, кругъ дѣйствій общества значительно расширился, то 5 октября 1834 года дозволено обществу избрать еще десять членовъ (2).

При такихъ мѣрахъ правительства и частныхъ лицъ, лѣсной наукѣ предстояла завидная участь скораго развитія. Молодые люди, отлично кончившіе курсъ, возвращаясь изъ Германіи съ благороднымъ стремленіемъ дѣйствовать во имя науки, значительно способствовали распространенію лѣсоводственныхъ свѣдѣній. Необходимость высказать новыя

(1) П. С. З. 2 прод. VII. 5,186.

(2) П. С. З. 2 прод. IX. 7,431.

правила и сообщить публикѣ свѣдѣнія по лѣсному хозяйству, вызвали изданіе лѣснаго журнала. Этимъ еще болѣе развилась новая идея, внесенная въ нашу науку и Лѣсной Журналъ обогатилъ русское лѣсоводство многими статьями, которыя никогда не потеряютъ своего значенія въ исторіи нашей науки.

Разумѣется, все написанное въ этотъ періодъ, носило на себѣ характеръ германскаго лѣсоводства, но это нисколько не отнимаетъ достоинствъ отъ дѣятелей того времени и честь основанія у насъ лѣсной науки останется всегда за ними.

Здѣсь мы не будемъ разбирать причинъ, почему германскій характеръ отразился и долженъ былъ отразиться на русскомъ лѣсоводствѣ, почему эта любовь къ наукѣ, которая зажглась такъ сильно въ началѣ, постепенно ослабѣвала, и отчего примѣненіе правилъ германскаго лѣсоводства къ мѣстнымъ условіямъ Россіи и разработка началъ для созданія русской науки не могли и не явились въ то время— разрѣшеніе этихъ вопросовъ не входитъ въ программу настоящаго сочиненія.

Но невозможно умолчать объ одномъ сочиненіи того времени, написанномъ хотя и на основаніи правилъ германской науки, но въ которомъ замѣтно и твердое изученіе Россіи, и сознаніе необходимости создать нѣчто болѣе удовлетворяющее нашимъ потребностямъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. Это—инструкція министра финансовъ графа Канкрина, объ управленіи лѣсною частью хребта Уральскаго (*).

Чтобы дать понятіе о программѣ и общемъ характерѣ этого замѣчательнаго сочиненія, мы помѣщаемъ здѣсь введеніе въ Инструкцію и 117 § самой инструкціи.

«Лѣсныя узаконенія и порядокъ лѣснаго хозяйства на «горныхъ заводахъ требуютъ новаго соображенія, для при«способленія ихъ, съ одной стороны, къ новѣйшимъ откры«тіямъ лѣсной науки, а съ другой, къ климату и мѣстнымъ

(*) Инструкція объ управленіи лѣсною частью на горныхъ заводахъ хребта Уральскаго по правиламъ лѣсной науки и добраго хозяйства, изданная министромъ финансовъ въ 1830 году. С. Петербургъ. 1833.

«опытамъ. Но какъ изданіе новаго Лѣснаго Устава потре-«буетъ еще много справокъ, опытовъ и времени, то на «первый разъ признано достаточнымъ издать особую ин-«струкцію, для ближайшаго руководства къ исполненію «существующихъ узаконеній, по правиламъ науки и добраго «лѣснаго хозяйства».

«Первая цѣль сей инструкціи есть та, чтобы обратить «на сей предметъ полное вниманіе горнаго управленія, ибо «наука лѣснаго хозяйства на заводахъ не менѣе важна, «какъ собственно горныя науки. Особливо мѣстные горные «начальники всемѣрно должны стараться объ устройствѣ и «сбереженіи горныхъ лѣсовъ, о разведеніи ихъ, гдѣ нужно, «вновь и объ отысканіи способовъ къ уменьшенію самой «потребности въ лѣсныхъ припасахъ; за неисполненіе же «сего будутъ подвергаемы строгой отвѣтственности».

«Причины примѣчаемаго оскудѣнія лѣсовъ на горныхъ «заводахъ, какъ и въ губерніяхъ, наиболѣе суть слѣдую-«щія: 1) большая потребность лѣсныхъ произведеній, само «по себѣ, и при томъ излишній и небережливый расходъ «оныхъ; 2) недостаточное устройство лѣснаго управленія; «3) недостатокъ полицейскаго охраненія растущаго лѣса «отъ похищенія, пожаровъ и проч.; 4) неприведеніе лѣсовъ «въ надлежащую извѣстность и опредѣлительность; 5) не-«принятіе общихъ приготовительныхъ мѣръ лѣснаго хозяй-«ства, относительно осушки и очистки лѣсовъ и проч.; «6) безпорядочныя порубки, особливо при свойствѣ нашего «климата, который нерѣдко противодѣйствуетъ скорѣйшему «возстановленію лѣсовъ тамъ, гдѣ они уже разорены. Сюда «принадлежитъ между прочимъ: истребленіе защищающей «лѣса опушки, порубки наголо безъ оставленія надлежа-«щаго числа деревъ для обсѣмененія лѣсовъ и защиты «поросли, вырубка лѣсовъ въ однихъ ближнихъ мѣстахъ и «многія другія вредныя дѣйствія; 7) рѣдкое употребленіе «искуственныхъ способовъ разведенія и возстановленія лѣ-«совъ, сѣяніемъ и сажаніемъ тамъ, гдѣ сіе необходимо; «8) недостатокъ плановъ дѣйствій по лѣсному хозяйству и «подлежащихъ годовыхъ смѣтъ о мѣрѣ употребленія лѣ-

«совъ; 9) недостатокъ распоряженій къ поощренію лѣсо-«водства вообще. Въ семъ порядкѣ будутъ изложены пра-«вила сей инструкціи съ присовокупленіемъ: 10) предна-«чертанія тѣхъ распоряженій, кои должны быть сдѣланы «на заводахъ для исполненія постановленій оной».

§ 117.

«При каждомъ заводѣ имѣть нужное число лучшихъ «новѣйшихъ книгъ о лѣсной наукѣ, и поощрять молодыхъ «практикантовъ и чиновниковъ къ чтенію оныхъ. Не менѣе «того приготовлять нужное число служащихъ къ лѣсной «практикѣ особенно и къ межеванію и снятію ситуацій. «Внушать имъ охоту къ лѣсоводству и вообще не преда-«ваться мысли, что у насъ еще рано думать о лѣсномъ «хозяйствѣ, которое должно воспріять свое начало еще до «оскудѣнія лѣсовъ; ибо совершенное ихъ истребленіе быстро «приблизится, коль скоро они начали уже истощаться. При «чтеніи книгъ, особливо иностранныхъ, молодые лѣсоводцы «должны имѣть всегда въ виду приспособленіе пріобрѣтен-«ныхъ свѣдeній къ обстоятельствамъ Россіи, сличая пра-«вила теоріи съ мѣстными наблюденіями и сдѣланными «опытами. Одна теоретическая ученость не приноситъ дѣй-«ствительной пользы, и главная цѣль настоящей инструкціи «была не та, чтобы начертать систему лѣсной науки, при-«нятой въ чужихъ краяхъ, а приспособить истины оной къ «надобностямъ Россіи, ввести не иностранное, а Русское «лѣсоводство».

Кромѣ этихъ мѣръ, относительно устройства горныхъ лѣсовъ, заботливость министра финансовъ о лѣсной части проявилась въ слѣдующихъ распоряженіяхъ, относительно разведенія лѣсовъ въ Новороссійскомъ краѣ и въ Оренбургской пограничной линіи. Въ видахъ поощренія лѣсоразведенія въ Новороссійскомъ краѣ, предположено награждать мѣстныхъ жителей за успѣхи въ лѣсоразведеніи серебряными медалями, деньгами и давать для поощренія безденежно хорошія лозы, разсадки и сѣмена, а для этого при-

пять мѣры къ собиранію сѣмянъ и учредить школы лѣсныхъ и садовыхъ растеній (*).

Въ проэктѣ 1836 года о разведеніи лѣса въ Оренбургской линіи подробно разсмотрѣны мѣстныя условія края, опредѣлена степень его безлѣсности и за тѣмъ предложены мѣры лѣсоразведенія. Вотъ этотъ проэктъ.

Оренбургская пограничная линія, на протяженіи слишкомъ 1,860 верстъ, отдѣляетъ земли Русскія отъ степей, кочующихъ Киргизовъ. Линія эта, начинаясь отъ границы Сибири, образуется изъ части рѣки Тобола и всей Уя, впадающей въ Тоболь и изъ рѣки Урала, по всей длинѣ его теченія до Каспійскаго моря. Кромѣ этого, рѣчки Бердянка, Курала и часть Илека, впадая въ Уралъ, опредѣляютъ земли Илецкаго раіона.

Все это пространство дѣлится на два главныя отдѣленія, изъ которыхъ одно изъ Каспійскаго моря, до впаденія въ Уралъ рѣки Илека, всего длиною 633 версты, принадлежитъ Уральскимъ казакамъ, содержитъ слишкомъ пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ верстъ и называется собственно Уральскою линіею; а другое, заключая Илецкій раіонъ и простираясь отъ впаденія Илека въ Уралъ до границы Сибирской, при длинѣ слишкомъ на 1,230 верстъ, и содержа около двадцати семи тысячъ квадратныхъ верстъ, заселено, кромѣ солдатъ линейныхъ батальоновъ, преимущественно казаками Оренбургскаго казачьяго войска и носитъ общее названіе Оренбургской линіи.

Общій видъ почвы на всей границѣ, представляетъ съ малыми исключеніями рядъ хорошихъ земель, плодородность которыхъ уменьшается по мѣрѣ приближенія къ Каспійскому морю, а именно: отъ рубежа Сибири до Губерлинскихъ горъ жирный черноземъ, съ песчанымъ и известковымъ основаніями; отъ Губерлинскихъ до Индерскихъ горъ, основаніе почвы составляетъ глина, болѣе или менѣе окрашенная окисломъ желѣза и покрытая слоемъ чернозема,

(*) П. С. З. 2 прод. III и IV. 2,280 и 2,661.

весьма хорошаго въ Илецкомъ раіонѣ, но болѣе тонкаго на средней части земель Уральскихъ; отъ Индерскихъ горъ начинаются пески, а далѣе до Каспійскаго моря солонцоватый илъ; но въ Сарайчиковской крѣпости воздѣлывается и созрѣваетъ виноградъ.

Всѣ вышепоименованныя земли Оренбургской пограничной линіи заключаютъ до 77,350 квадратныхъ верстъ или около 8.067,300 десятинъ земли.

На этомъ огромномъ пространствѣ лѣса истреблены почти совершенно, и только на берегахъ пограничныхъ рѣкъ, находятся еще нѣсколько сотенъ малорослыхъ ивъ и тополей и отдѣльные деревья березы и вяза. Сохранилось еще на протяженіи почти двухъ тысячъ верстъ нѣсколько сосноваго лѣса близъ Петропавловской и Карачагской крѣпостей, часть котораго принадлежитъ казнѣ, а другая линіи, да въ Илецкомъ раіонѣ нѣсколько тополей и осинъ.

Между тѣмъ, при неимѣніи каменнаго угля и торфа, при совершенной непривычкѣ и отвращеніи жителей къ употребленію кизяка, и при затрудненіи, по суровости климата, замѣнить дерево какимъ нибудь другимъ строительнымъ матеріаломъ потребность въ лѣсѣ дровяномъ и строевомъ, съ каждымъ годомъ дѣлается ощутительнѣе, тѣмъ болѣе, что населеніе на границѣ постепенно прибавляется, а послѣдніе запасы лѣса быстро изчезаютъ, и вообще должно опасаться, что если въ скорости не будетъ принято рѣшительныхъ мѣръ къ возрожденію лѣсовъ, то цѣны на дрова и строевой лѣсъ такъ возвысятся, что недостаточные жители Оренбургской пограничной линіи, — а ихъ слишкомъ $^3/_4$ всего народонаселенія — будутъ въ совершенной невозможности поддержать свое существованіе, на теперешнихъ мѣстахъ ихъ жительствъ; потому что и теперь платятъ за сажень трехполѣнныхъ дровъ въ Орской крѣпости 24 руб., въ Оренбургѣ 30 руб., а въ Уральскѣ до 40 руб. ассигнаціями, бревно же для строенія, сосновое, длиною 3 сажени и толщиною до 8 вершковъ, стоитъ 9 или болѣе рублей. Если же сообразить, что для отопленія и варенія пищи, при небольшомъ хозяйствѣ, потребуется въ годъ среднимъ

числомъ $8\frac{1}{2}$ саженъ дровъ, и что по среднимъ цѣнамъ это будетъ стоить слишкомъ 200 руб. въ годъ, то окажется, что такая сумма не только чрезвычайно значительна, но и едва выносима для большей части городскихъ и линейныхъ жителей, которые должны продовольствоваться четырьмя или пятью стами рублей въ годъ.

Заведеніе новаго хозяйства тоже очень трудно, постройка новаго деревяннаго дома въ двѣ только, или три небольшія комнаты и съ необходимыми службами обойдется ни какъ не дешевле 1,800 или 2,000 рублей: вотъ почему вообще на пограничной линіи такъ рѣдко строятся вновь, а обыкновенно два и болѣе семействъ, отказывая себѣ въ необходимѣйшихъ удобствахъ, проживаютъ въ двухъ, иногда даже въ одной плохой комнатѣ.

При такихъ цѣнахъ строеваго лѣса и дровъ, казна, пріобрѣтая ихъ для линейныхъ строеній, въ большемъ количествѣ, должна издерживать весьма значительныя суммы, одна треть которыхъ была бы весьма достаточна, если бы имѣлись лѣса въ томъ краѣ.

Наконецъ, не должно упустить изъ вида, что сравненіе нынѣшняго состоянія пограничныхъ земель съ прежнимъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ объ Оренбургской линіи, находимымъ въ топографіи Рычкова, изданной въ 1762 году, приводитъ къ заключенію, что истребленіе лѣсовъ произвело обмѣленіе рѣкъ и невыгодную перемѣну климата; въ Рычково время, по весьма вѣроятному исчисленію, находилось на Оренбургской пограничной линіи по крайней мѣрѣ въ 5 разъ болѣе нынѣшняго лѣса, такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что въ 1760 году отъ Верхнеуральска до Орской крѣпости довольно еще было дровянаго лѣса; что въ Оренбургѣ за сажень трехполѣнныхъ дровъ платили 90 коп., слѣдовательно около пяти нынѣшнихъ ассигнаціонныхъ рублей, и что ниже по Уралу и даже на Киргизскомъ берегу находился сосновый лѣсъ; теперь же не осталось и слѣдовъ этихъ лѣсовъ. Нынче Уралъ не затопляетъ во время разлива цѣлыя крѣпости и селенія, и суда съ провіантомъ и желѣзомъ не отправляются въ Оренбургъ изъ

Верхне-Уральской пристани, устроенной въ 1734 году Кириловымъ; такое судоходство было оставлено уже во время Рычкова «потому что сдѣлался недостатокъ въ лѣсахъ, на «строеніе судовъ годныхъ, да и въ верховьѣ рѣки много «мѣлей и каменистыхъ мѣстъ»; но въ 1760 году барки съ полнымъ грузомъ, отправлялись еще отъ Оренбурга внизъ по Уралу. Тогда нельзя было предвидѣть, что чрезъ 75 лѣтъ жители границы, обнаживъ совершенно вершины и берега Урала, не будутъ знать счета бродамъ чрезъ него, а о судоходствѣ не будутъ и думать, потому что нынѣ Уралъ съ трудомъ поднимаетъ легкій паромъ и ежегодно выказывая новые броды, видимо приближается къ участи всѣхъ степныхъ рѣкъ, которыя имѣя постель отъ 20 до 80 саженъ, состоятъ изъ озеръ, поросшихъ осокою и соединяемыхъ струею воды, сажени полторы шириною. Такимъ образомъ и нѣкоторыя линейныя озера и рѣчки, упоминаемыя Рычковымъ, нынче овраги совершенно безводные; наконецъ очевидно, что съ уничтоженіемъ лѣсовъ, этихъ хранилищъ влаги и снѣга, не только уменьшилось количество водъ, но и самый климатъ значительно измѣнился; прежде въ Оренбургскомъ краѣ хотя и случались жары, засухи и бураны, но не такъ часто и не съ такою внезапною перемѣною температуры; теперь же въ краѣ обезлѣсенномъ, освѣжительныя росы изчезли или едва замѣтны, плодотворныя разлитія уменьшились и всѣ пограничныя рѣки представляютъ во многихъ мѣстахъ безпрерывные ряды бродовъ; лѣтомъ ежедневные вихри, крутясь безпрепятственно по необозримому пространству голыхъ степей, дробятъ и разносятъ дождь и рѣдко допускаютъ его до истощенной почвы, и въ тоже время чрезмѣрный жаръ томитъ людей и животныхъ, и легкую болѣзнь, особливо при внезапныхъ холодахъ ночей, превращаетъ въ повальную; зимой продолжительные бураны заносятъ цѣлыя жилища, и морозъ полярный, несообразный географической широтѣ края и усиленный еще восточнымъ вѣтромъ, для котораго, какъ нарочно, вырубкой лѣса по всей границѣ уничтожили преграду, побиваетъ самыя обыкновенныя садовыя растенія и

плодовитыя деревья, здѣсь прежде произрастшія; даже пушные звѣри и дичь покидаютъ край, въ которомъ не стало лѣсовъ для ихъ пищи и жилища. Однимъ словомъ все доказываетъ, что во избѣжаніе и предупрежденіе гибельнѣйшихъ, неминуемыхъ послѣдствій совершеннаго истребленія лѣсовъ, непремѣнно должно торопиться разведеніемъ ихъ вновь, гдѣ только можно, на всемъ пространствѣ Оренбургской пограничной линіи.

Имѣя въ виду положить хотя нѣкоторыя начала къ уменьшенію вышеизложенныхъ неудобствъ, предприняты въ 1834 году въ числѣ прочихъ слѣдующія предварительныя мѣры: 1) приведены по возможности въ извѣстность сохранившіяся на земляхъ линейныхъ рощи и деревья, нѣкоторыя части которыхъ назначены для порубокъ, а лучшія отдѣлены подъ именемъ заповѣдныхъ лѣсовъ для природнаго обсѣмененія, и даны правила для сохраненія этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. 2) Пересажено изъ ближнихъ башкирскихъ и другихъ дачъ, слишкомъ 100,000 кольевъ, скорорастущихъ породъ деревъ, какъ-то: осокоря, ветлы, тополей и проч., эти посадки сдѣланы самими жителями линіи, хозяйственными способами. 3) Къ уменьшенію издержекъ для казенныхъ заготовленій строеваго лѣса и дровъ, вырубка ихъ на мѣстѣ и сплавъ по рѣчкамъ, находящимся не на земляхъ линейныхъ, но впадающихъ въ вершины рѣки Сакмары, а равно и гонка плотовъ по этой рѣкѣ производятъ рабочія команды, подъ особымъ надзоромъ назначеннаго для этого чиновника; лѣсъ, такимъ образомъ доставленный и оказавшійся, сверхъ употребленія для казны въ излишкѣ, продается жителямъ по дешевымъ цѣнамъ и 4) для частныхъ лѣсопромышленниковъ установленъ порядокъ въ наемкѣ, платѣ попенныхъ денегъ, рубкѣ и сплавѣ Башкирскихъ лѣсовъ, которыми нынѣ довольствуется большая часть пограничныхъ жителей. Всѣ эти мѣры, принося нѣкоторую пользу или обѣщая ее на будущее время, недостаточны для надежнаго устраненія увеличивающейся нужды въ лѣсѣ, особливо на такомъ большомъ пространствѣ земли, какъ Оренбургская пограничная линія, на кото-

рой теперь никакъ нельзя довольствоваться мѣрами облегчительными; но необходимо систематическое, постоянное и самостоятельное разведеніе лѣсовъ, ученымъ производителемъ котораго, даже неудачи первыхъ годовъ, если бы онѣ и случились, послужатъ въ пользу, прибавивъ мѣстной опытности и рвенія, къ достиженію предположенной цѣли. Послѣ опытовъ насажденія деревъ, произведенныхъ въ послѣдніе два года и нѣкоторыхъ прежнихъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что разведеніе всѣхъ породъ деревъ свойственныхъ средней полосѣ Россіи, здѣсь весьма возможно, и при должномъ производствѣ дѣла, представитъ удовлетворительнѣйшіе успѣхи; но безъ людей, приготовленныхъ къ этимъ занятіямъ на мѣстѣ, и обязанныхъ постоянно наблюдать за ходомъ и постепенными успѣхами здѣшняго лѣсоводства, всѣ временныя мѣры, неподдержанныя въ послѣдствіи по недостатку въ умѣньи и присмотрѣ, естественно не принесутъ ожидаемой пользы, а увеличатъ только предразсудокъ жителей, считающихъ порядокъ въ рубкѣ лишнимъ отягощеніемъ, а разведеніе лѣсовъ дѣломъ, выходящимъ изъ предѣловъ искусства.

Между тѣмъ по необходимости, издерживая послѣдніе запасы лѣсовъ, нельзя не предвидѣть, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ линейныя земли нисколько не будутъ разниться отъ безплоднѣйшихъ частей степи Киргизской, и тогда дальнѣйшее занятіе этого края, не представляющаго возможности удовлетворенія первѣйшей потребности осѣдлой жизни будетъ крайне затруднительно.

А потому, соображая все вышесказанное, предположено: для систематическаго и постояннаго разведенія лѣсовъ на земляхъ Оренбургской пограничной линіи и для образованія потребнаго числа лѣсничихъ, учредить въ Оренбургѣ съ 1 января 1836 года, Лѣсное училище, на 12 человѣкъ изъ малолѣтковъ Оренбургскаго казачьяго войска отъ 14 до 16 лѣтняго возраста.

Чтобы распространить пользу лѣснаго училища не только на земли пограничной линіи, но и на весь Оренбургскій край, назначено принимать для обученія и людей помѣ-

щичьихъ и другихъ сословій, съ соразмѣрною платой. «Извѣстно», сказано въ проэктѣ, «что лучшій способъ для «надежнаго всхода и произрастанія лѣсовъ изъ сѣмянъ на «большихъ степныхъ пространствахъ, есть заведеніе питом-«никовъ въ недальнихъ, одинъ отъ другаго разстояніяхъ, «съ надлежащимъ глубокимъ воздѣлываніемъ, или перека-«пываніемъ земли, какъ въ самыхъ питомникахъ, такъ и «на мѣстахъ, гдѣ окончательно предполагается садить взо-«шедшія деревца», по этому и предположено для успѣха общаго лѣсоразведенія устроить въ разныхъ мѣстахъ Орен-бургскаго края отъ 34 до 35 питомниковъ (*).

Къ этому времени относятся еще слѣдующія распоря-женія правительства, относительно лѣснаго хозяйства въ лѣсахъ морскаго вѣдомства и Донскаго войска.

Морской министръ представилъ 8 апрѣля 1834 года въ Комитетъ Министровъ записку о сформированіи военно-ра-бочаго батальона, для очистки корабельныхъ рощъ. Министръ финансовъ противъ этого объяснилъ, что сплошная очистка корабельныхъ лѣсовъ превосходитъ мѣру возможности, что одной порчей молодняковъ будетъ сдѣлано лѣсамъ болѣе вреда чѣмъ пользы, а выкапываніе пней во многихъ слу-чаяхъ совершенно разстроитъ лѣса. «Самая природа дока-зываетъ», писалъ графъ Канкринъ, «что лѣса не смотря на «валежникъ и буреломныя деревья подъ защитой оныхъ «паки возобновляются. Къ Россіи нельзя примѣнить такіе «края, гдѣ по дороговизнѣ лѣса, истощенію прежде суще-«ствовавшихъ рощъ и по малому пространству лѣсоводство «приблизилось къ садоводству, и даже вырытые пни про-«даются за дорогія цѣны, что впрочемъ дѣлается только «тамъ, гдѣ глубина хорошаго грунта сіе позволяетъ. На-«противъ у насъ въ мѣстахъ, гдѣ лѣса находятся еще въ «изобиліи, достаточно избѣгать излишняго засоренія оныхъ «на будущее время, при наблюденіи чего старый валежникъ «мало по малу исчезнетъ, усугубить надзоръ за расчистками,

---

(*) П. С. З. 2 прод. XI. 8,879.

«за впускомъ скота и за самовольными порубками, и сверхъ «того дѣлать рубки правильныя и производить умѣренныя «лѣсныя работы, относящіяся къ обсушкѣ лѣсовъ, къ «обсѣмененію или обсадкѣ пустыхъ мѣстъ, особливо въ «дубовыхъ рощахъ и къ разведенію отчасти кривыхъ ко- «рабельныхъ членовъ». . . . .

Комитетъ согласился съ мнѣніемъ министра финансовъ. Государь Императоръ подлинный журналъ Комитета вручилъ начальнику Главнаго Морскаго Штаба князю Меншикову, и въ разрѣшеніе мнѣній, заключавшихся въ журналѣ, повелѣлъ: «для расчистки корабельныхъ рощъ и «охраненія ихъ, составить въ 1835 году рабочій экипажъ, «и потребную на сей предметъ сумму внесть въ смѣту на «тотъ же годъ Морскаго Министерства (*)».

Относительно хозяйства въ лѣсахъ войска Донскаго, въ Высочайше утвержденныхъ положеніяхъ для этого войска помѣщены слѣдующія правила.

Всѣ лѣса какъ станичныхъ юртовъ, такъ и собственно войсковые должны быть окружены межой и сняты на планы.

Въ продовольствіи войска лѣсомъ наблюдать строгую уравнительность; мелкій лѣсъ, *«извѣстный подъ названіемъ хвороста»*, раздѣлить на части и рубить въ лѣсосѣчномъ порядкѣ. Изъ строеваго лѣса рубить только то, что дѣйствительно необходимо для общественныхъ надобностей. Изъ заповѣдныхъ лѣсовъ дѣлать отпуски только для погорѣльцевъ и вновь обзаводящихся хозяйствомъ.

Станичныя общества должны непремѣнно разводить вновь рощи изъ лѣсовъ всякаго рода, особенно изъ вербы и тополя. Всякій наличный урядникъ, казакъ и малолѣтокъ получающій лѣсные паи, обязанъ ежегодно, въ осеннее время, посадить 25 кольевъ. Если кто не исполнитъ урока, то въ слѣдующій годъ, кромѣ опредѣленныхъ 25, долженъ посадить еще 50, а за вторичное неисполненіе своей обязанности наказывается тѣлесно.

(*) П. С. З. 2 прод. IX. 7,127.

Если кто продастъ лѣсъ отпущенный изъ пая для личныхъ надобностей, то за каждый возъ взыскивается 25 рублей, а за всякое самовольно вырубленное дерево 5 рублей, сверхъ того не дворяне и не чиновники наказываются тѣлесно, а чиновники и дворяне предаются суду.

Для охраненія лѣсовъ назначаются лѣсничіе изъ казаковъ.

Эти правила установлены относительно станичныхъ лѣсовъ, лѣса же собственно войска Донскаго, находясь подъ управленіемъ войсковыхъ начальствъ, назначены исключительно для удовлетворенія потребностей самаго войска и тѣхъ станицъ, которыя въ юртахъ своихъ не имѣютъ строеваго лѣса (*).

(*) П. С. З. 2 прод. X. 8,163 приложеніе 1. §§ 4—64, 67—70 и 209—239. 8,356 §§ 112—114.

ГЛАВА XIII.

Краткое систематическое обозрѣніе постепеннаго развитія лѣсныхъ постановленій.

Наше лѣсное законодательство принадлежитъ къ числу постановленій поздняго развитія.

До Петра Великаго лѣсъ не имѣлъ прямаго своего значенія, онъ служилъ мѣстами для защиты государства въ видѣ засѣкъ, а мѣстами оброчной статьей какъ бортное угожье.

Первая идея Петра объ устройствѣ флота опредѣлила и важность лѣса; съ этихъ поръ лѣсъ сдѣлался матеріаломъ для кораблестроенія, а съ завоеваніемъ прибалтійскихъ Шведскихъ владѣній предметомъ заграничной торговли.

Лѣсное управленіе.

Съ новымъ значеніемъ явилась и необходимость въ учрежденіи управленія лѣсами.

Въ 1703 году Петръ объявилъ заповѣдными, на извѣстномъ разстояніи отъ рѣкъ, всѣ древесныя породы необходимыя для кораблестроенія, не разбирая въ чьихъ, казенныхъ или частныхъ, лѣсахъ онѣ произрастаютъ. Всѣ заповѣдные лѣса поручены Адмиралтействъ-Коллегіи, ближайшій надзоръ за ними возложенъ на обер-вальдмейстеровъ и вальдмейстеровъ, а для руководства ихъ издана вальдмейстерская инструкція.

Екатерина I нашла учрежденіе вальдмейстеровъ болѣе стѣснительнымъ для народа, чѣмъ полезнымъ для лѣсовъ и надзоръ за лѣсами порученъ воеводамъ.

Анна Ивановна возстановила значеніе вальдмейстеровъ; сверхъ того завѣдываніе лѣсами возложила на воеводъ, губернаторовъ и командировъ адмиралтействъ.

Для разсмотрѣнія дѣлъ касавшихся лѣсовъ, при Адмиралтействъ-Коллегіи состояла вальдмейстерская контора. Въ 1732 году она замѣнена конторой обер-сарваерской, а въ 1765 г. для завѣдыванія лѣсами учреждена при Адмиралтействъ-Коллегіи экспедиція генералъ-интенданта.

Такой порядокъ управленія продолжался до 1782 года; въ этомъ году лѣса состоявшіе въ завѣдываніи Адмиралтействъ-Коллегіи переданы состоявшимъ при Казенныхъ Палатахъ директорамъ экономіи, а для руководства Директоровъ и Казенныхъ Палатъ составленъ проэктъ устава о лѣсахъ, не дошедшій, однако, до насъ въ полномъ видѣ.

При Императорѣ Павлѣ I завѣдываніе корабельными лѣсами поручено снова Адмиралтействъ-Коллегіи, а прочіе лѣса учрежденной при Сенатѣ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства. Черезъ два года послѣ этого, т. е. въ 1798 году всѣ лѣса кромѣ помѣщичьихъ подчинены Адмиралтействъ-Коллегіи; для управленія ими учрежденъ Лѣсной Департаментъ, а для ближайшаго надзора назначены въ губерніяхъ оберфорстмейстеры и форстмейстеры.

Съ учрежденіемъ Императоромъ Александромъ I, въ 1802 году, Министерствъ, управленіе казенными имуществами и лѣсами поручено Министерству Финансовъ; Лѣсной Департаментъ поступилъ въ составъ этого Министерства и изданъ новый лѣсной уставъ, давшій лѣсному хозяйству новое направленіе. Лѣсной Департаментъ получилъ власть и преимущества Государственныхъ Коллегій и предсѣдатель его названъ главнымъ директоромъ государственныхъ лѣсовъ.

Въ такомъ видѣ лѣсное управленіе существовало до 1811 года; въ этомъ году при Министерствѣ Финансовъ учрежденъ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, ему поручено завѣдываніе всѣми государственными имуществами и лѣсами, а Лѣсной Департаментъ упраздненъ.

Въ 1828 году обер-форстмейстеры присоединены съ своими канцеляріями къ Казеннымъ Палатамъ, при которыхъ учреждены лѣсныя отдѣленія. Обер-форстмейстеры переименованы въ старшихъ лѣсничихъ, остальные чины въ окружныхъ, ученыхъ, младшихъ лѣсничихъ и подлѣсничихъ.

Къ этому же времени (въ 1826 году) относится и учрежденіе при Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ ученаго по лѣсной части комитета. На него возложено: сообразивъ всѣ существующія по лѣсной части узаконенія, согласивъ, дополнивъ и исправивъ ихъ, изготовить проэктъ новыхъ лѣсныхъ постановленій; вмѣстѣ съ тѣмъ приготовить наставленіе какимъ образомъ начать вводить въ губерніяхъ правильное хозяйство.

Виды лѣсовъ по владѣнію.

При Петрѣ Великомъ всѣ лѣса безъ исключенія годные для удовлетворенія потребностей государства составляли собственность государства и признаны заповѣдными. Остальные считались за тѣми кому принадлежали по писцовымъ книгамъ. По неопредѣлительности, неточности нашего древняго межеванія, неаккуратности въ составленіи писцовыхъ книгъ, наконецъ вслѣдствіе самаго обилія лѣсовъ, не требовавшаго точности въ опредѣленіи границъ лѣсныхъ пространствъ, явились лѣса собственно казенные и частные единственнаго владѣнія, лѣса общіе, въѣзжіе и спорные.

Лѣса казенные или государственные составляютъ собственность государства на правѣ безусловнаго владѣнія. Изъ этихъ лѣсовъ правительство производило въ разныя времена выдѣлы разнымъ вѣдомствамъ, частнымъ лицамъ и обществамъ.

Лѣса корабельные.

При Петрѣ Великомъ прежде всего являются лѣса назначенные преимущественно для удовлетворенія потребностей

флота. Эти лѣса, названные заповѣдными, сохранили свое названіе до 1802 года, когда по новому уставу о лѣсахъ учреждены лѣсныя коммисіи, для приведенія въ извѣстность государственныхъ лѣсовъ. Инструкціей данной коммисіямъ названіе *заповѣдныхъ* замѣнено *корабельными*, и къ нимъ причислены произрастающіе на хорошей почвѣ отъ большихъ рѣкъ въ стороны на 100, а отъ малыхъ на 25 верстъ дубовыя, лиственичныя и сосновыя мачтовыя деревья.

Для обезпеченія флота въ строевомъ лѣсѣ въ 1817 году велѣно выдѣлять лучшія насажденія корабельныхъ деревъ, и выдѣленныя пространства названы корабельными рощами. Въ этомъ же году для мѣстнаго управленія корабельными лѣсами и заготовки деревъ учреждены Правленія Сѣвернаго и Низоваго округовъ корабельныхъ лѣсовъ, а въ 1828 году, вслѣдствіе значительныхъ злоупотребленій открытыхъ при заготовкахъ корабельныхъ лѣсовъ, всѣ корабельныя рощи и лѣса переданы въ вѣдомство Морскаго Министерства и основанъ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ. Въ этомъ же году учрежденъ и Балтійскій округъ.

Морскому Министерству предоставлено пользоваться лѣсомъ исключительно для потребностей флота, продавать дозволено только заготовленныя деревья, оказавшіяся уже по срубкѣ негодными для дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено отпускать государственнымъ крестьянамъ дровяной и незначительный строевой лѣсъ не нужный для адмиралтейства.

Лѣса приписанные къ заводамъ, фабрикамъ и промысламъ.

Другой видъ лѣсовъ получившій начало еще до Петра Великаго, составляютъ лѣса приписанные къ казеннымъ и частнымъ заводамъ и фабрикамъ. Начало подобнымъ лѣсамъ положено въ 1558 году Иваномъ IV, пожаловавшимъ имянитымъ людямъ Строгановымъ разныя угодья въ Великой Перміи.

При Петрѣ Великомъ отдѣленіе лѣсовъ къ заводамъ усиливается.

Относительно употребленія приписныхъ лѣсовъ Петромъ постановлено: — опредѣливъ количество лѣса необходимое ежегодно для дѣйствія завода, раздѣлить остальное пространство на 25 или 30 лѣсосѣкъ и вырубать ежегодно по одной. Вырубленное пространство запускать подъ заросль. Когда въ заводскихъ дачахъ находятся однѣ заповѣдныя деревья, то не рубить ихъ безъ разрѣшенія Адмиралтействъ-Коллегіи.

Отводъ лѣсовъ къ частнымъ заводамъ прекращенъ въ 1782 году, и частнымъ заводчикамъ велѣно довольствоваться своими лѣсами или по договору съ владѣльцами изъ другихъ лѣсовъ.

Отдѣленіе лѣсовъ къ разнымъ вѣдомствамъ началось особенно съ Императора Павла I и утверждено окончательно въ царствованія Александра I и Николая I. При этомъ, лѣса приписанные къ горнымъ заводамъ, винокуреннымъ, соляннымъ, казеннымъ коннымъ, наконецъ къ нѣкоторымъ фабрикамъ — Императорскому стеклянному и фарфоровому заводамъ, Купавинской и Межигорской фаянсовой фабрикамъ, устранены совершенно отъ вліянія казеннаго лѣснаго управленія.

а) *Лѣса горныхъ заводовъ.*

Распоряженіе лѣсами казенныхъ горныхъ заводовъ предоставлено горнымъ начальникамъ и заводскимъ управителямъ, а на частныхъ—заводчикамъ или заводскимъ конторамъ. Кромѣ потребностей заводовъ, изъ заводскихъ дачъ производятся отпуски лѣса за установленную пошлину для общаго судостроенія.

б) *Лѣса винокуренныхъ заводовъ.*

Лѣса приписанные къ казеннымъ винокуреннымъ заводамъ предоставлены, въ 1804 году, вѣдѣнію заводскаго

начальства. Лѣса эти постановлено раздѣлить на лѣсосѣки такой величины, чтобъ одной достало для дѣйствія завода на цѣлый годъ.

в) *Лѣса соляныхъ заводовъ.*

Лѣса казенныхъ соляныхъ заводовъ въ 1818 году поручены солянымъ правленіямъ, ихъ велѣно дѣлить на годичныя лѣсосѣки, на томъ же основаніи какъ и лѣса винокуренныхъ заводовъ, а въ распоряженіяхъ по управленію лѣсами поступать на «*общихъ правилахъ лѣсоводства*».

Лѣсъ для частныхъ соляныхъ варницъ, принадлежащихъ Строгановымъ и другимъ, получался изъ государственныхъ лѣсовъ безпошлинно на основаніи жалованныхъ грамотъ Ивана Грознаго. Въ 1799 году по повелѣнію Императора Павла I предположено отдѣлить въ Пермской губерніи пространства для кораблестроенія, а изъ прочихъ лѣсовъ выдѣлить участки для соляныхъ заводовъ и на постройку судовъ для перевозки соли. Повелѣніе это осталось безъ исполненія до 1805 года. Въ этомъ же году назначено отдѣлить на настоящее дѣйствіе заводовъ и въ запасъ на случай увеличенія производства 692,094 десятины. Отведенныя пространства предположено раздѣлить на лѣсосѣки при 80 лѣтнемъ оборотѣ и лѣса приписать не къ заводамъ, а къ казеннымъ селеніямъ промышлявшимъ заготовкой и доставкой лѣса къ заводамъ. Чтобы не поднять цѣну на соль, отпуски предположены безденежные и велѣно наблюдать, чтобы ежегодная вырубка не превышала назначенную для дѣйствія заводовъ пропорцію лѣса.

г) *Лѣса казенныхъ конныхъ заводовъ.*

Лѣса приписанные къ конскимъ заводамъ отдѣлены въ заводское управленіе въ 1833 году. Лѣса эти предположено раздѣлить на лѣсосѣки и на заказныя рощи. Заказныя рощи назначены на удовлетвореніе нуждъ управленія, а лѣсосѣки на продовольствіе крестьянъ конно-заводскаго вѣдомства.

д) *Лѣса Тульскихъ оружейныхъ заводовъ.*

Къ Тульскимъ оружейнымъ заводамъ была отдѣлена въ 1738 году часть засѣкъ Тульской и Калужской губерніи. Въ 1782 году лѣса эти переданы въ завѣдываніе Тульской Казенной Палаты, потомъ, въ 1797 году, снова поступили въ вѣдомство Тульскихъ заводовъ, а въ 1798 году, по новому уставу о лѣсахъ, подчинены лѣсному управленію, въ которомъ и остались до настоящаго времени.

е) *Лѣса военныхъ поселеній.*

Въ военномъ вѣдомствѣ состоятъ лѣса отведенные для округовъ военныхъ поселеній и войска Донскаго. По положенію 1826 года лѣса военныхъ поселеній, въ томъ числѣ и Черкасскіе, почитаются отдѣльнымъ казеннымъ имуществомъ и подчинены мѣстнымъ начальникамъ военныхъ поселеній. Изъ лѣсовъ этихъ производятся заготовки на потребности округовъ, а остатки заготовленныхъ матеріаловъ идутъ въ продажу и вырученныя деньги обращаются въ особый лѣсной капиталъ военныхъ поселеній.

Лѣса войска Донскаго по положенію 1835 года назначены для удовлетворенія нуждъ войсковыхъ, лѣса же при станицахъ на станичныя потребности. Въ продовольствіи войска велѣно соблюдать строгую уравнительность, мелкій лѣсъ дѣлить на лѣсосѣки, изъ строеваго рубить только то, что дѣйствительно необходимо для общественныхъ надобностей, а изъ заповѣдныхъ лѣсовъ производить отпуски только для погорѣльцевъ и казаковъ вновь обзаводящихся хозяйствомъ.

Лѣса духовнаго вѣдомства.

На основаніи штатовъ по духовной части, 1764 года, лѣса принадлежавшіе по писцовымъ книгамъ архіерейскимъ домамъ, церквамъ и монастырямъ оставлены въ полномъ распоряженіи духовнаго управленія безъ всякаго вмѣшательства лѣснаго начальства.

Къ числу лѣсовъ духовнаго вѣдомства относятся также, въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши, лѣса жалованные Польскими королями костеламъ и плебанамъ и лѣса Остзейскихъ губерній принадлежащіе пасторатскимъ видмамъ. Лѣса эти состоятъ тоже въ полномъ распоряженіи духовенства которому принадлежатъ. Изъ лѣсовъ католическаго вѣдомства допущена продажа валежника и части растущаго лѣса съ дозволенія главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій не свыше какъ на 1,000 рублей ассигнаціями; на большую же сумму нужно испрашивать Высочайшее разрѣшеніе.

Относительно лѣсовъ Православнаго духовенства въ 1832 году постановлено: «для подкрѣпленія монастырей въ способахъ ихъ существованія» отдѣлять имъ изъ казенныхъ лѣсовъ, гдѣ возможно, участки и сдавать ихъ въ завѣдываніе монастырей съ тѣмъ, чтобы они сохраняли ихъ отъ истребленія и пользовались на первый разъ однимъ валежникомъ, а въ послѣдствіи, съ разрѣшенія Сvнода и сырымъ лѣсомъ. Пользованіе лѣсомъ дозволено только для монастырскихъ надобностей и отнюдь не на продажу, и выдѣленные участки исключены изъ завѣдыванія лѣснаго начальства.

Лѣса городскіе.

Въ 1785 году лѣса принадлежавшіе городамъ предоставлены имъ въ полное владѣніе, право это продолжалось только до учрежденія Императоромъ Павломъ въ 1798 году особаго лѣснаго управленія. Послѣ этого по манифесту 1801 года городскіе лѣса предоставлены опять городскимъ обществамъ, на основаніи городоваго положенія, т. е. тѣмъ, у которыхъ въ планахъ значились лѣса или лѣса находились въ чертѣ города. Остальные взяты въ лѣсное управленіе, но въ 1832 году переданы городамъ снова и завѣдываніе ими возложено на Городскія Думы.

Лѣса колонистскіе.

Съ составленіемъ въ 1762 году проэкта водворенія въ Россіи иностранныхъ поселенцевъ, предоставлены имъ и

лѣса находившіеся на мѣстахъ назначенныхъ для поселеній. Лѣса эти въ 1798 году поступили въ вѣдѣніе лѣснаго начальства, но на основаніи манифеста 1801 года предоставлены колонистамъ. При этомъ, иностраннымъ поселенцамъ велѣно беречь свои лѣса и пользоваться ими только для домашнихъ надобностей, но не на продажу.

Лѣса удѣльные.

Лѣса селеній поступавшихъ въ удѣльное вѣдомство и лѣса пріобрѣтенные удѣльнымъ вѣдомствомъ составляютъ лѣса удѣльные. Первые состояли въ завѣдываніи лѣснаго управленія, а вторые, съ 1808 года, въ распоряженіи Департамента Удѣловъ. Въ 1834 году повелѣно лѣса перваго рода передать тоже въ удѣлъ, и за тѣмъ уничтожено всякое вліяніе лѣснаго управленія на удѣльные лѣса, которые и управляются на правахъ частной собственности.

Лѣса частные.

Повелѣніе Петра Великаго, 1703 года, наложило на частныхъ владѣльцевъ запрещеніе на свободное пользованіе изъ своихъ дачъ лѣсами годными для кораблестроенія и для другихъ государственныхъ потребностей. По идеи Петра лѣсъ годный для потребностей государства или народа, не могъ составлять частной собственности. Екатерина II указомъ 11 сентября 1782 года повелѣла всѣ лѣса растущіе въ частныхъ дачахъ, предоставить въ полную собственность и распоряженіе ихъ владѣльцевъ. Императоры Павелъ I и Александръ I, издавая новые уставы о лѣсахъ, не коснулись частной собственности и постановленіе Екатерины II осталось въ своей силѣ по настоящее время.

Хотя правительство и обнародывало въ новѣйшее время распоряженія, касавшіяся, повидимому, частныхъ лѣсовъ, однако въ сущности они относились собственно до лѣсовъ казенныхъ. Такимъ образомъ на сплавъ лѣсовъ изъ владѣльческихъ дачъ велѣно давать градскимъ и земскимъ полиціямъ билеты, также повелѣно описать всѣ помѣщичьи

лѣса Вологодской губерніи, изъ которыхъ можетъ быть сплавъ къ Архангельскому порту. Распоряженія эти имѣли цѣлью прекратить злоупотребленія и продажу казенныхъ лѣсовъ подъ видомъ помѣщичьихъ.

Лѣса арендные и старостинскіе.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Остзейскихъ и Польскихъ губерній явились еще слѣдующіе виды лѣсовъ: арендные, старостинскіе, поіезуитскіе и ленные.

До 1798 года лѣса арендныхъ и старостинскихъ имѣній состояли въ распоряженіи ихъ временныхъ владѣльцевъ. Съ изданіемъ форстмейстерской инструкціи, 1798 года, лѣса эти поступили въ вѣдѣніе обер-форстмейстеровъ. Тогда же велѣно выдѣлять изъ нихъ пятыя части въ заказныя рощи, а остальныя пространства раздѣлить на годовыя лѣсосѣки и въ ежегодную вырубку для удовлетворенія потребностей крестьянъ и временныхъ владѣльцевъ назначать одну лѣсосѣку. Гдѣ же лѣса не были раздѣлены на лѣсосѣки, тамъ постановлено вырубать ежегодно пространство не болѣе площади годовой лѣсосѣки. Такой порядокъ пользованія опредѣленъ для временныхъ владѣльцевъ и крестьянъ только тѣхъ имѣній, къ которымъ принадлежитъ дача. Въ 1835 году сдѣлано исключеніе изъ этого правила для безлѣсныхъ казенныхъ имѣній губерній Лифляндской и Эстляндской. Безлѣснымъ имѣніямъ этихъ губерній дозволено пользоваться лѣсомъ безденежно изъ дачъ другихъ казенныхъ имѣній и преимущественно изъ остатковъ въ годовыхъ лѣсосѣкахъ.

Лѣса поіезуитскіе.

Поіезуитскими называются лѣса принадлежавшіе Іезуитскому Ордену и по уничтоженіи его проданные, въ 1775 году, польскимъ дворянамъ, по особой оцѣнкѣ, которая оставлена вѣчно на имѣніи, а владѣлецъ обязанъ былъ платить ежегодно опредѣленные проценты той монетой, которой сдѣлана оцѣнка имѣнія.

Въ 1800 году лѣса эти отобраны въ казну, а въ 1807 году оцѣночныя суммы имѣній возвышены и имѣнія вмѣстѣ съ лѣсами предоставлены въ вотчинную собственность владѣльцевъ и устранены отъ всякаго наблюденія и присмотра со стороны казеннаго управленія.

Лѣса ленные.

Ленными называются недвижимыя населенныя имѣнія, пожалованныя бывшимъ польскимъ правительствомъ во владѣніе частнымъ лицамъ, до окончанія мужской линіи. Съ пресѣченіемъ поколѣнія имѣнія поступаютъ въ казну. Ленные лѣса находятся подъ присмотромъ казеннаго управленія и должны быть раздѣлены на годовыя лѣсосѣки. Казна не имѣетъ права пользоваться ленными лѣсами, за исключеніемъ корабельныхъ деревъ.

Лѣса казенныхъ крестьянъ.

Крестьянскіе лѣса появились у насъ со времени генеральнаго межеванія; ими названы лѣсныя пространства вошедшія въ окружную межу земель отведенныхъ казеннымъ селеніямъ.

По инструкціи 1798 года оберъ-форстмейстерамъ поручалось наблюдать за этими лѣсами и раздѣлить ихъ на лѣсосѣки. Манифестомъ же 2 апрѣля 1801 года крестьянскіе лѣса предоставлены въ свободное пользованіе казеннымъ крестьянамъ, за исключеніемъ деревъ годныхъ для кораблестроенія. Для предупрежденія истребленія лѣсовъ, волостнымъ правленіямъ постановлено въ обязанность раздѣлить дачи на лѣсосѣки.

Уставомъ о лѣсахъ, 1802 года, велѣно отдѣлить крестьянскіе лѣса отъ казенныхъ, выдѣлить пятыя части въ заказныя рощи, а остальныя пространства раздѣлить на лѣсосѣки. Непосредственное вѣдѣніе крестьянскихъ лѣсовъ осталось по прежнему на обязанности волостныхъ правленій; лѣсному же начальству поручено наблюдать, чтобы не

вырубалось болѣе лѣсосѣки назначенной для годоваго продовольствія.

Государственнымъ крестьянамъ губерній Архангельской Вологодской, Вятской и нѣкоторыхъ волостей и селеній губерній Нижегородской, Казанской, Костромской и Новгородской, занимающимся лѣсными промыслами, разрѣшено отводить изъ лѣсовъ принадлежащихъ къ ихъ селеніямъ особыя пространства и отпускъ лѣса производить за попенныя деньги.

Въ 1832 году относительно крестьянскихъ лѣсовъ издано новое положеніе, по которому опредѣляются къ каждому селенію въ заказныя рощи пространства равняющіяся восьмой части всѣхъ угодій селенія. Эти рощи оставлены навсегда въ пользованіе крестьянъ и поручены наблюденію волостнаго и сельскаго начальства, безъ вмѣшательства лѣснаго управленія. Остальные же лѣса казенныхъ селеній поручены, какъ и казенные, вѣдѣнію лѣснаго начальства и изъ нихъ велѣно дѣлать ежегодные отпуски лѣса, изъ неважныхъ породъ, на домашнее продовольствіе крестьянъ, но не на продажу.

Лѣса отведенные въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ дозволено было расчищать подъ пашни и покосы, съ тѣмъ, чтобы расчистки дѣлались только въ губерніяхъ богатыхъ лѣсомъ и не трогать строевой лѣсъ на 25 верстномъ разстояніи отъ судоходныхъ рѣкъ; — чтобы за расчисткой оставалось у крестьянъ подъ лучшими лѣсами не менѣе осьмой части всѣхъ ихъ земель; — расчищать мѣста смежныя съ полями и наконецъ, чтобы расчистка не превышала единовременно одной десятины на каждую ревизскую душу во всѣхъ поляхъ вообще.

Въ 1828 году запрещено расчищать дубовые лѣса, даже негодные для Адмиралтейства, въ губерніяхъ: Казанской, Нижегородской, Вятской, Тамбовской, Симбирской, Оренбургской и Пензенской.

Крестьянамъ губерній Архангельской и Вологодской дозволено расчищать свободно пространства съ краю лѣсныхъ

дачъ, преимущественно изъ такихъ участковъ, которые не обѣщаютъ хорошихъ насажденій для болѣе важнаго употребленія.

Лѣса общіе.

Вслѣдствіе неразъясненія правъ владѣнія и неокончанія межеванія, образовались лѣса извѣстные подъ названіемъ общихъ, въѣзжихъ и спорныхъ.

Общія лѣсныя дачи частныхъ владѣльцевъ съ казной или казенными крестьянами, должны быть размежеваны по крѣпостямъ представляемымъ въ судебныя мѣста въ опредѣленные сроки.

По разсмотрѣніи этихъ документовъ, отводятся владѣльцамъ и казеннымъ крестьянамъ во временное пользованіе такія части, какія будутъ имъ принадлежать по крѣпостямъ и въ эти отведенныя пространства дозволяется въѣздъ для выбора валежника и сухихъ деревъ на ихъ продовольствіе. Если же валежника и сухоподстоя нѣтъ, то отпускается на собственныя нужды помѣщиковъ и крестьянъ и растущій лѣсъ.

Лѣса спорные.

Спорные лѣса должны состоять подъ присмотромъ земской полиціи и лѣснаго управленія. До рѣшенія спора дѣлаются отпуски только изъ валежника съ дозволенія лѣснаго управленія и земской полиціи на необходимыя домашнія надобности той сторонѣ, которая имѣетъ лѣсъ въ дѣйствительномъ владѣніи. Если же валежника нѣтъ, то для необходимыхъ домашнихъ надобностей отпускать деревья стоящія на корнѣ.

Лѣса въѣзжіе.

Въѣзжіе лѣса образовались еще до Петра Великаго. Когда въ помѣстьѣ жалованномъ дворянину лѣсовъ не было, то ему дозволялось въѣзжать за строевымъ или дровянымъ матеріаломъ на собственныя нужды въ казенныя дачи.

Владѣльцы имѣющіе право въѣзда въ казенные лѣса обязаны представить въ опредѣленный срокъ документы, а для временнаго пользованія имъ отводятся участки и позволяется выбирать валежникъ и сухоподстой; въ случаѣ неимѣнія этого лѣса можно, съ дозволенія лѣснаго начальства, рубить сырой лѣсъ негодный для постройки судовъ.

Такимъ образомъ ко времени учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ образовались слѣдующіе виды лѣсовъ по владѣнію:

Лѣса казенные.

Лѣса корабельные.

Лѣса приписанные къ разнымъ промысламъ, фабрикамъ и заводамъ.

Лѣса военныхъ поселеній.

Лѣса духовнаго вѣдомства.

Лѣса городскіе.

Лѣса колонистовъ.

Лѣса удѣльнаго вѣдомства.

Лѣса частные.

Лѣса арендные и старостинскіе.

Лѣса поіезуитскіе и ленные.

Лѣса казенныхъ крестьянъ.

Наконецъ лѣса общіе, въѣзжіе и спорные.

Первыя мѣры къ приведенію лѣсовъ въ порядокъ и извѣстность положены Петромъ Великимъ.

Межеваніе лѣсовъ.

Съ раздѣленіемъ лѣсовъ на заповѣдные и незаповѣдные, повелѣно описать всѣ корабельныя деревья въ извѣстныхъ отъ рѣкъ разстояніяхъ.

Императрица Анна Ивановна для прекращенія истребленія корабельныхъ лѣсовъ частными лицами, велѣла послать изъ Адмиралтействъ-Коллегіи особыхъ чиновниковъ съ геодезистами для описанія и составленія плановъ всѣмъ лѣсамъ годнымъ для адмиралтейства.

Наконецъ генеральное межеваніе имѣло большое вліяніе на приведеніе лѣсовъ въ извѣстность, хотя при немъ сняты только однѣ окружныя межи.

Первое специальное межеваніе начато при Императорѣ Павлѣ, съ передачей въ 1798 году всѣхъ лѣсовъ въ вѣдѣніе Адмиралтействъ-Коллегіи и учрежденіемъ обер-форстмейстеровъ и форстмейстеровъ. Для описи и приведенія въ извѣстность мѣстоположенія, количества и качества дубовыхъ, сосновыхъ и другихъ заповѣдныхъ лѣсовъ, были командированы флотскіе офицеры. Описанія эти, продолжавшіяся до 1805 года, служили въ новѣйшее время почти единственнымъ, хотя и не всегда вѣрнымъ основаніемъ и руководителемъ при выдѣлѣ корабельныхъ рощъ.

Съ изданіемъ, въ 1827 году, новаго положенія объ устройствѣ лѣсной части, въ лѣсныхъ отдѣленіяхъ Казенныхъ Палатъ назначены по штату землемѣры. Къ сожалѣнію, занятые большею частью исполненіемъ текущихъ межевыхъ дѣлъ Казенныхъ Палатъ, они сняли очень не много лѣсныхъ дачъ и дѣло это въ такомъ неоконченномъ видѣ досталось Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Сбереженіе и охраненіе лѣсовъ.

Вмѣстѣ съ приведеніемъ лѣсовъ въ извѣстность, правительство начало заботиться о возможно бережливомъ употребленіи лѣсовъ и охраненіи ихъ.

Первыя мѣры къ этому положены тоже Петромъ Великимъ. Прежде всего онъ запретилъ рубить заповѣдный лѣсъ для частныхъ нуждъ. Потомъ не велѣлъ рубить на дрова и уголь сосновыя деревья толще пяти вершковъ. Далѣе запрещено изъ дуба и толстой сосны дѣлать долбленые гробы, строить суда изъ топорныхъ досокъ и т. д.

Императрица Елисавета Петровна не позволила заводить огнедѣйствующіе заводы въ разстояніи 200 верстъ отъ Москвы.

Екатерина II не велѣла употреблять большія деревья на мелкія подѣлки и оставлять при рубкѣ лѣса пни болѣе

шести вершковъ. Въ Слободской губерніи велѣно опредѣлить для куренія вина умѣренное число кубовъ и казановъ.

Императоръ Павелъ запретилъ дѣлать насѣчки на деревьяхъ для добыванія смолы и повелѣлъ сидѣть смолу и деготь изъ валежника, вѣтролома и пней, а также на починку дорогъ употреблять камень, гравій, песокъ и т. д.

При Петрѣ Великомъ охраненіе лѣсовъ ограничивалось только одними заповѣдными насажденіями и надзоръ за ними поручался надзирателямъ изъ дворянъ, обывателямъ и служилымъ людямъ; охраненіе помѣщичьихъ и дворцовыхъ лѣсовъ возлагалось на прикащиковъ, старостъ и выборныхъ. Заповѣдные лѣса Ингерманландіи и Новгородской провинціи, находившіеся сначала въ вѣдѣніи князя Хилкова, а потомъ переданные коммисару Кафтыреву, поручены были надзору 10-ти дворянъ, а въ помощь имъ дано «*нѣсколько*» солдатъ.

Съ учрежденіемъ, въ 1722 году, вальдмейстеровъ лѣса раздѣлены на части, надзоръ за ними порученъ надзирателямъ изъ однодворцевъ, отставныхъ драгунъ, солдатъ, а гдѣ ихъ не было прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ изъ крестьянъ.

Съ передачей лѣсовъ въ царствованіе Екатерины II въ вѣдѣніе Директоровъ Экономіи, надзоръ за лѣсами порученъ лѣснымъ старостамъ и полѣсовщикамъ. Старосты избирались ежегодно сельскими обществами, а полѣсовщики наряжались по очереди изъ крестьянъ.

Въ 1798 году мѣстное охраненіе лѣсовъ возложено на лѣсныхъ надзирателей или полѣсовщиковъ, избиравшихся ежегодно изъ казенныхъ поселянъ, а въ 1800 году, для охраненія лѣсовъ отъ пожаровъ учреждены пожарные старосты.

При Императорѣ Александрѣ I на охраненіе лѣсовъ было обращено большое вниманіе и къ нѣкоторымъ дачамъ опредѣлены постоянные лѣсные сторожа изъ военныхъ нижнихъ чиновъ.

По положенію 1826 года о новомъ устройствѣ лѣсной части, назначены объѣздчики и лѣсные сторожа изъ воен-

ныхъ нижнихъ чиновъ къ нѣкоторымъ лѣсамъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Казанской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, С. Петербургской, Ярославской, Лифляндской, Калужской, Орловской, Тульской, Тамбовской и Московской. Остальные лѣса оставлены подъ надзоромъ полѣсовщиковъ.

По неудобству и недостаточному охраненію лѣсовъ подобной стражей, особенно при недостаточномъ ея числѣ, въ 1832 году составлено предположеніе о водвореніи въ лѣсахъ постоянной стражи изъ крестьянскихъ семействъ и изъ объѣздчиковъ. Стражу эту, названную поселенной, предположено водворить съ начала, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ: С. Петербургской, Московской, Воронежской и Екатеринославской, а въ 1835 году разрѣшено учредить въ губерніи Кіевской.

Употребленіе лѣсовъ.

Петръ Великій ограничилъ свободную рубку лѣсовъ раздѣливъ ихъ на заповѣдные и не заповѣдные. Изъ заповѣдныхъ лѣсовъ дозволено рубить лѣсъ на кораблестроеніе, для потребностей артиллеріи, для каналовъ и на другія казенныя потребности, на потребности заводовъ устроенныхъ отъ казны и на постройку частныхъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ. Не заповѣдные лѣса позволено рубить свободно.

На кораблестроеніе отпускались лучшія деревья, а на прочія потребности шелъ лѣсъ негодный для судовъ, валежникъ, сухоподстой и мелкій лѣсъ. Для артиллеріи сдѣлано исключеніе и въ случаѣ неимѣнія годнаго лѣса дозволено рубить корабельныя деревья.

По инструкціи 1723 года въ случаѣ надобности лѣса для казеннаго употребленія посылалась обер-вальдмейстеру вѣдомость, какое количество по породамъ и размѣрамъ и кому разрѣшено заготовить. Вальдмейстерская канцелярія посылала указъ вальдмейстеру, а тотъ давалъ знать над-

смотрщику, который и обязывался наблюдать, чтобы лѣсъ рубился только на то употребленіе, на которое разрѣшенъ и не въ излишнемъ количествѣ противъ дозволенія. Если подрядчикъ вырубалъ лишнее или для своего употребленія, то подвергался штрафу опредѣленному за самовольную порубку.

Когда отпускался заповѣдный лѣсъ на домашнія нужды, то объявленіе частнаго лица записывалось надсмотрщикомъ въ книгу, отводился участокъ и деревья разрѣшенныя въ рубку клеймились на корнѣ, такъ чтобы вальдмейстеръ при осмотрѣ лѣсовъ могъ видѣть какія деревья вырублены съ разрѣшенія и какія самовольно.

До Екатерины II лѣса не составляли предмета дохода казны и почти всѣ отпуски производились безденежно за исключеніемъ фабрикантовъ, которымъ на дѣланіе инструментовъ отпускался за деньги дубовый лѣсъ съ разрѣшенія Адмиралтействъ-Коллегіи; — и Пермскихъ соляныхъ заводовъ, платившихъ въ казну по 3 копѣйки съ сажени дровъ. Въ 1734 году въ замѣнъ посаженныхъ денегъ велѣно взыскивать съ заводчиковъ по 10 коп. съ рубля чистой прибыли отъ заводовъ.

Первое проявленіе финансовой идеи принадлежитъ 1781 году, когда постановлено съ лѣсовъ вырубленныхъ въ казенныхъ дачахъ Новгородской губерніи на распиловку, взыскиватъ по 5 копѣекъ съ дерева.

Екатеринѣ II принадлежитъ начало нынѣшняго порядка удовлетворенія изъ лѣсовъ казенныхъ и частныхъ потребностей и приданіе лѣсамъ финансоваго значенія.

Вслѣдствіе этого, установились разныя условія пользованія лѣсами и порядка отпусковъ изъ нихъ.

Смѣты.

Въ 1810 году постановлено для опредѣленія количества лѣса возможнаго къ отпуску, составлять ежегодно смѣты. Въ смѣтахъ должно показывать, сколько изъ каждой лѣсной дачи можно вырубить ежегодно разныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и для какихъ надобностей они должны быть отпу-

щены. Утвержденіе на смѣты должны были давать гражданскіе губернаторы.

Въ 1812 году велѣно при составленіи смѣтъ наблюдать, чтобы съ каждой десятины лѣснаго пространства хорошаго насажденія назначать не болѣе двухъ строевыхъ деревъ и одной сажени дровъ, а изъ дачъ худшаго качества и менѣе этой пропорціи.

Таксы.

Первая такса издана въ 1799 году Императоромъ Павломъ. Въ ней назначены цѣны строевымъ деревьямъ и дровамъ. Нормой при назначеніи цѣнъ строевымъ деревьямъ принята сосна. Деревья 6 и болѣе саженъ, причисленныя къ корабельнымъ, продавать запрещено. Для дровъ положены цѣны за сажень трехъ-аршинной мѣры.

Таксы эти, имѣвшія сначала обязательную силу для всѣхъ губерній, въ царствованіе Императора Александра I измѣнены для нѣкоторыхъ губерній: для Калужской возвышены, для Вятской и Минской понижены.

Въ таксѣ для Вятской губерніи (1804 года) постановлено лѣса растущіе ближе пяти верстъ отъ рѣкъ сберегать для постройки судовъ, гдѣ же постройка судовъ не производится, тамъ продавать подобные лѣса съ надбавкой одной трети противъ цѣны положенной для разстояній отъ 5 до 10 верстъ.

Въ 1806 году издана такса на сосновыя деревья длиннѣе 6 саженъ и цѣна расчислена втрое противъ поценныхъ на строевой лѣсъ, т. е. по $11^1/_4$ коп. за кубическій футъ.

Въ 1810 году изданы новыя таксы, которыя распространены на губерніи: Казанскую, Симбирскую, Нижегородскую, Владимірскую, Архангельскую и Вологодскую и на нѣкоторые уѣзды губерній Вятской, Оренбургской, Пермской, Костромской, С. Петербургской и Новгородской.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изданы таксы на дубовыя деревья на лѣса Тульскихъ и Калужскихъ засѣкъ.

Такса 1810 года служитъ основаніемъ нынѣ дѣйствующихъ таксъ.

Билеты на рубку.

Заготовка для частныхъ и казенныхъ потребностей можетъ производиться по выдачѣ лѣснымъ начальствомъ билетовъ.

Первая идея подобной мѣры принадлежитъ Петру Великому, но при немъ она распространялась только на заповѣдные лѣса. Павелъ I распространилъ ее въ 1798 году на всѣ казенныя дачи и выдача билетовъ была возложена на Адмиралтействъ-Коллегію. Въ 1804 году дозволено въ Вятской губерніи получать билеты отъ форстмейстеровъ и ферстеровъ, а въ 1810 году порядокъ этотъ установленъ для всѣхъ губерній.

Въ 1820 году опредѣлена форма билетамъ и порядокъ выдачи ихъ заготовщикамъ лѣса.

Для покрытія расходовъ на заготовленіе билетовъ опредѣлено при отпускахъ лѣса частнымъ лицамъ взыскивать съ нихъ по одному проценту съ суммы причитающейся за лѣсъ, а въ 1825 году велѣно брать за каждый билетъ 50 копѣекъ гербовыхъ пошлинъ.

Въ 1832 году велѣно выдачу билетовъ прекращать за 20 дней до срока рубки опредѣленнаго для каждой губерніи.

Срокъ рубки.

Сначала по инструкціи 1798 года срокъ рубки лѣса назначенъ общій отъ сентября до марта. Въ послѣдствіи срокъ этотъ измѣненъ. Такимъ образомъ въ 1820 году позволено рубить въ Архангельской губерніи до 15 апрѣля, въ 1821 году, въ Вологодской губерніи до 1 апрѣля, въ 1822 году въ Вятской губерніи до 1 апрѣля, въ 1829 году для Олонецкой губерніи до 20 марта, въ 1832 году срокъ рубки для губерній Вятской, Казанской, Симбирской, Оренбургской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и С. Петербургской опредѣленъ до 15 марта.

Во всякое время года дозволено рубить лѣсъ отпускаемый крестьянамъ на постройку погорѣвшихъ домовъ, на

починку мостовъ и дорогъ, полкамъ на починку обозовъ, на дѣланіе ложъ, сженіе угля и сапернымъ батальонамъ въ лѣтнее время для практическихъ занятій.

Свидѣтельство рубокъ.

Вырубленный лѣсъ по постановленію 1810 года слѣдуетъ свидѣтельствовать мѣстному лѣсничему вмѣстѣ съ волостнымъ или сельскимъ начальствомъ и двумя старшинами ближайшихъ селеній. По окончаніи свидѣтельства ставится на билетѣ крестообразно знакъ уничтоженія во весь листъ писаннаго мѣста. Если же окажется, что вырублено излишнее количество, или лѣсъ недорубленъ, то это прописывается на билетѣ.

Для предупрежденія самовольныхъ порубокъ въ Олонецкой губерніи велѣно свидѣтельствовать лѣса въ запаняхъ при связкѣ ихъ въ плоты, а лѣсопромышленникамъ указано выбивать свои клейма на деревьяхъ. Въ 1832 году правило это распространено на губерніи Оренбургскую, Вятскую, Симбирскую, Казанскую, Нижегородскую, Костромскую, Ярославскую и С. Петербургскую.

Сплавъ лѣса.

Для удостовѣренія, что сплавляемые лѣса не вырублены самовольно въ казенныхъ дачахъ, въ 1807 году установлены сплавные билеты. На лѣса заготовленные въ казенныхъ дачахъ билеты постановлено выдавать лѣснымъ чиновникамъ, а на лѣса частные владѣльцамъ дачъ съ засвидѣтельствованіемъ Земскихъ Судовъ.

Лѣсные матеріалы сплавляемые безъ билетовъ велѣно впослѣдствіи задерживать и если окажется, что лѣсъ вырубленъ самовольно изъ казенныхъ дачъ, то съ виновными поступать какъ съ самовольными порубщиками, когда же лѣса заготовлены въ помѣщичьихъ дачахъ, то за неимѣніе билетовъ взыскивать за каждое бревно по 5 копѣекъ, а за прочій лѣсъ по 5 копѣекъ съ оцѣночнаго рубля.

Лѣсныя заставы.

Въ 1800 году постановлено вмѣсто попенныхъ денегъ брать съ судовъ строимыхъ изъ казеннаго лѣса пошлину, суда клеймить и выдавать на нихъ билеты. Но какъ послѣ этого явилось много судовъ безъ клеймъ и билетовъ, то Лѣсной Департаментъ въ 1802 году предписалъ: ко всѣмъ заставамъ вѣдомства Путей Сообщенія и ко всѣмъ пристанямъ командировать по одному форстмейстеру.

Такой порядокъ оказался неудобнымъ потому, что форстмейстеры отвлекались отъ наблюденія за своими лѣсами, по этому въ 1805 году опредѣленъ особый приставъ съ однимъ надсмотрщикомъ и четырьмя рядовыми въ Рыбинскъ, а въ 1806 году, чтобы не проходили мимо Шлиссельбурга неклейменые суда въ Петербургъ, устроена въ Шлиссельбургѣ застава по примѣру Рыбинской. Въ 1807 году назначена застава въ Архангельской губерніи.

Съ установленіемъ сплавныхъ билетовъ велѣно было свидѣтельствовать на заставахъ лѣса и провѣрять ихъ съ билетами, и въ тоже время учреждено на разныхъ рѣкахъ 95 временныхъ надзоровъ.

Впослѣдствіи, въ 1818 году, всѣ эти заставы какъ мѣшавшія судоходству, уничтожены и оставлены заставы Рыбинская, Шлиссельбургская и Архангельская.

Въ 1830 году, въ предупрежденіе, чтобы лѣса вырубаемые для распиловки за порамныя деньги на Олонецкіе лѣсопильные заводы не могли быть сплавляемы въ Петербургъ по рѣкамъ впадающимъ въ Свирь и Оять, устроена застава въ селеніи Сермаксѣ на р. Свири.

Въ томъ же году учреждено особое отдѣленіе Архангельской заставы при селеніи Усть-Пинега.

Относительно сухопутной перевозки лѣса до учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ существовали два постановленія, — одно общее, 1810 года, по которому купившій лѣсъ изъ казенной дачи могъ вести его свободно

до своего селенія по билету выданному на рубку, а другое частное для Остзейскихъ губерній, по которому всѣ крестьяне привозящіе лѣсъ въ города, должны были имѣть виды, на лѣса казенные отъ лѣсныхъ чиновниковъ, а на лѣса частные отъ владѣльцевъ дачъ или ихъ управляющихъ. Постановленіе это издано для прекращенія самовольныхъ порубокъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ лѣсовъ Остзейскихъ губерній.

Кромѣ продажи лѣсовъ изъ казенныхъ дачъ на изложенныхъ выше общихъ основаніяхъ, установились по времени еще слѣдующіе отпуски:

Отпуски лѣса для артиллеріи.

По обер-форстмейстерской инструкціи Императора Павла велѣно отпускать для артиллеріи дубовыя деревья, негодныя для кораблестроенія, а также вязъ, илимъ и карачагъ.

Въ 1828 году разрѣшено въ губерніяхъ, въ которыхъ не заготовляются для флота корабельные лѣса, отпускать и годныя корабельныя деревья, въ прочихъ же губерніяхъ на подобные отпуски испрашивать Высочайшее повелѣніе.

Отпуски по вѣдомству путей сообщенія.

Императоръ Александръ I разрѣшилъ сначала, въ 1816 году, отпускать вѣдомству Путей Сообщенія изъ казенныхъ дачъ фашинникъ безъ платежа попенныхъ денегъ, а въ 1817 году дозволено отпускать для большихъ дорогъ безденежно и строевой лѣсъ.

Отпуски на мосты, гати и дороги.

Въ 1799 году февраля 27 дня, Императоръ Павелъ повелѣлъ лѣсъ на постройки и починки мостовъ отпускать изъ казенныхъ дачъ за деньги, но потомъ въ томъ же году (16 іюня) по неудобству подобной мѣры, особенно въ лѣсн-

стыхъ губерніяхъ, дозволено отпускать казеннымъ крестьянамъ безденежно еловыя деревья.

Александръ I измѣнилъ порядокъ установленный Императоромъ Павломъ, и въ 1805 году издалъ постановленіе, по которому государственнымъ крестьянамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мосты и дороги исправляются ими натурой, велѣно отпускать казенный лѣсъ безденежно и не только еловый, но въ случаѣ недостатка его и изъ другихъ породъ негодныхъ для кораблестроенія. Другимъ вѣдомствамъ отпускъ лѣса на мосты и дороги производить за деньги.

При отпускахъ лѣсовъ на этомъ основаніи оказалось, что требованія превосходили иногда возможность удовлетворенія ихъ. По этому въ 1831 году предписано, чтобы лѣсъ замѣнять по возможности камнемъ, гравіемъ и пескомъ и чтобы на починки мостовъ и дорогъ Земскіе Суды составляли смѣты и при томъ съ крайней осмотрительностью, безъ всякаго излишества и по соображеніямъ состоянія лѣсныхъ дачъ. При этомъ лѣсные чины и Земскія Полиціи обязаны наблюдать, чтобы лѣсъ отпускаемый на дороги и мосты не шелъ на другое употребленіе.

Кромѣ починки дорогъ и мостовъ, государственнымъ крестьянамъ постановлено отпускать безденежно лѣсъ при переселеніяхъ, на постройки запасныхъ сельскихъ магазиновъ и для постройки погорѣлыхъ домовъ. Относительно отпусковъ погорѣльцамъ, въ 1798 году разрѣшено выдавать вообще на каждый дворъ по 25 корней, но въ 1803 году, примѣняясь къ разнообразію построекъ и различію климатовъ, велѣно отпускать въ южныхъ губерніяхъ по 25 корней на домъ, въ среднихъ по 50, а въ сѣверныхъ сколько нужно на всю крестьянскую постройку по смѣтамъ.

Но какъ пожары истребляютъ обыкновенно не всѣ строенія, то въ 1818 году сдѣлано расчисленіе сколько необходимо на каждую отдѣльную крестьянскую постройку и по этому расчету постановлено отпускать на избу 21 корень; на дворъ, конюшню и хлѣвъ 12; на овинъ съ гумномъ 7 и на амбаръ и баню 10 корней.

Отпускъ лѣса на строеніе рѣчныхъ судовъ.

Многіе государственные крестьяне, будучи поселены на земляхъ неспособныхъ къ хлѣбопашеству, единственнымъ средствомъ пропитанія имѣли постройку рѣчныхъ судовъ. Правительство имѣя въ виду, что крестьяне эти по бѣдности платить впередъ за лѣсъ деньги не въ состояніи, въ 1799 году дозволило отпускать имъ лѣсъ безденежно, но въ замѣнъ этого взыскивать пошлину съ выстроеннаго судна по числу квадратныхъ сажень дна.

Въ 1800 году пошлина эта опредѣлена въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ пильныхъ водовиковъ, романовиковъ и подобныхъ озерныхъ судовъ, а также съ рѣчныхъ барокъ, полубарокъ, коломенокъ, байдаковъ, струговъ, ладей и прочихъ судовъ, имѣющихъ боковыя стѣны отъ 5 до 8 четвертей аршина вышины, взыскивать по 40 копѣекъ съ сажени, съ судовъ имѣющихъ стѣны отъ 8 до 10 четвертей вышины—по 50 копѣекъ; отъ 10 до 12 четвертей—по 60 копѣекъ; отъ 12 и болѣе по 75 копѣекъ. Съ судовъ имѣющихъ крыши велѣно брать сверхъ того еще десятую часть пошлины, а съ топорныхъ судовъ вдвое. Лодки для прислуги и другія мелкія суда отъ пошлины избавлены въ томъ предположеніи, что онѣ строятся изъ остатковъ отъ большихъ судовъ.

Въ 1810 году показанныя выше пошлины удвоены и за мелкія суда, прислугу, велѣно брать: за четырехсаженныя по 2 руб., а за меньшія по рублю.

Отпускъ лѣса на постройку мореходныхъ судовъ.

Въ 1785 году позволено купцамъ первой гильдіи строить мореходныя суда. Въ 1800 году право это распространено на все купечество, посадскихъ и дворянъ и во избѣжаніе затрудненій при расчетахъ попенныхъ денегъ, постановлено брать въ казну пошлину по длинѣ киля, именно: до 40 футовъ по 50 коп., до 50 фут. — по 1 руб., до 60 фут. по 2 руб., до 70—по 3 руб., до 80 фут. по 4 руб., до 90 фут.

по 6 руб., до 10 фут. по 10 руб., а за суда болѣе 100 фут. по килю по 15 руб. за каждый футъ.

Въ 1804 году Лѣсной Департаментъ составилъ новое предположеніе о сборѣ пошлинъ и повелѣно съ судовъ отъ 40 до 80 футовъ длины по килю брать по 7 руб. съ фута, отъ 80 до 110 фут. и болѣе по 18 р. 50 коп. съ фута.

Для поощренія постройки русскихъ мореходныхъ судовъ, въ 1830 году пошлина уменьшена, и въ теченіи 10 лѣтъ велѣно брать съ судна въ 40 футовъ по килю 3 руб., отъ 40 до 80 фут. по 5 руб. и отъ 80 до 110 и болѣе по 10 руб. съ фута.

По поводу возникшаго въ Архангельской губерніи вопроса о справедливости взысканій пофутныхъ и посаженныхъ пошлинъ, въ 1828 году дозволено получать лѣсъ для постройки судовъ изъ казенныхъ дачъ и за попенныя деньги.

Для постройки частныхъ судовъ запрещено отпускать корабельныя деревья и допущено исключеніе только для Вологодской губерніи, гдѣ на починку купеческихъ мореходныхъ судовъ дозволено отпускать до тысячи сосновыхъ большемѣрныхъ деревъ за пофутныя деньги.

Отпускъ лѣса на частные лѣсопильные заводы.

Лѣсопильные заводы дѣлятся на два рода: однимъ отпускается лѣсъ за порамныя деньги, а другимъ за попенныя.

Заводы дѣйствующіе за порамныя деньги находятся въ Олонецкой губерніи и начали устроиваться тамъ въ 1736 году. Сначала заводы эти пользовались лѣсомъ безденежно, а потомъ начали взыскивать съ нихъ по 5 коп. съ бревна.

Въ 1798 году Императоръ Павелъ запретилъ отпускать казенный лѣсъ на частные заводы и они прекратили свои дѣйствія.

Въ 1804 году велѣно составить описаніе этихъ заводовъ и изъ найденныхъ 32 уничтожено 14, остальнымъ 18 дозволено получать лѣсъ для распиловки изъ казенныхъ дачъ за порамныя деньги. Всѣ заводы раздѣлены на 4 отдѣленія.

Заводы 1-го отдѣленія должны были платить съ каждой рамы по 260 руб., 2-го отдѣленія по 200 руб., 3-го по 150 руб. и 4-го по 100 руб. за каждый мѣсяцъ пилки.

Въ 1807 году оставлены въ дѣйствіи только 12 заводовъ, прочіе уничтожены. Оставленнымъ заводамъ третьяго и четвертаго отдѣленія увеличена порамная плата по 50 рублей въ мѣсяцъ и отъ этого составилось три отдѣленія.

Въ 1823 году порамная плата еще возвышена, заводы перваго отдѣленія должны были платить по 420 руб. съ рамы, 2-го — по 335 и 3-го — по 250 руб. въ мѣсяцъ. Платежъ этотъ назначенъ на 8 лѣтъ.

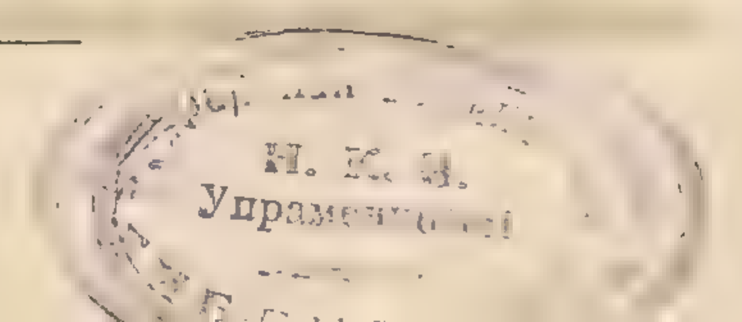
Въ 1825 году для отвращенія замѣченныхъ злоупотребленій велѣно заключить контракты съ заводчиками не менѣе какъ на 10 мѣсяцевъ въ году и предоставить за тѣмъ заводы въ полное распоряженіе контрагентовъ на круглый годъ.

Въ 1830 году, по окончаніи 8-лѣтняго срока, порамная плата еще возвышена; именно — съ заводовъ 1-го отдѣленія назначено брать по 600 руб., 2-го по 500 и 3-го по 350 руб. въ мѣсяцъ съ каждой дѣйствующей рамы и дѣйствіе заводовъ предположено продолжить еще на четыре года; по окончаніи этого срока заключены контракты еще на четыре года.

Лѣсопильные заводы дѣйствующіе за попенныя деньги находятся въ Вятской и Казанской губерніяхъ, а одинъ лѣсопильный паровой заводъ въ Архангельской губерніи.

Для дѣйствія заводовъ Казанской и Вятской губерній Императоръ Александръ I повелѣлъ отвести участки изъ казенныхъ дачъ, въ Казанской по 500 десятинъ, а въ Вятской по 100 десятинъ на каждую раму. Деньги за отпускаемый лѣсъ взыскивались въ два срока: одна половина при выдачѣ билетовъ на рубку, а другая по доставкѣ деревъ къ заводамъ.

Остальнымъ заводамъ предоставлено покупать лѣсъ изъ казенныхъ дачъ по общему порядку или пилить лѣсъ покупаемый у частныхъ лицъ.

Заграничная торговля.

Съ Петра Великаго постановленія о заграничной торговлѣ измѣнялись очень часто и были то въ пользу этой торговли, то противъ нея. Наконецъ Императоръ Павелъ запретилъ въ 1798 году отпускать лѣсъ за границу, кромѣ извѣстнаго числа досокъ для подстилки подъ желѣзо.

Въ 1810 году разрѣшено продавать за границу валежникъ, накопившійся въ десяти смежныхъ съ Пруссіей дачахъ Виленской губерніи.

Въ 1820 году дозволено изъ лѣсовъ Архангельской и Вологодской губерній отпускать ежегодно 50,000 деревъ для распиловки, и отправлять изъ Архангельскаго порта за границу. Въ 1825 году число это увеличено еще на 25,000 деревъ.

Наконецъ въ 1826 году разрѣшена для заграничнаго отпуска продажа лѣса изъ тѣхъ казенныхъ дачъ, въ которыхъ за удовлетвореніемъ мѣстныхъ надобностей окажется излишекъ, особенно въ деревьяхъ годныхъ на мачты, бугшприты и другія крупныя издѣлія.

Лѣсное хозяйство (наука) и лѣсныя училища.

У насъ правила лѣснаго хозяйства явились ранѣе чѣмъ были приготовлены люди могшіе способствовать цѣлямъ правительства. Такимъ образомъ, когда еще ни одного знающаго лѣсничаго не было въ Россіи, Петръ Великій велѣлъ дѣлить заводскіе лѣса на лѣсосѣки, а помѣщикамъ предписалъ разводить въ своихъ дачахъ деревья годныя для кораблестроенія.

Императрица Анна Ивановна обратила на этотъ предметъ еще большее вниманіе; при ней были выписаны изъ Германіи ученые лѣсничіе и для всегдашняго снабженія флота дубомъ предположено разводить корабельныя рощи.

Императрица Екатерина II въ проэктѣ Устава о лѣсахъ, предписывала разведеніе не однѣхъ корабельныхъ рощъ, но казеннымъ крестьянамъ постановлено въ обязанность заса-

живать и засѣвать породами сообразными мѣстности и почвѣ пустопорожнія земли. Въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ, гдѣ не было пустопорожнихъ пространствъ, предписывалось заводить лѣсные разсадники, а для поощренія лѣсоразведенія въ Екатеринославской губерніи и области Таврической ассигновано въ награды 10,000 рублей. Въ проэктѣ Устава о лѣсахъ Россія раздѣлена на три полосы: сѣверную, среднюю и полуденную, а древесныя породы на три разряда: лѣсъ черный, бѣлый и красный; дачи велѣно разбить на лѣсосѣки и назначить въ нихъ обороты рубки сообразныя съ мѣстностью и свойствами древесныхъ породъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указаны правила порядка рубки, распредѣленія лѣсосѣкъ, охраненія и обсѣмененія ихъ.

Павелъ повторилъ эти правила въ своей обер-форстмейстерской инструкціи и увеличилъ ее прибавленіемъ описанія древесныхъ и кустарныхъ породъ растущихъ и могущихъ рости въ Россіи, и изложилъ правила ихъ разведенія. Кромѣ этого въ 1799 году поручено Адмиралтействъ-Коллегіи разводить, на счетъ лѣсныхъ доходовъ, дубовые лѣса по рѣкамъ Невѣ, Волхову, Мстѣ, Ловати, Пашѣ и по другимъ представляющимъ возможность сплава лѣса въ С. Петербургъ и назначено на лѣсоразведеніе взыскивать съ лѣсныхъ матеріаловъ отпускаемыхъ за границу извѣстную сумму въ лѣсной капиталъ назначенный собственно на лѣсоразведеніе.

Императоръ Александръ I относительно мѣръ лѣснаго хозяйства повторилъ въ Уставѣ 1802 года правила данныя Императоромъ Павломъ. Но кромѣ этого указаны были особенныя мѣры для Тульскихъ и Калужскихъ засѣкъ, Погоннаго Лосиннаго острова и еще нѣкоторыхъ дачъ Московской губерніи, также для лѣсовъ Орловской губерніи.

Наконецъ въ 1826 году предположено вводить въ казенныя дачи, постепенно, правильное хозяйство, назначено отпускать ежегодно на лѣсоразведеніе 30,000 руб. ассигн., а для размноженія лѣсовъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической изданы въ 1828 году осо-

быя правила и опредѣлено поселянамъ и чиновникамъ, которые окажутъ болѣе успѣховъ, давать награды.

Первая идея объ учрежденіи въ Россіи лѣсныхъ училищъ проявилась въ докладѣ обер-егермейстера, 1773 года, объ опредѣленіи при Обер-Егермейстерскомъ Корпусѣ десяти ягдъ-пажей, для приготовленія ихъ къ должностямъ егерей и форстмейстеровъ.

Въ 1799 году четверо воспитанниковъ Морскаго Корпуса были отправлены въ Англію для изученія какъ разводятъ тамъ лѣса при королевскихъ рощахъ, снабжающихъ флотъ лѣсомъ. Въ 1800 году учрежденъ форстмейстерской классъ при Морскомъ Корпусѣ для обученія нѣкоторыхъ кадетъ лѣснымъ наукамъ.

Эти учрежденія не могли еще удовлетворять требованіямъ правительства и какъ по уставу о лѣсахъ 1802 года предполагалось учредить «въ надлежащихъ мѣстахъ» лѣсныя училища, то въ 1803 году основано первое училище въ Царскомъ Селѣ, потомъ, въ 1805 году, въ гор. Козельскѣ Калужской губерніи. Въ 1811 году Царскосельское Училище переведено въ С. Петербургъ, переименовано въ Форст-Институтъ, къ нему присоединенъ Лѣсной Институтъ учрежденный въ 1808 году графомъ Орловымъ на Елагиномъ Островѣ, а въ 1813 году переведено въ Петербургъ и Козельское Лѣсное Училище.

Въ 1829 году увеличенъ штатъ Института, измѣненъ планъ ученія и дозволенъ пріемъ пансіонеровъ. Для приготовленія межевщиковъ для съемки казенныхъ земель и лѣсовъ, учреждена при Институтѣ, въ 1832 году, Школа межевщиковъ. Наконецъ для практическаго образованія воспитанниковъ, выпускаемыхъ изъ Лѣснаго Института, основано, въ 1834 году, въ Лисинской казенной дачѣ С. Петербургской губерніи, Учебное Лѣсничество.

Кромѣ изложенныхъ выше лѣсныхъ узаконеній, служившихъ для всѣхъ казенныхъ лѣсовъ Имперіи, явились мѣстности, представляющія въ этомъ случаѣ исключенія. Сюда принадлежатъ Курляндія, Бѣлостокская область и Сибирь.

Управленіе лѣсами Курляндской губерніи.

По присоединеніи Курляндіи къ Россіи, лѣсное управленіе оставлено въ ней въ томъ видѣ какъ оно было при герцогахъ. Въ 1795 году главное завѣдываніе лѣсами возложено на состоявшаго въ Казенной Палатѣ директора экономіи, а въ 1797 году на обер-форстмейстера.

Въ 1803 году для обозрѣнія лѣсовъ Курляндіи и узнанія въ точности правъ данныхъ герцогами разнымъ сословіямъ и составленія штата Курляндскому лѣсному управленію, былъ командированъ совѣтникъ Лѣснаго Департамента. По разъясненіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ особо наряженной коммисіей, составленъ уставъ для управленія лѣсами Курляндской губерніи, который и утвержденъ 11 ноября 1804 года.

Управленіе лѣсами Бѣлостокской области.

Въ 1807 году былъ командированъ для устройства Бѣлостокской области сенаторъ Тейльсъ. Имъ составлено положеніе объ управленіи областью и лѣсное. Завѣдываніе лѣсами поручено обер-форстмейстеру, а въ 1832 году онъ переименованъ въ старшаго лѣсничаго и все лѣсное управленіе присоединено ко второму отдѣленію Бѣлостокскаго областнаго правленія.

Относительно устройства лѣсовъ области издано въ 1809 году для обер-форстмейстера особое наставленіе, а въ 1828 году составлена для области особая такса.

Управленіе лѣсами Сибири.

Въ 1799 году обер-форстмейстеры и форстмейстеры бывшіе сначала въ Сибири упразднены, потому что край очень богатъ лѣсами и не представлялъ никакой возможности доставки корабельныхъ деревъ къ адмиралтействамъ. Форстмейстеръ оставленъ только въ Иркутской губерніи для надзора за лѣсами растущими по Охотѣ, Ураку и другимъ, потому что лѣса эти могли идти на постройки

судовъ для Охотскаго моря. Но въ 1821 году должность эта упразднена, потому что не было ни какихъ причинъ бояться за истребленіе лѣсовъ, и слѣдовательно не было ни какой необходимости въ надзорѣ за ними.

Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ управленія въ Сибири, казенные лѣса, за исключеніемъ принадлежащихъ Колыванскимъ и Нерчинскимъ заводамъ, поручены завѣдыванію Казенныхъ Палатъ.

КОНЕЦЪ.

2007043091